

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

**ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ВЫПУСК 5

**ТУЛА
2015**

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)
К 25

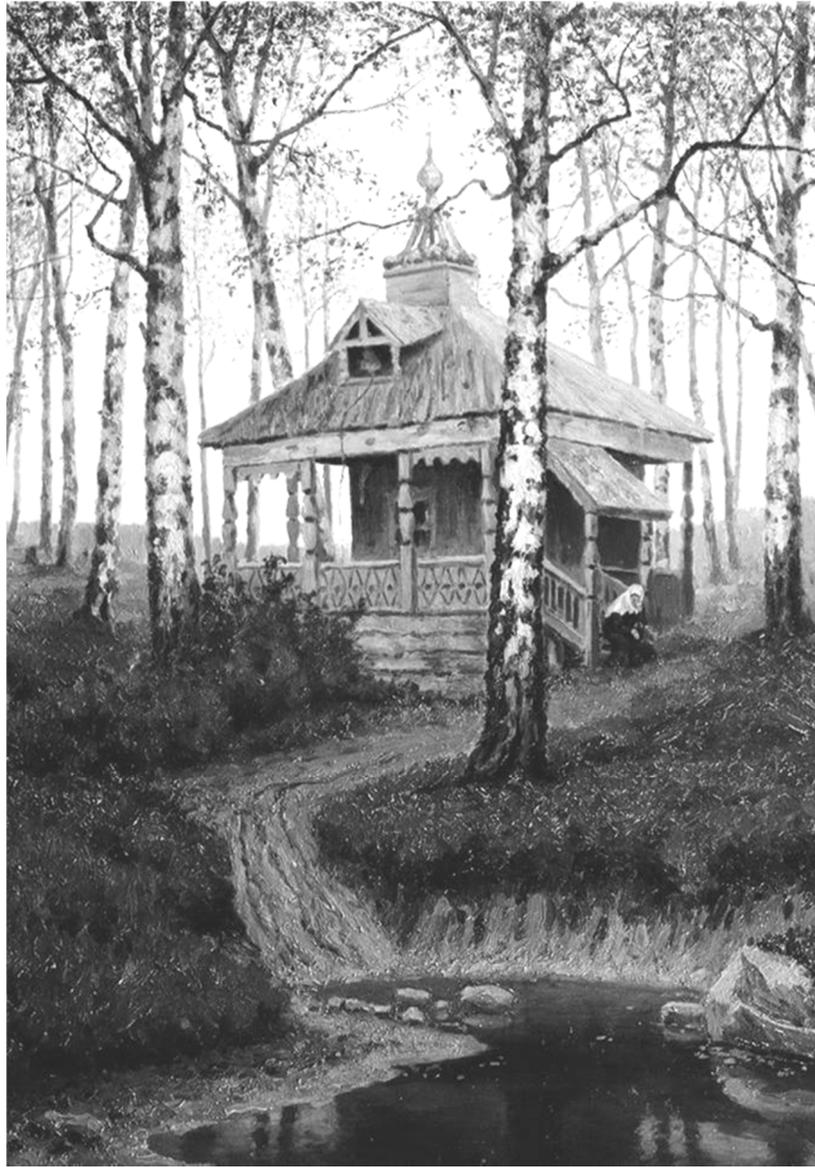
Альманах «Ковчег»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-7679-2336-6

В альманах «Ковчег» вошли стихотворения и рассказы, притчи, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы, песни, а также произведения о детях и для детей разного возраста для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Союза российских писателей и других. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В альманахе представлены авторы из Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары, Тольятти, Красноярска, Братска, Алексина, Щекино, Донского, Серпухова, Горно-Алтайска, Мончегорска, Волгоградской области, Дании и Болгарии. Объединяет же всех — любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей.

© Авторы, 2015
© Шафран Яков Наумович, идея,
составление, оригинал-макет,
оформление, 2015
© Журнал «Приокские зори», 2015
© Издательство «Папирус», 2015

ISBN 978-5-7679-2336-6

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

Святейший Патриарх Кирилл

СЛОВО НА ОТКРЫТИИ XVIII ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА

**В Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя
в Москве 11 ноября 2014 года**

Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемый Александр Дмитриевич, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры!

Мы собрались в тревожное время, когда в разных регионах планеты мирная жизнь поставлена под угрозу, когда люди гибнут от рук экстремистов на Ближнем Востоке, а междоусобный конфликт полыхает в самом сердце исторической Руси — на Украине. 2014 год открыл новую главу во всемирной истории, главу сложную, драматическую, ознаменовавшую окончание того, что условно можно назвать «постсоветским миром». Этот мир оказался хрупким. В нем не сложилось устойчивого порядка, основанного на взаимопонимании и взаимном уважении людей, относящихся к разным культурам и цивилизациям. Те, кто считает себя победителями в холодной войне, внушают всем, что определяемый ими путь развития — правильный и более того, единственно возможный для человечества. Доминируя в глобальном информационном пространстве, они навязывают миру свое понимание экономики и государственного устройства, стремятся подавить решимость отстаивать ценности и идеалы, отличные от их ценностей и идеалов, связанных, как мы знаем, с идеей потребительского общества.

В этой исторической ситуации мы должны как зеницу ока хранить единство нашей страны, созданной и завещанной нам предками. При этом нельзя ни на минуту забывать, что это единство не может быть обеспечено лишь силой. Его надежной основой в первую очередь должна быть духовная и нравственная общность живущих в стране людей, общность ценностей.

Единство народа неразрывно связано с единым пониманием его истории: с почитанием общих героев, с сохранением общих памятников, с общим торжеством в годовщины побед и с общей печалью в годовщины трагедий. При этом мы также признаем необходимость поиска и дискуссий для достижения согласия в интерпретации тех или иных событий прошлого, оценки исторических фигур.

Народ, разделившийся в понимании своей истории, становится неспособным сохранить единство. Единство и традиция как сила, пере-

дающая, в том числе, ценности и культурный код нации, являются неперенным условием того, чтобы общество в любой исторический период сохраняло свою целостность и единство. Такое трагическое разделение, происходящее тогда, когда люди теряют общее понимание своей истории, ведущее к расколу и провоцирующее гражданский конфликт, мы наблюдаем сегодня на Украине. Поэтому вопрос единого подхода к истории, вынесенный в название нашего Собора, надо рассматривать не как частный вопрос, не как проблему одной из научных дисциплин — как преподавать историю в школе, но как чрезвычайно важный вопрос государственного и национального бытия. Давайте все об этом задумаемся. Это проблема, которая должна решаться не только в рамках Министерства образования. Мы все должны принимать участие в обсуждении этих решений, чтобы не нанести через систему образования такой ущерб народной жизни, который потом будет очень тяжело и, может быть, даже невозможно исцелить.

Сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески критикуя значение других периодов. Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего кроме гонений на Церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого — лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость.

На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Черно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искаженную и разорванную картину истории, распадающейся на отдельные куски, подобно разбитому зеркалу. Нельзя повторять ошибки тех, кто по меткому выражению Александра Зиновьева, «целился в коммунизм, а попал в Россию».

В любые времена, несмотря на все реформы, революции, контрреволюции, Россия сохраняла свою цивилизационную основу. Менялись модели государственного устройства, титулатура правителей, привычки правящих классов, но русское общество, русские люди сохраняли свою национальную идентичность.

Любовь к родине, чувство братства и чувство долга, готовность положить «душу свою за други своя» одинаково характерны для героев Куликова поля, Бородина и Сталинграда. Эти же свойства национального характера отличают большинство русских людей сегодня. Именно благодаря этим свойствам, как писал социолог Питирим Сорокин, «русская нация смогла защитить себя, свою независимость, свободу и другие великие ценности».

Единство исторического сознания должно поддерживать стремление преодолеть социальные распри. Навсегда должна остаться в про-

шлом имущественная пропасть между «барином» и «мужиком», как бы барин и мужик не назывались сегодня. Это та пропасть, которая до начала XX века отличала дореволюционную Россию и становилась источником социального напряжения. Точно также недопустимо и повторение антирелигиозных гонений, преследование людей за мирно выражаемые убеждения, подавление гражданских свобод.

Однако нельзя соглашаться с теми, кто сводит нашу историю к одним лишь тяжелым и мрачным страницам. Подобные эпизоды были и в истории соседних цивилизаций. Даже такой радикальный западник как Петр Чаадаев, видевший в нашем прошлом только «тусклое и мрачное существование», говорил, что «у России не одни только пороки, а среди народов Европы — не одни только добродетели».

Великий же русский писатель и религиозный мыслитель Федор Михайлович Достоевский писал: «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, до которой он может подняться, когда придет к тому срок».

Что же можем сделать мы, чтобы подняться к этим духовным высотам? Думаю, что мы должны взять из различных исторических периодов все по-настоящему значимое и ценное. Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX-го, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии «правые-левые». Синтез, который можно описать формулой «вера — справедливость — солидарность — достоинство — державность».

Государство, созданное на базе такого синтеза, в полной мере будет отражать идеалы библейских заповедей, лежащих в основе всех истинных представлений об этике, о должном и не должном. Опираясь на заповеди «не убий», «не укради», «не лги», «не прелюбодействуй», оно сможет решительно подавить организованную преступность, коррупцию, индустрию разврата и растление молодежи. Оно будет способствовать укреплению связи между свободой личности и ответственностью, гражданской самоорганизации народа, построению солидарного общества, о котором много говорилось с трибуны Всемирного русского народного собора. Оно обеспечит гражданам максимум социальных гарантий, создаст пространство равных возможностей для людей из разных регионов, социальных слоев и профессиональных

групп. Добьется стремительного развития науки, передовых технологий даст второе дыхание тем сферам, где мы традиционно лидировали. Наконец, такое государство создаст оптимальные возможности для жизни традиционных религиозных общин, для передачи духовного наследия наших предков будущим поколениям.

Платформой для упомянутого синтеза должно стать единство культуры, непрерывно и преемственно развивавшейся на протяжении всей тысячелетней русской истории. Впитанные русской культурой христианские идеалы светили на всех крутых поворотах нашего исторического пути, как путеводная звезда перед волхвами. Они не дают сбиться с дороги и сегодня. Поэтому важнейшим залогом сохранения единства нашей страны и нашего народа необходимо признать сохранение базовых и объединяющих нас ценностей классической русской культуры и укрепление ее духовного первоисточника — православной веры.

Говоря о духовных скрепах нашего единства, мы не имеем право забывать, что главным творцом отечественной культуры является русский народ. При всей открытости нашей культуры, при всей разумной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем. На осознании этого факта должна строиться культурная политика государства, стремящегося к сохранению своего единства.

Очень важным также является поддержка традиционных религий России и существующих в стране национальных меньшинств, представители которых вносят свой значительный вклад в общенародное дело — укрепления экономического, политического и культурного процветания нашей страны. Для всех народов России их страна — это их родной дом, другого нет. А потому каждый народ должен чувствовать себя по-настоящему дома, в безопасности, в доброжелательном окружении многонационального общества.

Судьба же русского народа, его благополучия, его целостность, зрелость его самосознания должны быть признаны ключевыми факторами в сохранении духовного и политического единства России. Пренебрегать этим сегодня — значит разрушать государство, закладывая под него мину замедленного действия.

Между тем, именно это происходило в сфере национальной политики в 1990-е годы, когда группой ученых и политиков постулировалось искусственное противопоставление «русского» и «российского». В то время чиновники получали неафишируемые указания не использовать в публичных выступлениях и официальных документах слово «русский», как якобы ослабляющее единство нации.

И сегодня, к сожалению, можно слышать заявления о том, что русский народ неоднороден, что его единство является фикцией, а также о существовании новых, не известных ранее наций, таких, к примеру, как «поморская», «казачья» или «сибирская».

За попытками исключить употребление слова «русский» просматриваются идеи, которые уже давно показали свою безжизненность на Западе, где все сильнее звучат голоса, призывающие отказаться от мультикультурализма и теории «плавильного котла». Напротив, необходимо утверждать право народов и религиозных общин на свою идентичность. Таким правом, безусловно, обладает и русский народ, вокруг которого формируется российская нация, российская цивилизационная общность. При этом все народы страны должны иметь возможность раскрывать свою самобытность и мирно договариваться о правилах совместной жизни в рамках общей многонациональной русской цивилизации.

Наш великий мыслитель Николай Яковлевич Данилевский, основатель цивилизационного подхода к изучению истории, писал: «Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, возможной многосторонности существования». Необходимо еще раз ясно и четко обозначить принципиальный момент: для того, чтобы граждане России жили в мире и согласии друг с другом, они вовсе не должны отказываться от своей национальной памяти.

Но и на пути сохранения этой памяти могут возникать и, к сожалению, возникают достаточно болезненные и опасные явления. К такому относятся попытки конструировать псевдорусские языческие верования. С одной стороны, это крайне низкая оценка религиозного выбора русских людей, тысячу лет живущих в лоне Православной Церкви, а также исторического пути, пройденного православной Русью. С другой стороны, это убежденность в своем личном и узкогрупповом превосходстве над собственным народом. Это очень опасное заблуждение, потому что человек, подчинившийся гордыне, готовит себе личную трагедию. Вместе с тем мы должны понимать, что корни описанного явления произрастают не только из внутренних особенностей отдельных личностей, но имеют общественные причины.

В этом случае приносит свои печальные плоды тенденция игнорирования значения русского народа, ревизия русской истории, пик которой пришелся на те же самые 90-е годы прошлого века, и которая сумела если не подорвать окончательно, то серьезно расшатать веру в свой народ и в свою страну у многих соотечественников. Эти люди были вынуждены искать новое мировоззренческое пристанище: либо

за границей, либо в фантастических мирах, связанной с заново выдуманной национальной или религиозной группой. Насколько надорвано должно было быть национальное сознание, в каких пещерах мысли и духа оно должно было оказаться, чтобы кто-то, считая себя носителем русской национальной идеи, отказался от святых и героев родной истории, от подвига своих предков, и сделал своими кумирами нацистов и их приспешников?

В связи с этим очевидно, что должны измениться подходы к молодежной политике. Не стоит исключать из нее русского и православного фактора. При этом нужно работать не только с богатыми и благополучными юношами и девушками, проживающими в мегаполисах и ориентированных на карьеру и успех. Нужно искать методы взаимодействия с так называемой «уличной» молодежью. С теми, кто отличается юношеским максимализмом, кто тяготеет к сплоченным подростковым сообществам, кто остро переживает дисбаланс в вопросах социальной политики и в межнациональных отношениях. Отметим, что Всемирный Русский Народный Собор предпринимает правильные шаги в этом отношении. К примеру, акции исторической памяти «Быть русским» на территории исторического городища Старая Рязань, проведенная совместно с лидерами футбольных болельщиков, получила позитивный резонанс именно в неформальных молодежных кругах. Молодые люди, которые за версту распознают казенщину и фальшь, с открытой душой поддержали социальный проект, организаторы которого не побоялись заявить о своей русской православной идентичности.

Хотелось бы, чтобы такие подходы вошли в повседневную практику центральных органов власти, региональных и муниципальных администраций, стали позицией СМИ. Чтобы люди, отвечающие за вопросы национальной политики, осознали: русский народ является не то, что полноправным, но важнейшим субъектом национальных отношений в России, и его национальные интересы должны не игнорироваться, а с максимальным вниманием учитываться для достижения гармонии с интересами других национальных общин. Очень важно, чтобы в элитах возникло понимание того, что подлинное русское национальное самосознание, основанное на нашей культурной и религиозной традиции, не угрожает целостности России и межнациональному миру в ней, а наоборот — выступает главным гарантом единства страны и дружбы между ее народами.

Справедливости ради нужно отметить, что ситуация в сфере межнациональных отношений за последние годы значительно улучшилась.

Важные перемены, открывающие возможность русского возрождения, восстановления национального самосознания и достоинства, про-

исходят как благодаря ответственной позиции руководства страны, так и благодаря долгим усилиям миллионов людей, хранивших верность нашему историческому выбору и отстаивавших право наследования ему.

Сказанное, однако, не означает, что проблемы уже преодолены. Нашей стране, всем ее народам и, в первую очередь, русскому предстоит предпринять немалые усилия, чтобы проторить достойный путь в будущее. И я надеюсь, что Всемирный Русский Народный Собор внесет в это свой вклад, способствуя единению всех русских людей и выражая их подлинные чаяния и убеждения.

Благодарю за внимание.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

ПОЭЗИЯ

ВИКТОР ПАХОМОВ
ТАМАРА БУЛЕВИЧ
ВИКТОРИЯ ТКАЧ
ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
АННА БАРСОВА
ИННОКЕНТИЙ МЕДВЕДЕВ
ЯКОВ ШАФРАН
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
ТАТЬЯНА ШЕЛЕПИНА
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ
СЕМЕН ГОНСАЛЕС
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
ИГОРЬ БОРОНИН
СЕРГЕЙ РЕЗВЯКОВ
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
ВЛАДИМИР ПАШУТИН
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ОЛЬГА ЕВСЮКОВА
СЕРГЕЙ РЕДКОВ
КИРИЛЛ ПРУДКИЙ
ВЛАДИЛЕНА СТАНИСЛАВСКАЯ
ЭЛИНА ИВАНОВА
СТАНИСЛАВ ВОРОНЦОВ

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
МАРК ДУБИНСКИЙ
ВАНЯ АНГЕЛОВА
ВАДИМИР ТРУСОВ
СЕМЕН КРАСНОВ
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА
ОЛЬГА ВАСИЛЕНКО-КРАСНИ
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
ГАЛИНА ЛЯЛИНА
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
ВИКТОР ИВАНОВ
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
СВЕТЛАНА ЛЮКШИНА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ЕКАТЕРИНА КАЮРОВА
ВАЛЕНТИНА БЕЛЕВСКАЯ
КИРА КРУПСКАЯ
ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ
ВАЛЕНТИНА КАРПОВА
АЛЕКСАНДР КАРПОВ
ВАЛЕНТИНА ДИНЕСЮК

Виктор Пахомов

(г. Тула)

Виктор Федорович Пахомов – член СП России, ответственный секретарь Тульской писательской организации. Автор 9-ти стихотворных сборников, коллективных сборников, альманахов, антологий, хрестоматий. Составитель и редактор многих изданий. Засл. работник культуры РФ, Академик ПАНИ, Почетный гражданин города-героя Тулы.

ПОЭТЫ

Любовь к мундиру свята.
К чему здесь царский Двор?
Но этот лоб Сократа,
Но этот взгляд в упор?
Во всем на грани риска:
Ты смог, подставив грудь,
Поэзии российской
Достоинство вернуть!
Гордиться? Чем гордиться?
Нет! Это все — не то!
За Пушкина вступиться
Сумел тогда бы кто?
Из бабушкиных ручек
Взмыл удивлять века
Лейб-гвардии поручик
Тенгинского полка!
Немыслимая зрелость,
Бесстрашие ума.
Вмешалась — так хотелось —
Поэзия сама!
Глядишь ты неотрывно
Из время своего,
Где горе неизбывно:
Россия без него!

Того, с кем сердцем слился,
Открыто потому,
Того, кому молился,
Как Богу самому.
Идут, судеб на стыке,
В избытке новых сил,
И Александр Великий,
И Славный Михаил.
Спешат на зов прогресса
Как прежде предьявить,
Что никаким Дантесам
Их не остановить.
Пусть к бедам и победам
Не привыкать нам стать.
И тот, идущий следом,
Нас не заставит ждать!
Не торопись с ответом,
Идя на бордаж.
Похоже, был поэтом
И сам зиждитель наш!
Где огненная гласность
Свой расширяет круг,
Там пушкинская ясность,
Там лермонтовский дух!

Валерий Савостьянов

(г. Тула)

Савостьянов Валерий Николаевич (род. 2.09.1949, д. Сергиевское Болоховского, ныне Киреевского, района Тульской области), поэт, эссеист, публицист, член Союза писателей России (1997), член Международного Литературного фонда (2007), член Международной Гильдии писателей (2014). Ветеран труда (2011). Автор 10 книг. Лауреат многих международных и всероссийских премий, конкурсов и форумов. Награжден Почетными грамотами: Министерства культуры Российской Федерации (2010), Союза писателей России (2010), многими другими грамотами, дипломами, благодарственными письмами, юбилейными памятным медалями.

ДЕВУШКА СТОЯЛА У ПРИЧАЛА

Девушка стояла у причала
В деревеньке маленькой тверской.
Посмотрел — и песня зазвучала:
Не встречал нигде красы такой.
Не встречал очей таких небесных,
Нежного прелестного лица,
Не встречал волос таких
чудесных,
Что достойны царского венца.
Шел загар ей,
Шел ей ситец пестрый,
Шла ей селигерская вода.
И с тоской пронзительной
и острой
Понял: вновь не встречу никогда.
Никогда — очей таких небесных,
Нежного прелестного лица,
Никогда — волос таких чудесных,
Что достойны царского венца.
Не Москва — глухие деревушки

Сохранят, как тайные скиты,
Как свои заветные церквушки,
Нашей Богородицы черты...

ПОЛЯ ОЗИМЫХ

Из ранних сумерек,
Незримых
Потемков детства моего
Поля осенние озимых
Являются, как волшебство,
Как сладкой взрослости загадка,
Одна из тайн,
Одна из вех,
Где неожиданна и кратка
Жизнь, уходящая под снег!
Что это:
Страшное коварство,
Где, убивая, не убьют
И где, подмешанный в лекарство,
Яд, как снотворное, дают? —
Или прообраз Воскрешенья,
Где новый стебель

И жнивье,
Где муки бывшие,
Лишенья —
Во благо, все-таки, твое?..

САД

Людмиле

В комнате, где на обоях
Майский яблоневый сад,
Сыновей твоих обоих
Фотографии висят.
Сад немножечко увядший —
Поцвети-ка двадцать лет!
Дима — старший,
Саша — младший.
Саша — грустный,
Дима — нет.
Дети маме не клянутся,
Как избранницам своим,
И когда они вернуться
В сад свой —
Знать лишь им двоим
Да еще, наверно, Богу,
Что весеннею порой
Выбрал каждому дорогу.
Каждый — первый!
Не второй!
Нет ни младших и ни старших —
Крест неси!
А нету сил —
Здесь не жалуют уставших,
Не берут их на буксир.
И никто не удивится,
Коль, теряя аппетит,
Оптимист, что веселится —
Вдруг однажды загрустит.
Полосатой зебры принцип

Бог включает!
Разрешит —
Пессимист веселым принцем
Несмеяну рассмешит!..
Так, работая на Даче,
Называемой Землей,
Ставит Бог свои задачи
Перед каждой семьей.
И относится, не скрою,
К нам, к Его ученикам —
Как садовники к подвою,
К новым саженцам, к дичкам.
Все мы — славная рассада:
Каждый уникал, гибрид.
Но не зря — во имя Сада —
Хлам в костре Его горит!
Коль душа не станет храмом,
Не вкусит небесных сот,
Тело Он считает хламом —
Выкорчевывает сорт!
Обижать ли, обожая? —
Но селекцией садов
Повышают урожай
И изысканность плодов...

ПОМОЩНИК

Торопясь, повязала косынку,
Нас прижав на прощанье к груди:
«Остаешься за старшего, сынку!
На тебя я надеюсь, гляди!
Я — на смену, а вам — пообедать,
Не устраивать глупой возни,
И на речку, смотрите, не бегать!
Постараюсь вернуться к восьми...»
Мы обедаем. Щи ее вкусны.
И сестра попросила: «Подлей!».
В пять отец возвратится

из кузни —
Ждать спокойнее с ним, веселей.
А пока что сестру-капризулю
Накормлю и стихом ублажу,
И, как мама велела, разую,
И до вечера спать уложу.
И, затеяв уборку и стирку,
Замочу я в корыте белье...
«Остаешься за старшего,
сынку!» —
Зацепилось за сердце мое!

МАТУШКА РОДИМАЯ

«Матушка родимая,
матушка родная,
За окном не светят звезды,
в поле — мгла ночная.
Как пойдешь ты на дежурство
ночью по проселку,
Что ты скажешь —
слышишь: воет! —
встретившему волку?»

«Воевода волчьей рати,
Впереди вся ночька —
А меня пусти ты ради
Малого сыночка!..»

«Матушка родимая,
матушка родная,
Кое-где мерцают звезды,
в поле — тьма ночная.
И мерцает лед проселка
красной лунной медью.
Что ты скажешь злому зверю,
Шатуну-медведю?»

«О, дремучих чащ хозяин,
Я прошу отсрочку —
Скоро выпускной экзамен
Предстоит сыночку!..»

«Матушка родимая,
матушка родная,
В облаках сверкают звезды,
в поле — жуть ночная.
По проселку ходят в дымке
Люди-невидимки.
Что ты скажешь джентльменам
кистеня и финки?»

«Атаман Пивная Бочка,
Чем я вам мешаю?
Завтра свадьба у сыночка —
В гости приглашаю!..»

«Матушка родимая,
матушка родная,
Празднично сияют звезды,
тает мгла ночная!
По проселку Белый Ангел
мчит, включив сирену.
Не ходи, — не надо, мама, —
в эту "Третью Смену"! !

«Белый Ангел, стой!
Ни звука!!
Дай дожить мне ночьку —
Окрестить мне утром
Внука
Дай помочь
Сыночку!..»

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Служила ты нам самобранкою —
скатертью,
За волей и песнею шли мы в поля.
Я пасынком не был — но звал
тебя матерью
Скорей по привычке, родная
земля.
В то время, когда еще бегал
с рогаткою,
С душой неболящей, наивной,
святой,
Не мамой, не бабушкой даже —
прабабкою
Была мне и всей пионерии той...
О терн, о стерню мои ноги
исколоты,
Душа тяжелела и зрела, как плод,
И бабкой, родная, мне стала не
скоро ты:
Я помню тот гроб,
тот студенческий год.
На детство далекое, юность
туманную
Сквозь слезы гляжу, постигая
судьбу:
Чем нужно платить, чтобы стала
ты мамою? —
Сокровищем сердца
в хрустальном гробу!..
И с каждой потерей все ближе,
дороже ты.
Никто не оспорит сегодня: ты —
мать!..
Когда будут годы последние

прожиты,
Родная, скажи, как тебя называть?

ЯБЛОНЬКА

Когда тебе кажется:
Уж ничто не обрадует —
Все видел ты,
Все оценил,
Яблоки спелые съедаются —
И падают
Семечки из сердцевин.

Ты их с пола сметаешь веником,
Уносишь с мусором в бак.
Птицы голодные
Кружат над сквериком,
И рыщут свора собак.

И сразу же
Все доклевано, догложено:
Ни косточек, ни зерен, ни крох.
Одно лишь семечко
Крылом отброшено
Под камень —
Так хочет Бог!..

На жизнь бесцельную,
На долю горькую
Ты ропщешь: мол, нету сил.
Но знает Он:
Яблоньке — цвести над помойкою!
И ты — то ведро выносил.

Тамара Булевич (г. Красноярск)

Булевич Тамара Анатольевна родилась в Казахстане в казачьей станице Пресногорьковской. Писатель, поэтесса. Член СП России, член МСП «Новый Современник». Дважды лауреат литпремии с вручением золотой медали им. К. Симонова, лауреат «Московского Парнаса» («Проза», 2007 г.), премии журнала «Лауреат» («Проза», 2008 г.), международного литпортала «Что хочет автор» («Проза 2009 г.»), лауреат Независимого литагентства «Московский Парнас» (Проза, 2007 г.). За роман "Горячие тени" и повесть "Плач рябины удостоена соответственно Золотого диплома и медали, Диплома "Уникум" и медали на Лейпцигской книжной ярмарке в 2015 г.

ДАЙ, БОЖЕ!

Дай, Боже, дай моей стране
родной,
Духом свободы, православной
верой
Наполниться до горсточки
земной,
До зернышка и до росинки
белой.
Дай плодоносить всем ее лугам,
Всем хлебородным нивам,
рыбным рекам.
Дай силы создающим рукам
И неземной любви для человека.
О, Боже! Заступись за россиян!
Да ниспошли нам премудрости
щедрот,
Покоя душам дай, избавь от ран, –
И возродится Твой праведный
народ!
Дай, Боже, страдальце России
С верой принять небес
Предназначенье
И стать великой под небом
синим,
Да неприступной Высшим пове-
леньем.

Дай, Боже, дай моей стране
родной,
Духом российским,
православной верой
Наполниться до горсточки
земной,
До зернышка и до росинки
белой.

«НЕ КАСАЙСЯ ДУШИ»

Не касайся души ты огнем
запоздалым,
Чувств моих не тревожь
нежным, белым крылом.
В зябкой выси небес, ты поверь,
я устала,
А взлететь в синеву мы
не сможем вдвоем.
Губ моих не буди ветерком
поцелуя
У игривых берез на крутом
берегу.
И в объятьях твоих утонуть
не могу я...
Ветер гасит свечу
на продрогшем снегу.
Не касайся руки – она

в трепетной дрожи,
Словно ветка омель в раскатах
грозы.
И плененное сердце с тобой
быть не может,
Сердце помнит тебя сладким
звоном росы.
Отгони наши сны, пусть они
не волнуют
Ни безумьем ночей, ни тоской
пылких грез –
Облака! Унесите любовь
неземную
И верните тому, кто ее мне принес.
Не касайся любви, пощади ее

память,
Сказку ласковых зорь
в светлоликой тиши...
Отболит и угаснет осеннее пламя,
Стылой каплей дождя ты к нему
не спеши.
Не зови, торопя, в занебесное
счастье:
С тех высот упаду в синь
тревожной реки,
И настанет пора навсегда
распростаться.
Твои розы роняют в ладонь
лепестки...

Марк Дубинский

(г. Тула)

Родился в г. Лубны Полтавской обл. Служил офицером, работал мастером и инженером. Член СПР, руководитель ЛИТО «Пегас» при ТО СПР. Автор 3-хтомника стихов и рассказов, романа «Наследники «Бога войны». За патриотизм в творчестве награжден медалью «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова». Награжден медалями СССР.

ЛЮБОВЬ.

Блеснула ярко, словно
в сновиденье, –
На белом снеге розовый ответ...
Твоя улыбка мягкой полутенью
Как будто бы дала уже ответ;
И мой вопрос, угаданный во взоре,
Повис в пространстве,
не задев очей;
И ярких радуг пламенные зори
Мне вспыхнули сиянием лучей.
В отсветах этих ярких полыханий,
Что магнетизмом согревали нас,

Мы не сумели утаить желаний
И отвести свой взор от наших глаз.
И наши руки, словно
в заблужденье,
Переплелись магическим узлом;
И хлынувшее в сердце наслажденье
Сердца скрутило словно на излом.
И, повинувшись этому влеченью,
Припав губами к трепетным губам,
Отдались мы любви своей
теченью,
Забыв дорогу к дальним берегам.

Виктория Ткач (г. Тула)

Заведующая Домом-музеем В.В. Вересаева. Член Союза российских писателей. Автор семи поэтических сборников. Имеет публикации в литературных журналах и альманахах Тулы, Тульской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Люблина (Польша). Дипломант литературной премии «Золотое перо Тулы», дипломант Международного поэтического конкурса «Цветаевская осень». Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева.

Всматриваюсь пристально
и робко,
Взрослым осознанием греша, –
Что в тебе осталось от ребенка,
Грустная усталая душа?
Мир привычно мудрствует и
старит,
Но, спасая жизненную суть,
Солнце, золотой воздушный
шарик,
Не позволит сердце обмануть!
Улыбаюсь чуду, узнавая,
И взлетает выше облаков
Не птенец, а светло-птичья стая
Из по-детски искренних стихов.
Глупое ребячество! Но все же
Отрицаю будней круговерть –
Строчками, что мне всего
дороже,
Чтоб крылато небом молодеть!

Я баюкаю ночь, словно
Богомладенца,

И в дороге волхвы, и звезда
высока,
И от тонкой свечи успеваешь
согреться
Вся небесная, млечная
бездна-река.
Этот омут – без дна.
Это время рожденья,
Когда шепот и крик – из одной
тишины.
Я баюкаю ночь, и сплетаются
звенья
Голосов и шагов, и деяний
земных.
Ты не плачешь пока.
Знать и верить – два чуда,
От которых душа неприкаянным
сном
Отправляется в путь, отвергая
рассудок,
За сутулящим плечи тяжелым
крестом.
Чернога за спиной.
Молчаливей и строже

Ваня Ангелова

(г. Велико Тырново, Болгария)

Болгарская поэтесса Ваня Христова Георгиева-Ангелова из города Велико Тырново родилась в городе Червен бряг 15 декабря 1967 г. Ее литературный псевдоним Ада Меропе Никополис Ад Йструм. В 1985 году она окончила среднюю русскую школу "Васил Каравасилев" в городе Плевен. В 1988 году проходила курс специализации в Московском институте "Александр Сергеевич Пушкин". В 1992 году получила диплом о высшем образовании в Великотырновском университете имени Святых Кирилла и Мефодия.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Я живу в красивой русской сказке.
Волшебства мелькают за окном.
Дни и ночи ездят на коляске.
Нету зла в краю моем родном.
Я тобой придумана, принцесса.
Ты, Иван-Царевич, мой герой.
Тайну заколдованного леса
вместе разгадаем мы с тобой.
Да, судьба родного государства
нам не безразлична никогда,
и на фоне сказочного царства
вспыхнула прекрасная звезда.
Трон твой знатный, милый, не
потерян.
Ты ведь любишь дочку короля.
Розами везде порог усеян.
Вот пред нами сонные поля...
Вырвалось порывистое ржание
из груди крылатого коня.
Поднимаем тост за возмужание.
Дай мне, жизнь, свободы и огня!
Дай мне поцелуи, дай мне счастья,

мой Иван-Царевич, до утра.
Падают рябиновые листья.
Песни льются ночью у костра...
Будем петь, не думая про завтра.
Смолкнут звуки в грустной
тишине.
Чтобы ощутить дыханье ветра,
надо с ним побыть наедине.

НОВЫЙ ВАВИЛОН

Сумерки обнимут ночь, как прежде.
Смерть туда поехала верхом.
Будь со мной, усталая надежда!
Встретит нас здесь Новый Вавилон.
Буйствуют предчувствия заката.
Кто получит власть, любовь
и трон?
Сны мои – как горькая утрата!
Мчится серебристо-белый конь,
в память и во время окунаясь.
Царь открыл стремительный
огонь.

Миг разносит крики, доверяясь
совести всех. Новый Вавилон!
Грустные забытые объятия...
Долго им придется еще ждать.
Дева молодая в красном платье
принца поцелует. Ах, опять
строго смотрят страшные кумиры!
День застыл... Языческий
поклон...
Кружатся виденья полумира,
Новый-Старый, вечный Вавилон!

КОНЕК-ГОРБУНОК

Будешь ты моим лучшим
товарищем.
Там вдали вновь горит огонек.
Не хочу становиться
посмешищем.
Ты со мной, мой горбатый конек.
На земле притаились чудовища.
Приходи в мой ночной балаган!
Знай, дружок, не нужны мне
сокровища,
и за них я тебя не отдам!
Достают меня сплетни и сплетницы!
Уставала от жизни не раз.
И судьба – моя лучшая крестница...
Подарю ей стихи в добрый час.
В них приснится мне принц.
Царь-девица я.
Мой Иван вдруг раскинет шатер.
Ночью я убаюкаю рыцаря
и любви вспыхнет жаркий костер.
Во дворце весь народ нас
приветствует.
Загремел русский свадебный пир.

Пусть удача везде нам сопутствует
и всегда будет царствовать мир.
Будь моим самым лучшим
товарищем.
Ветерок развеивает платок.
В моем времени не умирающем
чудо ты, мой конек-горбунок.

БУДУ ПОМНИТЬ

*„Ты краски дал,
что стали мне судьбою!”*
Марк Шагал.

Веду борьбу давно сама с собою
повсюду, и не буду размышлять.
„Ты краски дал, что стали мне
судьбою”,
и жизнь ни в чем не буду
упрекать.
В ответ скажи, что все теперь
в порядке
и звезды снимешь скоро с высоты!
Гуляют наши дети на площадке.
Так много в моем сердце
доброты...
И я хочу, и очень я надеюсь,
что наши дни продлятся долго
здесь.
Хорошей и влюбленной в миг
являюсь.
На свете мало золотых чудес
и ими дорожите под луною,
не только раз, не просто иногда.
„Ты краски дал, что стали мне
судьбою”!
Запомню это, милый, навсегда!

Ольга Пономарева-Шаховская (г. Москва)

Москвичка, окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишет с 1998 г. Публиковалась в альманахах: «Истоки», «Озарение», «Ковчег», «Стихо-свет», «Протуберанцы», «Московский Парнас». Автор пяти книг. Подборка стихотворений вошла в Антологию современной поэзии «Созвучья слов живых» (т. 6, изд. «Московский Парнас», 2011 г.). Член Международного сообщества писательских союзов и Союза писателей России. Имеет награды.

ПОЭТЫ ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

**Хосе Агустин
Гойтисоло (Испания)**

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

Мне нравится рассматривать слова,
написанные на листе,
тела их измерять и взвешивать:
сильна ль основа, иль слаба,
строка в небесной высоте.
Словно ремесленник,
придирчиво просматриваю я
текстуру тонкую на свет,
таков процесс работы
в старой мастерской,
там существует свой секрет.
Его начало
в выдувании идеи безупречной,
из бесконечной пыли памяти,
где опыт, скопленный веками,
история, любовь и страсти

человечьи.
Искусство пения
мы взяли от народа,
давайте отдавать хозяину слова,
что льются честно и свободно.

**Карлос Фахардо
Фахардо (Колумбия)**

СЛОВА ОРФЕЯ

Поэты,
мы будем вечными ворами ночи
и рассвета,
грозы и безмятежного покоя
на планете.
Нам раны открывать в душе
любого,
и знать, кем были, и кем сделает нас
слово.

Поэты,
мы чужую боль вмещаем, верно,
как старики поспешность смерти.

Хулио Ираэга Сантос
(Сальвадор)

Карлос Санчес
(Аргентина)

**МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ
ГЕН**

БАЛЕРИНА

Стыдливо
подбирал слова
к тому пустому месту,
где живу:
собаки лают,
на огородах зелена трава,
мужчины двигаются,
как плывут.
Нет ослепительного света,
пустота,
сквозя вдоль улиц,
опоясывает,
в ней слова бесцветны.
За нею,
мир святой
и богохульный,
тот мир, чей страх
забыть мне не дано.
А здесь не плохо,
воздух чист, дурманный,
поэзия заходит
в растворенное окно,
подобно
русской балерине
на пуантах.

Ты – эйфорический радар
из древности,
что хлещут волны
повседневности,
планеты милой, всей вселенной
этой.
Коль так, то отчего бы Богу
не поместить божественный
«автограф»
на камешках твоих фантазий,
там написать перстом поэмы
разные?
А если существует злейший враг,
недоброе он сеет в зеркалах:
кошмары ночи, кровь и одалисок,
ты перед ними онемел, пасуешь –
подросток несчастливый
бескорыстный, –
им отдаешь свою свободу всею.
Но тонны Света льются
на планету,
листва, согретая, дрожа, блестит,
тебя волнует, вдохновляет это.
Душа из тела – вон, поет, летит,
в ней ген микроскопичный
божества,
есть время хаос привести
в порядок...
Хотя наутро разнесет молва,
что коронован ты шипами с ядом.

**Ангел Феликс Гомес
(Венесуэла)****ПОЭТ**

Поэзия таит в себе протест,
до революций может раскачать.
Награда ждет поэта или крест,
его оружие – слова,
калибр, каков – только ему
решать.
Светла поэта голова,
не сбит прицел орудия стрелка,
лист белоснежно-девственный
лежит,
перо сжимает верная рука,
стреляет прямо в сердце лжи.

**Роландо Реваглиатти
(Аргентина)****ВЕЛИЧИНЫ**

А БОГ,
не то,
чтобы велик,
ОН – необъятен.
Везде
ЕГО священный ЛИК,
способен на такое лишь
СОЗДАТЕЛЬ.
Величиной Своей пренебрегая,
во всяких крох
БОГ жизнь вдыхает.

**Мануэль Гарсиа
Вердесиа (Куба)****СВЕТ**

Где он бывал перед рассветом?
Там, в поле, обновленном от росы?
Роз аромат туда доносит ветер?
Где моря синь в рассветные часы?
Где робко кроткая заря ступает?
Там буквы обретают дом,
а руки силу ощущают?
Где телу и душе тепло вдвоем?
Суровый мир из Света платье
ткет,
оттуда лентой память возникает.
По руслу каждой жизни Свет
идет,
в конце он человека обнимает.

**Сантьяго Бао
(Аргентина)****ЗА ТОПОЛЯ...**

За тополя
цепляется глаз Бога.
Твой голос строгий, –
Он гармонию рождает
реки журчащей, корабля,
и островов, и облаков,
где ангелы витают.
Мне Длани Твои
душу обнимают.

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск Мурманской области)

Поэт, автор-исполнитель, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1965 г. в г. Воркуте. В 1988 г. окончил Ленинградский «Военмех». С 1993г. живет в г. Мончегорске, Мурманской области. Призер и дипломант Международного поэтического конкурса «Золотая строфа» (2010 и 2011гг.). Лауреат Международного конкурса поисковой и патриотической песни

«Народная память о защитниках Отечества» (2013 г.).

ВРОЖДЕННАЯ ПАМЯТЬ

Знать, завидная доля досталась мне,
Коль до сей поры еще
жив-здоров.
Жизнь, конечно, зануда,
но не вполне,
Есть любимое дело, семья и кров,
И друзья, что братьев иных родней.
Нас великая пестовала страна,
И о том, что было и будет с ней
Есть врожденная память, на всех
одна.
Эта память – совести ипостась.
Обладая оной, попробуй струсь
Возразить доброхотам (чтоб им
пропасть!),
Отрицающим наглухо имя – Русь.
Дескать, вся насквозь она – прах
и тлен,
А народец – кабацкая рвань да
пьянь,
Что и прежде-то встать не могла с
колен,
А сейчас тем более! Гулевань,
Да святыни гнилые пинай-топчи,
Возражения прочих смести
спеша,
Мол, довольно лаптем

хлебали щи!
Словно туфлею луковый суп
мешать
Нам всерьез мечталось
с молодых ногтей,
(Кто бы чем там импортным
не форсил!).
Только знают иуды любых
мастей,
На Руси хватает для них осин.
Оттого-то им здесь белый свет
не мил.
И не в радость, не в прок
серебро в горсти.
Ишь, как рвется сытый
свободный мир
Нам готовое счастье преподнести
И лишит нас памяти и тоски,
Дабы впредь, милейшие
существа,
Мы кромсали Родину на куски,
По указке известного меньшинства,
За известную цену. Глядишь, а там
И друг дружку повывели б заодно...
Но покуда в сердце есть Божий
храм,
Хоть церквушка-обыденка, все
равно,

Переможет русский, переживет
Лихолетье, напасти, засилье зла.
Ведь от века в обнимку с бедой
народ,

А душа его, в пику всему, светла,
Ибо лишь православия теплый свет
От звериных повадок спасает нас.
И Господь (восславим его Завет!)
Никому не по силам креста не даст.

МАРШ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА

Пусть о тебе и обо мне
Иные лишь пожмут плечами:
«Что, дескать, проку в той войне?
С какой бы радости-печали
Тревожить прошлое теперь,
Когда своих забот хватает?»
Да только боль былых потерь
Сквозь годы в сердце прорастает.
Речь не о лаврах и цветах
И не о пригоршнях салюта –
О тех, кто, сгинув на фронтах,
Лишен последнего приюта!
Едва ли наша в том вина...
Ответ, присущий посторонним.
Нет, не окончена война,
Пока солдат не похоронен!
И если память под ружьем,
Судьбу в обозе не пристроишь.
И нам смертельный медальон
Дороже всяческих сокровищ
Вдруг расшифрованной строкой –
Души нетленной изваяньем!
Неси ей (Господи!) покой
Наш поиск – наше покаянье.
Он для тебя и для меня
Стал чередой рукопашных.
Мы вновь на линии огня!
Во имя без вести пропавших!

Во имя нынешних живых!
Во имя всех идущих следом
Дорогой мирных штыковых
Навстречу будущим победам!

К СЛОВУ

Я живу потому, что когда-то
рожден,
И Господь меня, грешного, тер-
пит покуда.
А еще оттого, что любовь
(убежден!) –
Это все-таки самое главное чудо.
Не снискал я регалий и прав
не качал:
Обрету всенародную, дескать,
известность.
Ибо чтящему слово началом
начал
И наградою может быть только
словесность.

МОЛЬБА

Забудь меня еще тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданьям
Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой – уже застрелен.

Вячеслав Алтунин

(г. Тула)

Родился 8 февраля 1951 г. в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл. в семье сельских учителей. В Белеве окончил среднюю школу, а затем – историко-филологический факультет Казанского госуниверситета. Работал в районных и областных га-зетах Тульской обл. более тридцати лет. Стихи пи-шет и печатается с 14-ти лет. Член СПР и Союза журналистов России.

НЕ ОТДАЙ

Не отдай меня, Господи, бесам.
Да не сбудется их торжество.
Знаю, чувствую: как я ни бейся, –
Без Тебя не смогу ничего.
Не отдай меня, Боже, стихии,
Злой и темной стихии страстей.
Я гораздо слабей, чем другие,
И погибну легко, без затей.
Не отдай меня на поруганье.
Ниспошли мне Свою благодать,
Чтоб в жестоком мирском
урагане
Я сумел до конца устоять.

Не все на свете предается тленю.
Не все проходит вместе с суетой.
Есть в этой жизни редкие
мгновенья,
Сияющие вечной красотой.
Когда звучит и светит Литургия,
Когда молитва действует в душе,
Тогда стихает помыслов стихия
И шум страстей не слышится уже.
И я стою в блистающем чертоге.
И кажется, что сколько ни живи –

Все будет помышлять душа
о Боге,
О Вечности, о вере, о любви.
Но просияв немислимо красиво,
Умчится в небо светонисный
миг...
И вновь я слышу тяжкий гул
прилива
Забот и дел, и похотей мирских.

СЛАВА БОГУ!

Помесив житейский прах,
Понимаешь понемногу,
Что за сила в двух словах:
Слава Богу!
Это радость бытия,
Но не плотского, земного,
Искра Божьего огня,
Сокровенного, святого!
Тьма кругом. Просвета нет.
Ужас. Замело дорогу.
А в душе – покой и свет:
Слава Богу!
Все, что выстрадал, – в огонь!
Не тебе прийти к итогу.
Просияет здесь другой.
Слава Богу!

То сума, а то, гляди,
Поведут, скрутив, к острогу.
Скорбь, болезни впереди...
Слава Богу!
Страсти, похоти кипят.
Кто придет мне на подмогу?
Серой, жаром дышит ад...
Слава Богу!
Кровь и злоба – через край.
Но враги не много смогут.
Не сдавайся, повторяй:
Слава Богу!
А когда уже и смерть
Подойдет, грозя, к порогу, –
Ей навстречу буду петь:
Слава Богу!

Мы все свои кресты несем
По-разному. Скорбя и мучась.
Бежим, хлопочем обо всем,
Кляня свою земную участь.
Какая радость в этих днях,
В грязи и сутолоке этой?
Что здесь? Лишь только плоти
прах,
Дела, заботы без просвета.
Но прозреваем на бегу,
Хотя б на краткое мгновенье,
Когда Господь пошлет беду,
Болезнь, тяжелое лишение.
Тогда средь серости и бед,
Из тьмы нас выводя наружу,
Невиданный блеснет нам свет,
Как молния пронзит он душу!
Небесный огонь! Высокий знак!
Душа – мятущаяся птица –
Иль камнем упадет во мрак,

Иль к новой жизни устремится.

Больше насущного хлеба
Вы нам потребны сейчас...
Ваше Высочество Небо,
Что Вам угодно от нас?
Пусть наши души наполнятся
Светом средь стужи и тьмы...
Ваше Сиятельство Солнце,
Чем Вас прогневали мы?
Пусть холодней год от года,
Мы, чтоб пришла благодать,
Вам, Ваша Светлость Природа,
Руку готовы подать!
И хоть оборваны нити, –
Нас, не поднявшихся ввысь,
Вы ради Бога простите,
Ваше Величество Жизнь!

ПОКАЯНИЕ

Когда покаешься в грехах
Перед святыми образами,
Не как-нибудь, не впопыхах,
А полностью и со слезами,
Когда, припав к ногам Христа,
Получишь от Него прощенье,
Почувствуешь: душа чиста,
Тебе даровано прозренье.
Что радостнее для души,
Чем слово ласковое это:
«Иди и больше не греши»...
И ты идешь в угодьях света!
И все сомненья далеко.
К небесной ты идешь Отчизне!
И все возможно, все – легко.
И нет конца блаженной жизни.

Семен Краснов

(г. Тольятти Самарской области)

Родился в г. Ставрополь Куйбышевской области (ныне г. Тольятти). Окончил местный политехнический институт. Учился в Литинституте им. Горького. Входит в список — «Современная русская поэзия. Избранное» СПР. Автор сборников стихов. Печатался в «Российском писателе», в литжурналах, альманахах, в антологиях «Писатели Самарского края». Финалист конкурса «Светись, светись, далекая звезда...» к 200-летию М.Ю. Лермонтова (2014). Лауреат Литературной универсиады Приволжского ФО (Саранск, 2011). Завлаб кафедры «Русский язык и литература» ТГУ. Член СПР.

Радонеж. Речка Пáжа,
Чистый родник под горой,
Снежный покров лебяжий,
Свет тишины, покой.
Веток еловых пряжа
По сторонам дорог.
Черных ошибок сажу,
Мутных событий смог
С грешной души смывает
Святость небесных мест.
И над землей сияет
Преображенский крест

Осиновка. В руинах древний
храм.
Июньский дождь, как помин
по усопшим;
Щербатых окон шелестящий шепот:
«Молитесь, дети, верьте. Аз
воздам!»
Пустой причал. Молчащая река.
Поля, поля... Пустынная дорога.
С немой душой нельзя дойти до
Бога.

...Земля моя – Самарская лука.

Лизе Кулешиовой

Марфо-Мариинская обитель.
Барышня играет на рояле,
Юнкерский на спинке стула китель,
Двое молодых в пустынной зале.
Инструмент вдовы Елизаветы
Говорит то яростно, то тихо,
Что закроет мрак потоки света,
Предвещая беды, горе, лихо.
Мимо окон бродит черный пудель,
Осыпает ветви серый пепел,
Копят злобу в черных душах
судьи,
Роег шахту страшный красный
вебрь.
...Двадцать первый век. Приход
спасенный.
Образов мерцающие ризы.
На рояле вновь играет Лиза –
Девочка с душою утонченной.
Ей внимает матушка-монашка,
В благолепье, с головой склоненной.

Анна Барсова

(г. Екатеринбург)

Анна Барсова (литературный псевдоним Анны Барсеян) – поэт, прозаик, переводчик, член Союза Российских писателей. Автор нескольких поэтических книг. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2009), премии и медали А. Грибоедова (2010) и ряда других наград.

ИЗ ЦИКЛА ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

1.

То звуки песен, голос лета,
последний уходящий день.*
Струна звенит, и вижу где-то
летит Марины нашей тень.
По улице Покровской Малой,
не торопясь, она плывет.
Вот домик, он не обветшалый,
овраг, лопух, собора взлет...
И я замру, иззябло тело.
На улице погожий день.
И слышу голос я несмелый:
«Я здесь с тобою, я – не тень!»

2.

Ах, Елабуга, старый свет,
будто нового нет и нет!
И плывет малиновый звон,
лишь над Камою стихнет он.
Улиц узеньких тихий бег,
белой пеной ложится снег.
Уголок святой старины
в самом сердце нашей страны!

3.

Ты надеялась: можно петь
на земле, где так щедро солнце,

в синеглазую даль глядеть
сквозь сиреневое оконце,
устоять на камском ветру,
упиваться звездами-росами,
вспоминать Париж и Москву,
и бродить жемчужными плесами.
Было время, когда ты была
и писала, но люди не знали...
И остались песен слова
да елабужские скрижали.

4.

Небо. Невидимый взгляд.
Вздых твой где-то в тиши.
Что за неведомый яд –
песни твоей души?!
Вижу, ты рядом сидишь,
голову чуть клоня,
музыкой слов ворожишь...
Пленница я твоя!

5.

Куст рябины за окном
Тихо шепчет о былом –
О дороге без конца,
Взгляде милого лица.
Зелень светится из глаз,
Челка льется без прикрас.
И смычок твоя рука,
Ты – вся скрипка, ты – тоска!

* М. Цветаева во время Великой Отечественной войны была эвакуирована в солнечный город Елабугу. Здесь она прожила 10 дней и покинула с собой 31 августа 1941 г.

Елизавета Баранова

(г. Тула)

Родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в ТулГУ на кафедре «Информационная безопасность». Стихи пишет с десяти лет. Написано более двухсот стихотворений. Является автором трех книг (2011–2013 годы). Дипломант различных поэтических конкурсов. Публикуется в альманахах Тулы и других городов России. Является участницей областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева. Член МГО СП России. Награждена медалью им. М.Ю. Лермонтова.

ВЫСОХШИЙ КОЛОДЕЦ

I.
В том городе, который был
безлюден,
Который был когда-то
Недостроен
Или разрушен (но... о том
не будем),
Хранили жизнь, отшельничая,
трое –
Живых существ.
Я видела их тени,
И голоса их были различимы
Среди камней, где каждый шаг –
смертелен,
Но где бояться смерти –
нет причины.

II.
Тот город знал до самых мелких
трещин
Закон камней, постиг что
Каждый горец,
А жили там – в том городе
древнейшем –

Луна, жасмин и высохший
колодец.
Луна плела оранжевые сети
И опускала сети те с обрыва
В седую реку (в ночь,
не на рассвете),
И в тех сетях запутывалась рыба.
И цвел жасмин, когда у главной
башни
Порою появлялся редкий
странник,
И чтобы было страннику
не страшно
Он влек его зайти вовнутрь
Цветами.

III.
И так всегда.
Вот только с содроганьем
Вдруг небосвод смыкался
в небосводец,
Когда опять в том городе из камня
Бесслезно плакал высохший

колодец.
Вздыхал и плакал. –
Часто путник редкий,
Узнав, что пить в горах
не доведется,
С земли брал камень,
целясь метко-метко,
И камень тот летел на дно колодца.
И отзывалось высохшее лоно
На злую фразу: «Каменный
уродец!»
Тоскливым «ту-уу-ук»...
И снова отрешенно
И гулко плакал высохший колодец.
И плач его дублировало эхо,
И стон его усиливали ветры, –
Они, как боги, видели все сверху,
Но не могли пресечь,
Как боги, это.

IV.

«Не плачь»,
«Не плачь», – мне впредь
не приходилось
Жалеть до дна испытые колодцы.
...Когда с души водой не смоешь
гнилость,
Тогда души почти не остается...
Колодец охнул
Каменной утробой.
Забитый и заброшенный камнями
Он промолчал.
...Упала с небосвода
Звезда, тот час погаснув
под ногами...

V.

Я, встав вблизи жасмина на колени,

Ночных теней и отзвуков
не струсив,
Решила быть с колодцем
откровенней,
Поведав все ему об Иисусе.
И грянул гром,
И вмиг сухие грозы
Разбили горы (мир разбить
могли бы)
И у колодца – рядом, подле,
возле –
Теперь лежали каменные глыбы.

VI.

Ни одного малейшего порыва
Судить того, кто был в сто раз
слабее
Не возникало больше.
Я открыла,
Что тот силен, кто сострадать
умеет.
Тянулись впредь сюда
с прогулкой пешей
Все те, кого жасмин
Завлек цветами,
Но тот, кто сам был полностью
безгрешен
Поднять и бросить мог тяжелый
камень.

VII.

...Теперь звучала песня
из колодца,
Когда поил водою долгожданной
Он всех живых –
Святой водой и солнцем,
Здесь наполняли амфоры и жбаны.

Вода текла, (колодец был
бессуден), –
Внутри земли точились стены
ада.

... Тот человеком был,
и есть, и будет,
Кто не творит, а рушит
Камнепады...

VIII.

А утром сети таяли,
И рыба
Из лунных лап выплескивалась
в реку.
... Вода и вера – много душ
спасли бы,
Хлебов и зрелищ мало
человеку...
И отцветал жасмин,
когда подолгу
Тянулся день в истоме ожиданий,
И, заскучав, на пыльную дорогу
Смотрел колодец,
вспоенный дождями.

IX.

... Тот город был вчера
необитаем,
Тот город был века назад
разрушен

И не достроен,
А сейчас цветами
Белел – росли в нем
яблони и груши.
И вили гнезда птицы у колодца,
И прорастал у входа в город
фенхель,
И горный дуб плодил и множил
кольца
Внутри ствола, как временные
вехи.

X.

Тот человек, который был
нечестен,
Который был безволен
и бездушен,
Был не достоин
Воду пить в том месте –
Он в город был предчувствием
не впущен.
Никто не гнал таких людей
оттуда, –
Они боялись скальных
обрушений.
А бросить камень – очень просто;
Трудно
Дать от души бесценное
Прощенье.

Иннокентий Медведев

(г. Братск Иркутской области)

Член Союза писателей XXI века, Европейского Конгресса Литераторов, Творческого совета Международной Ассоциации Граждан Искусства (Мадрид, Испания), литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы» (Гомель, Белоруссия), член творческого совета авторского литературного журнала «Северо-Муйские Огни», председатель Братского литературного Объединения «Литературное Братство». Автор пяти поэтических сборников. Стихотворения опубликованы во многих российских и международных литературных изданиях.

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

Да, конечно, деревня мне ближе
И ее золотые поля.
Я живу, и поэтому вижу,
Как зовет красотой земля.
Я пройду по деревне родимой,
Брошу куртку свою на плетень –
Вот она!.. всех дороже и зримей
В этот солнечный, ласковый день.
Здесь черемуха пахнет дурманом,
Взор слепит белоснежный наряд.
Здесь березки с загадочным станом
Привлекают прохожего взгляд.
Пусть завязла она на ухабах,
Пусть калитки висят на боку.
Как живет в ней девкам и бабам
Мне расскажет гармонь на лугу.
Пусть пропахла веками навозом,
Пусть здесь дрался мужик за межу.
Пусть давно распрощалась
с колхозом –
Я деревню за то не сужу.
Только жаль, что поля
без потребности...

У калитки мне жаль мужика, –
Просит нищий у нищего хлеба,
Вместо плуга – бутылка в руках.
Я от солнца рукою прикроюсь –
Что-то птичек в лесу не слышать...
И деревне я сердцем откроюсь –
Только сердцем поля не вспахать!..
Прохожу мимо деда – горюет:
– Ты бы дал мне, сынок, закурить...
Сколько вас, городских,
тут гостует...
Навсегда бы приехали жить...
«Слушай, дед, Расскажи-ка
на милость
Что толкает Россию на край?
– Это, паря, похоже на сырость,
Видишь, сгнил у болота сарай...
Прохудилась над Русью-то крыша.
Да не вам, городским, залатать...
Сколько лет уже только и слышно,
Что Россию пора возрождать...
«Слушай, дед, я же ваш –
деревенский,
Банщикковский, Петра средний сын.

Покажусь с виду, может быть,
дерзкий,
Но скажу, я с деревни один,
Тот, кто наши поля воспеваает,
Тот, кто нашу деревню бодрит.
Но не каждый про это узнает...
Слушай, дед!» – Только дед уже
спит.
«Ну и ладно... ты спишь или
умер?.. –
Храп услышал, – так видно
живой...».
Вот такие они, наши думы,
И от них хочешь – пой, хочешь –
вой.
Да, конечно, деревня мне ближе
И ее золотые поля...
И поэтому часто я слышу,
Как зовет меня предков земля.

ДЕРЕВНЯ БАНЩИКОВО

Есть дорога одна к Усть-Илиму –
Пахнет мятой, травой резедой.
Там своротка к деревне родимой,
К той, что скрылась давно
под водой.
Наверху только волны гуляют,
А под ними нашла свой приют
Та деревня. О ней уж не знают.
Там в домах только рыбы живут.
На поляне в лапту там играли.
И телят отгоняли на луг,
Что случится, тогда мы не знали,
Что затопят телегу и плуг.
Но кружитесь, кружитесь
над морем
Мои ласточки, чайки, стрижи...

Пусть слезами не выплакать горе,
Но хоть память дано освежить.
Как вы гнезда заботливо вили
И растили под крышей птенцов.
Это, вижу, и вы не забыли,
Как и я своих дедов, отцов.
Вот и я здесь стою на дороге,
Той дороге, что в воду ведет.
Волны моют мне босые ноги
И там будто меня что-то ждет.
Веет холодом прошлое в душу.
Скорбь и боль, и тоска, и печаль.
Мир тебе. Твой покой не нарушу.
Малой родины, сгнувшейся, жаль.

СНОВА ОСЕНЬ

У нас в Сибири снова осень.
Березки нежные желты.
Их ветер гладит и не спросит
Про их осенние мечты.
Потом он тучи вдруг нагонит,
Дождем округу окропит,
На землю молнию уронит...
И сам над нами пролетит.
Средь хмурых туч, заметив
просинь,
Затихнет дождь – и был таков,
Чтоб красками играла осень
Средь золотистых облаков.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Вечер задумчивый тише и тише.
Тихо скребутся за печкою мыши.
Бабка при свечке на картах гадает,
Внучка на корточках с кошкой
играет.

Дед покряхтел, покосился
на бабу,
Снял с головы полинявшую
шапку.
К печке присел он поближе,
за шторку,
И закурил, как обычно, махорку...
Ветер продрогший в трубе
завывает,
Словно зевает, и сны навевает.
Всем в этом доме ложиться пора.
Ветер метелью разбудит с утра.

У ТОЙ ЖЕ БЕРЕЗКИ

Возле этой березки назначал я
свиданья.
Возле этой березки наши встречи
прошли.
И под той же березкой возникали
желанья,
От которых тогда чуть с ума
не сошли.
Только время не спросит, чего
бы хотелось.
Только время куда-то от нас все
спешит.
Безвозвратно оно далеко улетело,
Так что путь нам земной
в одиночку вершить.
Я сижу у березки – у той же
березки,
Под которой с тобой дни любви
проводил.

И бросаю наброски, на листочек
неброский,
Про свидания те, что еще не забыл.
И когда-нибудь ты у березоньки
этой
Посидишь, погрузишь, никого
не вина.
Пусть согреют тебя эти строчки
поэта,
Как когда-то и ты согревала меня.

ЛЕКАРСТВО ДУШИ

Арина, дочь, – души моей
лекарство:
Душа, глаза и кровь – в ней все мое.
И, несмотря на все судьбы
коварства,
Господь на радость мне послал ее!
Смеется заразительно и звонко –
Разгонит вмиг тревогу, боль
и грусть.
Она – моя смышленная девчонка,
Забыв про все, я с нею рассмеюсь.
И в этот миг душа моя летает,
И в этот миг душа моя парит.
И дочь родная это замечает,
И не дает вновь папе загрустить.
Помашет ручкой: «Папочка,
до встречи!».
Обнимет, поцелует не спеша.
И счастьем вновь повеет этот
вечер,
И верой в жизнь наполнится душа.

Ольга Василенко-Красни (г. Санкт-Петербург)

Родилась в Ленинграде. Член Международного Союза писателей "Новый Современник", ЛИТО "Огни гавани", Литературного клуба «ЛитРаж», «НЛО» г. Новомосковска. Печатается в литературно-художественных журналах и альманахах, в сборниках литературной газеты "ЛИК" (Библиотека «Литературной газеты»), общероссийских поэтических сборниках и «НЛО». Вышли в свет десять авторских сборников.

КРАСОТКА

Под белым платом мать-земля
Уснула в безмятежной неге.
Давно измаялись поля
Мечтою о пушистом снеге.

По сказке с видом госпожи
Ступает юная девица...
Тропа пушистая лежит
И под стопой ее искрится.

Морозный воздух водит пар
Вокруг дыхания вальяжно.
На щеки красочностью чар
Румянец метится отважно.

На меховом воротнике
Лежит заиндевелый локон...
Взор подогрет на огоньке
Соседских любопытных окон.

Ступает под прицелом глаз
По сельской улочке красотка
Так, словно снега белый наст
Под ноги ей зимою соткан.

НЕ ОБЕЩАЛ...

Слепому случаю доверие дая,
Привычной данности отказывать
легко:
Бросая в гаванях случайных якоря,
Немудрено уйти от истин далеко.
Простит ли Бог метанья
пламенной души?
Сомнений нет, простит... ведь
это жизнь сама.
Какая разница: дворцы
иль шалаши
Хотят построиться стараньями ума.
Грехи чужие укрывают от своих...
С чужих ошибок мудрость проку
не берет.
Плывем в сумятицу за счастьем
для двоих
И не планируем ошибок наперед.
В пути встречаются то омуты,
то мель...
Желая славы, ищем суетно причал.
Ждем обещаний, предвкушая
карамель...
А Бог, по сути, ничего
не обещал.

Яков Шафран

(г. Тула)

Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии "Левша" им. Н.С. Лескова), зам. главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала "Приокские зори", главный редактор альманаха «Ковчег». Имеет литературные страницы в Интернете: <http://stihi.ru/avtor/byans3>

<http://www.proza.ru/avtor/byans> <http://www.proza.ru/avtor/byans0> и другие.

МИЛАЯ ЗЕМЛЯ

Речка, косогорье.
Дальние поля.
Ближнее подворье. –
Милая земля.
Улица под липами.
Теплый желтый свет.
Ставенки со скрипами.
В окнах разноцвет.
Старый дом с колоннами,
Милый старожил.
Кроны над балконами.
Соловиный пыл.
Дребезжит и катится
Медленно трамвай.
В шелковые платица
Нарядился май.

ВЗЫВАЮ В НОЧИ

Бывает, и грешнику выпадет
милость,
Придет как ответ на моления его.
Россия, за что на тебя вдруг
свалилась
Сплошная немилость, зачем, отчего?

С соседями вежлива и справедлива,
Как мудрая старшая всем им сестра,
Душою своею добра, незлобива,
На вред неспособна – на помощь
быстра.
Ты алчность не любишь, не ценишь
гордыню
И нищим готова рубаху отдать,
Несешь всему миру любовь,
как святыню,
У Неба взыскаю одну благодать.
Но, – будто бы мачеха,
гарпия злая,
Что кровных детей привечает,
любя,
А золушку морит, к страданиям
глухая, –
Сей мир лишь рабой хочет видеть
тебя.
Россия, толкают тебя
прямо в пропасть.
Так мало друзей, что готовы
помочь,
Отбросивших страх,
осторожность и робость,
При первой беде не стремящихся
прочь.

– О, Господи,
как отвести катастрофу? –
Взываю в ночи, припадая к кресту.
Похоже, весь мир превратился
в Голгофу,
А наша Россия подобна Христу.

В РАЗНОТРАВЬЕ

В разнотравье, как в оправе,
Всей земле окрест сродни,
Средь полей, лугов, в дубраве
Сладкозвучный жил родник.

И к нему шли издалече
Поколения века:
Омыть раны после сечи,
Слушать пенье ручейка.

Здесь прославились святые
Через веру и посты.
Здесь стоят совсем простые
Деревянные кресты.

И хоть здесь сплошная стройка –
Нет полей, дубрав, лугов –
Жи́ в ручей – струится бойко,
Жи́ в родник из родников!

Пусть теперь то разнотравье
Лишь в низине теплит взгляд,
Здесь живущих он поправит,
Им неся любовь и лад.

И к нему припав однажды,
Я его живой водой
Утолить не мыслю жажды,
Ибо тот родник – святой!

РОДНИКИ ЧТОБ НАШИ ЖИЛИ

Родники чтобы наши жили
Не печалью окрестных сел,
Мы с тобою должны быть
двужильны
Там, куда нас Господь привел.
Чтобы словом, конкретным делом
И молитвою пред алтарем
Возродить нам на свете белом
Кто-то дерево, кто-то дом.
Чтоб поля не смотрели с укором,
Что мы им отслужили помин,
Чтоб везде по родным просторам
Век не видеть нам горьких картин.
И пока не цветут колодцы,
Пока полны живой водой,
И озера пока не болотца
Быть земле нашей молодой!
К нашим детям душа вернется,
И нас снова полюбит рок.
Тот, кто верит, не ошибется –
Родники наши в том залог!

ТРИ СТВОЛА

Три ствола поднимаются ввысь.
Будто маслом писалась картина:
У единого корня срослись –
Значит, дерево это едино.
И руками за руки держась,
Три сестры хороводят под ними.
И звучит по округе не джаз
Из далекого штата Вирджиния,
А поет там большая семья, –
Хоть кому-то и домом Боруссия, –
Три сестры: «Ридна мати моя...»,

После – «Песня моя, Белоруссия».
И потом, под тенистым шатром,
Стол накрыв разносолами
русскими,
Заведут «Степь да степь кругом...»
Так, что станут просторы узкими.
Их родства не разъять, как ни злись,
Как с народами кто что ни делай –
Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!

ЗОЛОТОМ ПО НЕБУ ЛИСТЬЯ КЛЕНОВЫЕ

Золотом по небу листья кленовые.
Хмурится ветер – осенний дуван.
И одеянья красивые новые
С рощи срывает гулян-хулиган.
Только недолго ему этак тешиться –
Скоро зима залютует, бела.
Скоро и в жизни моей все
заснежится:
И голова, и былые дела.
В ростепель снег порастает
под солнышком.
Роща оденет весенний наряд,
И позабудет, как ветрена жenuшка,
Сырость и грязь, и былой листопад.
Буду ли я ей подобен бессмыслием,
В жизни своей все бездумно забыв?
Где поднимусь над судьбой,
где помыслию я?
Где я воспряну, грехи отмолвив?..
Золотом по небу листья кленовые.

Скоро в окно постучится зима...
Отче, прими покаяние новое –
Тянет плечо моей жизни сума!

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

*К 120-летию со дня рождения
Сергея Александровича Есенина*

Что гядишь тоскливо и устало,
Что печалишь синие глаза?
Знать душа твоя затосковала
О краях, где тишь и бирюза.
Где уже не зашумит тревожно
Молодая рошица весной,
Где не дрогнет в небе осторожно
Солнца луч вечернею зарей.
И лишь сердце жалостью зайдетса –
Нелегко оставить навсегда
Эту иву, что над речкой гнетса,
Эту розовую гладь пруда,
Это золото лесов осенних,
Где так тихо шепчет листопад,
Все, что ты любил,
Сергей Есенин,
И любить поныне был бы рад.
Не уйти... Закутавшись тоскою
Остается только вспоминать
Этой мглистою туманною порою
О весне, которой не бывать.
И глядишь тоскливо и устало,
И печалишь синие глаза,
Знать, душа твоя затосковала
По краям, где тишь и бирюза.

Игорь Мельников

(г. Тула)

Родился в Туле. Работает в лаборатории детской больницы и заочно учится. В 2005 году окончил МГГУ им. Шолохова. Член Союза писателей и переводчиков МГО СПР. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Имеет опыт выступлений на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборников стихотворений «От и до» (2012 г.) и «Как скромный гений» (2014 г.). Имеет публикации в изданиях Москвы, Тулы и Санкт-Петербурга.

ДОЛГ

Твои стихи должны вещать!
Намеки – дело анекдотов.
Не надо глупость защищать –
Сие не пыльная работа.
Твои стихи будить должны!
А убаюкивать негоже,
Покуда ночь твоей страны
На предвоенную похожа.

Пришла зима, а ты кричал:
«Все зимы – бред!»
Что, маловерный, хорошо тебе,
скажи?
Где та любовь, которой будешь
обогрет?
Куда тепло, сверкая пятками,
бежит?
Почти не греет это легкое пальто.
В твоей душе и пустота,
и сквозняки.
И есть мечта, а получается не то.
И дел полно, а все как будто
не с руки.
Куда укрыться, если всюду

холода?

Теперь простуда у тебя и жалкий
вид.
Терзает корку птиц голодная орда
И чья-то варезка на веточке висит.

РУСЬ

На ветру овес шумит –
Разговаривает с рожью.
Песнопенье в храме Божьем.
И сверкает, и горит
Изумрудом слово РУСЬ
В обрамленьи синих речек.
Я на суетном наречье
Говорю, что тороплюсь.
Убегаю в магазин,
На работу и с работы...
Выбрал, пусть и неохотно,
Сам ругину из рутин.
Но по-прежнему люблю
Невозможную любовью
Хат убогонькие кровли,
Местность сельскую свою,
Это поле, этот бор,
Где скрывается сохатый,

Где разбойник бородатый,
Верно, бродит до сих пор.
Дома отчего уют
И сиреневые дали,
Что поэты воспевали –
Все, что Родиной зовут!

ПЕСНЯ

Философская, неброская
Дума думается и
Лес зеленою полоскою
Проявляется вдали.
Ветер там играет листьями
И деревья высоки.
А за лесом – поле чистое,
Да излучина реки.

Позабыв о беге времени,
У воды сидит поэт.
Пишет он стихотворение.
Даже, может быть – сонет.
Не спеша по небу движутся
Вереницы облаков.
Вольно дышится и пишется,
И мечтается легко.
Строчка строчкой продолжается.
Зарифмованы слова.
Все, что вымыслом считается –
Было правдою сперва.
И покажется, как в юности,
Будто мир встречает нас.
Просто день хороший, в сущности.
Просто – песня родилась.

Любовь Самойленко

(г. Донской Тульской области)

Родилась в г. Днепродзержинске. В настоящее время проживает в г. Донском Тульской обл. Член ЛИТО НЛО (Новомосковск) и "На крыльях Пегаса" (Тула), православного клуба "Ковчег" (Тула), общественного фонда "СВЕТОЧ" (Москва). Член Российского Межрегионального Союза Писателей, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина. Член Чеховского общества при Союзе писателей России. Награждена памятными медалями. Публикуется в журналах, альманахах и сборниках. Автор 13 книг.

РЯБИНОВЫЙ РАССВЕТ

Земля моя!
Тебя нет в мире краше.
Люблю я твой закат
И твой рассвет.

И ширь, и грусть
Твоих полей и пашен,
И для меня
Страны дороже нет.
Твердят друзья,
Соскучившись, не видя:

«Угомонись,
Тебе ведь столько лет».
Но я на них
За это не в обиде –
Виной всему
Рябиновый рассвет.

РОМАШКОВЫЙ ЛУГ

Гляжу, – не могу наглядеться
На белый ромашковый луг.
Мое босоное детство
Припомнилось с нежностью
вдруг.
Здесь первое стихотворение
От девичьих грез родилось.
И боль моя здесь со смятением,
И то, что, увы, не сбылось.
Но вновь, лепестки обрывая,
Ласкаю ромашковый цвет.
Я лишь по привычке гадаю,
Заведомо зная ответ...

НАДЕЖДЫ СЕМЯ

Таков закон. От века к веку,
Благословляя вновь и вновь,

Шагают рядом с человеком
Надежда, вера и любовь.
Любовь – Божественная мера...
Но на сегодняшний момент
Нам невозможно жить без веры,
И искры нет иной взамен.
В моей душе надежды семя.
Вот и в стихах заметен взлет.
И верю я, настанет время,
В мой дом вся Троица войдет.

«КОВЧЕГ»

Раннею весною
паруса расправив,
В водах православных
ускоряя бег...
Мир и слово славя,
К светлым звездам дальним
С верой и любовью
движется «Ковчег».
Капитан «Ковчеха»
с Книгою Священной
Таинств мирозданья
постигая суть,
Очищая души
от грехов и скверны,
К берегам надежды
пролагает путь.

Галина Лялина (г. Донской Тульской области)

Родилась в г. Донской Тульской обл. Внештатный корреспондент «Донской газеты». Член Новомосковского ЛИТО и Тульского православного клуба «Ковчег». Печатается в коллективных сборниках, альманахах и газетах. Автор 6-ти сборников стихов. Награждена почетным дипломом Международной премии «Звезда Чернобыля» в области литературы и искусства (2010 г.).

Лауреат областного конкурса «Женица года» в номинации «Женица — культура и духовность». Награждена дипломом за лучшую публицистическую работу о г. Донском. Лауреат Тульской областной литпремии им. Ярослава Смелякова 2013-го года.

ПРЕДНАЧЕРТАНО ВСЕ

Ничего нет случайного в мире.
Нет случайных людей на пути.
Просто так не появится чирей
И не звякнут монеты в горсти.
Все невзгоды, печали-кручины
Или птица удачи в руках —
Это следствие некой причины,
След которой затерян в веках.
Это высший закон воздаянья,
Не сравнимый с законом земным.
Он смягчается от покаянья,
Жгучих слез и признанья вины.
Не бывает событий случайных,
Каждый вдох наш просчитан и шаг.
Предначертано все изначально
В книге судеб людских в Небесах.

СВОБОДЫ ХОЧЕТСЯ ДУШЕ

Душа стандартов не приемлет.
Ей тесно в рамках и клише.

Она лишь чутко Небу внемлет —
Свободы хочется душе.
Ах, как ей хочется на волю!
Об этом все ее мечты.
И я душе своей позволю
Достичь желанной высоты.
Пускай свободно, без усилий
Торит по небу звездный путь.
Ведь ей даны для взлета крылья,
Осталось двери распахнуть.
Открою дверь и все окошки,
Скажу — счастливого пути!
По лунной сказочной дорожке,
Душа моя, лети, лети...

У РОССИИ ЕСТЬ ДРУЗЬЯ

На плечи давит крест судьбы.
Россия терпит, но не гнется
И без стоической борьбы
Врагам на милость не сдается.
У нас нелегкая стезя,
Не очень гладкая дорога,
Но у России есть друзья

И покровители от Бога.
Войска небесных светлых сил
Помогут ей в неравных битвах.
Мечом – Архангел Михаил
И Матерь Божия – молитвой.
К тому же дух у нас силен,
И он с годами все крепчает,
И, без сомненья, скоро он
Россию славой увенчает.

МЫ – ТВОРЦЫ

Мы – дети Бога, значит, мы –
творцы,
Ведь каждый наделен частицей
света.
Пленяют слух певички и певцы,
И искрой Божьей делятся поэты.
И не наводят тени на плетень,
А «жгут сердца», не мудрствуя
лукаво,
И воспевают каждый новый
день,
Земле родной поют хвалу и славу.
Да можно ль не воспеть ее в цвету
Иль в белоснежном зимнем
одеянье?!
Поэт – он тонко видит красоту,
Вселенной всей он чувствует
дыханье.
Творит художник маслом
на холсте,
Иль, может быть, рисует акварелью.
Во всей своей душевной полноте
Шедевры создает не от безделья.
Им движет некий творческий
подъем,

С природы пишет рощи, горы,
реки...
На миг слились в единый оком
Творения Творца и человека.

ГОДЫ ЛЕТЯТ

Годы летят, я почти не жалею о них
И не грущу. Ну а если грущу,
то не слишком.
Жизнь на земле по космическим
меркам – как миг,
Словно звезды угасающей яркая
вспышка.
Главное то, что оставляю я
после себя –
Сад плодоносный, пустырь ли,
поросший бурьяном...
Мне бы прожить, всех прощая
и сердцем любя,
Но нелегко жить в миру
без грехов и изъянов.
Годы меж тем облетают осенней
листвой.
Ветром гонимые, кружат
в каком-то угаре.
Словно во сне вижу я этот пляс
огневой...
Ворох листвы догорает
в багряном пожаре.
Жалко ли мне, что десятки мной
прожитых лет
Ветер шальной в неизвестные
дали уносит?
Грустно ли мне? Я правдиво
отвечу, что нет.
Сад мой цветет и уже много лет
плодоносит.

Шелепина Татьяна

(г. Алексин Тульской области)

Родилась в г. Алексине 27 ноября 1945 г. Руководитель алексинского литобъединения "АЛЛО", член литобъединения "Пегас" г. Тулы, МосСовета ЛИТО. Член СПР. Публикуется в периодической печати и альманахах. Многие стихотворения положены на музыку. Автор 4-х сборников.

В жизни все так сложно,
непонятно –
Некому порой нам объяснить:
Под дождем идем вдвоем –
приятно,
В праздники мы можем
загрустить.

В жаркий день полетит вдруг
дождик с неба,
Люди назовут его грибным.
Осенью родится много хлеба –
Каравай мы испечем родным.

И никто нам с вами
не подскажет –
Как родился первый человек.
Лишь Всевышний путь
для нас укажет,
Чтоб достойно прожили
свой век.

Июль, июль! Макушка лета.
Стоит несносная жара!
Осталась песня без ответа,
Что пел нам соловей вчера.
Трава горит сухим пожаром,
И желтым стал зеленый луг.
И обдает с небес нас жаром,
Цветущих лип вдыхаем дух.

* * *

Куда идешь ты, человек?
Зачем спешишь вперед?
И что тебе готовит век?
Какое счастье ждет?
Ответ не так легко найти,
Когда обида есть.
Еще ты не обрел крыло –
В душе уж держишь месть.
Ты хочешь сразу все иметь:
Карьеру, дом, семью...
Богатством будешь ты греметь,
Но будешь ли в раю?

Сергей Лебедев

(г. Тольятти Самарской области)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова. Член Российского СПЛ, Самарское региональное отделение. Член Российского СП.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕРЕВНЕ

Отрывок из поэмы

Ветлуга, милая Ветлуга,
Как мало знаю я тебя,
Лишь в пору летнего досуга
Ласкала струями, любя.
Тогда мальчишкой несмышленым
Бродил с отцом в лесах твоих,
И на коре по мхам зеленым
Учил я стороны, как стих.
В бочагах черных под березой
Наметкой черпали шурят,
И вдоль коровников колхозных
Шли под мычание телят.
Бывало, среди кустов прибрежных
Мы разводили свой костер,
И комаров кормя прилежно,
С туманом ждали рыбий жор.
Сорожки, окуни, плотвички,
Порой лещи или елец,
Улов бывал вполне приличный
Для наших радостных сердец.
Узнал и тихую охоту:
Волнушки, грузди, белый гриб –
То под березой вдоль болота,
То в сосняке, то среди лип.
Ходили мы и по чернику –
Какая радость среди мхов!
Здесь открывались поелику
Красоты ягодных ковров.
Язык и руки – все в «чернилах»,

Кружит от вкуса голова...
Все это было, было, было,
И память радостью жива.
Я помню тетку Евпраксию,
К ней часто с мамою ходил.
Тиха, похожа на Россию,
Как Родину ее любил.
Всегда приветлива, с улыбкой,
Иконы, травы по избе,
И простота с таким избытком,
И святость в слове, как в мольбе.
Так и запомнил. Как икона
Она в душе моей всегда,
Достойна низкого поклона,
Свята, как чистая вода.
Любил чердачный мир, открытый
Под крышей деда моего,
На прялки, ружья и корыта
Здесь время тайнами легло.
Здесь запах был неповторимый –
Ремней, бересты, лыка, ржи...
Ушло то время мимо, мимо,
Но жив – так в памяти держи.
А утром в доме запах хлебный,
Стучит заслонка у печи,
Блеск самовара желто-медный,
И сало весело скворчит.
И ловко двигая ухватом,

Меня в печке чугуны,
Казалась бабушка когда-то,
Мне главным поваром страны.
Метровых пирогов со шукой –
Ее уменя и труда,
С хрустящей корочкой и луком,
С тех пор не видел никогда.
И детства мне святая память
Опорой будет до конца.
Незыблем дом, его ведь ставят
На крепость нижнего венца.
Дожди и бури, и ненастья
Порой испытывал в судьбе,
Но одолел я все напасти –
Ведь сила русского в родне.

Деревня наша на угоре,
Под ним шумит сосновый лес,
Куда ни глянь, на всем просторе,
Лишь море зелени окрест.
Ветлуга – речка птиц и дебрей,
Легенд, сказаний, сторона
Звериных троп, волков и вепрей,
И рыбой разною полна.
Леса за речкою – без края,
В любую сторону – леса,
И словно здесь – картины Рая,
Ветлуга – русская краса.
Краснеет колкая шипика,
Обнял озера телорез,
Безмолвье вздрогнуло от крика –
Желна тоскою будит лес.
Засеребрится ли Ветлуга,
Туман ли, точно молоко,
Не скрипнет хлипкая подруга,
Не стукнут весла. Далеко
Лишь шорох леса раздается,
Да ветер шепчет ивняку,

Что чайка в облаке несется
Вдали, навстречу челноку.
В том челноке плывет Варнава,
Седой, высокий иерей.
Здесь скит построил, а застава
Росла с притоками людей.
Останки вольниц и холопы,
Крестьяне, клявшие оброк,
Солдаты по звериным тропам
Шли в край глуши и на восток.
Перечил Грозному – и в ссылку
Спешит боярин из хором,
Стрельцы в опалу по затылку
Гонимы в глушь самим Петром.
В леса бескрайние от церкви
Бегут раскольники в скиты,
Но силой духа здесь не меркли,
Крепки дубовые кресты.
Такая вот в краю закваска,
Людей особых – ветлужан.
Кончается на этом сказка,
А подоплекой – был в роман.
Но время из-под ног уходит,
Года стирая и следы,
Ведь жизнью нашей руководит
Рука безжалостной судьбы.
Село теперь не то, что прежде,
Нет церкви старой на горе,
Лишь Ленин в каменной одежде
Ветлугу видит на заре.
Река уж многие столетья
Несет потоки своих вод,
А берег – то изгибом плети,
То круговертью хоровод.
Проходит время без расчета –
Другая жизнь и новый век,
А годы наши без почета
Песком заносят воды рек.

Валерий Демидов

(г. Тула)

Родился 17 мая 1948 года в г. Болехово Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет ТГПИ им. Л.Н. Толстого. Трудился рабочим, преподавал. Более 10 лет работал в ряде газет Тульской области. Член Союза журналистов СССР. Печатается в журналах и альманахах. Автор двух книг и альбомов с песнями на свои стихи.

БАЛЛАДА О ВАЛЬКЕ

*Тулякам-«шестидесятникам»
посвящается*

1.

Он жил в старом тульском
бараке, –
Была одна мать, без отца,
И если случались вдруг драки,
Преградой вставал сорванцам.
И был не от мира сего он –
Искала чего-то душа,
И, детским наитием полон,
Чудные дела совершал.
По паспорту числился Валея,
Но кликали Пашкой его
(Отца так погибшего звали –
Не знал он о нем ничего).
Собаки его обожали,
И кошки крутились вокруг, –
Он азбуку Божьих скрижалей
Учил трудолюбием рук.
Бывало, что спал он ночами
С собакой в ее конуре,
И псы на него не рычали
В любом по округе дворе.
А свист из его голубятни
Был слышен в соседних дворах, –
И мир становился приятней,

И краше – невзрачный барак.
«Эй, Пашка! – кричали ребята. –
Айда поныряем в Упе»,
И бойкий отряд голопятых
Бежит по прибрежной тропе.
Он был – знали все – заводила,
А смелость и честность его
Врагов и друзей убедила,
Что дружба – превыше всего.
«Опять ты нашкодил, Вальюшка! –
Встречала его мама Маня. –
Портфель свой забросил
и с клюшкой
До ночи на льду атаманишь».
А он, доведенный журьбою,
Шел в угол, где веник стоял:
«Бей, мать! Виноват пред тобою.
Сорвался я, не устоял».
И рад бы пред ней извиниться,
Да стоит ли маму сердить, –
Не может сынок измениться,
И в школу не хочет ходить.
Всего лишь пять классов
окончил,
Да к матери в цех – на завод.
«Да, Валька к работе охочий», –
Глаголил слесарный народ.
Он, худенький, малого роста,

Лариску носил на плечах, –
Смешную девчонку-подростка,
Что в смежном дворе
повстречал.
Как кот, он ходил по заборам,
И уличный шаткий «канат»
Был их завершением спора
В тот день цирковых клоунад...

2.

А годы летели, со временем
споря.
И он – не мальчишка уже,
И близок тот час материнского
горя
На страшном судьбы вираже.
«Вы слышали, Валька
на дембель уходит?» –
Прошла по бараку молва.
А он в это время в солдатском
походе
Пел старого марша слова.
Вдруг мощное тело армейской
машины
Ударило Вальку в плечо...
И, словно кнутом, старшина
матерщиной
Водителю крикнул: «... Ты че!»
Солдата подняли, но пульса
уж нету,
А там, где висок, словно нить,
Струилась кровинушка к сини
берега,
Пытаясь его обагрить...
А мать накануне увидела парня –
Он шел с чемоданом в руке,
И радостно вырвалось:
«Это же Валя!»,

И бросилась в старом платке...
Уж очень похож этот парень в
бушлате
На Вальку, родного сынка.
«Прости, обозналась. Да вы –
будто братья,
Как в реченьке два бережка».
Наутро в барак принесли
похоронку...
Платок ее на пол упал,
И плакала мать то беззвучно,
то громко
На том сундуке, где он спал...

НАСТРОЕНИЕ

Прогулка по Ясной Поляне

Я вам пропою о настроении,
расскажу, чем радостна душа.
До сих пор во мне живут
мгновения:
воздуха, которым я дышал,
вид лесов, в которых заблудился,
гладь реки, и блики на воде, –
русский дух здесь, кажется,
родился
посреди березовых одежд.
Старый пруд все также манит
взоры,
распустился яблоневоый сад,
и районный близлежащий город
не испортил прежнего лица.
Домики, усадьба и конюшня,
пасека близ липовых аллей –
все России памятно и нужно,
все важнее рифм и бакалей...
Всякий раз, когда бываю здесь я,

очищаю душу от сует, –
русские чертоги поднебесья
знали даже звуки кастаньет.
Здесь царит особый вид покоя,
Дух всесильный заполняет
плоть,
даже то, что было неживое, –
оживил живущий здесь
Господь...
Воспеваю Ясную Поляну,
где бродил я допоздна вчера,
встретил и Болконского, и Анну,
милого Безухова Петра.
А под вечер на «Прешпекте»
старом
с палочкой прогуливался он –
величавый, седовласый старец,
и ему отвесил я поклон...
Я, и вы, все те,
кто здесь бывали, –
дружная толстовская семья.
Нас слова пророческие звали:
«Все мои писания есть я».

В ТУЛЬСКОМ ПАРКЕ

Осенний парк – поэзия природы.
Здесь злато листьев щедро
правит бал.
Я словно бы присутствую
при родах
Прекрасного, что дарит мне
судьба.
Шуршит листва, щебечут мило
птицы,
Укрыли солнце тучи-корабли,

И хочется на травы опуститься,
Чтоб силы взять у матушки-
земли.
Бегут по веткам белки-озорницы,
В скворечне что-то делают
воробьи...
Душа зовет природе поклониться
И сбросить, как листву,
грехи свои.
Я в «бабье лето» снова молодею,
И кажется, что осень – это шаг
К той вечности, в которой
не седеют,
Где во Христе спасается душа.

РАСТЕТ ЛОПУХ

Растет лопух.
Неприхотлив, невзрачен.
Не на газоне –
С краю бытия.
Репей бездомный,
Но так много значит, –
Он главный там,
где родина моя.
Он окружен
Бурьяном молчаливым.
Здесь тишина.
Кузнечики звенят...
Лопух и я:
Живу среди крапивы,
Все время
Обжигающей меня.

ТЫ ВИДИШЬ СУДЬБЫ

Сергею Крестьянкину, члену СП России

Ты видишь судьбы.
Ты ведь видишь судьбы?

Все, что ты пишешь, – это жизнь
и есть.
Ты слов и мыслей не рождаешь
всуе
И не меняешь истину на лесть.
Ты вечно беден. Ты ведь, правда,
беден?
Ни денег нет, ни дачи, ни машин.
Но кто сказал, что легкий путь
к победе
Весомей трудных нравственных
вершин?
Ты знаешь цену творческому
слову,
Не суетлив в издании трудов
И правишь текст, черкаешь
фразы снова,
И терпеливо ждешь своих
плодов.
Ведь на земле, где дух Толстого
вечен,
Где Бунин жил, Есенин часто
был,
Нельзя, понуро опустивши
плечи,
Брести под грузом странницы-
судьбы.
Писатель тот, кто с болью
в сердце пишет,

Кто освещает жизни темноту, –
Тебе, Сергей, такой писатель
ближе,
Кто не бросает слово в пустоту.
Не бродишь ты по сайтам
Интернета –
К бумаге с ручкой тянется рука.
Твои рассказы – как стихи поэта,
Твои стихи – как русская река.
И жизни соль безропотно
вкушая,
В смиренном лике плоть свою
храня,
Ты говоришь нам, что любовь
большая
Сильней неправды, ветра и огня.
Пусть часто мир, где правят зло
и деньги,
Не ценит то, чем ты сейчас
живешь, –
Но по твоим парнасским
ступенькам
Идут и старики, и молодежь.
А волосы стремительно седеют,
Но разве в них сей жизни
красота? –
Читая книги, люди молодеют
От эликсира книжного листа.

Ольга Борисова (г. Самара)

Борисова Ольга – поэт и переводчик поэзии с болгарского и французского языков. Живет в г. Самара. Член Российского Союза профессиональных литераторов. Автор книги стихов "Как мимолетен день. Победитель 35-го Международного поэтического конкурса «Цветочные игры в Пиренеях».

БРЕДУ ПО МОКРОЙ МОСТОВОЙ...

*«Я быть устал среди
людей...».*

М. Волошин.

Бреду по мокрой мостовой.
Как неприветлив тусклый город!
Усталый, серый, чуть живой.
Его пронзает дождь и холод.
Скитаюсь я среди людей,
Промокшая, для всех – чужая...
Среди примолкших площадей
Свой путь несмело продолжаю.
И что ищу? Что нужно мне?
Куда иду сквозь дождь упрямо?
Блеснувший лучик в вышине
Мне показал дорогу... к храму!

ВРАЧУЕТ ДУШУ МНЕ ПРИРОДА

*«Спешу из города я в глушь,
Когда все силы на пределе...».*
О. Борисова.

Врачует душу мне природа,
Когда, устав от суеты,
Спешу я к волжским синим

водам
И берегам своей мечты.
И, сбросив с легкостью одежды
На опаленные пески,
Плыву я вдаль, в простор
безбрежный,
Где волны плавны и легки.
Там чайки кружат над рекою,
И лечит душу тишина.
И к безмятежному покою
Зовет хрустальная волна.

ЭТО РУСЬ

«...Над Россией Божий свет...».
В. Осипов.

Бесконечные дороги,
И без края – синь небес...
Седовласые пророки,
Золотой на храме крест...

Это – Русь моя святая!
С нею – Божья благодать!
Нет другого в мире края,
Где б могла счастливой стать.

Здесь все просто, все знакомо:
Лес, озера и поля,

Ель колючая у дома,
У дороги – тополя...

А в дому горит лампадка
Пред иконами в углу.
Печка. Детская кроватка.
Пестрый коврик на полу.

Спит малыш в кроватке сладко,
Сжав ладошки в кулачки.
Дед зайдет, взглянет украдкой,
Приподняв на лоб очки.

А хозяйка молодая
Все хлопочет у плиты:
То нальет дедуле чая,
То крошит ножом плоды.

Во дворе кудахчут куры,
На посту своем петух;
От безделья пес понурий
Лег в тенечек под лопух...

И хозяина к обеду
Поджидает каждый тут.
За столом ведут беседы
И вершат домашний суд.

И живут так год за годом,
Коротая вместе дни.
А гуляют – всем народом!
В горе – тоже не одни.

Это Русь моя святая:
Ширь, простор и тишина.
Здесь проходит жизнь простая,
Бед и радости полна.

БЕЛАРУСИ...

Улетаю.... Прощай, Беларусь!
«Зачыняюцца дзверы» – и взлет.
Но в душе моей тихая грусть
К твоим весям обратно зовет.
Прилечу я, когда синий лен
Над Полесьем зажжет острова.
Кто в тебя еще с детства
влюблен –
Не бросает на ветер слова.
От России глубокий поклон
Привезу я с собою опять.
Пусть над нами всегда небосклон
Будет мирно лишь солнцем
сиять.
А сейчас: до свиданья, страна!
«Зачыняюцца дзверы» за мной.
Русь с тобою на все времена
С несравнимой любовью земной.

МОЛИТВА

*"Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь".
Ф. Сологуб.*

Земля моя, святая Русь!
Люблю твои поля, просторы.
И золоченые соборы,
В которых истово молюсь.
Пусть Русь живет во все века!
Прошу тебя всечасно, Боже.
Нет для меня страны дороже,
Моя любовь к ней велика.
Пусть держит гордо щит и меч.
Не дай ей быть рабой в неволе,
А венценосной на престоле,
Чтоб в ней все русское сберечь!

Семен Гонсалес (г. Самара)

Зовут меня Евгений Сидоров, публикуюсь под псевдонимом Семен Гонсалес. Родился в 1979 году в городе Баку. Я самарский поэт, член РСПП, автор поэтического сборника «Городские тени». В 2013 году стал лауреатом международного фестиваля «В стенах серебряного века» в номинации «Модернизм».

АТАКА МЕРТВЕЦОВ*

Тринадцатая рота – в живых
осталось мало;
Ошметки гарнизона, не взятый
Осовец.
Вчерашние крестьяне – им меч
взамен орала,
Им мужество и слава,
им жертвенный венец.
Германская машина не знает
остановок –
Империя в прицеле, остался
марш-бросок.
Тут хлорные туманы съедают
лес винтовок,
Тут каждое мгновенье бьет
выстрелом в висок.
И русские ребята, помеченные
смертью,
Из газовой напасти, из ада,
из огня
В атаку штыковую, ведомые
лишь честью,
Отправились без страха, отчизну
не кланя.

Кровавые обмотки, пропитанные
тряпки –
Опешили германцы –
атака мертвецов!
И дрогнула «машина»,
расстроились порядки,
Ведь даже смерть пасует
при виде храбрецов!
Трубили отступленье, бежали
супостаты;
Ни порохом, ни хлором
не сломит немчура!
Последняя атака, бессмертные
солдаты,
В тот неприметный август
под хриплое «ура»...

** «Атака мертвецов» – распространенное публицистическое название контратаки 13-й роты 226-го Землянского полка 6 августа 1915 года, при отражении немецкой газовой атаки. Эпизод обороны крепости Осовец на Восточном фронте во время Первой мировой войны.*

Из статьи В. Воронова:

«Но когда германские цепи приблизились к окопам, из густо-зеленого хлорного тумана на них обрушилась... контратакующая русская пехота. Зрелище было ужасающим: бойцы шли в штыковую с лица»

ми, обмотанными тряпками, сотрясаясь от жуткого кашля, буквально выплевывая куски легких на окровавленные гимнастерки. Это были остатки 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка, чуть больше 60 человек. Но они ввергли противника в такой ужас, что германские пехотинцы, не приняв боя, ринулись назад, затаптывая друг друга и повисая на собственных проволочных заграждениях. <...> Это сражение войдет в историю как «атака мертвецов».

ЗАБЫТЫЙ СЕАНС

Серо-бурая пыль маскирует
оттенки желаний,
Распадается вечность на тысячи
маленьких «но».
Новый бог призывает адептов
идти на закланье...
Только, кажется, все это было
в каком-то кино.

Очень хочется новых премьер
и забытых иллюзий,
Даже хочется верить в простую
житейскую блажь,
Возведенную в ранг панацеи.
Меняются люди,
Все меняется в мире, никто
не считает пропаж.

Ввысь растут города, появляются
новые тренды,
Хомо сапиенс душу готов
обменять на новье.
Только вот что страшит – вдруг
разбудит обрыв киноленты...

Оператор небесный воскликнет:
«Ну, вот. ...-мое!»

Обернутся адепты, рабы
самозванного бога,
И увидят друг друга совсем
без примочек-прикрас.
Это просто фантазия... так,
беспричинна тревога...
Впрочем, все может быть –
драму сменит когда-нибудь фарс.

И развеется пыль, что скрывала
оттенки желаний.
Соберутся осколки, вся вечность
откроется враз.
Ни одно божество не дождется
колен и камланий...
Ведь окончен сеанс, кто придет
на повторный показ?!

ЛУННАЯ ТОСКА

Опять луна, опять тоска тягучая,
Опять вселилась сумрачная
блажь...
Лилит? Геката?* Кто сегодня
мучает?
Два зла – из них я выбираю
худшее,
И снова импульс! Снова дикий
раж!

И я свой бред опять шлифую
водкою;
В сумбурных мыслях где-то
Божий свет.
Судьбу терплю, не ахаю,

не охаю...
Сарказма бес, ко мне пришедший
крохою,
Стал всемогущ, и это не секрет.
К мечте тропа, заросшая
крапивою,
Давно не манит, не ласкает
взгляд.
Но плещет жизнь приливами,
отливами...
Опять луна, опять моя
тоскливая...
Лилит, Геката, лейте в кубок яд!

** Богини ночи, лунного света и темных сил.*

ЧУЖАЯ ВОЙНА

Чужая война, как разбитое
зеркало счастья...
Ушедшее лето надежд,
потускневших от слез.
Живут города, с каждым днем
привыкая к напасти,
А люди бегут, разлетаются
целого части;
Яремные будни Арес*
за кордоны унес.
Военный рассвет,
пропитавшийся братскою кровью,
Окрасит долины, и вспыхнут
огнем ордена.
Йод громких речей не залечит
души, только болью
Нахлынет из памяти то,
что казалось лишь ролью...

А кто виноват? И чужая ли это
война?

** Арес или Арей – бог войны в древнегреческой мифологии. В отличие от Афины Паллады – богини честной и справедливой войны, Арес, отличаясь веломством и хитростью, предпочитал войну коварную, войну ради самой войны.*

ИГРА

Я фрик! Я фейк! Я глэм!
Я просто джокер!
Моей души мне неизвестна
масть,
Но вашу я легко могу украсть...
Да, я такой! Сам от себя я
в шоке.

С богами часто я играю
в покер...
Ждет публика – могу ли я
упасть?
Но вот блефую. Ставка. Хохот. Пас.
Я в теме, я в игре – несусь
в потоке!

Когда-нибудь я проиграю все,
Но также продолжаться будет
шоу.
Свое мне хокку посвятит Басе...
За упокой плеснут коньяк
дешевый...

И пришлый бес примерит мой
парик.
Зал рукоплещет – славься новый
фрик!

Виктор Иванов

(г. Тула)

Иванов Виктор Евгеньевич. Родился в 1962 г. в городе Череповце Вологодской области. В 1989 г. переехал в Тулу. В 1994 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор сборника стихов «Я выхожу на Свет».

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ ОБЕЗГЛАВЛЕН

Зачат был Иродом – и Иродом
родился!
И убоился рода своего –
В отцовском храме клялся
и божился,
Что славит только Бога одного.
Что клятвы? За решеткою
Креститель.
А Ирод вновь устраивает пир.
И самый званый гость... да –
искуситель,
Гордынею поправший падший мир.
На ложе возлежит в беленой тоге.
Павлины, халкедонские тунцы,
Горшки с вином. Здесь речи
не о Боге.
Здесь прелести плясуньи – на весы.
И снова клятва. Клятва! Клятва всеу.
Бравада перед званными... И вот –
Тот, самый жданный, гость идет
к плясунье,
К Иродиаде за руку ведет.
«Предтечу?!»... Он пророка зов
не помнил.
Не понял. Просто нравилось ему,
Когда летели мысли вольной кони
По скованному римскому уму.
Его слова он слушал – не услышал.

Что истина? – забава для царей.
Оруженосец по приказу вышел.
А вдруг солдат правителя мудрей?
Но вслед за ним – тот гость,
лукавый призрак.
Он за спиной крадется – рад помочь.
Луна распалась на куски,
как призма,
И черный плат небес надела ночь.
Меч поднят, но дрожит еще
в сомненье.
А вдруг... А все же... Вдруг
не упадет?
Но кто-то меч толкает
в исступленье
И торопливо блюдо подает...
Главу пророка пронесли по кругу.
Бессовестно, как лучшее из яств.
И в шутках гости вторили
друг другу.
И Соломия вновь пустилась
в пляс.
Но кончен пир. Кровавое похмелье.
В обедках спят уставшие рабы.
А Ироду вдруг снится Воскресенье
Того, Кто выше власти и судьбы.
И снится: моет руки он с Пилатом,
Чтобы Мессию пригвоздить
к кресту...
Он просто пригласил на пир
когда-то

Того, кто преграждает путь к
Христу.

ГВОЗДИ

Упавшие с креста, вонзились
в землю гвозди...
Как выжила она, пронзенная
насквозь?
Мы умножаем боль, но что ей
наши козни –
Ей молча смерть Христа
перетерпеть пришлось.
По времени шипам, чтоб вырвать
эти гвозди,
Изгой мира шли сквозь тьму
грехов своих.
Лишь посох взяв с собой –
не винограда грозди.
Еще надежда есть, что я один
из них.
Не так!
... Что я приду, хотя бы
в час свой поздний,
Больной, но приползу
к подножию креста,
Чтоб вырвать из Земли
заржавленные гвозди.
Хотя бы из Земли. Жаль
не из рук Христа.

МОЛИТВА

Господи! Воля Твоя на опалу
и милость.
Но, преклоняя колени, смиренно
молю:

Что для меня так обидно и горько
не сбылось,
Да не обидит сына и дочурку
мою.
Господи! Воля Твоя, все приму
без роптанья,
Веря: в беде и в удаче Тобою
храним.
Дай же до капли испить мне
ту чашу страданья,
Что на земле уготована детям
моим.
«Счастье» – такое до боли
знакомое слово.
Юность ласкала нас им
как ревнивая мать.
Благословенье Твое по-отцовски
сурово,
Но, как Отец, дай им счастья хоть
миг испытать.
Не обдели их водою, дай сытного
хлеба,
Так престарелых родителей
пестует сын.
И не позволь, не позволь
отвернуться от Неба,
Чтоб не изведать безверья
мертвящую стынь.
Щедрость твоя неизбывна
как свет во вселенной,
Что поцелуем смеженных
касается век.
Не отрекись от земли этой
грешной и бренной,
Где о молитвах почти позабыл
человек.

Наталья Силаева

(г. Серпухов Московской области)

Родилась в 1989 г. Начала писать стихи в 16 лет. Член МЛО «Муза» при доме-музее В.В. Вересаева г. Тулы. Состоит в Московском Совете литобъединений. Имеет многочисленные грамоты и дипломы. Публикуется в коллективных сборниках, альманахах, периодических изданиях, в т.ч. в журнале для детей. Вышли в свет два сборника стихотворений. В 2010 году создала молодежное литобъединение «Клио» в г. Серпухове, руководителем которого сейчас и является. Имеет личный сайт: www.stihi-natali.ru

Я по синему-синему небу
Напишу, как люблю эту жизнь.
Расскажу всему миру по ветру,
Как душа хочет вырваться ввысь.
Я послушаю землю родную
В ее чистой природной красе.
Оживает душа и ликует,
Когда солнце идет к высоте.
Растворюсь я в дожде без остатка –
Он прольет все душевную боль.
Одиночество может быть
сладким,
Если сердцем ты тоже со мной.

Нет-нет, я не устала верить...
Я только лишь устала ждать,
Устала боль слезами мерить,
Надеждой раны зашивать.
Мне надоело то, что рядом,
Устала я от "просто быть".

Весь мир пропитан сильным
ядом,
А я всего хочу ЛЮБИТЬ.

Я в прошлое немного заглянула,
Прошла по счастья своего
следам.
Ведь с моего пути оно свернуло,
А где, когда? Ну кто бы
подсказал...
Я с одиночеством вела беседу,
Со временем – азартную игру.
Мой мир теперь стал
черно-белым.
Из лабиринта я все жду судьбу.
Она совсем недавно заблудилась:
Промчался год, а может быть,
и два...
Как многое случилось,
не случилось –
Биенье сердца помню, как вчера.

Рудольф Артамонов

(г. Москва)

Родился и живет в Москве. По профессии врач-педиатр с пятидесятилетним стажем. Член Союза журналистов г. Москвы

ПЯТЬ РОМАНСОВ

РОМАНС В СТИЛЕ РЕТРО

Я вас люблю, не выразить словами
И доли чувств, теснящихся
в груди, –
И жизнь скучна, прожитая
не с вами,
И не видать отрады впереди.
Мой милый друг, зачем вы
пробудили
Во мне давно уснувшие мечты.
Не обратить уже те грезы в были,
Не оживить увядшие цветы.
И вот иду, опять один, как прежде,
С поникнувшей седою головой,
Оставив в прошлом все свои
надежды,
Смирившийся с печальной судьбой.
Но в памяти порою возникают
То милый взгляд, то нежные слова,
И только я, другой никто не знает,
Что только этим жизнь моя жива.

РОМАНС В СТИЛЕ ДЖАЗ

Ты моя Дульсинея Тобосская,
Я твой верный рыцарь Дон Кихот.
Пусть наружность моя неброская,

Отправляюсь в рыцарский поход.
Да-да-да, я худой, долговязый,
Но крепка рука моя с копьём.
Дульсинея моя Тобосская, я обязан

Прославить имя твое.
Я пойду по дорогам Ламанчи,
По холмам ее и равнинам
Как бы ни был лик зла обманчив,
Как бы ни был искусно изменчив,
Всем безжалостно им ранимым
Принесу любовь и удачу.
И скажу им, идите в Ламанчу,
Нет-нет-нет, не к господину!
К той, что всех ненаглядней,
К той, которую я назначил
Быть моей благородной Дамой.
И скажите ей: добрый рыцарь
Защитил нас от зла и коварства
Тех, кто выгоды ради по свету
рыскал.
Он же был за всеобщее братство.
Когда изнемогший, усталый,
(Сколько лет я прожил на свете!)
Приду и на одр мой лягу,
Ты склони надо мной лик свой
светлый
И скажи

– Дон Кихота не стало.

**РОМАНС В СТИЛЕ
МОДЕРН**

Я Вас люблю, не требуя награды.
Любуюсь Вами лишь издалека,
Когда в шелках идете вдоль ограды,
Как ангел, как видение легка.
Куда идете Вы, кому несете
Счастье?
Кто обовьет Ваш легкий нежный
стан,
Кто в темном парке узкое
запястье
Возьмет в поклоне и прижмет
к устам?
Он пригласит Вас в ресторан
у пруда,
Где музыка дурманит и пьянит,
И в танце поведет, и голову
закружит,
И восхитится прелестью ланит.
Ночь пролетит как дивное
мгновенье,
Исполненная ласки и любви,
Вина, цветов и скрипок пенья,
И полыхания зари.
Когда в шелках пойдете вдоль
ограды,
Как ангел, как видение легка,
Иной не надо мне награды –
Лишь легкий жест издалека.

РОМАНС ХУЛИГАНА

Ну и что, что я хулиган.
Таким уродился.
У меня в кармане наган,
Но им никогда не гордился.
Помню лишь только мать.

До сих пор – это святое.
Вряд ли тебе понять,
Что это такое.
Уркою не был,
Блатняк не любил.
Был сам по себе.
Знай, я никого не убил.
Верь, как самой себе.
Но за тебя, за любовь,
Которая выпала мне,
Морду набью в кровь –
Свет не видать в окне!
Сможешь ли ты любить
Отпетого хулигана?
Нет? Я могу застрелить
Себя из того нагана!

**РОМАНС
ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО
ЧЕЛОВЕКА**

Я пребывал в тупом незнание,
Что быть могу предметом чувств.
Случилось как – слова признанья
Могли сорваться с Ваших уст?
Ужели это – в самом деле,
Быть может, это снится мне,
Что милой, юной, нежной деве
Явился рыцарь на коне.
Теперь я знаю – я Ваш рыцарь,
Немножко хил, немножко тощ.
За Вашу честь я буду биться
Во всю доступную мне мощь.
Мощь слова и воображенья.
Увы, других орудий нет.
Как эти Вам соображенья?
Какой дадите мне ответ?
И знайте, милое создание,
Каким бы ни был Ваш ответ,
Во всем огромном мирозданье
Вернее сердца ... просто нет.

Игорь Боронин (г. Тула)

Годы жизни: 1959 – 2014. Родился в Охе на севере Сахалина. В 5 лет переехал в Богородицк Тульской области. Окончил машиностроительный институт. До 2002 г. служил в армии. Уволился в звании майора. Стихи и песни стал писать еще в армии. В Интернете подружился со многими замечательными людьми, повлиявшими на творчество поэта и барда. В Туле для него распахнули свои двери клуб авторской песни «Бригантина», клуб «Пегас», православные клубы писателей «Ковчег» и «Родник», Конгресс интеллигенции Тульской области.

ТЕОРЕМА «СПЕШИТЬ»

*Пони бежит по кругу
И в уме круги считает.
Ю. Мориц*

Успешные люди есть спешные люди!
Спешат, добывая удачу «на блюде»!
Уходят «в песок» безвозвратно года,
Успех не дается, увы, без труда.
Успешность и спешность... Слова эти – братья.
Отнюдь не безгрешность их держит в объятьях.
Успешности время, как все, я ношу,
А значит бегу, задышаюсь, спешу.
Умом теорему «Спешить» понимаю,
Опять по накатанной... жить продолжаю.
Не вижу возможности все

поменять...

Сжигаю «свой век», не умею стоять.

Успешные люди, спешащие люди, Надеемся, Там передышка нам будет,

Но в новый виток свой разбег начинаем...

По сути – по кругу!

Круги лишь считаем...

МАННА НЕБЕСНАЯ

Мне бы небо взять руками
И в кадушку положить,
С синевою, с облаками
Размешать и замесить.
Сыпануть дождей немного,
Чтобы тесто вздулось вверх,
И прощения у Бога
Попросить за этот грех.
Боль людскую и страданья
Растолочь и посолить,
Взять щепотку отрицанья
И все это замесить.

Сахарку немного, соды –
И в духовку, не робея,
Остудилось небо чтобы...
(солнца жар в сто раз сильнее).
А в духовке боль растает,
Трансформируется в смех,
Зорькой горе засияет
И обдаст весельем всех.
Булки те, что испекутся,
Будут манною небесной,
С паром боли разойдутся,
А Добро насытит тесто.
Прилетит Орел стрелою,
Взяв корзину с пирогами,
Разбросает над землею,
Чтобы все счастливей стали.
Манна с неба, свет и радость...
Буду ртом ее ловить!
Засмеется солнце даже:
«Как прекрасно стало жить!»
Синева вернется снова,
Открывая путь добру!
Жизнь – прекрасна!
Право слово...
Жалко... грежу наяву!

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

(шуточное)

Дурею от скуки,
Жгут творчества муки,

Строка не ложится,
Сжимаю кулак,
Рифмую: «Разлуки –
Распахнуты руки...».
И тут же черкаю...
Не так все! Не так!
От быта взрываюсь,
Хандрю, спотыкаюсь:
«Повесить гардину?
Уйди! Не мешай!
Ты ж видишь, что маюсь,
Слезой обливаюсь...
Найди лучше рифму
На слово – трамвай!»
Вновь к Музе взываю,
Прошу, умоляю:
«Спускайся на Землю,
Меня вдохнови!»
Глаза закрываю,
Ментально летаю,
Чтоб там отыскать
Свет безумной любви.
А Муза вздохнула,
Халат отряхнула:
«Ты можешь! Ты сильный!
Тебя я люблю!»
Белье простирнула,
Взяв вещи со стула:
«Вот борщ доварю
И тебя вдохновлю!»

Светлана Люкшина

(г. Тула)

Родилась в г. Туле в 1961 году. Окончила Московский институт (сейчас университет) культуры. Работала в Яснополянском детском доме, в библиотеках г. Тулы. В настоящее время – ведущий специалист Центральной городской библиотеки им. Л.Н.Толстого. Стихи начала писать с 20-ти лет.

Черные тени – на спящих
лицах...
В окне – твой надломленный
силуэт.
Это больница. Здесь плохо
спится.
Ты потерпи. Уже скоро рассвет.
Сквозь мрак этой ночи
К тебе протяну ладони...
Видишь, – в них звезды дрожат?
Сквозь боль этой ночи,
Сквозь крики и чьи-то стоны
Слышишь, как струны звучат
Моей тихой скрипки?
И если задремлешь, то пусть тебе
снится
Над морем жемчужным парящая
птица!

СТРАННИК

Его гнал не ветер – смерч.
Но вот и конец пути...
Одежда порвана – в хлам
И содраны – в кровь – ступни.
*«Ах, если бы здесь, наверху,
Остаться, раскинуть сад...»*
...А у подножья холма

Чудовищем дышит град.
*«Зачем Ты выбрал меня?
Я уже немощен, стар.
И, Господи, видишь Сам, –
Как я смертельно устал.
В груди моей слаб огонь,
Ему не рассеять мглу.
Провижу все наперед:
Темницу, злобу, хулу...
Увидеть бы хоть на миг
Сияние твоих риз...»*
Вдруг с неба – «Вставай. Иди!»,
И странник спустился вниз.

Я, уходя, оставлю лишь стихи...
Да, знаю, что они несовершенны,
Но как бы ни были они плохи, –
В них воплощение любви
нетленной!
Когда-нибудь ты все же их
прочтешь
И ощутишь в словах души
свечение.
Когда-нибудь – я знаю –
ты поймешь
Моей любви и нежность,
и смятенье...

Я не вхожу в число прекрасных
дам,
Которые навязчивы, как осы,
Я лишь молюсь и плачу
по ночам...
И нет ответов на мои вопросы...
Узнаешь ли ты о любви моей?
Я лишь в стихах могу признаться
в ней...

Читать твои стихи – как слушать
ветер,
Такая же родная боль в груди.
Как быстро день прошел, и снова –
вечер.
И никуда не хочется идти...
Твои стихи влекут неудержимо.
В них – вся твоя душа. В них все
сбылось.
И все-таки, мой друг,
несправедливо,
Что в этой жизни мы навеки
врозь.
Нет-нет, я не ропщу.
Я благодарна
За то, что я одна, что вечер тих,
За то, что встречи редки
и случайны,
За то, что музыкой звучит твой
стих.
За то, что от страстей, меня
терзавших,
Свободна я. И это дар благой...
В лесу стихов я –
путник заплутавший...
Нет, мы не врозь, ведь я дышу
тобой ...

Такая боль в груди...
Поговорим.
Послушай!
Храм трудно возвести, но так
легко разрушить.
И вот лишь воронье и псов
голодных свора...
И плачет ангел над руинами
собора.
Любовь приходит к нам
и озаряет душу.
Она – наш дивный храм, и мы ее
разрушим?
И что взамен любви отыщем мы
на свете?
Над пустошью льет дождь
и глухо стонет ветер...
Но, может быть, мой друг,
не поздно все исправить,
Пока наши сердца не остудила
наледь?
Средь туч и облаков ты видишь
неба просинь?
Давай поговорим, пока вершится
осень!

Сергей Резвяков

(г. Тула)

Работает токарем. Пишет стихи, в том числе для детей и о детях. Любит природу, увлекается фотографией. Член Православного клуба писателей «Ковчег» при Тульской духовной семинарии.

Уже на полях зацветает картошка –
Опахивать нужно, чтоб стала
крупней.
И так вот все лето: хотя бы
немножко
То полешь, то таяешь –
возишься с ней.
Опахивать нужно. В селе
суматоха,
Народ потянулся с утра на поля.
Где лошадь достать? – лошадей
не так много.
Отец не спешит – у нас лошадь
своя.
Готово все с вечера. Спят еще
хаты.
Соху загрузили на старенький воз,
Уселись и сами, и Мальчик
мохнатый
По тряской дороге нас к полю
повез.
На месте отец коня быстро и
ловко
Распряг из повозки, в соху
обратал –
Мужик работающий, крестьянской
сноровки

Он в детстве еще лет с восьми
нахватал.
Веселый и строгий, он любит
порядок:
Проверил упряжку и сзади зашел –
– Веди, – говорит, – жеребца
между рядок
И, взявшись за ручки,
Но! – крикнул, – пошел!
Трудились, себя не жалея, –
до пота,
Старались успеть до полдневной
жары.
Наступит жара – прекратится
работа –
И лошадь, и нас загрызут
комары.
Домой воротились довольные,
сели
За собранный матерью
праздничный стол.
Отец выпил водки, обильно
поели,
И я досыпать на конюшню
пошел.

В саду оделись инеем деревья,
И месяц, неизменный страж
ночей,

Сияя в небесах, в одно мгновенье
Украшил ветки множеством
свечей.
Искрился снег под нашими
ногами,
Мы тихо шли, любуясь красотой.
От легкого морозного дыханья
Посеребрился нежный локон
твой.
Была ты удивительно красива
Среди снегов и праздничных
ветвей.
Снежинки падали, кружась
неторопливо,
В твою ладонь и таяли на ней.

*К стихотворной переписке
Пушкина и святителя
Московского Филарета*

Боже, мне Твоею властью
Жизнь свободная дана
И в оковах темной страсти
Мною быть осуждена.

Дух томится в келье тесной,
Сердце движется мечтой –
Воссияй живой, небесный
Свет, дарованный Тобой!

Людмила Пенькова

(г. Тула)

*Автор двух поэтических книг. Публикуется в коллективных
сборниках Регионального Общественного Фонда содействия и
развития современной поэзии "Светоч" (Москва) и в альманахе «Ковчег».*

Прощается август: в запасе три дня.
Сентябрь предвкушает свое
появление:
Не терпится взглядом окинуть
владенья,
Придать изумрудам оттенки огня.
Сентябрь не устойчив в эмоциях
ярких:
То солнцем прильнет к красоте
георгина,
То слезно вздыхает вслед
птичьему клину,
Воркует с рябиной в объятиях

жарких.

Мечтает под блюз паутинового
диска,
Лохматит прическу осеннего
клена –
Ведет себя, словно мальчишка
влюбленный...
Ноябрь пусть горюет,
что зимушка близко.

Есть в Рождестве Твое посланье
Из вечности для нас, мой Бог!
Твой путь один из всех дорог –
ЛЮБВИ безбрежное сиянье.

В нем к совершенству шаг
за шагом
Нас приближаешь мудрым
словом.
Духовной зрелости основу
Даруешь для земного блага.
Есть в Рождестве Христа полет
Для постижения свободы,
Что Истиной питает годы.
В нем жизни благодной оплот.
Есть в Рождестве Христа Родник,
Что утоляет духа жажду.
Его воды, испив однажды,
К нему стремишься каждый миг.

СВЕТ ЛЮБВИ

Свет Божественный тьма
не сокроет,
Как бы ей ни хотелось вершить!
Свет Любви исцелит, успокоит,
Даст ответ на вопросы
«как жить?»
Он извечно мудростью льется
И не знает для отдыха час.
Свет любви для спасенья дается,
Озаряя прозрением нас.
Этот свет в благодатном деянии
Загорается сердца огнем,
Очищает слезой покаяния,
Светит солнцем любви. В нем
одном
Сил небесных защита без края,
Величайшая щедрость Творца
И дорога, ведущая к раю,
Дни судьбы для творенья венца.
В нем душа в суете не скудеет,
Тьмы унынья не пробует яд,
Словно в пору весны молодеет,
Превращаясь в Божественный сад.
Тьма ничто пред сиянием света,
Что является Жизни дыханьем.

Этим светом живое согрето
И цветет красотой созиданья.
В этом свете купаются птицы,
Улыбаются миру цветы.
Этот свет благодатью струится
В проявленях любых доброты.
В нем течение веков и мгновенья,
Океана, звезды и мечты.
В нем Божественных слов
откровенья.
В нем все сущее. В нем я и ты.
Свет любви расстоянья не знает,
Не глядит в календарь скорых лет.
Сердце Бога нам путь освещает,
Путь, в котором для тьмы места нет!

ДАЙ ЖЕ МНЕ СВЕТОМ ТВОРЦА ПРОСИТЬ

Бьется о твердь безразличья душа.
Ей бы на волю – воды родниковой.
Ей бы услышать небесное слово...
Только хозяин души не спеша,
Глухонемой откликается ей.
Может, им быть навсегда
в параллели...
Мысли хозяина с ней не взлетели.
Он человек, но в упряжке страстей
Мчится за счастьем для радости эго.
Как же ему познавать Божество?!
Катится жизни – погони телега.
С виду – карета, внутри – ничего.
Пусто, темно и душа чуть жива
– Дай же мне, – просит, –
духовного хлеба.
Он для меня и полет и канва.
Солнце любви восхищенного мая,
Первого листика трепетный
взгляд,
Звезд вековых золотистый наряд,
Музыка жизни из самого рая.

Дай же мне крылья расправить,
летать,
С небом в едином цветении
слиться,
Правды Божественной вдоволь
напиться.
Дай же мне светом Творца
просиять».

Октябрь и сам собой залюбовался:

Мелодия поющей тишины.
Так безмятежны у младенца сны,
Что к маминой любви щекой
прижался.
Роскошное спокойствие берез,
Счастливое безмолвие рябины –
Открыла красота свои глубины,
Где от любви блаженство
родилось.

Сергей Никулов (г. Тула)

Никулов Сергей Александрович родился в с. Морозовы Борки Сапожковского района Рязанской области. С 1979 года, после службы в армии, проживает в городе Туле, работает токарем на заводе. Член Православного ЛИТО «Ковчег» и литобъединения «Пегас». Печатается в журнале «Приокские зори», альманахах «Ковчег», «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса».

Автор сборника стихов «Радуясь жизни» (2012 г.).

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Зазвал на Святках в гости друг,
Потешил добрым угощением.
И как-то получилось вдруг, –
Я припозднился с возвращением.
Покорна всем восьми ветрам
Автобусная остановка.
Не выручают и сто грамм,
Мороз приводит в чувство ловко.
Топчусь... Стоять уже невмочь.
В пушистый шарф попутчик дышит.
А у таксистов в эту ночь
Тариф – кремлевской елки выше!
Автобуса все нет и нет!
Мне кажется, – замерзли звуки!
Хватая тусклый лунный свет,
Каштан вздымает к небу руки.

Весь мир – в одном глубоком сне...
Но вдруг, в палитре абажура,
На третьем этаже, в окне
Возникла женская фигура.
Что как на блюдечке видна,
Она того не замечает:
Совсем другим увлечена –
Ребенка на руках качает.
И вся, – до кончиков ногтей,
Любовью светится бездонной.
Невольно восхищаюсь ей,
Как Рафаэлевой Мадонной...
Вот так Христа когда-то Мать
Укачивала ночью стылой,
Старалась к сердцу прижимать:
Младенцу в Яслях зябко было.
К плечу клонила голова...
Мария тихо напевала

Ребенку нежные слова.
И Ей – Вселенная внимала!
И ты – на ручках мамы спишь,
В тепле родительского дома...
«Расти на радость всем, малыш!
Пусть крест твой будет невесомым!»
Подумал лишь, и так тепла
Мне показалась та минутка.
Не чудо ли?! Как взмах крыла –
Вдруг распахнула дверь маршрутка.

ВАХТЕР

Он был на «ты» с любимым металлом,
Гордился мастерством своим,
И в жаркие часы «аврала»
Казалось, – был неутомим.
Но, время сглаживает горы,
Вдруг не по силам стала кладь.
И вот – он в «звании» вахтера
Стал проходную охранять.
Теперь он здесь – хозяин. Властвуй!
Стесняясь должности своей,
Он говорит негромко: «Здравствуй»,
Встречая у ворот людей.
Трудясь всю жизнь, – не стал богатым.
И, хоть виски припудрил снег,
Он, будто в чем-то виноватый,
Стоит под взглядами коллег.
В ночи, закрыв входные двери,
В раздумье дремлет за столом.
Во что-то, как ребенок, верит,
О вечном мыслит, неземном.
А в горнем мире, так же просто,
В такой же бархатной ночи,
Держа от райских врат ключи,
Дежурит в проходной Апостол.

Есть в нашей речи два неброских
слова,
Но значимей которых – не найти:

В них кроется и сущего основа,
И вечного: – «Спасибо» и «Прости».
Слова просты, а двигают горами!
Сопутствуя на жизненном пути,
Они с рожденья и до тризны с нами –
Надежнее друзей не обрести.
Когда душа, испытывая муки,
Стремится покаянью принести, –
Ей сам Господь протягивает руки,
Лишь слышится заветное: «Прости».
Звучит: «Спасибо», и в жестоком
сердце

Благоухают нежные цветы.
Одно словечко открывает дверцу
В волшебный мир добра и чистоты.
«Прости» – не призывает
к пустословью,
«Спасибо» – оградит от многих бед:
Слова насквозь пронизаны Любовью,
Венчающей бескрайний белый свет.
Без этих слов – душевных,
настоящих,
Вся наша жизнь никчемна и пуста...
Хочу я молвить их как можно чаще –
Для них Творцом дарованы уста.
«Спаси вас Бог», – я повторяю снова,
И верю, суесловьем не грешу.
А тех, кого обидел я хоть словом,
Меня простить покорнейше прошу.

ИСПОВЕДЬ

Пою хвалу Отцу и Сыну,
Святому Духу. И всерьез
Зову себя христианином.
А стал я им? Еще вопрос...
Среди соборного моления
Душа парит!.. Земное – прах...
Но, – рвут каноны размышленья
О незаконченных делах.

Господь зовет: «Иди за Мною,
Оставь ненужный груз забот».
А я в молчании не скрою, –
Мне дорог дом и огород.
Быть может, – близоруко вижу,
Иль цель безмерно высока:
Мне не Мария, – Марфа ближе,
Ворчанье старого станка.
До боли Ангелу обидно,
Да я и сам осознаю:
Мне, – много – жалко, мало – стыдно,
Без сердца нищим подаю.

Тщеславия пустого много,
Как повилики в городье.
Я знаю, что талант – от Бога,
Но похвалы хочу – себе.
Вдруг слово резкое сорвется
Из уст моих, как пес цепной,
А после – болью отзовется,
И сам я этому виной.
Куда ведет моя дорога?
На что я душу обреку?
Иль нужен гром, чтоб, слыша
Бога,
Перекреститься мужику?!

Валентина Пинаевская

(г. Тула)

Родилась 3 марта 1956 г. в г. Вельске Архангельской обл. Окончила Тульский политехнический институт, инженер-строитель. Член поэтического клуба «Вель» г. Вельска, тульского областного МЛО «Муза» при доме-музее В.В. Вересаева, православного клуба «Ковчег». Поэтесса публикуется в газетах, журналах, альманахах, московских и тульских литературных сборниках. Дипломант межрегионального фестиваля авторской песни «Медовый» (2009 г.) г. Кондрово Калужской обл., победитель интернет-конкурса «Самовыражение» (2011 г.), дипломант 4-го межрегионального фестиваля «Яснополяские зори» (2012 г.), победитель конкурса «Плавская осень-2012», победитель конкурса «Я вновь открываю Толстого» (г.Тула, 2013 г.).

ОСТАНУСЬ

– Не уходи, – шептала я закату,
Плененная кольцом любимых рук.
Сполна за счастье взысканная плата
Заменена купюрами разлук.
– Не уходи, – просила бабье лето
Продлить тепло стареющих сердец.
Закономерным послужил ответом
Лишь ноябрь сверкающий венец.
– Не уходи! – отца молила слезно,

Когда он встал у кромочной межи.
Но было поздно, слишком было
поздно
Вернуть его во временную жизнь.
Неведом срок, отмеренный нам
свыше,
Чей след омоют вешние дожди,
Но я останусь, если вдруг
услышу,
Как скажет кто-то мне:
"Не уходи..."

РАЗНЕВЕСТИЛОСЬ ЛЕТО

Разневестилось лето
скороспелой клубникой.
Я читала рассветы
как запретную книгу.
И несмелой рукою
открывала страницы,
не приемля покоя,
торопилась влюбиться.
Ах, ты, белая ночка!
До сих пор не забылось,
как за дальним лесочком
солнце спать не ложилось.
На рябиновой ветке
засиделось жар-птицей.
Мне мальчишка соседский
показался вдруг принцем.
Жаль, но юности буйства
им и не замечались,
стали первые чувства

белокурой печалью.
С не дареным колечком
и беды не случится,
увела от крылечка
зим и лет вереница.
Жизнь отнюдь не скупилась
на любовь, на улыбки,
только снилось и снилось,
что у нашей калитки
ждет парнишка влюбленный,
просветленный страданьем,
приглашает смущенно
в сотый раз на свиданье...
Срок пришел, и листаю
я неспешно закаты,
и с теплом вспоминаю
то, что было когда-то.
Снам счастливым не сбыться,
нет в живых того принца.
Солнце плавно садится
на ладони жар-птицей.

Владимир Пашутин
(г. Тула)

Родился 3 марта 1939 г. в г. Туле. В 1958 г. окончил ПТУ по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал учителем труда. В 1959 – 1962 гг. служил в армии. Окончил Тульское музучилище им. А.С. Даргомыжского в 1966 г. Работал директором детской МШ в г. Чернь Тульской обл., педагогом дополнительного образования в Туле в городском Дворце пионеров. Первая песня – «Октябратская звездочка». В 1985 г. Награжден почетной грамотой за песню «Тула – город-герой» и значком – «Победителю всесоюзного смотра в РСФСР». Песни печатались в «Молодом коммунаре», звучали по тульскому радио. Автор 3-х сборников песен под названием «Мы – наследники Левши» (1994, 1998 и 2008 гг.).

Вы слышите дробь барабана?
Идет поколение Войны.
Мы видим огни урагана,
Там ночи – похожи на дни.

На Тульской Толстовской Заставе
Не видно свободной межи,
Окопы ребята копают устало,
От вражеских танков становятся

«ежи».

Гудят от зари до зари, не смолкая,
Стервятники-«мессеры» в небе
родном,
На Тулу свинцовым дождем
поливая,
Сметая живое смертельным огнем.
Но встали в защиту на подступах
к Туле
Не только под Знаменем Красным
бойцы,
Под воем снарядов и танковом гуле
Солдатами стали и наши отцы.
А мы, пионеры, уже не играем
В Чапаева, Щорса, и просто
в войну,
Мы взрослым, как можем, в бою
помогаем,
Себя не щадим за родную страну.
Не стоит пугать нас фашистским
драконом,
Не лезем мы в щель, закрывая глаза,
Мы только взрослеем
под пушечным громом,
Для недруга-немца мы – тоже гроза!..

Не светятся окна Дворца пионеров,
В вечернюю пору сзывая ребят,
Теперь тут запахло на долгое время
Лекарством, наркозом и кровью
солдат.
Склонился друг Коля под кругом
лампады –
Для раненых письма черкает домой,
А рядом уступ самодельной эстрады:
Стихи тут читает артист молодой.
А Дубов Сашок с Анкудимовым
Димой
Бойцам свой представили
струнный кружок –
Не знают мальчишки
под крышей любимой,
Что смертный их час уж совсем
недалек.
Последний аккорд проиграли
артисты,
Отдали поклон и... ушли навсегда.
По снегу ползут они во поле чистом,
Шестнадцать им лет, молодые года.

Каюрова Екатерина

(г. Тула)

С отличием окончила филологический факультет РУДН (специальность – журналистика). Журналист, литератор, поэтесса. Автор сказок, рассказов, 2-х поэтических сборников: для детей и взрослых. Печатается в региональных, городских и областных газетах и журналах (стихи и проза), в сборниках. Член православного клуба «Ковчег».

ЛИКИ ОСЕНИ

Лики осени: дожди и разноцветье...
В мокрое плетеное лукошко
Соберу опять худые ножки,
Золото листвы добавил ветер,

Бересклет мне протянул сережку,
Чтобы я в очередном куплете
Вспомнила, зачем живу на свете,
И о том, что жизнь
не «понарошку»...

А Я «ПОЭТА» РИФМУЮ С «ЛЕТО»

А я «поэта» рифмую с «лето».
Из слов плетет он стихи-букеты,
Взяв разноцветье лугов в покосы
И в час рассвета – хмельные росы.

Нанижет сизый овес и вику
И сладко слижет с губ землянику,
Вплетет колосья пшеницы спелой
И заголосит он птицей белой...

Добавит шорох травы помятой,
Душистый донник и терпкость
мяты.
Грозы не слыша, листвы метели,
Заснет в стогу он, как в колыбели.

Грибы надвинут на нос береты,
Поэт корзину возьмет, при этом
Погладит серьги на бересклетах,
И тихо скажет: «Спасибо, лето»...

И я, признаться, грешу всем этим,
Вот и рифмую «поэта» с «светом».
Рифмую с «ветром», а как иначе,
Кто так о лете светло поплачет?

Солнышко теплится
В кронах берез,
Скоро отреплетя
Золото кос

Белой метелицей.
Близок мороз.
– Веришь?
– Не верится. Это всерьез?

Солнечный дождик
Прыгал окрест –
Яркую радугу
Взвел до небес!

С деревца сыплется
Солнечный свет –
Листики, листики,
Золотоцвет...

Осень нас радует
Теплым днем,
А на закате –
Туман молоком

В роще березовой...
Птичка, лети!
Ночи морозные
Ждут впереди.

Олеся Маматкулова

(г. Алексин Тульской области)

Преподаватель биологии. Автор двух сборников стихов. Публикуется в журнале «Приокские зори», во многих альманахах и сборниках. Лауреат районных литературных конкурсов. Награждена дипломом за II место в номинации «Ум ищет божества, а сердце – вдохновения» в XI конкурсе «Мой Пушкин». Победитель конкурса Московского Совета ЛИТО в номинации

«Художественные достоинства поэтических произведений». Участница областного МЛО «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева (г. Тула).

Нас время рассудит –
Оставит лишь нужных.
Подвержен простуде,
Завоев натужно
Осипший внезапно
Измученный ветер.
Весь в снежных заплатках
Проспект на рассвете...
И новое утро
Ворвется тревожно
Решением трудным:
Творить неподложно,
Без грязи, агоний.
Без лжи и бесстрашно.
Чтоб седалище – в ладонях,
Душа – нараспашку.
Пусть вьюга сурова
В круженье свистящем,
Но было бы слово –
Живым, настоящим!
И станет неведом.
Усиленный бытом.
Страх вовсе без следа
Остаться забытым...

Не скажу я и слова плохого.
О тебе пусть дела говорят.
Ветер золотом сыплет ольховым.
Греет берег осенний заря.

Тихо стонет река в перекатах.
Слышны всхлипы бегущей
волны.
Здесь нет правых
и нет виноватых,
Но горчит еще чувство вины.
И возносятся к небу молитвы,
Капли-слезы на солнце блестят.
Речка! Реченька! Горе разлито!
Вымок осени желтый наряд.
Как вода, я взываю, но тщетно!
Не суди!
И вздымается грудь...
Меркнут листья в сиянье
рассветном,
И со дна поднимается муть.
О тебе не скажу я плохого,
И печать наложу на уста.
Жизнь замолвит последнее
слово,
Все расставив легко по местам.

Собираю любовь по крупичам,
Наполняю свое бытие...
В небе туча седой ястребицей
Совершает беззвучный полет.
Вдаль торопится, крылья
расправив,
Редким снегом роняя перо.
Поредело к зиме разнотравье,

Почернели тесемки дорог.
Поубавилась в сердце надежда.
Не поют (солнца ждуг) снегири.
Руки-ветви подняв, небо держат
Станы тонких осин на заре.
Тишина. Утопает в безмолвье
Ширь родная. Зови – не зови!
И у ветра, что с нею помолвлен,
Я прошу: «Дай мне каплю
любви...»

В час ночной, заколдованный,
поздний
В дом крадется луны мягкий
свет.
Рассыпаются зернами звезды –

Это дни мною прожитых лет.
В небо долго смотрю и считаю,
Взгляд блуждает. Взлетает
во тьму
Птица счастья – луна золотая...
Сколько дней отдала я ему!
Ярким блеском, пронзая
пространство.
Бередят они память в ночи.
Но нет в жизни, увы,
постоянства.
Мало веды и много причин.
Скоко утро. все звезды погаснут.
Их склюет робко пташка-заря.
Но я знаю. что все не напрасно,
Не случайно, и точно – не зря!

Валентина Белевская

(г. Тула)

Родилась и выросла в г. Советске Щекинского р-на Тульской обл. В Туле живет с 1971 года. Окончила ТулПИ, затем курсы журналистики. 15 лет проработала в ТФ РПКТИ АСУ ТП инженером-экономистом. Трудилась внешкорром газеты "Коммунар" и "Молодой коммунар", позднее – замдиректора школы, а в настоящее время – в органах соцзащиты. Стихи пишет с детства. Печаталась во многих газетах и альманахах, в книге "Мы помним...". Член Православного клуба "Родник" и литобъединения "Пегас".

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ О СЕРГИЕ РАДОНЕЖСКОМ

(К 700-летию со Дня рождения
Преподобного)

*«Внимайте себе, братие.
Прежде имейте страх
Божий, чистоту душевную
и любовь нелицемерную...».*
(Завещание Преподобного
Сергия монастырской братии).

В одном семействе жил
мальчишка,
Способностями не блистал,
Учился грамоте по книжкам.
Старался. Так и подрастал.
Учеба тяжело давалась
Из братьев всех – лишь одному:

Им грамоту освоить – шалость,
Но сколько ж надобно ему!
В молитвах обращался к Богу,
От слез в глазах не видя строк,
Чтобы послал Господь подмогу –
В учебе отроку помог.
Считали все мальчишку
взорным,
Смеялись: «Хоть прочесть
сумей!»
... Однажды старца в ризе
черной
Увидел наш Варфоломей.
Пожаловался на мученья,
Желая только одного –
Чуть-чуть способности к ученью,
И помолиться за него.
В одно мгновенье дождь закапал,
Нашептывал старик пока...
А мальчик все стоял и плакал,
И чуда ждал от старика.
А тот творил, с ним отрок малый
Шептал, доверившись мечтам...
Молитва общая взлетала
Двух душ, как чистый фимиам.
Сияли купола собора,
Синело небо. Неспроста...
Подавал старик кусок просфоры,
Благословил открыть уста
И съесть. А после предсказанье
От старца принял мальчик тот:
«Отмечен Богом ты, и знанья
Получишь вскоре без хлопот...».
Ну, наконец! Дождь чуда –
Избавился от всех тревог,
Ведь он молился, ждал, покуда
Услышит и поможет Бог.
И спазмом горлышко сдавило:

Смеяться вдруг и плакать стал...
Придя домой, всех удивил он,
Что лучше братьев прочитал!..
Чудес ему встречалось много,
И это чудо – не предел,
Поскольку жил он с верой в Бога
И выбрал с Богом свой удел.
Над плотью он держал победу,
Был стоек в брани он всегда,
Постился в пятницу и в среду,
Дни остальные – хлеб, вода.
... Едва исполнилось двенадцать,
Мальчонка повзрослел всерьез:
Нет времени играть, смеяться –
Читал молитвы в свете звезд.
Под Богородицы Покровом
Он людям светлый путь торил,
Творил добро, молился снова,
И снова он добро творил.
Семье его пришлось несладко.
Постигнув бедности рубеж,
С Ростова, в положенье шатком
Переселилась в Радонеж.
Родителей под вздохи, ахи,
Дорог не ведая других,
Решил постричься он в монахи,
Облечься в праведность вериг.
Он сердца сохранял скрижали,
Еще когда был слишком мал.
А Сергием его назвали,
Когда он постриг принимал.
От взоров лишних укрывался,
Читал молитвы и Псалтирь,
Он верой этой врачевался.
Он основал свой монастырь.
Ни власть, ни разные «отличья»
У Господа он не просил,
Достиг успеха в жизни личной –

Пустынную семью взрастил.
Не принимая подаянья,
Все зарабатывал трудом
И, не лишенный состраданья,
Свой расширял и строил дом.
Прожил он тихо и сурово,
Пахал и шил, и пек хлеба.
Любое дело – с Божьим Словом,
Благоволила чтоб судьба.
Держа перед людьми экзамен,
Освобождал их от оков,
Смотрел он добрыми глазами –
Глазами цвета васильков.
Не изменял духовной жизни,
Не баловал свое нутро
И до конца, до самой тризны,
Творил добро. Творил добро!
Любви бескрайней покровами
Всех согревая без конца,
Смягчал он кроткими словами
Ожесточенные сердца.
Пророк, Подвижник
венценосный,
Отшельник с пламенной душой
Скорбел, что грешный
и несносный
Он не изменит мир большой.
Тогда в безмолвии пустыни,
Крещенный Божьею рукой,

Он, с поклонением святыне,
Менялся сам, храня покой
И освещая мрак юдоли
Печалью жизненной земной,
Другой не жаждал Сергей доли,
Не жаждал Участи иной.
В борьбе с собою, с трудным
делом
На ратный подвиг и на кровь
Благословлял вступить он смело
За Русь, за Правду, за Любовь.
Предрек победу
с Божьим Словом,
Сражался из последних сил
Душой на поле Куликовом,
А телом на молитве был.
Он славы не хотел и лавров,
Не ждал даров ни от кого,
И Троицы Небесной Лавра
Была обителью его...
Господь, Он все ведь разумеет:
Добро возшло на пьедестал!
Безвестным был Варфоломеем,
Но Праведником славным стал.
Не жаждал счастья он на блюде,
Не выдвигал иных идей.
Он помогал безмерно людям!
Он жил безмерно для людей!

Ольга Евсюкова (г. Тула)

Первой стала книга «Милая Ясная» (2007 г.), в которой описывается усадебная жизнь с народными традициями на протяжении от Троицы до Масленичных гуляний. К 180-летию со д.р. Л. Н. Толстого вышел поэтический сборник «Яснополянский ноктюрн». Духовно-православная страница в ее творчестве – сборники: «Роза – Богородицы цветов», «Неувядаемый цвет» (2007-2008 гг.) и «Осень крестом вышивает» (2012 г.). Является инициатором и руководителем музея «Русские узоры» в МУК «Центр культуры и досуга», редактором «Тульского художника» и «Юного журналиста».

ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЭТЮДЫ

У берега Большого пруда
Кувшинки желтые цветут.
В них отразилось солнечное утро.
В ветвях деревьев соловьи поют.
Под звуки многокрасочного лета
Гостей в усадьбе непременно ждут.
Яснополянские откроются секреты,
И в Ясной все почувствуют уют.
Уют домашний, с пирогом и чаем,
С душистым медом и крутым
вареньем.
С писателем о счастье помечтают
У дома доброго под бархатной
сиренью.

ЛЮБИМЫЙ СЕРДЦУ УГОЛОК

*Посвящается усадьбе Гордеевых-
Голицыных (Тульская область, Дубен-
ский район, деревня Якишино).*

Еще снега белеют в поле.
Ночами заморозков ждут,
Но поутру весеннее раздолье
Птиц певчих, мартовский дебют.
Лесной родник бежит в лощине,
Душа его чиста, светла.
И звонкий голос в парковой
долине –
То голос певчего дрозда.
Весна приходит в дивное
местечко,
Повсюду здесь ее дары:
Течет извилистая речка,
Теплом разбужены сады.
Под сенью древ, могучих крон
Старинных лип, берез и сосен
Я вспоминаю дивный сон,
Который встречу напророчил.
Та встреча здесь произошла
Со стариной седой, глубокой.
Любимый сердцу уголок нашла
Дворян Гордеевых, с душой
широкой.

ПЕВЕЦ ГОР

*Посвящается великому русскому поэту
Михаилу Лермонтову.*

Он воевал здесь и любил.
Душа его над пропастью
металась.
Рассвет в горах поэта взор
пленил.
Не знал, как мало жить ему
осталось.
«Кавказ! Любимый мой Кавказ!
Да, только в нем нашел я
утешение» –
Так говорил поручик Лермонтов не раз,
Черпая в реках горных
вдохновение.
Струится Терек меж камней,
Над водами склонились Демон
и Тамара.
«Хочу увидеть – добрый
или злой ты чародей», –
И вмиг от поцелуя замертво упала.
И вот уж горы озаряет солнца луч.
Настал последний день поэта.
Блеснула молния среди темных туч.
Пронзила острием то роковое лето.

РАДУШНЫЙ ХОЗЯИН

Посвящается А.Т. Болотову.

Он жизнь свою народу посвятил.
Его творение – «жемчужина России».

Чудесный парк потомкам подарил,
А мы труды достойно сохранили.
Как хорошо в имении его,
Когда в природе все благоухает!
Уходит бремя жизненных тревог,
Хозяин всех радушно принимает:
«Пойдем к старинному пруду.
Заглянем в мой любимый сад.
Ромашек я тебе нарву –
В них есть гармония и лад.
Целебного отведай чаю
И у камина тихо посиди.
На скрипке я тебе сыграю,
А завтра снова в гости приходи».

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Белоусовскому парку г. Тулы.

В осеннем парке тишина.
Не слышно пенья птиц
И под ногами желтая листва,
Упавшая на землю ниц.
И в тишине прозрачной
и безмолвной
Сорока где-то затрещит.
Рябины ветку потревожит ворон
черный –
Все сказки парка он хранит.
Со мною солнце поиграет в прятки:
То выглянет, то убежит за облака,
И запах от цветов осенних сладкий
Кружит мне голову слегка.

Кира Крупская
(г. Серпухов Московской области)

Член литобъединения «Клио»

Вжималась в кресло, будто умирая, Провалиться б сквозь землю, понимая, Что тебе не нужна. Ровные строчки машинного почерка Заменяют колыхания внутри и что сказать хочется...	Ты должна быть сильна! Чтобы больше не сталкиваться с этим чувством, Ведь в теории знаю, что сделать нужно: В выборе своем вольна! Но я не могу: уже не в силах, А время для действий точно было – Не решилась тогда. Оставлю, как есть, жизни позиции, Ведь не развить в одночасье амбиции. Сама. Все только сама!
Не могу больше одна! Остатки души распластаются ровно, И я не плачу и счастлива, словно Дымок, пепел, я у окна. Я снова пишу, надеюсь на твой ответ, А как хочется дать самой себе совет:	

Сергей Редков

(г. Тула)

Родился в Туле в 1978 году. В 2005-ом окончил МГУ культуры и искусств (МГУКИ). Литературным творчеством занимается с 2009 г. Участник МЛО «Муза». Печатается в журналах и альманахах. В 2011 году стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин». Является автором нескольких поэтических сборников.

Из цикла

«От страсти – к покаянию»

**СОЛОХ-АУЛ. ВЫСОКО-
ГОРНЫЙ МОНАСТЫРЬ**

На высоте, весьма приличной,
Звенит и щелкает в ушах.

Нечеловеческим величием

Моя раздавлена душа.

Громады скал и дно ущелий

Мелькают в зелени лесов.

Прошу у Бога я прощений,

Когда обрыв под колесом.

Здесь даже атеист упрямый

Прикроет свой надменный рот,
Когда левее – смерть, а прямо
Опасный, резкий поворот...
До горизонта море дышит,
Гуляют тучи по горам.
Здесь высоко, здесь небо – слышит,
Недаром здесь построен храм.
Сверкает маковкой на склоне
Среди бесчувственных камней.
Я подхожу к святой иконе.
Я нахожу спасенье в ней.
И слышу совести укоры.
С мечтами грешными борюсь.
Я создан так же, как и горы,
И высоты – не убоюсь!

«КАЛИНКА-МАЛИНКА»

В расцвете толерантность и туризм.
Что хочешь – то и делай.
Рай, практически...
А вот во мне – проснулся атавизм,
Когда в собор входил я
католический.
Испания. Гастроли. Жаркий день.
В разгаре фестиваль
международный.
По просьбе делегатов и гостей
В костеле заиграл оркестрик
сводный.
Перед крестом – китаец и цыган.
Ударил гонг, и выдан скрипкой
чардаш.
И даже с гор спустившийся чабан
Сказал свой тост и поклонился.
Надо ж!
Индус глотал рапиру без вреда.
Бурят по бубну стукнул палкой
длинной.

А русских попросили, как всегда,
Спеть песню про «калину и малину».
И грянул хор пред образом Христа.
А я – молчал. Не мог я петь, хоть
тресни!
Наверное, от жизни я отстал,
Коль в церкви не пою родные песни.
Ведь я не знал, что храм –
концертный зал.
Я думал – это место для молитвы...
Тот балаган, что святость растерзал,
Остался на душе порезом бритвы.

Когда я смотрю на лица
Людей, выходящих из храма,
То в них нахожу профиль Бога,
Нашедшего дом среди плоти.
Но лица спешат углубиться,
Как в омут, в житейские драмы.
И с вечной, голодной тревогой,
Спешат догореть на работе.
А в сердце – надежда искрится,
Что поздно мы все или рано,
Обратно вернемся к порогу,
Где вспомнит душа о полете!

ВИШНЯ

Играет солнце в кроне пышной,
Роса похожа на слезу:
В моем саду созрела вишня –
Срываю и кладу на зуб.
«Кисла, как Русь, – пишу
в тетрадке, –
Но витаминов – ряд сплошной...»
Я так привык к бананам сладким,
Что позабыл про вкус родной,

Я стал необъяснимо падким
На всякий иноземный плод.
«Сладка, как Русь, – пишу в тетрадке, –
Хоть иногда и вяжет рот...»

ПОЛЕ

Над широким неспаханым полем
Разгорается алый восток.
Забывается грусть поневоле,
Разливается в сердце восторг.

Всей душою люблю это поле!
Но достоин ответа лишь тот,
Кто, собрав свои силы и волю,
Поутру его сеять идет,
Кто без этих равнин бирюзовых
Ни минуты не сможет прожить.
Без любви к нашим пашням и селам
Невозможно страной дорожить.

Ольга Осенская

(г. Тула)

Ольга Осенская (Кутлина) – автор трех сборников стихов, член Союза писателей и переводчиков при Союзе писателей России, член Чеховского общества при СП России. Участница фестиваля в Македонии «Стружки вечера на поэзията» (2012 г.) и фестиваля Русского слова в г. Подгорица (Черногория-2013). Член православного клуба «Родник» и Регионального Общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «СВЕТОЧ». Публикует стихи в Библиотеке Современной Поэзии (Москва), коллективных сборниках и Интернете.

Что может лучше быть, чем чай
с мелиссой,
Заваренный мне в чайнике цветном...
И дача ближе теплого Туниса,
и хлеб привычный, пахнущий
родством.
В буханке – часть души ржаного
хлеба,
И васильков привычная краса.
Ах, где же есть еще такое небо?
И где такая святость в небесах?
Лишь здесь Россию Русью называют,
Здесь запах хлеба добрый из печи.
Сударыней здесь женщину венчают
И любят к чаю сдобу, калачи,
Баранки, тульский пряник и конфеты.

А если нет, то с травами попьем,
Важней всего души тепло, а света
С лихвою хватит в песне нам вдвоем...

"Умрет в зародыше неспетая глава",
И не родится нужное всем Слово.
Не умаляя чувств, прекрасные
слова
Придут с небес, как мысли
Богослова...
И мысль, спустившись сверху,
бишь, с небес...
Пусть станет словом.
И проникновенно
Затронет души, как весенний лес
Своею чистотой. И вдохновенно

Об этом нам поведаст пиит,
Вложив высокий слог и личное
Прозреньё, –
Увидеть мир, пока природа спит,
Об этом сложит он стихотворенье.
А мы прочтем, мы оживим слова...
Орехи их уйдут, ведь солнце
Дарует радость – это не молва,
А истина, светящая в оконце...

МЕТЕОРЫ¹

Есть на земле уютные места,
Где благодати более чем много,
Где красота, достойная холста,
Для нас нужна, как к Господу
дорога...
К монастырю Стефанос мост ведет.
Повис над пропастью, сулит
духовный путь.
Немного страшно, но зовет вперед
Старинный монастырь....

Когда–нибудь
Судьба даст шанс все это созерцать,
Ступить ногою грешной на тропу.
О, Господи, пошли мне благодать
Увидеть Метеору... Я смогу
Об этой святости по жизни не забыть.
И можно ли забыть святое в ней?
Пошли, Господь, хотя б
Когда–нибудь
Мне написать о Греции твоей...

¹ Метеоры – один из крупнейших монастырских комплексов в Греции, прославленный, прежде всего, своим уникальным расположением на вершинах скал. Монашеский центр был образован около X века и с тех пор существует непрерывно. В 1988 году монастыри были включены в список объектов всемирного наследия.

Кирилл Прудкий

(г. Тула)

Выпускник факультета русской филологии и документоведения ТГПУ им. Л.Н. Толстого, автор и исполнитель собственных песен. Участник литературно-музыкальной студии «Вега». Лауреат конкурсов «Тульские таланты-2012», «Ступени», регионального этапа Всероссийского фестиваля «Российская студенческая весна» (2009, 2010, 2012 г.г.).

ЧЕРНЫЙ БЕГ

Я выпью эту ночь до дна
И разобью бокал о стену,
Куда ж осколки только дену –
Ведь мне и осенью весна.
Заблудших душ горит огонь...

И губы вновь воды попросят,
Последний вальс играет осень –
К обрыву скачет белый конь.
Забуду жизни тихий сон –
Я в беспокойство погружаюсь,
От всех и вся я отрекаюсь –

Но слышу колокольный звон!
О, темнокудрая колдунья,
Отдай ту часть моей души,
Что забрала себе в тиши
Без сожаленья и раздумья.
Конь на краю затормозит,
Ноздрями фыркнет облегченно,
Глазами водит отрешенно –
И в небесах опять звенит!
Укравших не найдешь вовек,
Когда души коснется дело,
Ее ты не воротишь в тело,
Не остановишь черный бег.

Я НЕ ОДИН

Утро в снегу –
Печаль на тропе.
Я не могу
Бежать – и успеть.
Я опоздал
На самолет –
Значит, звезда
Отложила полет.
Я не один –
Я хочу взять столько, сколько нужно.
Не господин,
Но рабское мышление мне чуждо.

Солон мой грех,
И звезда моя – песня-птица.
Порой счастлив, что слеп,
Рад, что утром смог водою напиться.
День-мотылек –
Ярок и быстр.
Мне невдомек,
Кто чист, кто лучист...
Знаю одно:
В умах много зла –
И новой весной
Она лишь спасла.
Я не один –
Я хочу взять столько, сколько нужно.
Не господин,
Но рабское мышление мне чуждо.
Солон мой грех,
И звезда моя – песня-птица.
Порой счастлив, что слеп,
Рад, что утром смог водою напиться.
Вечер и ночь –
Дети любви.
Хочется прочь –
Ты позови.
Приду по тропе,
Что утром снежной была.
Стану я петь,
Чтоб не было зла.

Валентина Карпова

(г. Тула)

*Родилась 15 сентября 1954 года. Работает в «Тулаэлектропри-
вод». Поэзией увлекается с детства. В 2008 г. при поддержке от-
дела культуры Ленинского р-на издана книга «И жизнь, и слезы, и
любовь...» Печатается в альманахах, заводской газете.*

ОКТАБРЬ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Октябрь в Ясной не такой, как всюду!
Там клены, в листьях солнце накопив,
Всем раздают его по капле, словно

блюдо,
В придачу к воздуху – коктейль,
аперитив!
Там у берез стволы белее снега,
Белее сахара, светлее облаков,

А на Прешпекте тишина и нега
Плетут из шорохов таинственный
альков!

Там белый конь со спутанною гривой
Зовет призывно: "Ногу в стремя!",
Чтоб в лес волшебный унести игриво
К ключам прозрачным с серебром
у дна!

В прудах вода задумчива немного:
Грустит о том, что впереди ноябрь,
Мостящий зимушке хрустальную
дорогу...

"Не торопись! – взывает к ней
октябрь, –
Не торопи, не ускоряй денечки!
К шагам прислушайся: как ворожит
листва!

Поэтам в Ясной небо дарит строчки
И просто радость, счастье
естества!"

ВСЕГДА НЕГАДАННО

Всегда негаданно, не слышно...
Всегда опущена вуаль...
Нарядна, красочна и пышна,
Но в дымке грусти близь и даль...
Повсюду золото средь злата,
Рубины, яшма, бирюза...
Ложь, мишура – я не предвзята...
Что натурально? Лишь слеза...
И лист кленовый мокнет в луже,
Не понимая: почему?
Еще вчера он был так нужен
Красавцу-клену..."Не пойму!" –
Кричит беспомощность как будто,
Но равнодушны небеса...
И холод... холодно под утро...
Озябли радость и краса...
Слетела вовсе позолота...
Труха и тлен – ото всего...
В руке наивного кого-то
Октябрь и больше ничего...

НЕ ОБИЖАЙТЕ, ЧТОБЫ НЕ ПРОЩАТЬ

Прощения просим, коль скоро
обидели...
Но трудно простить обижавших
нас...

Господь Вседержитель и вы,
Небожители,
Призрите на сырых, подайте свой
глас!

Как можно простить, кто вчера
еще клялся

Вам в преданных чувствах,
любви и вдруг

Внезапно отрекся, смеясь,
изгалялся

Над вашей слезою, повергшей
в испуг?

Мы заповедь знаем... Но разум
бунтует...

Ланита горят, пальцы сжаты
в кулак...

Не хочется вас поминать как-то
всуге,

Но все же подайте какой-нибудь
знак!

Как можно простить и о здравье
молиться

За несправедливо обидевших нас?

Не трудно уйти... можно даже
не злиться,

Но сразу забыть... нет, спустя
даже час...

Бываю резка... за поспешное слово

Склонюсь пред любым,

о прощенье моля...

Пред вами – конечно! Без устали
снова:

Прости меня, Небо! Прости,

мать-Земля!

Зачем обижать, чтобы тут же
склониться,

В смиренном поклоне прощенья моля? отстраниться,
Твой брат раздражен? Лучше чуть Любя его сердцем, напрасно не зля...

Владилена Станиславская (Фураева)

(г. Серпухов Московской области)

Родилась 12 декабря 1989 г. в г. Канск Красноярского края. В 2006 г. переехала в Серпухов, окончила факультет английского языка МОПК. Учится в МГОУ на факультете романо-германских языков. Член МЛЮ «Клио» г. Серпухова и Моссовета ЛИТО. Публикуется в газетах и сборниках. Лауреат и дипломант театральных конкурсов, дипломант фестиваля «Единая страна, Великая Россия» (Алексин),

награждена грамотами ряда литературных конкурсов.

* * *

Кем мы завтра будем?
Нам расскажет время.
Сколько нам осталось?
Покажут небеса.
А что с жизнью делать?
Зависит от решений.
Что такое сила? Биться, верить
до конца.
Что такое чувство? То,
что было правдой.
А что такое вера? То, что вечно в нас.
Кто такая муза? Та, что будет главной.
Что такое правда? Когда нету
лишних фраз.
Что такое сказки? То, что было
былью.
Ответы на вопросы? Только "да"
и "нет".
Что такое вечность? Не померкнет с
пылью.
Борьба где за свободу?
Заряжен пистолет.
Но никто не скажет, где конец сво-
боды.
Я не отвечаю. Это самому решать.

Но там нет границы наших
небосводов.
И нашу вечность ветру больше
не догнать.

БЫТЬ ЧЕМ-ТО БОЛЬШИМ

Я хочу быть просто чем-то большим,
Чем хрупкой куклой для ваших
вслад.
И хочу я мелодии тоньше,
Чем пенье души пустой невпопад.
Я хочу быть просто чем-то
большим.
Чем девчонкой в дранных кедах
и штанах.
И хочу, чтоб ты видел чуть больше,
Чтобы заметил свет яркий в глазах.
Я хочу быть просто чем-то
большим.
Я так устала от разных потерь!
И нужно мне ни меньше,
ни больше.
Чем фраза простая:
"Ты просто верь!"

* * *

Сердце разбито, как склянка
с селитрой.
Ядерный взрыв – и слетели с орбиты.
Рухнули звезды в повергнутый космос,
Все было так сложно, а кажется

просто.
Осколком разбилось за горизонтом.
А мы стояли под повданным зонтом,
Пытаясь укрыться от этой кометы
И в панике крикнув: "Не знаю я,
где ты!.."

Элина Иванова

(г. Тула)

Родилась 4 января 1993 года в Туле. В 2010 году окончила среднюю школу. В настоящее время учится в Санкт-Петербургском Государственном Университете Технологии и Дизайна.

Нет истины ни в песне, ни в картине, искусство,
Нет правды в прозе и проплаченных А Творчество даровано Христом.
стихах.

Все крутится в финансовой рутине,
Тесня боль правды в буйных головах.

И вечно люди ищут одобренья,
Когда рублем, когда иной ценой.
Все продано: года, мечты, стремленья,
Что пропустил один, то заберет
другой.

Но как же сладко просто, без оплаты,
Свободно спеть сонет
иль дифирамб,

Творить не в суете, не для зарплаты,
Не разрушая стен душевных дамб,

Не попадая под клеймо богемы,
Не маскируя штампами свой страх,

Поднять в стихах совсем иные темы,
Неистово раскаявшись в грехах.

Не стоит пугать выгоду и чувство,
Считая созидание крестом,
Ведь дьяволом придумано

ПОЕЗД В ПИТЕР

Тихо льется колес колыбельная,
И храпит на посту проводник...

Я в вагонах надежд потеряна
С чемоданом прочитанных книг.

Спой, дорога, о том, что сбудется,
И о том, чему не бывать,

Завтра город родной забудется,
Завтра вряд ли захочется спать.

Меня встретит перрон печальный,
Суета... и с улыбкой – друг...

Хмуро сторож ворчнет вокзальный,
Дождь обнимет, сжимая в круг...

Так встречай же, моя столица!
Я пока не хочу домой...

Я хочу еще раз влюбиться
В оживляющий воздух твой...

Валентина Динесюк

(г. Алексин Тульской области)

Родилась и выросла в г. Алексине. Окончила Алексинский химико-технологический техникум. Пишет стихи с 2003 года. Печатается в газетах, сборниках "АЛЛО" (Алексин), "НЛО" (Новомосковск), в тульских и московских альманахах. Член Московского совета ЛитО. Издано два сборника стихов.

ДУША

Парит над миром, не спеша,
Голубкой нежная душа.
И грозных бурь конца не ждет,
Летит вперед, пусть дождь идет.
Но всюду, где бы ни была,
Любовь и счастье ждала.
Ты дружбу сердца и души
Узлом великим завяжи,
Увидишь жизнь святого лика
Ты в их гармонии великой.

Роса мне ноги омывала,
С листочков сыпалась дождем
И алым цветом умывала,
Я каждым днем был вновь
рожден.
Рожден на благо жизни Божьей,
Для блага святости идей,
Быть на миру всегда пригожим,
Полезным в обществе людей.

ДОМИК НАД ОКОЮ

Мой милый домик над Окою.
Житейским будням я в нем рад,
Цветам, что алою зарею
Дарили чудный аромат.
А белых лилий запах нежный,
"Клубки" пионовых кустов,
Листочков мяты запах свежий,
"Пурга" вишневых лепестков!
Цветущий сад, мечты былые,
Все в нем оваяно красой,
В былые годы молодые
Я по траве ходил босой.

ЗИМНИЙ УЗОР

Стоят деревья на опушке:
Наряд в ажурном серебре,
Заря скользит по их макушкам,
Проснулся ветер в вышине

И закачал верхушки сосен,
Снежинки сыплются дождем,
Морозец первый обнял осень –
Морозов сильных подождем.

Проснется лучик озорной,
Растопит серебро снежинок,
И множество скупых росинок
Весенней окропят слезой.

Александр Карпов

(г. Тула)

Родился в 1975 г. Стихи пишет давно. Тематика разнообразная.

РАДУГА НАД ХРАМОМ

В ночь на Крещение приснился
Сон удивительнейший мне:
Мост разноцветный опустился
С небес к ногам моим, к земле...
Был удивлен весьма, не скрою,
Хотя, что сплю осознавал, –
Ведь это радуги с землею
Зимой я встречу наблюдал!
Проснулся, вроде, все обычно:
Крещение, морозный день!
По утвердившейся привычке
Снег вышел покидать – не лень...
Отметить нужно непременно,
Что рядом с домом, метрах в ста
Храм православный, очень
древний
Дарил округе сень Креста.
Ни тучки в небе, солнце светит,
Прозрачно небо в синеву!
И вдруг над храмом я заметил
Мост разноцветный наяву!
Что это? Чудо? Преломленье
Паров воды в солнца лучах?
Или знамение в Крещенье

Господь явил нам в небесах?
Что ни ответишь – все ошибка.
Но это было! Видел сам!
Как будто Божия улыбка
Средь января явилась нам!

И ПРИШЛА, НАКОНЕЦ, К НАМ ЗИМА

А с утра в небесах, очевидно,
На подушках затеяли бой:
Снег стеною идет и не видно
В пяти метрах не зги пред собой!
Коммунальщики в спешном
аврале
На войну со стихией идут,
Реагенты везде рассыпают
И счищают снега, и метут.
Только перья снежинок стеною,
Как шальные, кружатся с утра!
Увлечлись в небесах, знать,
игрою –
И пришла, наконец, к нам зима...

Станислав Воронцов
(г. Серпухов Московской области)

Член литобъединения «Клио»

У него глаза цвета земли,
У нее глаза цвета неба.
Они, наверное, что-то могли бы,
Но чего от них требовать?
Он из шкуры ковал многослойный металл,
Ее облик – открытое пламя.
Он когда-то на чем-то настаивал,
Но она не сулила делами.
Ее манили открытые двери
И в облака толкали,
А он избегал сквозняков и смотрел
На лужи под сапогами.
Она находила причины кричать
О том, что он ненадежен,
И он научился молчать, истончать
Душу под толстой кожей.
Она, конечно же, жертва любви,
А он расчетлив и требователен.
Все потому, что он – цвета земли,
А в ней выцветает небо.

ПРОЗА

**ИРИНА КЕДРОВА
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ЯКОВ ШАФРАН
ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ
ВЛАДИЛЕНА СТАНИСЛАВСКАЯ**

**ЕЛЕНА СЕМЕНОВА
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН
АЛЕКСАНДР КОБЗЕВ
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА**

Ирина Кедрова (г. Москва)

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России. Член редколлегии альманаха «Московский Парнас» и литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Член Академии Российской литературы. Дипломант международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции», литературного конкурса «Золотой диплом». Награждена рядом литературных медалей. Доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ Рассказ

Гурзуфское солнце шпарило изо всех сил. Море – вчера бурливомятежное – сегодня радовало спокойствием и прозрачностью: каждый камешек со дна просматривается. Вячеслав Сергеевич лежал на пляжной гальке в гордом одиночестве и размышлял, почему именно сюда забросила его судьба три дня назад. Мог же из Симферополя мотануть, куда хотел. Душа захотела в Гурзуф. Как-то само по себе вспомнилось, что молодой Пушкин бывал здесь и восхищался местными красотами: «Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края».

Каким волшебством здесь восхищаться? Море, как везде, окантовано платными и санаторными пляжами. На общем пляже, бесплатном и неубираемом, народ сидит на спинах друг друга, разбрасывая вокруг себя бутылки, корки, окурки и все, что еще вздумается выбросить за ненадобностью. Вечером на набережной из каждого угла раздается музыкальный шум, а толпы отдыхающих передвигаются от киоска с пивом и шаурмой к киоску с местными сувенирами из ракушек и стекла. В пансионат не попадешь. Мест нет даже в самом простеньком: с высокой степенью слышимости, с малюсенькой раковинкой, пристроившейся над унитазом так, что пользоваться им можно, лишь обладая гибкостью тела, позволяющей прогнуться до

неестественности. Впрочем, это скорее головная и телесная боль для женщины. А женщины рядом с Вячеславом Сергеевичем не было. Потому уговорил он администраторшу пансиона – белокурую полногрудую даму лет тридцати с распахнутой улыбкой и цепкими глазами – хоть на недельку поселить его в номере, считавшемся по местным меркам вполне приличным.

– У вас и мебель новая, и евроремонт мы в номере сделали, – гордо нацелила администраторша нового жильца на положительные эмоции.

Не сильно интересовал его евроремонт. Главное, где ночь перекачтоваться. Можно и уголок для сна снять в частном секторе, но он любит комфорт и не терпит туалета и умывальника во дворе, как и наседаящих друг на друга жильцов, набивающихся у какой-нибудь тети Сони до потолка ее сарая. Словом, пансион, пусть даже с переплатой, поскольку одноместных номеров в нем не имеется, его вполне устроил. Шкаф, кровать, тумбочка – что еще надо отдыхающему? У него же есть еще одна кровать и ценность великая – холодильник.

Утром смывался он из пансионата на пляж. В первый день валялся на городском, но не понравилось. С друзьями он искал бы уголки неведомые, где мало людей, а потому нет мусора – верного признака того, что здесь не только ступала нога человеческая, но и все тело лежало-нежилось, кормило-поило себя. На городском пляже по тебе бегают чужие дети, через тебя переступают богини от отдыха, прикрывающие свои небесные прелести легкими лоскутками. В уши тебе кричит какая-нибудь сердобольная мамаша: «Борюсик, выходи из моря, выходи, я сказала! И не заплывай далеко!» Не менее сердобольный папаша басом поучает своего огольца: «Я тебе сказал – походи? Сколько надо повторять? Отец велел – пулей лети». Бедные зависимые дети: быть у водной стихии и не войти в нее лишь потому, что мать считает это не ко времени, а отец решил силу воли чада своего воздвигать.

Добрые люди подсказали, что за городом есть коммерческий пляж. Нашел: найти нетрудно. Что тут коммерческого? Плату за вход не берут, коммерсанты им не пользуются, даже торговых лавочек с местносъестными припасами почти нет. А называется коммерческим. Правда, справа и слева от Вячеслава то и дело мобилы звонят.

– Серега, ты где? – орет радостный сосед справа. – А я на пляже. Как спустишься, вправо давай. Ждем. Баклажку с пивом прихвати.

– Нет, я не в городе, – строго отвечает кому-то сосед слева. – Вернись, порешаем. Ну что деньги? Не пропадут за день твои деньги. Все, пока!

– Так что, завтра будем работать? – гнусавит толстый, сам из себя вылезавший дядька под зонтиком. – Так давайте ж нормально работать. Причем здесь механик? А техника? Она стоит... – он задумался, наверное, о стоимости техники или требуемых затратах, потом поучительно отчитал, – вы слушайте Павлова. Павлов там директор. Так вы до Павлова доедьте, или мне вас учить работать?

Вячеслав не особо любит мобильники, звонящие теперь повсюду. Серьезные дела, полагает он, по телефону не делаются. Но с собой аппарат захватил, держит в номере, по вечерам проверяет, кто звонил. Да никто не звонит. Сорвался он от родных и друзей в дальние края, чтобы дух в одиночестве перевести. Вокруг народу полно, а он – один, как перст. Лежит на гальке, слушает плеск волн и думает о жизни.

«Что о ней думать? – спросил бы Валерка, старый проверенный кореш, приобретенный еще в школьных баталиях. – Жить надо, наслаждаться красотами земли!».

Среди всех красот, дарованных землею, выбрал семнадцатилетний Славик Елену, прозванную во дворе Прекрасной. Она была старше года на два, женихалась с первым бандитом округа, на Славку и не глядела. Иногда только мимо пройдет, плечиком кокетливо поведет, глаза на него зеленые направит и в сторону отведет, будто и не Славка на ее взгляд попался, а так – мелочь пузатая и неинтересная. Но что-то у Елены Прекрасной с бандитом не заладилось: то ли он другую завел, то ли ей надоели бандитские хохмочки. Одним поздним вечером увидел ее Славка одиноко сидящей на лавочке. Подошел, рядом присел. У Елены глаза красные, будто помидором намазанные.

– Ты что? – спросил он.

– Ничего, – ответила она и от него отвернулась.

Ему бы встать и гордо уйти: не желаешь говорить, и не надо. А он остался сидеть. И дождался: заговорила с ним Елена Прекрасная как со старым знакомым. Поведала ему горе великое брошенной женщины. И пошли они бродить по городу. Ночь бродили, другую. А на третью она его к себе позвала. Жила с теткой в маленькой комнатухе, мать давно померла. Тетка к родным уехала, так что оказались они вдвоем. А что бывает, когда он – молод и силен, уже нуждается в

женском теле, а она – обиженно-брошенная – желает одному отомстить и другому доказать свою неотразимость? Конечно, все у них было, и так здорово, что оторваться он от Ленки не мог.

Мать оторвала. Месяца через два сообщила ему любимая, что беременна. Он, как серьезный мужчина, решил жениться, только следовало сначала с мамой договориться. Мать договариваться не стала.

– Ты совсем дурак? – кричала. – С ней весь двор спит, а ты решил чьего-то ублюдка своим назвать и кормить до старости? Не бывать этому, пока я жива.

Мама все как-то устроила. Его в деревню выслала, помогать тетке дом строить, который, кстати, потом им по наследству отошел в качестве дачи. А с Еленой круто поговорила о совращении несовершеннолетнего и денег на аборт дала. Ленка аборт делать не стала, родила двойняшек. Весь дом тогда деньги на детское приданое матери-одиночке собирал. Но Ленка деньги не взяла, а куда-то уехала, захватив с собою приобретенную материнскую радость.

– Я же говорила, – убеждала Славку мать, – родила на месяц раньше. Я все подсчитала: не твои это дети.

Так Вячеслав и не знает: отец он или нет. Успокаивает себя тем, что Ленка к нему не пришла, не потребовала его участия, а значит не он – виновник ее бед. Прощай, Ленка, Елена Прекрасная! Никогда больше он с ней не встречался. Мать, правда, на краткое время пожалела о содеянном. Это, когда он повестку в армию получил, и оказалось, что при двух детях от службы освобождают. Мать даже думала Ленку разыскать, убедить, чтобы она где надо сказала, что сынки у нее от Славки. Однако, поразмыслив, пришла к выводу: лучше два года по солдатским дорогам маршировать, чем жизнь связать с гулящей девкой и ее незаконнорожденным приплодом.

Отслужил Вячеслав мамиными стараниями нетяжело. Сначала в армейском гараже машины чинил, а потом сел на персоналку и генерала возил. Генерал помог ему в заочный институт устроиться, так что к окончанию армейской службы у солдата за плечами первый курс автомеханического нарисовался. Из армии вернулся снова в материнскую заботу. Долго не женился: работа, институт, друзья не позволяли. Работал водителем большого начальника: жену его по магазинам возил, дочку в институт, самого – в министерство и обратно. Ничего трудного. Подолгу стоял в ожидании начальника, почтиты-

вая умные книжки. Учение хлопот не приносило, без напряжения сдавал зачеты и экзамены.

Друзья – Валерка и Витек – держались со школьных лет. Валерка – жук еще тот, женился на даче с машиной. Двух дочек завел. Жена его чрезмерно умная, только верховодить в семье у нее не получается. Витек – без балды, колыхается по жизни, нигде не задерживаясь. Лишь Тамарка его и терпит, тянет на себе мужа и сына. Три друга время от времени вырываются из семей то в поход по городским окрестностям, то в поездку, подальше от любимых. Но последние годы сбежать все реже и реже получается. В этот раз Вячеслав вообще один уехал. Тамарка Витьке кричала:

– Уедешь на море, домой не возвращайся! Ишь, моду взял: я работаю, а он солнечные ванны принимает, силы восстанавливает. Тебе на што силы – на диване валяться?

– Ты, Тамарка, думай, что орешь! – пытался уговорить жену Витек. – Где я сейчас работу найду? Время такое – вертеться надо уметь.

– Вот и повертись, наконец, чтоб ты пропал. Нигде не задерживаешься. Не на юг, а на работу отправляйся, чувырло ты чухонное!

Витек страшно рассердился, выскочил за Славкой, не желавшим наблюдать семейный скандал.

– Ты, Слав, не обижайся. Томка покричит и успокоится. А нет, так я ее брошу. Мне дружба дороже. Уговорились – едем на море.

Не поехал. Наверное, Томка сильнее дружбы оказалась. А Валерка сразу отказался:

– Прости, друг. Дача, понимаешь, мужицкой заботы требует, да и дочки на море хотят. Я этим летом с ними еду.

Видно, и здесь жена крепче дружбы держит. Потому лежит он на море один – без друзей, без жены и детей.

Лет в двадцать шесть присмотрела мамуля ему жену, себе невестку – единственную дочку соседей по даче. Хорошая девочка: пухленькая, смешливая, главное, послушная. Маму-папу слушалась, потом свекровь и мужа. Через год родила дочку, названную Люсенькой – по имени его матери. Жена и Люсенька разбавили материнскую заботу о нем. Славику почитать, Славику покушать, Славику отдохнуть надо – таковы непреложные законы семьи. У Люси еще были важные законы: бабушка – добрая и заботливая, папа – умный и много работает, мама – женщина обыкновенная, но очень хорошая. А

потому нельзя ребенку обижать бабушку, мешать папе, а с мамой всегда можно договориться. Вот и договорились: лет пять назад ушли. Вернулась жена с Люсенькой к родителям, и дачу продали, чтобы не встречаться больше со свекровью и свахой. Люсенька иногда навещает бабушку и папу, рассказывает, что живут они с мамой хорошо, мама много работает и не отдыхает вовсе, а она учится, получает свои пятерки и двойки. Последний раз Вячеслав видел дочку полгода назад: она, кажется, в пятом классе училась. Приобрела ершистость неустроенного ребенка, обиженного отцовским невниманием. Как ей объяснить, что не он от них ушел? Они сами его покинули, и до сих пор он понять не может, почему.

После ухода жены и дочери остался Вячеслав с мамой. Теперь ей семьдесят с лишним, но бодрая еще старушка. Родила она Славика поздно, когда поняла, что нормальная семейная жизнь ей не светит по причине отсутствия порядочных и надежных мужчин. Тогда и решила завести хотя бы ребенка, лучше мальчика. И завела – от главного технолога завода, где сама бухгалтером работала. Технолог скоро умер, не дав ей возможности воспользоваться правами обманутой женщины с ребенком. Да и не нужен ей был мужичонка, бегающий между законной женой и «звездочкой своей ясной», как звал он ее в любовные минуты. Все силы направила мама на возвращение сына человеком порядочным, надежным и верным, прежде всего, своей матери. И когда жена сына не оценила сей великий труд, поначалу удивилась, потом расстроилась, а затем обиделась на веки вечные. Так что Люсеньку еще привечала, еще учила жизни, а невестку видеть не желала.

Когда семья внезапно распалась, Вячеславу было около тридцати пяти, мужчина видный и в самом соку. Не хочет жена, есть многие, которые хотят и себя предлагают. Путем естественного отбора он остановился на одной из приятельниц, не забывая при этом и других. Приятельница та – Светка, заведующая секцией в универсаме – имеет все: квартиру, машину, десятилетнюю дочку-очкарика, холодильник, забитый по «некуда больше». Только мужа не имеется: выгнала пьяницу на улицу – стены ночного города подпирать. Муж и не появлялся с тех пор ни разу, а она о нем редко вспоминает, поскольку никакого проку от пьющего мужика нет. Вячеслав не пьет. То есть, конечно, с друзьями рюмку-другую при доброй закуске пропустит и с приятной женщиной стопочкой не побрезгует. Но меру знает: выпил немного, поел хорошо и в постель Светку утаскивает, пока школьни-

ца домой не вернулась. Да школьница ему не помеха, она в своей комнате тихой мышкой сидит. Иногда выйдет, через очки свои круглые на него поглядит и спросит многозначительно:

– Ты, дядя Слава, когда на мамочке женишься, мне отцом будешь?

– Это как мы с твоей мамой, пигалица, решим, – реагирует он на нежелательный призыв ребенка.

– А у меня уже есть отец, – уточняет девочка. – С ним как?

– А что с ним делается? – находит выход Вячеслав. – Есть отец и хорошо, пусть им и остается.

– Что-то ты разболталась, – недовольно бурчит Светка. – Мы с дядей Славой – товарищи, и не придумывай ничего. Марш к себе в комнату.

Дочка шмыгнет носом и исчезнет, а они со Светкой товариществуют. Товар хороший, что у него, что у нее. Она высокая, плотная, грудь большая – в руку возьмешь, так чувствуешь, что взял, не то, что у современных модниц, которые сейчас на пляже соски камнями прикроют и гордятся своими маленькими бугорками, выставляя их на показ. Почему не посмотреть, коли тебе показывают? За погляд денег не берут, да Светка с ее обширной грудью из ума нейдет. Так нейдет, что в пору воспоминания прекратить и в море с волнореза кинуться.

Вода омывает прохладой разгоряченное тело. Морское дно, удерживаемое огромными валунами, четко просматривается. Надень маску и всю подводную красоту увидишь, заполненную камнями, между которыми в расщелины уплывают испуганные рыбины – малые и большие. Неустанно трудятся медузы, очищая воду до прозрачности. Краб торопится, перебирая лапками, к месту назначения. Не хочешь изучать подводное царство, ляг на спину и любуйся голубым небом с белыми воздушными облаками и слепящим солнцем. Когда же солнце прячется за облаками, то лучи его, словно божественные нити, выглядывают, подсматривая за пловцами. В лежании на морской глади есть только одна опасность: лицо, выглядывающее из водной поверхности, быстро обгорает, и никакие кремы не спасут нос от шелушения.

Лежит Вячеслав на воде, грустит: не с кем наперегонки сплывать. Он всегда опережал Витьку и Валерку, да теперь они застряли в домашнем быту. Никому он не нужен, но и ему никто не нужен. «Мне вас не жаль, года весны моей», – возникает в памяти пушкинское. Сейчас он свободен: хочешь – в горы лезь, сбивая ноги, хочешь – на камнях валяйся до одури или морем к чужим берегам плыви. До бере-

гов чужеземных далеко, а до скал, прозванных близнецами, с километр будет. Это он осилит.

По легенде жили когда-то два брата-близнеца в дружбе и доверии друг к другу. И захотелось им познать любовь сестер-близнецов из далекого края. Силой решили братья ту любовь заполучить, да не вышло. В неволе любовь не рождается. Подвергли красавицы-сестры братьев таким испытаниям, с которыми земному человеку можно справиться, лишь владея колдовской силой. Пытались они выполнить условия сестер, да, в конце концов, все четверо в море и погибли, прогневив царя морской пучины. Всплыли тела погибших, соединились в две скалы, как напоминание, что невозможно силой взять душу человеческую. Стоят две глыбы в море, меж ними катера да лодки шастают. Туда и поплыл Вячеслав, решив проверить силу свою богатырскую.

Вода вся солнечными зайчиками наполнена. Перескакивают они, с пловцом заигрывают, увлекая все дальше и дальше. Вид на берег открылся изумительный: чем далее от берега, тем заманчивей его изгибы и разнообразие.

Далеко уже берег, но и скалы не близко.

Плывет Вячеслав дальше. Мимо сумасшедше несутся гидроциклы и моторки, оставляют после себя бензиновые пары. Медленно движутся катера с пассажирами, которые изнывают от жары, торопят момент расставания с катером, на который неосмотрительно взошли во время дневного пекла и теперь желают встречи с прохладными волнами. Он же плывет – сильный мужчина, вершитель своей судьбы. Не важно, что сейчас у него с друзьями небольшой разлад, с семьей разрыв, с матерью непонимание, поскольку старость заставляет ее непрестанно учить сына жизни. Не пугает его даже то, что фирма его небольшая, автосервис то есть, испытывает временные трудности, так как в последнее время таковых стало больше, чем автомобилей.

Автосервис ему почти даром достался. Он числился знающим инженером, только завод теперь деньги своим работникам не платит. Кризис! То же, что иногда платит, можно назвать пособием по безделю: цеха простаивают. Терпел инженер нужду, о перспективе думал, а тут приятель позвал: «Давай, Вячеслав, в складчину сервис купим».

Подсобрали денег на сервис с «крышей» и стали совладельцами.

Вячеслав и Витька к себе завскладом взял, да тот подворовывать начал – запчасти на сторону продавал. И вроде по-божески таскал, но

приятель велел: «Избавься: сегодня малость взял, завтра все разворует». Вячеслав сопротивлялся из-за дружбы, но сдался, уволил-таки Витька. Теперь же хочет избавиться и от совладельца-приятеля. Тот задумал новое дело, не говорит какое. Предложил: «Отдай мою долю – и разбежимся». Надо снова деньги искать, а еще «крыша» задурила – требует увеличения оплаты ее непосильного труда. Но и это, надеется он, уладится.

Плыви, Вячеслав Сергеевич, вперед, покоряй морское пространство! Он так и загадал: доплывет до скалы – все исполнится. Не ясно лишь, что подразумевается под словом «все», но, наверное, удача ему улыбнется и успокоится он душою. Не замечал раньше, что душа свербит. А она свербит.

Последние метры с трудом проплыл. Вылез на скалу. Никого вокруг, люди далеко-далеко, их и не видно. Здесь их тоже нет. Кто сюда доплывет?

Начал обход скалы по чуть заметной тропке, уводящей вверх. Двигается осторожно: не скалолаз. Однако побывать и не исследовать – не в его натуре. Поднялся высоко, катерок, проплывающий внизу, игрушечным кажется, лодки – досточками безлюдными.

На самом верху, куда устремился его взгляд, махнуло что-то белое и исчезло. Лезет Вячеслав дальше, покоряет скалу: еще ни одна женщина, которую он хотел, не ускользала от него. Скала тоже женщина, и он возьмет ее обязательно. Добрался до верха, выбрался на небольшую, почти квадратную площадку и увидел воздушное бело-голубое существо под шляпой с огромными полями. Существо оказалось красивой женщиной с тонкими чертами лица, горячими карими глазами, черными пышными волосами. Тонкие руки с изящными пальцами, на которых поблескивали колечки, красиво ловили потоки солнца и ветра. Длинные ноги заканчивались сандалиями с высокой шнуровкой. Белое платье и голубой шарф волновались под натиском ветра.

– Я думала: не доплывешь, – проговорила она, будто пропела.

– И давно ты тут сидишь-наблюдаешь? – закрепил он предложенное незнакомкой обращение на «ты».

– Давно. Обычно сюда только на лодках приплывают.

– А ты как попала?

– И я на лодке. Меня вчера вечером сюда привезли, да забыли.

Кого же можно завести на скалу и забыть? Порядочную женщину вряд ли. Но и это бело-голубое чудо не похоже на даму по вызову. Или он жизни не знает.

– Тебя как зовут? – прервала женщина его размышления.

– Вячеслав Сергеевич, – ответил и спохватился: слишком официально. – Просто зовут – Слава.

– А меня – Мавлие. Пойдем скалу рассматривать.

Она царственно обвела рукою скало-морское пространство, будто именно ей принадлежащее владение. «Хозяйка морской скалы», – подумал Вячеслав и пошел следом за Мавлие вниз по другой стороне скалы, скрытой от берега. Молчаливо глядела на них рядом стоящая скала-близнец.

– Давно отдыхаешь? – поинтересовалась Мавлие.

– Три дня. А ты?

– Один или с семьей приехал? – спросила снова, сама не ответив.

– Один.

– Что так? Сюда обычно семейные пары с детьми приезжают.

– Нет семьи и нет детей, – ответил он почему-то с ноткой грусти в голосе, хотя вовсе не грустил. Напротив, рад, что свободен и встретил на скале прекрасную женщину. Он уже убежден, что прекрасная, такая, про которых поэты пишут. Сам-то он не увлекался поэзией. Что в ней? Кровь-любовь-морковь. Дышать не могу – стеланья в груди. Поскольку ты ушла, к тебе я не вернусь. Тьфу, ерунда все это! Он – прагматик. И если Пушкин русское слово обогатил, флаг ему в руки. Пусть нервные дамочки ахают: Пушкин – наше все. Лично для него все – это работа, друзья, дом.

Почитать умные книги – он не против, даже Достоевского осилил. Но стихи читать – время тратить. Он Пушкина со школы помнит и достаточно. Впрочем, Пушкин хорошо написал: «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты». Как у него сейчас: явилась перед ним прекрасная дама. О такой, наверное, и Блок писал: «Девичий стан, шелками схваченный». Что-то тянет его на поэтические раздумья.

А Мавлие шла, чуть касаясь тропы, словно летела. Шарф прикрывал ее плечи, но неустанно стремился сорваться с них. Сквозь юбку угадывались сильные ноги. Руки то подхватывали шарф, то придерживали юбку, то касались встречного чахлого кусточка и мягко гладили его ветки. Вячеслав так увлекся разглядыванием прекрасной хозяйки морской скалы, что в какой-то момент чуть не сорвался.

– Осторожно, – засмеялась она. – Скоро отдохнем.

Они спустились в пещеру, похожую на комнату, прорубленную в скале, наверное, рыбаками. Три стены закрывали от ветра и солнца.

– Посидим? – спросила Мавлие, присев на камень. – Расскажи о себе.

– Зачем?

– Интересно, кто ты и что тебя мучает.

– Ничего меня не мучает.

– Ой ли? Сюда так просто не заплывают. Семьи, говоришь, нет, а возраст самый подходящий.

– Не встретил еще такую, как ты, – попытался он отшутиться, – да и мама не велит.

– А если бы встретил, с мамой стал бы советоваться?

– Пожалуй, нет. За такой сразу пошел бы.

– А если бы трудно пришлось?

– Так ведь спускался. Вроде не трудно, – поддержал он тон, которым можно многое сказать, одновременно не сказав ничего.

– А что дети? – не унималась хозяйка морской скалы.

– Дети без женщины не получают.

– Скажешь, что не было у тебя женщин?

– Были, и дочери двенадцать лет.

– В отце, наверное, нуждается?

– Слушай, – разозлился он, – тебе какое дело? Или я на суд приплыл.

Они замолчали. Мавлие глядела на горизонт, где море с небом встречалось. Он – на нее. Как догадалась она, что обдумывал он жизнь свою, в которой переплелись разные женщины? Елена Прекрасная с двумя младенцами, теперь доросшими лет до двадцати. Жена – до поры-времени покладистая, да вдруг взбеленившаяся. Люська, обездоленная любовью и лаской отцовской. Светка со своей очкастой мышкой, никогда им не мешавшей. Мать, наконец, наполнившая его мозги своими советами и убеждениями. Помыслить, так получается: не совсем он один, то есть совсем не один. Надо лишь руку помощи и заботы к ним протянуть. Но не об этом сейчас думается. Он сидит в скальной пещере рядом с удивительной женщиной, – и никого. Разве упустишь такой случай, морем подаренный?

Он подошел к ней сзади, присел на тот же камень, протянул руки и свел их в кольцо, зажав внутри очаровательную жертву. Ожидал,

что она откинется и попытается выбраться из объятий. Но Мавлие повернула к нему голову, брызнув в него глазами-огнями, слегка уперлась рукой в его живот, будто проверяя прочность клетки, в которую попала, и, поняв, что клетка крепка, обмякла. «Ну, точно, – подумал он, – дамочка по вызову. Как только на острове оказалась? Видимо, предыдущий ухажер фантазером большим был, да не до него сейчас».

Вячеслав внезапно распластался в ней, в волосах ее пьяно пахнущих, в глазах огненных, в руках, касания которых вызывали невыразимое блаженство. Живот ее упругий поддавался и звал к себе, ноги спутались с его ногами. Страсть летела над ним, вривалась в его существо, многократно усиливалась, жгла, мучила и приносила всему телу легкость. Много, долго, снова и снова. Он не жил в земном мире, он парил над морем и скалой, летел со скалы и вонзался в море. Ошпаренный солнцем и глазами-огнями, он не знал, куда ему деться, и опять возвращался к ней – прекрасной хозяйке морской скалы.

Часы просвистели минутами. «Кто же мог здесь оставить такую женщину?», – удивлялся Вячеслав. Он ее не оставит, он повезет ее в свой дом, познакомит с друзьями, окружит вниманием и заботой. Он не даст ей уйти и не позволит матери решать его судьбу. Теперь он знает, чего хочет. Он хочет эту женщину, чтобы она была его возлюбленной, женой, матерью его детей. Он ждал ее всю жизнь. Не ждатель надо было, а искать. Быстрее бы встретил, но и сейчас не поздно.

Солнце спускалось к горам, и пора было возвращаться назад.

– Поплывем к берегу? – предложил он.

– Нет, я здесь останусь. За мной вечером вернутся.

– А если нет?

– Не волнуйся, меня не оставят. Да и как я поплыву в платье и шляпе?

– Оставь здесь, я на берегу тебе все куплю.

– Нет, милый. Ты – чудный. Нам было хорошо, но женщина не способна проплыть такое расстояние. Плыви один.

– Ладно, – согласился он, – я сейчас до берега. Лодку найду и за тобой вернусь. На лодке поплывешь?

– На лодке поплыву, – улыбнулась она. – Поспешу, в темноте к скале трудно подойти.

Он бросился в море с мыслью – вернуться, посадить ее в лодку, а потом в поезд, нет – в самолет, и увезти отсюда к себе.

На берегу помчался на пристань к лодочникам, закреплявшим лодки на ночную стоянку. Те плыть отказывались.

– Помоги, – просил он старого рыбака. – Там на скале женщина, ее надо вывезти.

– А что ж ты темени дожидался?

– Так вышло.

– И как же ты ее туда привез?

– Она там была, когда я приплыл.

– Ну, ты – ходок, – засмеялся лодочник. – Чужую бабу спасать хочешь?

– Не чужая она, дед. Судьба.

Вячеславу казалось, что этот аргумент окончательно убедил старика, и тот согласился плыть в темень к необитаемой скале. Однако выдвинул и другой аргумент.

– Пятьдесят гривен, – назвал он цену.

– Согласен.

Они поплыли. Вячеславу показалось, что никаких особых трудностей нет, поскольку лодочник благополучно добрался до места, укрепил лодку и отправился вместе с ним разыскивать Судьбу. Никого на скале не оказалось. Исчезла Мавлие, как и не было. Видно, фантазер за ней все-таки вернулся. Таких женщин не оставляют.

На следующий день Вячеслав бродил по городу в поисках хозяйки морской скалы. Сначала избрал местом поиска Ленинградскую улицу – Бродвейскую, как он понимал, для отдыхающих. Двухэтажные дома бегут вместе с улицей вверх, и почти в каждом из них – магазинчик. Сюда могла зайти Мавлие, но никто ее там не видел.

Потом двинулся на набережную. И углядел среди людей, прохаживающихся в такт веселой музыки, ее – Судьбу свою в белой широкополой шляпе. Догнал – не она. Стал спрашивать гуляющих: никто о ней не слышал.

Двинулся на рынок – небольшую торговую площадку под навесами, где всезнающие продавцы восточных сладостей, фруктов и вин с точностью оценивают и запоминают каждого покупателя. Не покупала ли у вас персики дама в бело-голубом? Не встречали вы женщину в широкополой шляпе? Нет, не покупала, и не встречали.

Стал обходить пляжи. Да разве на пляже появится бело-голубое воздушное чудо? Пляжи – место обитания загорелых обнаженных тел.

Добрался до Чеховского домика в три комнатки, стены которых увешены фотографиями актеров и писателей. Вдруг мелькнул в садике голубой шарф. Выскочил Вячеслав из комнаты и увидел: шарф и платье развеваются над камнями, ограждающими спуск к морю – маленькому его кусочку, подаренному писателю его почитателем. Вниз, быстрее за чудом своим, внезапно обретенным. Вдали легко спускается она и не идет, летит над тропкой да камнями, не оглянется.

– Мавлие, – зовет он ее, – остановись!

Но не слышит она, увлеченная плеском волн и блеском воды. Дошла до самой воды, присела на камень и руку в нее опустила. Вячеслав спешит к ней, рад, что отыскал. Огромный камень на повороте скрыл беглянку от глаз. Обогнул – нет ее, исчезла. Как? Куда? Всю бухточку обошел, нигде Судьбы его не было. В ушах звучит: «Я помню чудное мгновение: передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». Явилась ты, Мавлие, при загадочных обстоятельствах и столь же загадочно исчезла. Никто о прекрасной хозяйке морской скалы ничего не знал.

Измученный напрасными поисками, одинокий, брошенный возвращался он домой. Мавлие оказалась мечтой, а мечта недостижима. Если же ты догнал ее и даже обладал ею, то она непременно пропадет. Растает в воздухе, оставив после себя тонкий аромат счастья, всплеск набежавшей волны, колыхание голубого полупрозрачного шарфа.

«Самое страшное, – размышлял Вячеслав, – когда тебя бросают, когда ты оказываешься ненужным тому, в ком страстно нуждаешься».

Проходили женщины по его жизни, и каждая свой след оставила: непрестанную заботу, яркую вспышку юношеских чувств, зыбкость отношений, тихую грусть, кровоточащую рану. Встреча с загадочной Мавлие жизнь его повернула. Теперь не другие, сам он определял свою судьбу, твердо зная, что отвечает за тех, кто рядом с ним оказался.

Елена Семенова

(г. Москва)

Елена Владимировна – писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала "Голос Эпохи", портала "Архипелаг Святая Русь" и сайтов, посвященных Белому Движению. Автор 10 книг. Специалист по истории Белого Движения и 1-й половины XX века. Автор "На этнической войне", о геноциде русских в республиках бывшего СССР.

ДВЕ БЕСЕДЫ

– Это – лунники! Они цветут только ночью! От заката до рассвета. Солнышко взойдет, и их уже не будет. Так жалко! А пока смотри, сейчас они будут распускаться прямо на глазах!

Солнце только что закатилось. Мы стоим с тетей Зосей посреди ее цветущего сада среди лилий, роз, флоксов, георгин и еще множества цветов, названий которых я не ведаю. Перед нами – цветок лунник, как и некоторые другие в этом саду, прибывший в наши северные широты из Майкопа, где живут родственники тети Зоси. Длинные бутоны лунника начинают медленно шевелиться.

– Смотри! Смотри! Сейчас раскроются, – с восторгом говорит мне тетя Зося.

Лунники действительно раскрываются стремительно, быстро развертываются их нежные, крупные лимонного цвета лепестки. Эти несколько мгновений стоило бы заснять на камеру, но ее у меня нет, и я просто наслаждаюсь зрелищем. И рождающихся на одну ночь лунников, и всего сада, о котором мне, приезжающей сюда в августе и встречающей на своем участке непроходимые дебри сорняка, не приходится и мечтать.

Тетя Зося с мужем приезжают сюда в апреле. Когда в нашем поселке еще нет даже электричества. Топят печь, жгут керосинку, устраиваются... Съезжают они тоже позже всех: в октябре. А если бы электричество не отключали, то и вовсе бы поселились здесь.

– Так здесь хорошо... – улыбаясь, говорит тетя Зося. Улыбка редко сходит с ее лучистого лица, и в улыбке этой столько любви – к людям, к цветам, ко всему живому. – Утром я выхожу на крыльцо, смотрю на

цветы, а они мне – улыбаются! И так радостно! А ты радугу видела сегодня? Мы с Сергеем Николаевичем сидели на лавочке и смотрели. Так красиво! Где еще такое увидишь? Надо еще обязательно в лес сходить! Я так люблю лес... Я туда вхожу и никаких болячек там не чувствую, так легко мне там... Грибы я не очень люблю есть, а собирать – такая радость! И рыбу ловить! Когда вода струится, тихо... Очень это успокаивает. Вот, если Ромка будет по Волге плавать, то я к нему поеду, тогда порыбачу!

Ромка – ее средний внук, оканчивающий мореходку. Всего их у тети Зоси трое. Мать их, ее дочь, долго болела и умерла рано. С той поры младший внук живет у второй бабушки, а старшие уже взрослые ведут свою жизнь и на даче появляются лишь изредка. Прежде проводили они здесь все лето, и тетя Зося скучает по тому времени, по спящей и шумящей детворе, оживляющей дом и сад.

– А еще бы в Ярославль съездить... Посмотреть на город...

О городах и всях мы говорим с тетей Ариной, дом которой стоит в ста шагах от дома тети Зоси. Тетя Арина – паломница со стажем. Мне кажется, нет такого монастыря, где бы она не побывала. Не исключая, конечно, и окрестных.

– А совсем близко здесь – могила Нилуса. А ведь он в Оптиной пустыни мечтал быть похороненным. Ты была в Оптиной? Съезди обязательно... Там же все-все наши писатели, философы бывали... Да что я тебе! Ты сама знаешь... А Нилуса преследовали. Он сюда приехал к знакомому священнику, а тот побоялся его на постой пустить. А другой батюшка сам позвал и дал кров, и до последних дней Нилуса заботился о нем. Он его и отпел, и похоронил... А потом его расстреляли, конечно. И могилу уничтожили. А одна старушка, до наших дней дожившая, запомнила место и указала...

Все это, но уже подробнее, я читаю во взятой у тети Арины брошюре. Книг у нее здесь много. Священное Писание и Псалтирь, с которыми она не расстаётся, творения святых, что-то из истории, подшивки газет, путеводители. Среди прочего примечаю крупную фотографию Александра Третьего с семейством.

– Вот ведь Царь был! – вздыхает тетя Арина. – Какой был Царь... И Мария Федоровна... Я на днях о них передачу слушала. А нас-то в школьные годы учили: враги они... Все разорили, уничтожили... А Елизавета Федоровна! А муж ее! Какие люди были... Чистые, правед-

ные... Ты в Марфо-Мариинской обители была? Обязательно съезди. Ее сейчас восстановили. Щусев строил... Нестеров расписывал... И в Новоспасский тебе надо... Только там к гробницам трудно попасть... – она называет много-много мест, где мне следовало бы побывать, и я чувствую, как в определенный момент начинаю путать одно с другим. Ее простое лицо в эти минуты высветляется, по губам плывет счастливая улыбка, удивительно красящая любого. Попутно тетя Арина заглядывает в свой путеводный дневник, который она начала вести десять лет назад, когда вышла на пенсию и стала объезжать русские святыни. – А в Ельце храм древний сохранился, и иконы в нем старинные, темные. Совершенно по-особому там дышится. Чувствуется, что веками намолено. И образ там преподобного Серафима, а от руки его кровь струится. Я сама видела...

– Когда у тети Зои внук погиб, то через неделю в их квартире появилась бабочка... А ведь это ноябрь был! Откуда? Месяц она у них жила, до 40-го дня... А потом уснула... Они считали, что это – душа его с ними прощалась... – тетя Зося на несколько мгновений умолкает. – Такие они люди замечательные. Врачи от Бога. Всегда всем помочь готовы были. Бескорыстно!

«Бескорыстно» – одно из любимых ее слов. И почти все люди в ее рассказах выходят бескорыстными, прекрасными, светлыми. Она ни о ком не говорит зло и не понимает, как это некоторым людям доставляет удовольствие жалить больнее ближнего.

– Мы всю жизнь среди военных прожили. Может, наложило свой отпечаток. Мы же все друг другу, как родные, были. А может, просто характер... У меня сестра была – удивительный человек! Светлый, золотой! У нее такая жизнь тяжелая была, и ей удалось в себе этот свет сохранить, ко всем людям открытость. У кого бы что ни случилось, она первая бежала помогать всегда. Я тоже стараюсь, чем могу, помогать, но мне до нее далеко... А она прямо светилась вся! – я смотрю на тетю Зося и не верю в то, что ей далеко до ее сестры. Она и сама – светится.

– Я не знаю, есть ли сейчас такие люди... Однажды мы с детьми были в лесу, и хлынул дождь. А у нас ни зонтов, ни плащей. Мимо шел человек, совсем незнакомый. Увидел нас, снял плащ, подошел и над головами детей его растянул, как навес. И пока дождь не прекратился, так и стоял, сам мок. Представляешь, какие люди бывают? Тебе приходилось таких встречать? Мне – приходилось. И встречи эти – глав-

ное богатство мое...

– Люди должны друг другу помогать, – уверенно говорит тетя Зося. – Как это можно иначе? Ведь, вот, ты сделал добро другому, и оно обязательно тебе вернется. Я сама это замечала. Не сразу, не с той стороны, но вернется. Нужно делать добро...

– Раньше ведь люди другие были, – констатирует тетя Арина, листая книги, которые я ей принесла. – Верующие... Лица какие у всех, посмотри... Благородные, светлые... Сразу видно, какие это люди были. А потом пришли эти... И всех их поубивали. Забыли Бога, вот, поэтому так все и случилось. А теперь нужно каяться и молиться. Все ведь мы грешные, все не так живем... И еще долго-долго идти нам...

Альбом, который я принесла тете Арине – «Русский Лемнос». Книжку эту я только сегодня купила в Махрищском монастыре. В ней великое множество фотографий, и каждую тетя Арина, вооружившись очками, разглядывает пристально. Особенно впечатляет ее храм, сооруженный русскими изгнанниками из подручного материала:

– Вот, в том все и дело, что они Бога не забывали. Все у них правильно было. Лучшая часть русского народа. Ее-то и истребили, изгнали... А нас-то в школе учили... Я семилетку заканчивала, нам там открытки с Лениным раздавали, рассказывали, какой он был расчудесный. Мы, дети, верили! В пионеры принимали – то-то радость была! А оказалось все наоборот. И откуда такая злоба сатанинская? Ведь отец у него хороший человек был. Учитель... Откуда такая ненависть?..

– Родители мои с Кубани были... Такой ужас там был... – сколько знакомы мы с тетей Зосей, а никогда она мне этого не рассказывала. И слушая теперь рассказ ее, я обращаюсь в слух, боясь что-нибудь пропустить.

– ...Деда вывели из дома и расстреляли на глазах у семьи. Бабушка после этого сошла с ума. Отца арестовали и отправили в лагерь, под Архангельск куда-то. В какой-то день их, арестантов, вывели из барака, стали выкликать пофамильно, показывая, кому направо, а кому налево идти. Тех, что налево, ждал расстрел. Папа уже был болен и пошел налево, когда ему указали направо. И тогда конвоир ударил его прикладом и отбросил направо... Потом папа не то сбежал, не то освободился. До дома он два года добирался пешком. Останавливался по временам в каких-то населенных пунктах, подрабатывал и опять шел. А маму с тремя детьми и других родственников выгнали из дома.

Это было начало 30-х, голод стоял жуткий. Я помню, что родственники сторонились тету Марусю... Я не понимала почему. А потом мне объяснили. В ту пору ее дети умерли, и она, чтобы не умереть самой, ела их... У мамы тоже умерло двое детей. Только старшая дочь, уже окрепшая, уцелела. А папу едва не арестовали вновь. Он выскочил в окно, лег в траву, которая очень высокая была. Вокруг ходили комиссары, один даже наступил ему на руку, но не нашли... Отец забрал маму и сестру и увез их в другой город. А дом наш до сих пор стоит. Белый, большой. Я было написала по поводу реституции. А мне отвечают: «Документы на дом есть у вас?» Какие документы? А то непонятно, что дед не по своей воле свой дом сельсовету «подарил»... А только мне противно стало, не стала я им ничего доказывать...

– Родители мои люди простые были... У отца всего-то три класса образования. А книгочей! По складам, а читал, читал, и меня пристрастил. И в доме у нас никогда ничего такого услышать нельзя было. Никакой матерщины, никакой пошлости... Крестьяне были, лишенцы, а какая культура! Какая речь была – ты бы слышала! Я ж не умею так говорить...

Тетя Арина оказалась в вопросе о компенсациях настойчивее тети Зоси. Дед ее, по советским понятиям, был «кулак». То бишь работающий крестьянин, наживший приличное хозяйство своим горбом. О грядущей коллективизации он узнал заранее и, не ожидая расправы, перебрался с семьей из Волгоградской области в Среднюю Азию. Через несколько лет, когда страсти поутихли, его потянуло на родину, и семья тронулась в обратный путь. В деревне, как и следовало ожидать, оказались доброхоты, которые донесли на вернувшегося соседа, и он был арестован, как враг народа, и сгинул в одном из лагерей. Семья постепенно перебралась в город, а в деревне осталась жить лишь одна из дочерей. Тетя Арина обошла немалое количество учреждений и, пользуясь каким-то полезным знакомством, добилась реабилитации своего деда и выплаты еще живой в ту пору тетке компенсации, как дочери незаконно репрессированного. Получив деньги, старушка так разволновалась от неожиданности, что попала в больницу с сердечным приступом. Компенсации хватило ей, чтобы купить холодильник...

Слушала я эти рассказы (которые уж на моей памяти – немало прослушала и прочла я их, прежде чем написать «Перелом») и вновь негодовала на тех, кто до сей поры склонен оправдывать это величайшее преступление под названием «коллективизация». Мне не раз пытались доказать, что она была нужна по экономическим причинам. Я с этим не согласна. Но даже если так, я не считаю возможным рассмотрение такой великой трагедии в означенной плоскости. Кто-то может видеть в этом лишь цифры. Я вижу – людей. Детей. Судьбы. Люди многократно важнее цифр. Я легко могу представить себя на их месте. И каждого, кто склонен оправдывать акт геноцида собственного народа, я призываю, прежде чем сделать это, представить себя на месте людей, истребление которых оправдывается, на месте деда тети Арины, отца тети Зоси, несчастной тети Маруси. Представить на их месте себя и свою семью, своих детей. Оправдали бы вы в отношении себя такую меру? Если нет, то оправдывать ее в отношении других есть подлость. Вопрос тут не экономический, а моральный. Оправдание преступления ведет к его повторению, поэтому господа оправдатели принимают на свои головы весьма тяжелую ответственность, которую, вероятно не вполне осознают...

Все это долго обсуждаем мы с тетей Зосей. Над железнодорожным мостом нависла луна, и ей улыбаются таинственные лунники. Тетя Зоя вспоминает о Байконуре, где многие годы прожили они с мужем-летчиком.

– Когда мы только приехали туда, это был удивительный город. Молодой город. Стариков там не было... Все друг друга знали. Двери не запирали вовсе. Только пару лет спустя стали запирают. Когда у наших соседей что-то украли. Мы даже поверить не могли, чтобы у нас воры были! Но все-таки стали запирают. А до того не запирали... При Королеве там порядок был. На Байконуре хорошо было. Мы там все так дружно жили. Рядом река была, мы на рыбалку ходили... И такое совпадение: когда нам в Москве квартиру дали, то она рядом с кинотеатром «Байконур» оказалась! Вообще, в жизни много совпадений бывает. Вот, соседа нашего взять. Много лет назад мы ехали в одной электричке, разговорились, потом сошли на своих станциях и с той поры не виделись. И вдруг встретились. Здесь. Оказались соседями... Жизнь – такая удивительная!

– Ты была в Свято-Тихоновской пустыни? Съезди... Там очень сильный источник. Родственница Нилуса там исцелилась... Святой Тихон в дупле жил. Тамошний князь его прогнать хотел. Замахнулся

на него рукой, а она и онемела! – эти слова тетя Арина произносит громко, вдохновенно, с каким-то даже утрашением, поднимая руку, как бы показывая, что стало с князем. – Тут-то он понял, что перед ним святой, взмолился. Тот Господу помолился, и князь был исцелен. И помогал обители. Я туда зимой ездила. У меня грипп был. Хотела отказаться, а подруга отговорила. И я с гриппом поехала. Мороз был – 25 градусов! А обитель тогда еще только восстанавливалась. Нас там чаем с хлебом напоили. Такой вкусной нам эта простая еда показалась! Зашли мы затем в предбанник. Пол там льдом от стекшей с людей воды покрыт. Нет, – думаю, – окунаться не буду. Страшно. А все раздеваются! И я тоже. И уже гуськом мы, три женщины, пошли к источнику. И до последнего я думала – не стану окунаться, не смогу. И сама не знаю – как в воде очутилась. Как дух меня вел! Окунулась три раза, и святому Тихону помолилась. Вылезли мы оттуда, оделись, не вытираясь даже. И так тепло было, будто из парилки вышли! А на душе – такая чистота! Словно от всех грехов она омылась! – лицо тети Арины озаряется, она говорит взволнованно, и частичка ее переживаний долетает и до меня. И вместе с нею я изумляюсь тому, как много чудесного есть еще в Божием мире.

– А от гриппа ни следа не осталось! Очень сильный источник там... И в Екатерининском еще монастыре. Там у какого-то «нового русского» дочь смертельно больная исцелилась. Он после этого этот источник мрамором выложил, спуски к нему удобные сделал...

– Странное сейчас время какое-то... По телевизору все хвалятся. Чему хвалятся? Предприятия все стоят, все развалено кругом... – тетя Зося качает головой. – А в армии... А везде... Вот, и ты же пишешь об этом. Все это освещаешь подробно... Кругом воры. И смотрю я, и не вижу: люди-то там есть еще? Вообще, люди, за которых можно поручиться было бы?.. Не знаю, я не вижу таких... Может, просто нам их не показывают. Ты во всем этом вертишься, знаешь, а большинство же не видело, не слышало... Ты о людях прошлого пишешь, а я читаю и думаю: Господи, откуда только являлись такие? И почему же теперь не являются?

Разговор наш оживает. Тема кабака, творящегося в родном государстве, неисчерпаема. Мы говорим об армии и медицине, об образовании и Чечне, о 282-й статье и Церкви. От фактической стороны переходим к моим писаниям на все эти больные темы, с которыми тетя Зося подробно знакома, а затем к сочинениям моим вообще.

– У тебя много грустных ноток... В своей душе ты старайся их преодолевать. В жизни много печального, тяжелого. У всех. Но нельзя концентрироваться на этом, нужно все-таки сохранять оптимизм и смотреть на жизнь светло. Плохое не может тянуться вечно. Рано или поздно оно пройдет и уступит место хорошему. Да и всегда, всегда есть столько простых вещей, которым можно радоваться! Только надо уметь замечать их и ценить...

– Ты Богу молись и Бога слушай. Он – подскажет... Сейчас много всего наносного. Вроде и верующими зовем себя, а беспорядок кругом... Отчего такое? Если человек к боли чужой неотзывчив, то грош цена вере его... Православие – это что? Это добро нести в каждый дом, каждому нуждающемуся. Как Елизавета Федоровна говорила: стать человеком, который придет в каждый дом с помощью... А то, что ты рассказываешь, про всякие организации, которые вместо этого, развлечениями заняты, балами – это все не то. Как бы ни называлось. Когда такие бедствия вокруг, какие балы быть могут? Какие развлечения? Нет-нет, это представляются только... – хмурится тетя Арина. – Вот и... в храмы ходят. А что ходят? Подсвечники... А надо же делать! ДЕЛАТЬ! А они... Им ничего не нужно! Ничего! Россия не нужна... – некоторое время она молчит. – А все-таки Россия – будет! – говорит убежденно. – И ничего с ней не поделают. Господь, кого любит, того и наказывает. Испытывает. Вот, он и Россию испытывает. И не может страна, которую Господь возлюбил, кануть. Россия – последний оплот. И она возродится! Об этом же все святые наши писали. И Иоанн Кронштадтский, и Серафим Саровский... Все писали. Пройдут черные годы испытаний, очистится Россия и возродится в еще большей славе! – тетя Арина даже пристукивает ладонью о стол, морщинистые щеки маленького лица зарумяниваются, и слова ее звучат веско и безапелляционно, как приговор. – Так и будет!

Сергей Овчинников

(г. Щекино Тульской области)

Родился в 1963 г. возле Ясной Поляны в Тульской области, окончил медицинский институт, жил в Калининградской области, Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. – на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов. Лауреат областной премии им. Л.Н. Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула».

ЛИПОВО

После долгой оттепели – плюющиеся снежной кашей грязные пасти выщербленных дорог, сырые ноги, хлюпающие носы, – ударили рождественские морозы. Блеклое небо уже не придавливало так стылую землю мокрой облачной ватой, выглянуло солнце, засиял свежесвыпавший снег. В такой день хотелось уехать куда-нибудь из города от ядовитого воздуха, дорожных пробок, людской суеты – куда же отправиться? На юг области! Мне нравятся здешние села в верховьях Упы, где она еще чиста и прозрачна, где лет двадцать существует необъявленный заповедник погибшего русского села. Двадцать лет после Чернобыльской катастрофы (затем дозиметр успокоился) здесь фонила принесенная ветром украинская радиация, сюда не вкладывались московские и тульские деньги, в результате места эти пришли в упадок, сохранив остатки русской самобытности, тогда как деревеньки вокруг Москвы, под Тулой и возле Оки давно превратились в спальные районы города, в аморфные дачные поселки. Сельская идентичность, деревенская подлинность там уже давно смыта городскими деньгами, которые свалились на многих россиян в тучные годы дорогих газа и нефти. В городах деньги сделали из многих людей «хomo экономикус»: особой, мозги которых поражены коровьим бешенством жажды денег. «Хомo экономикус» – расчетливый, умный, но на свой манер ограниченный потребитель иномарок, зарубежных курортов, дорогих компьютеров и смартфонов. Его легко контролировать с помощью телевизора, социальных сетей и мобильников, он и не проти-

вится этому, лишь бы не отняли машину, компьютер и возможность путешествовать. В русском городе сейчас чересчур много буржуазного, причем на провинциальный манер. Сетевые магазины, половодье машин, обывательская иерархия денег и чиновничьей власти, спецслужбы, полиция... Город растит обывателя, его спальные районы – чудовищное бетонное гетто, где людей превращают в социальных насекомых, которые поутру летят из бетонного улья многоэтажки на свой взятки, а ночью возвращаются выжатые, как лимон. Каждая мелочь в окружении ребенка сказывается на его характере, обывателя же формирует городская окраина, заплыванный серый подъезд, облезлые стены серых домов, полное отсутствие архитектуры, продуваемая всеми ветрами уютная улица, безрадостная череда озабоченных, неулыбчивых, серых лиц. В таких условиях человек вырастает рабской, серой, штампованной личностью, полагающей смыслом жизни мышиную возню обывательского благополучия. Рабочий класс, когда-то завоевавший Россию, вырождается в обывателей. Телевидение, курорты, машины уравнили новую буржуазию и новый пролетариат – все ездят на одинаковых машинах (чуть дороже или чуть дешевле), отдыхают на похожих курортах, смотрят одни и те же программы по телевизору. Задремав перед экраном, рабочий проспал свою страну – СССР. Вместо тоталитарного социализма теперь тоталитарный капитализм. Двухкомнатная квартира в хрущевке с «евроремонтом» – смысл и апофеоз рабочей жизни. Да еще раз в год поездка в Турцию или Египет. Люди по десять лет копят на машину или ремонт – натяжной потолок милее звездного неба, ламинат важнее росной травы, фиалка на подоконнике вместо цветущего луга. Оценивают друг друга по уровню ремонта и марке машины, ремонт и машина отнимают все силы, застыт внутренний горизонт...

В погибшей деревне все по-другому, потому что денег здесь нет – остается жить натуральным хозяйством, пчелами, рыбалкой, охотой или ездить на работу в город, строить и охранять имущество, бизнес более удачливых соотечественников.

Конечно, во мне тоже городские черты буржуазности, конформизма и потребительства, но понимание остается – наша городская цивилизация больна! Сплошь филиал «Дом два», «Пусть говорят» и «Голые и смешные». Мы выстраиваем свою жизнь, как погоню за фальшивыми ценностями, неспроста вокруг нас так много фальшивого – поддельный коньяк, духи, лекарства, картины, одежда, общение. Теперь занимаются сексом по телефону, встречаются с друзьями в социальной сети вместо

совместного похода в лес или горы, вместо костра под звездным небом с гитарой... Мы сами теперь как будто не настоящие.

Но сломать, испортить удалось, конечно, не всех. Сильных, цельных людей много еще на земле нашей, особенно часто я встречал их в Севастополе, на Алтае, русском Севере. В поисках выживших ездил по русским деревням в страшные годы перестройки, разрухи и распада, когда казалось, что с Россией все кончено. Масштаб предательства в тогдашней России был поразителен, такого жуткого предательства, как при Ельцине, в истории не было давно. 17 марта 1991 года на референдуме российский народ проголосовал за целостность Советского Союза, Ельцин обещал, что исполнит волю народа, но уже в декабре 1991 Кравчук, Ельцин и Шушкевич, не имея на то никаких полномочий, подмахнули Беловежское соглашение о ликвидации СССР. Жизнь в республиках и России стала рушиться, осыпаться. Многие активные люди от безнадеги стали уезжать из страны, правительство Ельцина их отпускало, при этом чиня препоны для въезда в страну русских из союзных республик. Россию намеренно опустынивали! Мейджер и Тетчер советовали: для обслуживания газовой трубы русским достаточно сорок-пятьдесят миллионов человек, остальные лишние. Выехало на запад несколько миллионов самых образованных и умных, выпускники престижных факультетов МГУ бежали за границу целыми курсами. 1 января 1992 началась «шоковая терапия» Гайдара. Цены в России на многое взлетели в десять раз, а госслужащим, которые составляли тогда 89% всех работающих, перестали платить зарплату, пенсионерам задерживали пенсию. Под руководством Чубайса началась грабительская приватизация и банкротство советских предприятий. Голодающие, доверчивые, экономически неграмотные русские, татары, чуваша, башкиры почти бесплатно отдавали свои ваучеры будущим олигархам, которые затем перепродали большую часть собственности иностранцам. Началась массовая безработица, нищета, детская беспризорность, бандитизм, торговля женским телом и наркотиками. Академик Татьяна Заславская, входившая тогда в администрацию Ельцина, считала: одних только мужчин среднего возраста за три года «шоковой терапии» в России умерло не менее 12 миллионов человек. А были еще погибшие женщины, миллионы преждевременно умерших стариков, не родившиеся дети, сколько людей выжило, но спилось, попало в тюрьмы, превратилось в инвалидов? И это лишь за три года! В 1993 Ельцин расстрелял из танков российский Парламент, физически уничтожил более 2000 его защитников, многих уничтожил духовно, запугав депутатов и деморализовав армию. Ель-

цин сам создал проблемы в Чечне, выведя оттуда российские военные части, оставив при этом кучу вооружений Дудаеву, а затем опять ввел туда войска, необстрелянную армию восемнадцатилетних мальчишек. 31 декабря 1994 (день рождения тогдашнего министра обороны Павла Грачева) Грозный был атакован танками без поддержки пехоты! С обеих сторон появились тысячи погибших и раненых, началась бесполовая, позорная Первая чеченская гражданская война.

По секретному соглашению 1993 года Ельцин согласился передать американскому «другу Биллу» сотни тонн высокообогащенного урана, извлеченного из нашего ядерного оружия. Эта сделка (подписывали ее Гор и Черномырдин) не проходила ратификацию в российском парламенте (образец американской демократии на вынос), Россия продавала 500 тонн оружейного урана за 12 миллиардов долларов, тогда как рыночная цена такого количества важнейшего стратегического сырья была не менее 500 миллиардов. Сейчас этот российский уран дает 50% всей атомной электроэнергии США. Но ведь проданные американцам за бесценок оружейный уран, редкие металлы и переданные за гроши будущим олигархам советские заводы были оплачены десятилетиями труда, громадными жертвами всего советского народа! Все было брошено коту под хвост.

Не забыло правительство Ельцина и про деревню. 27 декабря 1991, готовясь отпустить цены, в России начали принудительную деколлективизацию. Дата была выбрана не случайно. 27 декабря 1929 стартовала жуткая сталинская коллективизация, ликвидация кулачества как класса. Тогда русской деревне нанесли второй страшный удар. Первым были продразверстка и гражданская война. Третий удар – Вторая мировая война. Хрущев ударил четвертым, Брежнев вместо благоустройства разоренного Нечерноземья направил деньги на распашку казахской целины, а Ельцин окончательно добил российскую деревню, подписав указ «О неотложных мерах земельной реформы в РСФСР». Ни о механизмах передачи земли крестьянам и фермерам, ни о чем-то реальном в документе не было ни слова, просто объявили, что колхозы и совхозы подлежат ликвидации, а земля – разделу между колхозниками уже в первом квартале 1992 года. Никто к этому не был готов, такие реформы совершаются десятилетиями, ведь своей техники у крестьян не было, и арендовать совхозную оказалось невозможно – все накопления сгорели при отмене советских денег. Русская, татарская, чувашская деревня была отдана на растерзание новым «комиссарам» –

рьяным чиновникам и бандитам. Сельское хозяйство теперь приносило работающим в нем одни убытки. Производство отечественного продовольствия в 1992–1993 упало в три раза (даже во время Великой Отечественной войны оно сокращалось всего на 50%), поголовье свиней уменьшилось в два раза, овец и коз – в четыре раза, коров – на треть. Земля большей частью вообще перестала распахиваться и зарастала сорняком, лесом и муравейниками. Зарплаты селянам не выплачивали месяцами, кредиты фермерам выдавались по безумным ставкам, ценовая политика в России была убийственная: русской деревне объявили войну на уничтожение. Иностранным и даже казахским фермерам платили за тонну зерна 40 тысяч рублей, а своим, российским – всего 10 тысяч! Крепкие сельские мужики были вынуждены бросать дома и землю, подаваться в город с семьями, чтобы не умереть с голоду. В российских деревнях тогда закрыли 1362 больницы, 3300 фельдшерских пунктов, тысячи сельских школ. По вполне официальной статистике 700 тысяч сельских детей от 7 до 15 лет вообще не учились. И деревня, по сути, умерла, российское село в духовном смысле уничтожили окончательно. Там остались, конечно, дома, погосты, разрушенные церкви, старики, безнадежно опустившиеся или цепляющиеся за жизнь люди. В некоторых местах удалось избежать полного разрушения – в наших краях выжили крепкие хозяйства «Новая Жизнь» и «Лазаревское». Но, в общем и целом, как социальный институт, производящий особых людей и особый уклад жизни, большей частью деревня была уничтожена. По мнению правительства Ельцина, Россия должна была кормиться не трудом своего крестьянина, но содержать зарубежных фермеров, которые получали двойную дотацию – из российского бюджета и бюджета своей страны.

В 1996 заплакался у меня рассказ «Деревня», где хотелось осмыслить участь одного из сел на юге тульской области. Это Царево, и «царили» в нем тогда нищета, самогон, сифилис, детская беспризорность. Люди не могли доехать до города, оплатить уголь и газ для отопления изб и коттеджей, построенных еще при колхозах – печки сломали, надеясь на будущую счастливую жизнь, пришлось устанавливать буржуйки, как в гражданскую войну.

Тоненький ручеек государственных денег вновь был направлен в российское село чуть более десяти лет назад, когда вся рабочая структура прежней российской деревни была уничтожена едва ли не полностью. Теперь городские инвесторы начали выстраивать сельское производство по западным технологиям и принципам, не поддерживающим привычный сельский уклад. Русский деревенский лад сохранился

лишь кое-где на Севере, в Сибири, на Кубани, в Белгородской области, у нас же вытравлен полностью, и потому, прочитав, будто в деревне Липово восстанавливают храм, я решил, что совершается чудо: если восстанавливают храм, значит, деревня не просто выжила, но сохранила ум, душу, сердце. Хотелось срочно взглянуть на это, тем более подоспели Рождественские каникулы.

Липово находится в 60-ти километрах от Тулы, рядом с дорогой на Ефремов. Когда-то село называлось Царева Пристань, совсем рядом уже помянутое Царево: наверное, когда Екатерина Великая совершала свою поездку в Крым, именно здесь у нее был привал, ночевка со всем царским табором, это событие и отпечаталось в народной топонимике. Перед этим Екатерина останавливалась в Туле, для нее возле тульского кремля (сейчас там музей самоваров) построили дворец, а больше пятидесяти-шестидесяти километров за день в каретах они вряд ли делали. Принадлежало село в 19 веке помещику Гавриле Климентовичу Голикову, имелась у него здесь усадьба, к 1871-му он построил в селе двухэтажный каменный храм с колокольней. На первом этаже придел освятили в честь Тихона Задонского, на втором – в честь Владимирской иконы Божией Матери. Жена помещика, Голикова Елена Андреевна, устроила в подвале храма библиотеку для селян, рядом открыли церковно-приходскую школу и ремесленное училище по специальности «сапожное мастерство». Приход храма составляли крестьяне деревни Крутая (сейчас Крутое), деревни Черемошна (сейчас Черемошня) и сельца Петровское. Крестьян в этих селах тогда числилось 2229 человек, сейчас – меньше тысячи. Эту небогатую тысячу спасла находящаяся рядом большая дорога (легко можно доехать до города) и громадный свиноводческий комплекс в Лазарево. Но сейчас и его разорили, свиньи пали от эпидемии африканской свиной чумы.

На излете царской России вдова умершего Голикова, Елена Андреевна, не ограничилась храмом – устроила рядом женский монастырь! Вначале назывался он Богородичной женской общиной, существуя как приют для девочек и стариц, а с 1905, по разрешению Синода и местного земства, община стала называться монастырем, Елена Андреевна превратилась в его первую игуменью. Умерла она в 1916, не увидев ужасов революции, но успев построить в монастыре три церкви – одну каменную и две деревянные. Сестер-монахинь здесь было 90 человек, при монастыре работала школа для девочек, в общежитии при школе обосновался священник, а диакон имел домик прямо в ограде монастыря. Как представишь ушедшую жизнь – слезы наворачиваются на глазах: сколько добра и мудрости было тогда в людях! Конечно, имелось много сельской темноты и нищеты, но все это есть и сейчас, а

мудрости нам явно не хватает. Все же кажется мне, что пролетариат и его вожди слишком много на себя взяли: тело России на какое-то время сохранили, даже преумножили, а вот духовной жизни народа наладить не смогли, ума и сердца не хватило. Советская Россия простояла только семьдесят лет и пошла вразнос в девяностые, под руководством бывших секретарей обкомов КПСС, преподавателей научного коммунизма и атеизма. Советская империя обрушилась – сейчас мы, все в пыли и ссадинах, выбираемся из-под ее обломков, думаем, как жить дальше.

При матушке Елене Голиковой в монастыре обреталось 6 сестер мещанского звания и 48 сестер из крестьян. Среди них 8 мастериц-ковровщиц, 6 башмачниц, 3 золотошвейки и несколько учительниц. Монастырь продержался до 1929-го страшного года, когда Сталин, окончательно укрепившись во власти, решил, что религия, вера мешает выращиванию нового советского человека. С 1929-го начали закрываться последние российские храмы и монастыри, в стране объявили «безбожную пятилетку». И не случайно параллельно в Европе начинают готовиться к войне с СССР. К власти буквально за руку ведут Гитлера, фашистскую Германию ускоренно вооружают американские и европейские банкиры, промышленники. Все в мире взаимосвязано. За взорванные храмы и уничтоженную царскую семью, священников, монахов русскому народу нужно было ответить перед Богом. И отвечали – миллионами жертв, страшной кровью, которая всегда проливается, если народ отступает от своей веры, своего пути, своей истории. Красноречивые видения Матушки Богородицы случились монаху Илие на Афоне, он приехал в Россию, говорил со Сталиным. Грозный Иосиф после этого велел открыть уцелевшие храмы, вернуть священников из ссылок и лагерей. Нужно было за что-то уцепиться в душе тяжко воюющего народа – и Сталин ухватился за русский патриотизм, нестигаемый воинский дух славян, за их историческую память, настоянную на православии.

Но это будет позже, а в 1929 году Богородичный женский монастырь закрыли, церковные здания взрывали несколько раз – они все стояли. Наши предки думали, что строят на века, никак не могли предположить, что их дети, внуки превратят монастырь в населенный пункт «Коммуна», от которого вскоре останутся поросшие бальем фундаменты храмов и келий. Придуманные человеком химеры живут недолго, идеология советских коммун не выдержала испытания временем. Удержаться они могли только на страхе и насилии, а все это недолговечно, потому что требует много сил и крови, насильники же быстро стареют и живут обычный человеческий срок. Их дети, как водится, не

идут по пути отцов: сбежали из России, отрекшись от советской идеи, дочь Сталина, сын Хрущева, потомки Андропова. Умерли Ленин, Троцкий, Сталин и последующие вожди – пожиже и помельче, – а русская земля осталась, и народ, изломанный войнами, революциями, безбожными пятилетками, остался, нам нужно жить как-то иначе, после страшного поражения и распада империи. Возврат к старому и полное перенесение на русскую почву образа жизни победителей с Запада невозможны, у нас все другое – дух, кровь, история.

...Рождественский день выдался удивительно солнечным и тихим. На трассе почти не было машин, хотелось разогнаться до чувства полета в нирване скорости, но теперь на каждом столбе висят камеры полицейского наблюдения. Дымили мангалы придорожных кафе, чередовались цветастые бензозаправки, в лобовое стекло било низкое солнце, мир казался по-весеннему прекрасным. Еще лет пятнадцать назад большие джипы, нагнав сзади, по-хамски мигали фарами, требуя их пропустить – теперь вежливо ждут, когда их заметят, благодарно мигают фарами, если им слегка уступают дорогу. То ли в праздничный день ездит одна непьющая интеллигенция, или женщин стало больше за рулем? Нет, за двадцать лет новой жизни сильно изменился весь русский народ – стал более собранным, ответственным, интеллигентным. Полиграфу Полиграфычу сейчас не заработать денег на дорогую машину.

За поворотом на Липово началось царство тишины, неподвижности, занесенных снегом домиков и запаха печных труб. Впереди поднималась красного цвета колокольня в свежих строительных лесах, но никого вокруг не было – деревня казалась мертвой. Я уже отчаялся поговорить с кем-нибудь, как вдруг на укатанной скользкой дороге показалась бабушка. Она брела с палочкой, вначале испугалась меня – в селе теперь опасаются городских, ведь заезжие архаровцы несколько лет подряд воровали провода, коров и овец, – но я говорил о храме и она успокоилась.

– Как жизнь в селе – получше стала? – спрашивал я, идя рядом с ней.

– Нет, – отвечала она, внимательно глядя под ноги, чтобы не оскользнуться. – Работы нет. Кое-кто из старших работал в Лазарево. Сейчас сократили. А молодежь не хочет работать.

– Кто же у вас храм восстанавливает?

– Местный малый, Андрюха. Говорят, ему Путин денег на это дал!

– А что в этой церкви было при социализме?

– Мельница была. Зерно хранили. Там взрывное устройство нашли. В телевизоре показывали. Немцы там сидели и наших много погибло.

...Мы вместе подходили к церкви, скрипел под ногами снег, заброшенные домики тут и там зияли пустыми оконными проемами. Возле храма, прежде невидимый за высоким обрезом земли, стоял иностранный внедорожник, подле копошились три мужичка с инструментами. Реставраторы, понял я, и – надо же – русские! Храм в Тросне, например, недавно ремонтировали наши братья из союзных республик, один из них написал краской на колокольне: «2013 Узбек».

– Ребята, про храм расскажите немного! – попросил я, на долгие церемонии не было времени.

– А чего рассказывать? Щас мы бугра позовем, – сказал один.

Из парящего дверного проема вышел их бригадир, пригласил в теплую избу. В горнице было душно, вплотную друг к другу стояли с десяток наспех заправленных кроватей, несколько скамей теснились вокруг длинного стола с посудой. Бригадир был смышлен, бородач и разговорчив. Я представился.

– Спонсор этого храма как раз из вашего города, – бородач уже наливал мне чай, – его родственники отсюда, он набожный, посты соблюдает... Может он и не захочет раскрывать себя, вы же знаете как это у верующих. Про снаряд слышали?

Ребята были родом из Нижегородской области, артель сложилась на работах в Дивеево, месяц назад они еще жили возле Одоева, сюда их направил настоятель Анастасова монастыря, Пахомий. Духовный смысл совершаемого был для них давно уяснен и очевиден, тысячу раз высказан в разговорах между собой, а вот снаряды на взводе им встречались не каждый день, им это было интереснее:

– Старики говорят – три дня здесь были большие бои зимой сорок первого, немецкий пулеметчик на колокольне сидел, народу тут нашего положил много! Мы нашли в стене немецкий снаряд, вызывали саперов. Только непонятно – почему снаряд немецкий? Пулеметчик немецкий и снаряд немецкий. Хотя, наши ведь могли из трофейного шарахнуть? Если б снаряд взорвался – колокольне бы точно снесло верхнюю часть...

Я попросил открыть для меня храм. Вдвоем протиснулись меж деревянных лесов, сняли шапки, перекрестились у обрушенного алтаря. Деревенские голуби-сизари свистели крыльями под куполом, слышно было, как осыпался где-то кусок штукатурки, работы здесь только начинались.

– Планируют сделать женский монастырь, – сказал бригадир. – Желających очень много. Женщин больше верует, чем мужчин. Не всех еще берут...

Я попрощался и уехал. Все было ясно. Никакого всеобщего чуда. Инициация, откровение, духовное созревание произошли в душе одного человека, Андрея. Он вдруг осознал зоной своей ответственности родное село, где жили его предки. Может быть, кто-то из них закрывал этот храм, Андрей решил открыть. Это его храм, его земля, его родина. Жму руку, ты настоящий мужик, Андрюха. Я пошел бы с тобой в разведку. Если уж поднимать село, то начинать нужно с храма, затем подумать о музее, библиотеке, как в соседнем Пирогово. И только после – тракторы, комбайны, свиньи, овцы. Потому что главное все же не тело, а душа – коммунары тут ошибались.

Один человек на село проснется и разбудит многих. «Спаси свою душу и вокруг тебя спасутся тысячи». Из таких островков жизни (Ясная Поляна, Пирогово, Анастасов монастырь, Липово – противоречия, кстати, меж ними нет, в духовных поисках больших людей случаются ошибки, но хуже, когда у народа этих поисков нет вообще) вырастет новая сельская Россия – просвещенная, как в Ясной Поляне, верующая, как в Тросне, Жемчужном, Нарышкино и Липово. Вокруг храмов и монастырей, вокруг музеев, вокруг таких людей как Андрюха, разбуженных Богом среди матрицы нового мирового порядка, где люди вроде кирпичиков строящейся пирамиды, наверху которой мечтает воцариться, сами знаете кто. Те люди, которые будут приезжать сюда помолиться, стоя перед образами, станут думать о главном – о жизни и смерти, о том, кто мы такие, откуда и куда идем, о своем предназначении. А пока мы думаем об этом, пирамида не будет построена, жизнь человеческая будет продолжаться, у детей наших останется надежда на будущее.

Сергей Крестьянкин (г. Тула)

Член СПР, Союза журналистов СССР и России, член Академии Российской литературы. Множество публикаций в газетах, выступлений на радио. Печатается в сборниках, альманахах. Постоянный автор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Имеет грамоты и дипломы. Награжден золотой и серебряной медалью «Лауреат-актер». Был приглашен в ФРГ, где состоялись несколько творческих вечеров. У С.О. Крестьянкина с 1982 по 2013г. вышли 14 книг.

СУД СОВЕСТИ (рассказ)

Прокурор что-то говорил, объясняя присутствующим, но Фаина Михайловна его не слышала. Рассеянный ее взгляд говорил, что она сейчас находится где-то далеко. В очередной раз женщина мысленно возвращалась к тем событиям, которые произошли несколько месяцев назад и были еще свежи в памяти.

В родильное отделение, где она работала заведующей, поступила Татьяна Жimoreва – молодая восемнадцатилетняя роженица на последнем сроке беременности. Эта девица сразу заявила, что ребенок ей не нужен. Ее парень – такой же малолетний не думающий о последствиях детина, категорически против и считает, что детей заводить еще рано, поэтому «делайте что хотите, но избавьте меня от этой нежелательной беременности». А что тут сделать можно – только рожать. Непутевую будущую мамашу и уговаривали не делать поспешных необдуманных шагов, а дождаться рождения ребенка и посмотреть, может быть, у нее проснется материнское чувство, и ругали, и страшали. В этом принимали участие и главный врач, и медсестры, и уборщицы, и роженицы, лежащие вместе с ней в палате.

Но все попытки оказались тщетными. Жimoreва озлобилась на всех и замкнулась, иногда отвечала резко и грубо.

Мать Татьяны, приходившая в роддом, была в изрядном подпитии, ничего путного дочери не посоветовала, так как «трубы горели» и нужно было срочно их залить «облегчительным» зельем.

Наконец, от девочки отстали, посчитав, что не стоит ту лишний раз волновать, ведь ей рожать через пару дней.

В это время в отделении лежала тридцатипятилетняя женщина на сохранении. Ждала она первенца, но плод был развернут неправильно

и врачи опасались за него. Мечтали с мужем иметь детей, но все шесть лет после свадьбы у них ничего не получалось. И проверялись оба – бесплодием не страдали, и все равно почему-то не удавалось родить. И вдруг в этом году что-то изменилось. Наверное, благоприятное стечение обстоятельств. Светлана Александровна почувствовала себя как-то по-другому – с ее организмом стали происходить неизвестные до сих пор процессы. После обследования врачи подтвердили – она беременна.

Наконец-то, после стольких лет ожидания – свершилось! Как же они радовались с Константином этому замечательному событию.

Утром у Самохиной начались схватки. Светлану Александровну стали спешно готовить к операции. Ближе к обеду она разрешилась от беременности. Операция оказалась тяжелой – ребенка спасти не удалось.

Самохина была безутешной. Светлана Александровна испытала такой шок, что у нее начала дергаться голова. Константин пытался ее успокоить, но ничего не получалось и он сам украдкой вытирал появившиеся слезы. Пришлось сделать женщине успокоительный укол, и она сразу уснула, а мужу разрешили остаться с ней в отдельной палате, куда ее перевели в виду сложившейся ситуации.

Вечером, в конце рабочего дня успешно и без особых проблем родила Жиморева. Она сразу, как только смогла, написала отказ от ребенка и стала готовиться к выписке.

«У Татьяны – этой свистушки, глядя на своего ребенка, материнские чувства так и не проснулись, – с горечью констатировала Фаина Михайловна. – Значит, надо передавать отказную малышку в дом малютки. А жаль. Хорошая девчушка такая получилась. Что с ней дальше будет? Как сложится ее судьба?»

Неожиданно мелькнула странная мысль. Гольдберг задумалась. Решение созрело быстро, и она направилась в палату к Самохиной.

Одни мечтают о детях, но мечта их, порой так и остается несбыточной, а другие, наоборот, рожают без проблем, но отказываются от своего ребенка.

Как много странного и несправедливого в нашем мире.

Объяснив ситуацию Светлане Александровне, она вселила в женщину надежду, а девочке нашла семью.

Пришлось переделать документы, по которым выходило, что ребенка Жиморевой спасти не удалось, а Самохина родила здоровую девочку и даже группа крови у них оказалась одинаковая: вторая резус положительная.

Поначалу все складывалось удачно, но через месяц вдруг, нагрянула проверка, на Фаину Михайловну завели уголовное дело, ее сняли с

должности. Возможно, кому-то понадобилось ее место. Или это чья-то месть – ведь работая начальником, ты всегда кому-либо будешь не-угодным. А может быть, потому что она – еврейка. Трудно сказать, но кто-то, все-таки, постарался.

И вот теперь – суд.

– Подсудимая, Гольдберг, – обращение к ней прокурора вывело женщину из задумчивости.

– Неужели вам не стыдно? И совесть вас не мучает?

Фаина Михайловна рассеяно посмотрела на говорившего, немного помолчала и неожиданно произнесла:

– А вы знаете – стыдно! Не за себя, а за наше государство, в котором такие законы. Стыдно за учителей, которые растят смену нашей стране за мизерную зарплату; за большинство пенсионеров, которые всю жизнь работали на это государство, а в итоге получают пенсию, на которую можно только оплатить драконовские услуги ЖКХ и попытаться не умереть с голоду. В Советском Союзе такого произвола не было – там пенсии, особенно в последние десятилетия, соответствовали условиям нормального проживания. Стыдно за детей при живых родителях, которых определяют в детские дома, где, конечно, гораздо лучше, чем в тюрьме или в армии, но все равно они там такие же бесправные и незащищенные, нежели если бы они росли в семье. А помощь семьям от государства – пособие в семьдесят рублей – просто куры мрут от смеха, издевательство, да и только. Поэтому, когда одна роженица отказалась от ребенка, а у другой в это время умер при родах, я и предложила семье Самохиных взять этого ребенка и воспитывать, как своего. Вы бы видели, какой радостью засветились глаза Светланы Александровны и ее мужа, когда я принесла и показала новорожденную. И семья стала счастливая, и девочка попала в оазис доброты, заботы и ласки. И поступила я так бескорыстно, уж очень убивалась и горевала женщина. Я с детства привыкла работать добро-совестно. Всякие бывали ситуации. Иной раз совесть покоя не дает, заснуть не могу, грызет душу – выматывает. Реветь хочется. Иногда сомневаться начинаешь в правильности своего поступка, жалеешь о содеянном, – женщина замолчала, обвила взглядом присутствующих и после небольшой паузы продолжила:

– Вы спросили про совесть, – Фаина Михайловна вновь замолчала и как будто к чему-то прислушалась. – А вы знаете, совесть, может быть, не одобряет мой поступок, но, как ни странно, и не ругает. Впервые со мной такое. Она просто молчит.

Присяжные удалились на совещание для вынесения вердикта.

Геннадий Маркин

(г. Щекино Тульской области)

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова. Зам. главного редактора – зав. отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Крепко мело той зимой на солоماسовских вольницах. В иные дни так заметеливало, что не только дороги, овраги и балки, но и сами избы тонули в яростной и необузданной снежине. В один из таких бурных дней и занемог крестьянин деревни Соломасово Крапивенского уезда Тульской губернии Федор Блохин. Да так занемог, что с печи слезть не смог. Подозвал он к себе своих сыновей Романа и Петра и попросил, чтобы они его с лежанки сняли и на кровать положили, а кровать к Красному углу поставить приказал, велел лампадку затеплить, а после того, как у изголовья замерцал синим огоньком маленький огарочек, произнес:

– Нынче ночью меня во сне жена моя, матушка ваша, покойница, к себе кликала. Видать скоро к Господу отойду, – простонал Федор и зашелся в кашле. Затем отдышавшись с трудом, подозвал к себе поближе сыновей и, тяжело приподняв голову с подушки, заговорил тихим голосом. – Завещаю вам любить и оберегать друг дружку. Держитесь всегда вместе, никогда не ругайтесь, тогда вам никакой враг не страшен будет. А если начнете браниться, то все прахом пойдет, вся жизнь как под овраг скатится, и люди над вами потешаться будут. Дом рухнет, если братья друг с дружкой вражду учинят, не допустите этого, завещаю, – Федор вновь зашелся кашлем, да так, что продыху не было, хватал, задыхаясь, ртом воздух и дышал с гудом.

– Утром за лекарем ехать надоть в Ломинцево в больницу, – проговорил старший сын Роман.

– Не нужен мне никакой лекарь, за батюшкой, за отцом Василием съезди, – перебил его Федор. – Хочу покаяться, да причаститься перед смертью, – приказал он и, задышав хрипло, откинулся на подушку.

Утром, как только забрезжил рассвет, Роман запряг лошадь в сани и поехал в село Мясоедово за священником. Приехали они только после обедни. Войдя в избу, отец Василий поздоровался со всеми, затем неспешно снял с себя скуфейку и долго оттирал от снега светлым носовым платком усы и большую седую бороду, жалуясь при этом на непрекращающуюся метель, небольшое количество прихожан в церкви и мучавшую его каждую ночь бессонницу. Наконец, вытерев сухо усы и бороду, прокашлялся и, подойдя к Федору, наклонился к его изголовью и что-то стал тихо ему говорить. Затем кивнул головой, пригладил руками седые волосы, заплетенные в небольшую косичку, и запел басом слова молитвы. В этот день Федор исповедовался, причастился, и даже поборовавал его отец Василий. Весь оставшийся день Федор провел лежа на кровати в тяжелых приступах душившего его кашля. К поданной еде не притронулся, а ночью, под непрекращающееся за окном метельное завывание, отошел в мир иной.

Недолго берегли отцовское завещание братья Роман и Петр. Уже с внешними водами произошла между ними первая серьезная ссора. Что послужило причиной к ссоре они на тот момент уже и сами не помнили. Жены братьев как-то разругались друг с дружкой, не поделили что-то. И мужья, вместо того, чтобы пресечь бабьи споры и ссоры, поддались их капризам. Так и ходили братья, друг друга глазами пожирая, а на Пасху, в аккурат после обедней службы, сошлись они в кулачный бой, злобно сверкая глазами, схватили друг друга за грудки. Насилу растащили их в разные стороны жены и дети. Все лето бранной жизнью прожили братья, а осенью решили они доставшееся им по наследству отцовское хозяйство между собой поделить.

Описанная мной реконструкция событий – это, конечно, художественный вымысел. Возможно, совсем по иному сценарию развивались события в семье Соломасовских крестьян Блохиных, способствующие ссоре двух братьев. Мы теперь можем только предполагать и догадываться. Одно в этой истории остается правдивым – это находящиеся в Государственном архиве Тульской области документы, свидетельствующие о непростых отношениях между братьями Романом и Петром Блохиными. Первый документ – приговор Соломасовского сельского схода, и имеет он следующее содержание, цитирую: «Сего 1894 года сентября 30 дня мы нижеподписавшиеся крестьяне-собственники Крапивенского уезда, Ломинцевской волости, деревни Соломасовой, сего числа собраны на сельский сход нашим сельским старостою Потапом Алексеевым Буяновым в числе 33 человек из числа 37 домохозяев имеющих право голоса на сельском сходе, на котором выслушали заявление односельных наших крестьян Романа Федорова и Петра Федорова

Блохиных о желании их разделиться на два дома и хозяйства, так как старший сын семьи Блохиных Роман Федоров Блохин на испрашиваемый развод изъявил свое полное согласие, и мы усмотрели: 1 – что к разделу семейства Блохиных имеется основательный повод, а именно несогласие и ссоры между членами семейства; 2 – что вновь образовавшиеся семейства вполне способны к самостоятельному ведению хозяйства; 3 – что принадлежащий им усадебный участок для устройства на нем двух участков с соблюдением строительного устава достаточен; 4 – что по разделу семейства Блохиных исправное отбывание ими податей и вообще всех повинностей будет обозначено. А потому и на основании 47 – 54 статьи общего положения приговорами разрешить крестьянам Блохиным произвести между собою семейный раздел на два самостоятельных хозяйства. При чем: А – четыре душевых надела земли, находящегося в пользовании семейства Блохиных они распределят между ними таким образом: Роману Федорову Блохину два надела и Петру Федорову Блохину два надела. Б – соответственно касательству земли раскладывается между вновь образующимися хозяйствами казенная, земская и мирская повинности. А также и другие казенные взыскания и числящиеся на них постройки: Роману Федорову Блохину – кирпичная изба, половина двора, половина сеней, старый деревянный амбар и погреб. Из скота: лошадь, корова и шесть овец. Сбруи, телега с колесами и упряжью, соха и борона. Петру Федорову Блохину: деревянная изба, половина сеней, половина двора и сарая. Из скота: лошадь, двухлетний бык и шесть овец. Сбруи, телега с колесами и упряжью, соха и борона. Остальное имущество и утвари разделить между ними пополам, усадьбу тоже разделить пополам. В том и подписались все домохозяева. Ломинцевский волостной староста Марушкин». Вот казалося бы и все. Сельский сход своим приговором должен был поставить точку в ссоре двух братьев. Как говорится: «каждый как хотел – так и получил свой удел». Да, должен был бы поставить точку, но, к сожалению, не поставил. Братья не успокоились, а еще с большим рвением возобновили вражду.

Прошло пять лет. Много воды утекло после той заснеженной зимы 1894 года, когда умирающий отец оставил своим сыновьям завещание о мире и согласии. Много изменилось с той поры в самой деревне Соломасово. Образовались новые семьи, родились дети, отжившие свой век старики, упокоились. Зимы сменялись веснами, весны утекали тальми водами в овраги и балки, летние зеленые листочки одевались в золотые наряды, которые вновь яростно срывала врывающаяся в крестьянскую жизнь зима. Много изменилось, но не изменилось отношение братьев друг к другу, они так и продолжали не любить друг друга, и ссоры между ними не стихли. В книге

жалоб Ломинцевского волостного правления от 19 августа 1899 года за № 183 было зарегистрировано прошение, поданное Петром Блохиным, в котором он просил взыскать с брата Романа 10 рублей за обивку яблони и сбор яблок с его участка. «В нынешнее лето брат мой Роман самовольно собрал яблоки с моего участка, чем причинил убытков на 10 рублей», – так написал в своем прошении Петр, на что Роман пояснил следующее: «Я действительно обил корень Духовой яблони, находящейся на усадьбе Петра, потому, что считаю эту яблоню местною, то есть, мне от этой яблони, следует половина. В прошлом году делили пополам». Не сумев решить дело мирным путем, Волостное правление направило дело в Ломинцевский волостной суд, который в составе председателя суда А. Стекунова, членов суда Г. Лазуткина и И. Балалова, при секретаре Судакове 12 сентября 1899 года, вынес решение в пользу истца, обязав Романа выплатить брату Петру деньги в сумме 10 рублей. Однако Роман и не собирался выполнять решение Ломинцевского волостного суда. Вместо этого, он 21 сентября 1899 года подал апелляционную жалобу в Крапивенский уездный съезд, в которой указал следующее, цитирую: «Имею честь представить прошение на решение Ломинцевского волостного суда, которое нахожу неправильным, так как суд не установил количество и стоимость обитых мною яблок». Крапивенский уездный съезд 4 декабря 1899 года в 10 часов утра вынес следующее решение, цитирую заключительную часть: «Уездный съезд, рассматривая это дело, находит, что в деле не указан сорт обитых Романом Блохиным яблок, также не указано их количество и официальная стоимость с них плодов, а потому Уездный съезд постановил: решение Ломинцевского волостного суда отменить, а дело это направить на рассмотрение в Ясенковский волостной суд. Председательствующий, член уездного съезда П.С. Савченко, земские начальники: Н.И. Кологривов, И.М. Долинино-Иванский, почетные мировые судьи: (фамилии неразборчивы – авт.), товарищ прокурора (фамилия также неразборчива – авт.), при секретаре П. А. Камаеве».

Вот такое решение вынес Крапивенский уездный съезд. Решение по этому делу Ясенковского волостного суда мне в архиве, к сожалению, найти не удалось. Будем надеяться, что решение было вынесено правильное. А может быть, суду даже удалось бы и примирить братьев Блохиных, кто знает? Ведь не зря же Крапивенский уездный съезд не стал возвращать это дело в Ломинцевский волостной суд, а направил его в Ясенковский, словно надеясь на более объективное его рассмотрение, выразив тем самым недоверие к суду Ломинцевскому. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Александр Кобзев

(г. Горно-Алтайск)

Родом из Новосибирской области. Живет в Горном Алтае. Любит достойную русскую и зарубежную литературу, поэзию Федерико Гарсиа Лорки и Хуана Рамона Хименеса. Ценит в литературе содержательность, лаконичность и красоту. Пишет лирические и философские миниатюры.

ВО ЕДИНОМ ЧАСЕ

Мимо этого особняка в стиле средневекового замка я проходил с чувством невольной робости. Здесь жил крупный партийный деятель. Однажды я был в этом доме по неотложным служебным делам. Была суббота, поэтому он встретил меня крайне неприязненно. Быть может, к людям моего положения он не только в выходные так относится?

Лишь чудный мальчик оставил светлое, хоть и грустное, впечатление об этом доме. На ладошке он протягивал мне маленький крестик. «Я нашел в ограде. Спрячь у себя, а то деда увидит – страшно ругаться будет», – мальчонка приложил пальчик к своим губам и оглянулся на дом.

Сегодня около черных металлических ворот стояло с десяток иномарок. К серой стене замка была привалена крышка гроба – маленькая, на детский гробик, украшенная разнообразными финтифлюшками, но без креста. Неужели умер тот милый ребенок? Я даже имени не спросил...

Я живо представил себе светловолосого мальчика и чуть не зарыдал. Кто осудит, если зайду попрощаться?

Когда я открыл тяжелые ворота, то увидел мальчонку сидящим на скамейке.

– Кто умер? – спросил я мальчика с необычайным облегчением.

Мальш ничего не отвечал, лишь недоуменно показывал пальчиком в раскрытую дверь.

Шикарную комнату освещали два десятка свечей. Родственники и разные начальники сидели на стульях и в креслах. Крупная женщина склонилась над гробиком, закрывая собой лицо покойного. Выходит, еще один ребенок был?

Но в гробу оказался достаточно крупный старый человек. Складки на лбу говорили о тяжелых страданиях. Ах, да это тот самый партийный чиновник...

В комнате было все как обычно – искусственные и живые цветы, венки, ленты с пожеланиями вечной памяти, слезы родственников. Но лицо шевелилось! Я жутко испугался.

– Смотрите – он живой! – вскрикнул я.

Усталые родственники утвердительно закивали.

– Но почему он лежит в гробу?

– Три дня тому назад ему по пьянке поездом отрезало ноги. Он не хочет калекой жить.

– Разве законом разрешено хоронить живого человека? – спросил я, когда смятение несколько утихло.

– Нет, но мы создадим прецедент. Эвтаназия не разрешена. Мы будем хоронить живого человека. Мы юристы опытные, деньги есть, уж как-нибудь уладим дело.

Старик стоически терпел боль. Лишь губы прикусывал, а из покрасневших глаз катились крупные слезы.

– Может, нужно терпеть боль не стоически, а по-христиански – надеясь через страдания стяжать жизнь в Боге? – я говорил это, искренно жалея несчастного.

– Он не верит в Бога. И терпит страдания, лишь надеясь на скорую смерть от удушья в заколоченном гробу. Он сам повелел похоронить его не сразу, а на третий день – для приличия, чтобы было все, как у людей.

Когда я заговорил о Церкви, живой мертвец, доселе молча лежавший в гробу, разразился потоком грязных ругательств.

– Потушите живо свечи! – брызгая слюной, закричал старик. – А то этот идиот решит, что мы верующие.

– А как же приличие? Свечи должны гореть, – заискивающе запорхали вокруг родственники.

– В помойку приличие! Я не позволю надругаться над собой!

Старая женщина отвела меня в сторону и тихо произнесла:

– Молодой человек, вам лучше уйти побыстрее. Он не успокоится, пока вы здесь. Всю жизнь он боролся с религией. Хочет и смертью своей доказать торжество атеизма. А нам-то, каково выслушивать. При жизни наслушались. Простите его.

– Да ладно, – я направился к выходу. – Приятных похорон!

– Разве зря столько страданий я вытерпел? – превозмогая боль, отчитывал старик близких. – А про пьянку кому еще скажете – так я из моги-

лы вас достану. Всех за собой затаю! – последние слова он говорил с нескрываемой злобой.

После мрака богато обставленных комнат я подивился синеве неба и зелени весенней листвы. Мальчик доверчиво подошел ко мне.

– Я буду за дедушку молиться, – тихо-тихо сказал малыш и шепотом добавил: – Деда ругаться будет, но я все равно помолюсь за него.

Я достал маленький крестик:

– Возьми. Я всегда его с собой носил. И о тебе вспоминал.

Мальчик оглянулся и прошептал:

– Тише! Сейчас нельзя, я сильно-сильно деду боюсь. Но потом я обязательно возьму. Ты придешь к нам?

Я все еще с трудом верил в реальность зеленых листьев и веселых воробьев. Но этот малыш был несомненным доказательством Божией милости к нам, грешным.

– Обязательно приду, – не скрывая слез, ответил я мальчику.

Я закрыл за собой тяжелые ворота и остановился, не зная – верить ли своему рассудку. Но крышка для маленького гроба с финтифлюшками из черной ткани реально выделялась на фоне серой стены. Может, все же приснилось, в замок я не заходил, и в некой странной мечтательности созерцал жуткое наваждение? Но реальность мерзкой смерти не менее вещественна, чем осязаемость зелени деревьев и праздничность цветущих яблонь.

Остановить! Что-то предпринять! Легонько стучать по каждой машине, чтобы вызвать хор сигнализаций – сбегутся родственники. Взять бульжник и крушить стекла у машин – а что дальше? Ворваться в полумрак гостиной и бездарно стыдить бессердечных, безвольных родичей?

Или просто уйти, сделать вид, будто ничего не произошло? Так наблюдали за расстрелом боевых товарищей пленные солдаты, бесильные что-либо предпринять.

И я бежал.

После моего бегства я так и не мог найти успокоения. Со странным чувством я бесцельно слонялся почти все свободное время и что-то вполголоса доказывал. Человек имеет ли право распорядиться своей жизнью? И как я сам – бывший безбожник – смею судить других атеистов?

Порой родственники-юристы, и даже мальчик, представлялись мне такими жуткими бессердечными монстрами, и дед становился воплощением невинного страдания. Иногда дед вырастал до невероятных размеров ужасов всех войн. Но когда я представлял его последние вздохи под глухие шлепающие удары падающей на заколоченный гроб

земли, когда я сам задыхался в удушливой влажной жаре мизерного пространства, я готов был простить все преступления всех преступников мира. Я не знал, чем могу помочь несчастным смертным людям, что вообще в таких случаях делается.

Оставалось лишь молиться, чтобы самому не стать воплощением зла. Я каждый день заходил в Церковь, чтобы поставить свечу за упокой, но мысленным взором я видел деда только живым. Я представлял, что он, спустя столько дней после похорон, до сих пор живет в своем гробовом пространстве, отщипывает обломанными ногтями волокна древесины от гробовой крышки и подвывает от жуткой боли и безысходности. Быть может, таков ад – бездушное и мрачное место в бесконечной дали от веры и упования.

Я ставил свечу перед иконой Спасителя и заказывал акафисты Иисусу Христу и Богородице, чтобы утешали страдальца и вселяли в него надежду на Жизнь Вечную.

Лишь через месяц я решился пройти по той улице. Несколько раз я останавливался, чтобы повернуть назад, но каждый раз заставлял себя идти к странному замку.

... Возле цветущего шиповника на траве сидел маленький старичок. Нет, не сидел – просто он был без ног. Одной рукой старик обнимал мальчика. Дед читал: «И сказал разбойник Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: ныне же будешь со Мною в раю».

Я отворил тяжелые ворота. Мальчик подбежал, взял меня за руку и повел к своему деду. Мне казалось, что безногий калека от радости встанет и пойдет мне навстречу – так светилось счастьем старческое лицо.

Что произошло? Может, иномарки и странные похороны лишь привиделись? Или в некий страшный миг, когда причитающие родственники готовы были приколотить гробовую крышку, умер некий человек, чтобы возродиться к другой жизни – бесхитростной, простой, к новой жизни! Так Господь во едином часе сподобил рая благоразумного разбойника.

Я сидел на траве рядом с безногим человеком. Что-то среди травы рассматривал мальчишка. Мы молчали, нам было просто и хорошо, как никогда раньше. Я понимал, что дед испытывает огромную боль и скрывает свои мучения. Смогу ли утешить я, не испытавший и доли таких страданий? Но всем своим видом меня утешал он. Так мы сидели на залитой солнечным светом траве и смотрели на зеленую листву и редкие облака, что проплывали над нами.

Евгений Скоблов

(г. Москва)

Прозаик, член МГО Союза писателей России, Академии Российской литературы. С 2006 по 2015 год отдельными изданиями вышли три книги рассказов, два романа, две книги миниатюр и афоризмов, повесть для молодежи старшего школьного возраста. Участник многих периодических литературных изданий, сборников и альманахов. Три книги Евгения Скоблова включены в действующий фонд ФГУ «Российская Государственная библиотека». Лауреат литературных премий имени А.П. Чехова, имени М.Ю. Лермонтова, дипломант конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2008-2010» и «Лучшая книга 2011-2013».

МАЛЬЧИК

С какого-то неопределенного времени, я точно не помню, когда это началось, во сне ко мне приходил мальчик и просил, чтобы я ему дал денег на новый мобильный телефон.

Сначала я его сразу посылал куда следует и тут же просыпался. Но он был очень настойчив и приходил снова и снова. Однажды он даже заплакал, и я решил дать ему на новый телефон, только чтобы он отвязался. Но как только протянул ему деньги – снова проснулся.

А он не унимался. Приходил и говорил, что его мобильник устарел, что ему стыдно перед друзьями и особенно перед девчонками. Я недоумевал (тоже во сне), с какой стати меня должны волновать проблемы какого-то незнакомого мне мальчишки, и почему, собственно, я их должен решать.

Так продолжалось довольно долго. Я устал от этого, у меня пропал аппетит, а работа в колледже, где я читаю политологию и социологию, перестала приносить удовольствие. Я всерьез опасался, что если вдруг мне все же удастся дать ему деньги до моего пробуждения, и он довольный побежит покупать телефон, то не появится ли он через некоторое время снова и не попросит чего-нибудь еще. Кроме того, ведь может случиться так, что мальчишка будет взрослеть в моих снах, постепенно превращаться сначала в юношу, а потом и в молодого человека. Вполне возможно, он попросит новый компьютер, потом новый мотоцикл. А там ему приспичит жениться, и нужна будет новая квартира!

Поверьте, мне не жалко денег, которых, в общем-то, не существует в реальности, как не существует и моего ночного визитера-вымогателя.

Меня волнует корень проблемы, то есть откуда он вообще взялся у меня в сознании, точнее, в той части сознания, которая пробуждается, когда остальная часть отдыхает? Среди массы других глупых, да и просто идиотских мыслей и догадок была и такая: а вдруг этот засранец мой внебрачный сын? Живет себе где-нибудь, где я бывал проездом лет восемь-десять назад, и страдает без нового мобильника...

Потом пришла в голову еще одна нелепость. А вдруг этот мальчик – я сам? Чего-то в детстве не хватало, и вот теперь таким образом мое существо хочет восполнить недостачу.

Но... мне в детстве всего хватало, а о мобильниках тогда, как и о компьютерах, да и многом другом не писали даже фантасты...

Словом, я терялся в догадках и даже похудел.

Однако однажды все закончилось. В ту ночь он появился, как только я уснул. Он улыбнулся и заявил, что пришел попрощаться. Потом вытащил из кармана ветровки мобильник, любовно погладил его корпус и сказал, что нашлись все же добрые люди, «не то что некоторые жадины-говядины тут». Еще он сказал, что больше ко мне никогда не придет, даже если я очень буду просить. И даже если очень-очень-очень.

Он еще раз улыбнулся и ушел в темноту.

Больше он мне не снится, как не снится ничего другого. Просто пустота. И вы знаете, я иногда скучаю. И в такие моменты... я, наверное, многое бы отдал за то, чтобы он еще раз пришел ко мне и что-нибудь попросил.

Ну, хотя бы, новый компьютер.

МОИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В последнее время я стал замечать, что мне требуется все больше усилий, чтобы настроить свое сознание на противостояние тем трудностям и мелким неприятностям, которые как на блюдечке преподносят нам каждый день.

Нет, конечно, если посмотреть на вещи объективно, то не так уж и плохо. И скорее хорошо. Жизнь, в общем, устроена: я уважаем на работе, где занимаюсь, в основном, любимым делом, которому отдано много лет труда и борьбы. Дом – пусть и не полная чаша, – но необходимое для сносного существования в современном мире имеется. Семья? А что семья? Какие могут быть проблемы, после того как, опять же в труде и борьбе, в течение многих лет создавалось и всячески укрепля-

лось то, что есть сейчас. Когда все и все на своих местах, и менять ничего не надо...

Тогда вы спросите, к чему этот разговор о снижении сопротивляемости... Чего же тебе еще нужно, спросите вы? Если на работе все «чики», и дома – знак равенства, и, в общем, получаются только «плюсы»?

Но помилуйте. Попробуйте найти сегодня хотя бы одного индивидуума, у которого не было бы проблем и забот, которые нужно решать, и снова в борьбе. Если раньше многие проблемы решались сообща, коллективно, как учила партия во главе с Центральным комитетом, то теперь в моде лозунг: «Это твои проблемы», то есть человек должен сам разбираться в делах. Есть правда большой отряд умников, которые решают свои проблемы за счет других, либо чужими руками, а сами в белом. Другие же не решают ничего и вообще от этого не страдают. Что до меня, то я все же пытаюсь разобраться, как дальше бороться, если сил становится меньше и меньше. Кажется, разгадка в том, что наличие сил для борьбы напрямую зависит от возраста: чем старше, тем больше опыта и ума и меньше сил. Опыт помогает изобретать всякие психологические уловки, увертки и мелкие хитрости, которые, как спасательный плотик, появляются в момент, когда кажешься себе идущим ко дну в море уныния и тоски. При этом внешне почти ничего не заметно, кроме прибавления седин и морщин, но внутренне... я извиняюсь. И если ничего не изобретать, не придумывать для поддержания себя на плаву, то можно однажды по приходу домой лечь на диван, а очнуться на больничной (в лучшем случае) койке...

Я это все к тому, что психологические удары, которые частенько приходится мне «держат», теперь часто приправлены всякими нехорошими воспоминаниями, а хороших, позитивных эмоций, чтобы использовать их как противовес, не хватает. Грустное время, грустный возраст, грустные люди вокруг... Или не в меру агрессивные. Или не в меру занятые деланием денег.

Однако я пытаюсь бороться (как когда-то нас учила партия), но что-то выходит не очень ловко.

Сегодня шеф был, мягко говоря, мною не очень доволен. В его докладе, проект которого я подготовил на предстоящее совещание руководящего звена подчиненных предприятий и организаций, он не нашел некоторых очень важных, на его взгляд, моментов. Я стоял перед ним, как школьник перед учителем, и записывал в блокнот его указания и замечания. Он же раздувался все больше и больше... и вот уже некоторые листки текста доклада стали летать по кабинету, плавно опускаясь

на стол, кресла, ковер. А говорить он стал громче и громче. Если честно, то на подготовку доклада шефа я потратил три дня. Это помимо одновременного выполнения других дел. Все, что он хотел сказать в нем первоначально, я учел и изложил в хорошей (по моему мнению), добротной, начальственной форме. Теперь же обстоятельства изменились, а Геннадий Свиридович попросту забыл о наших обсуждениях, до того как мне приступить к подготовке доклада.

Между тем, шеф перешел на рык, а затем заорал во всю глотку, тыча пальцем в текст. С ним такое иногда случается... он очень заслуженный человек. И что было делать мне? Наложить в штаны и попросить извинения? Прошу прощения, такое уже бывало и давно, и недавно. Или стоять и втягивать в себя весь его негатив, чтобы потом сходить в умывальник и там очиститься? Но у меня свой негатив девать некуда, а куда еще его? И вдруг, как спасательный плотик среди мутных волн, в голову пришло...

Я представил себе, что шеф, Геннадий Свиридович, взобрался на дерево, где-нибудь в доисторической горно-лесистой местности, уперся ногами в нижние, а одной рукой – в верхние ветки, и орет оттуда, сверху. На нем, конечно же, не деловой серый костюм, а, скажем, шкура какого-нибудь экзотического животного. Он что-то выкрикивает, размахивает дубиной, ветки трясутся, сыплется шелуха, листья, иголки и прочий растительный хлам. Он не брит, не стрижен, без очков. Он кричит все громче, не своим голосом, и что-то не по-русски. Снизу на него молча и безразлично взирают неведомые животные... Все это происходит в ярких лучах полуденного солнца на синем-синем небе в начале времен.

Мне стало смешно. И немного легче, там на самой глубине. Геннадий Свиридович на дереве – это круто.

– Иди, и все переделай! – он уже спустился с дерева и, как обычно, гладко выбритый, в сером костюме, стоит передо мной у себя в кабинете.

И я ушел, унося с собой картинку. Шеф на реликтовом дереве с дубиной.

Конечно же, об этом своем представлении я никому из коллег не рассказал. Во-первых, не поймут, а, во-вторых, могут подумать, что у меня на старости лет и от переутомления «поехала крыша». В сумасшедшем ритме безумного мира такие вещи – обычное дело. Человек перетрутился, и его следует направить в лечебницу – просто и понятно, никто даже не удивится. Да и передать это свое представление в цветах и красках вряд ли бы у меня получилось, никто бы ничего толком не понял. Никто бы не стал вникать, что это у меня такой способ защиты

от психоагрессии разбушевавшегося шефа... А, может быть, нашлись и такие, кто решил бы, что я захотел таким образом дискредитировать начальника – заслуженного человека, и просто передал ему. И как тогда?

Потом мне вдруг вспомнились представления г-на Бальзамина в гениальном фильме, и я подумал, что его представления тоже скрашивали ему жизнь, но были гораздо благообразнее, чем мои.

После посещения начальственных апартаментов мне обычно работать не хочется, но сегодня... Я как вспомнил его там, на дереве, сразу почувствовал прилив сил и бодрости, даже с аппетитом съел пирожок и выпил большую кружку кофе.

Потом мне на мобильник позвонила теща, и я был вынужден выйти из офиса, где помимо меня в это время находились еще трое сотрудников. Слишком эмоционален был ее монолог. Не монолог, а выступление, минимум со сцены в большом зале. Она – заслуженный человек, пенсионер, в прошлом ответработник, инспектор чего-то там. Она и в семье завела порядок строгой подчиненности и, как главный руководитель, энергично рулит процессом. Энергии слишком много для меня, во всяком случае, потому как слишком уж часто вынужден общаться с ней днем по мобильному, вечером по домашнему телефону. Я уже много лет не знаю, как сделать ее напор чуточку меньше. Сегодня я, как обычно, виноват во всем (мало зарабатываю, замучил жену, забросил ребенка и т.д.) и еще в том, что палец о палец не стукнул на даче в этом году, имеется в виду ее дача. И это несмотря на то, что дачный сезон и не начался еще. Она шумит так, что мне приходится отодвинуть трубку от уха и радоваться, что в коридоре больше никого нет.

Я морщусь от напора и думаю, как бы побыстрее выйти из разговора. Ничего не приходит в голову, кроме Геннадия Свиридовича на дереве. Стоп, стоп... А почему бы...

Ну, например, пусть это будет сборный концерт мастеров отечественной эстрады, и Анна Анатольевна у какой-нибудь мега-звезды на подтанцовке... Нет, жидковато. Тут нужен, минимум, сольный номер. Сольный и только. И только либо в начале, либо в конце концерта. Главный номер, гвоздь программы. Ну... частушки? Джазовый выход биг-бэнда, и она на тромбоне? Нет. Народный танец... народов Севера.

Все, придумал.

Анна Анатольевна в широкополой красной шляпе, с перьями на фоне бутафорских телефонных будок исполняет музыкальный номер из кинофильма «Карнавал», «Позвони мне, позвони», что-ли. Притан-

цовывает и размахивает телефонной трубкой на проводе. Во что одета? Галифе, сапоги, наверное, кожаная куртка, какие носили красные комиссары... или бурка. Но к чему тогда красная шляпа? Каргуз, а лучше папаха с красной ленточкой. Живо представив все это, я чуть было не рассмеялся в трубку, но сдержался. Потом представил зал, публику, среди которой некоторые известные телевизионные личности, наши олимпийцы и деловые люди.

Наконец, Анна Анатольевна закончила свое выступление, и очевидно ожидала аплодисментов, потому как спросила:

– Ну, чего молчишь?

Я размышлял лишь долю секунды:

– Bravo, Анна Анатольевна. Вы неотразимы, особенно в этом наряде.

(В зрительном зале шквал аплодисментов, на сцену, к ногам звезды летят цветы, все встают...)

– В каком наряде, что вы мелете, Александр? Учтите, я не для того вас всю жизнь за уши тянула, чтобы сейчас...

...И так далее.

Конечно, А.А. подумала, что я над ней подшучиваю, так как, скорее всего, она сейчас в домашнем халате (на голове бигуди) сидит в кресле.

Но я, когда мне, наконец, удалось как можно вежливее распрощаться, сохранил в памяти другой наряд Анны Анатольевны, тот сценический, с телефонной трубкой на проводке...

Этот трудовой день я закончил с внутренним подъемом и готовностью к очередным свершениям. Воспоминания о необыкновенном концерте звезд отечественной эстрады с ударным номером Анны Анатольевны поддерживали меня, и укрепляли решимость в ...решимость в чем? А просто, решимость!

Я снова пожалел о невозможности ни с кем поделиться своими мыслями, хотя, возможно, в этом случае, коллегам по работе такие мои представления были бы небезынтересны. С той точки зрения, что проблемы в другой семье всегда интересны окружающим. Но мой рассказ, опять-таки мог бы выйти не очень складным, ибо рассказчик я неважный. Жене об этом рассказывать тоже нельзя, хотя она – самый понимающий меня человек. Ибо порядок таков: о ее маме либо хорошо, либо ничего.

И все же вечером, уже в постели, я почувствовал себя уставшим, выжатым, как лимон. Борьба, которую я сегодня героически вел отняла много сил. Ведь мои представления, если их рассматривать, как некие психологические барьеры для защиты сознания, тоже появились

не сами по себе, их пришлось создавать в муках творчества, напряжении ума, воображения. По сути, получилось так – я был вынужден слушать своих оппонентов, и одновременно представлять их в непривычной обстановке, одного на дереве, другую на сцене.

Уже засыпая, я подумал, что в следующий раз надо все тщательно взвесить, прежде чем кого-нибудь, где-нибудь и как-нибудь представить... Уже на границе бодрствования и сна, я вдруг представил себя маленьким мальчиком. Мама за руку ведет меня в детский садик.

Я твердо знаю, что в детский сад.

Потому что это не представление, а воспоминание.

НЕМНОГО МУЖЧИН

Одного нашего сотрудника отправили в качестве «заменителя» на один, чрезвычайно важный, семинар. Тот, кто должен был ехать по своему прямому назначению, не смог. Или не захотел. Мало ли всяких семинаров сейчас проводят управляющие структуры по надобности и ненадобности...

Наш представитель, мягко говоря, не в теме, поскольку имеет лишь опосредованное отношение к происходящему в зале.

Ему скучно, ему грустно, ему неинтересно. Говорят о каких-то особенностях и деталях новой системы оплаты труда, ему незнакомых. Бюджет... фонды... постановление №1088, ПП-675... базовые ставки... основания и проч.

Внимание стало постепенно рассеиваться, а точнее переключаться на другие вещи.

Например, сколько лампочек на подвесном потолке в зале. Он пробовал посчитать, но сбился на восемнадцатой, устал считать.

У мадам на два ряда ближе к сцене сработал мобильный телефон, и она долго копается в сумке в поисках его.

У женщины справа такая же шариковая ручка, как и у него.

На входе в зал дали массу всяких методичек, пособий, буклетов, а куда их девать? Пакета с собой нет.

Задремал.

Проснулся.

«... Соглашение без индексации тарифного разряда... базовый должностной оклад... ГОСТ... формуляры и требования...»

Поднял руку.

Юрист на сцене в руководящей группе:

– У Вас вопрос?

– Да. Скажите, а долго еще будет продолжаться это мероприятие?

Участники семинара смотрят на него, кто с удивлением, кто с негодованием-осуждением-недоумением, кто с улыбкой (наверное, тоже «заменители»).

– А Вы что, торопитесь? Так Вас никто не держит...

– И что, можно уже уходить?

– Уходите. Только распишитесь в журнале на выходе из зала.

– Зачем это?

– А затем, чтобы мы знали, куда направить письмо о том, что Вы ушли с семинара.

– Зачем же письмо? Вы же сами сказали, что можно.

– Коллега. Мы здесь собрались для того, чтобы обсудить серьезные вещи, а не Ваши желания, и вообще, как Вы здесь оказались? Кто Вас прислал?

– Ладно, ладно. Все в норме, я еще посижу. Но, может быть, за счет улучшенной методики...

– Садитесь и записывайте. Сколько потребуется, столько и будем заниматься. У нас здесь серьезное мероприятие, а не добровольный кружок по интересам.

Наш представитель уселся на место и честно попытался сосредоточиться на вопросах семинара. Сделать этого он, разумеется, не смог, тема ушла далеко вширь и вглубь, пока он дремал.

Внимание снова рассеялось, потом сосредоточилось... на женщинах.

Сначала он посчитал, сколько в зале блондинок. Потом пересчитал брюнеток и шатенок. Если учесть, что натуральных блондинок не так уж и много, то, пожалуй, можно причислить всех светловолосых женщин к блондинкам, в рамках этого исследования. В результате вышло, что первых на двадцать пять процентов больше чем вторых и третьих вместе взятых. Поскольку сам он предпочитал блондинок, то остался доволен таким соотношением.

Потом перешел на цвета и оттенки одежды представительниц учреждений и организаций, принимавших участие в семинаре. Оказалось, в основном преобладают черные и красные тона, немного меньше зеленых и желтых. Практически не было синих и голубых. Самая малость – белых. И то, только некоторые детали – шейный платок у одной, воротничок на кофточке у другой. Ах да! Бухгалтер, она же, по-видимому, и главная в руководящей группе, одета в светло-серый, почти белый жакет,

значит и ее тоже можно добавить в «белую» группу. Единицы тех, кто одеты в полосочку, горошек, цветочек и сеточку.

Потом он пересчитал всех женщин в очках, попутно отмечая, в какой оправе очки – металл, пластик, без оправы.

От критерия «привлекательность» он решил отказаться, ибо был глубоко убежден в том, что некрасивых деловых женщин не бывает... То есть женщины, если правильно выстроить свою линию поведения в процессе совместных трудовых свершений, привлекательны почти везде и почти всегда...

Наконец стало понятно, что заняться больше нечем, но и семинар подходил к концу. Он бросил последний, беглый взгляд на аудиторию. Для окончания и полного завершения исследования (с выводением результатов, как полагается) надо было сопоставить количественное соотношение мужчин и женщин, участвующих в мероприятии.

Оказалось, что, кроме него, мужчин всего раз-два и обчелся. То есть, он сам и еще двое, совершенно неинтересных и каких-то зачуханных посланника. Профсоюзники в стоптанных ботинках и мятых пиджаках... И еще в руководящей группе – тот самый юрист, который отвечал на вопросы.

Наконец, семинар закончился, и председатель (Светло-серый Жакет) спросила, какие у кого еще имеются вопросы.

У нашего представителя вопросов не имелось, и он первым, очень быстро покинул зал. На всякий случай, чтобы не вспомнили, что надо расписываться в журнале.

По дороге к метро он отметил, что, в целом, неплохо провел время. В тепле и, в общем, в очень милом женском обществе. Однако остался вопрос: почему же все-таки в последнее время так мало мужчин принимают участие в подобных очень важных общественно-производственных мероприятиях?

Елена Гаденова

(г. Тула)

Родилась в 1964 году, родом из Сибири. С 1986 года живет в Туле. Член Союза российских писателей с 2002 г. Автор 4-х книг и множества публикаций. Участница литературных семинаров. Проводит творческие встречи в школах и по приглашению молодежных и других организаций. Публикуется в журналах, коллективных сборниках и альманахах. С 2011 г. выпускает неформальную литературную газету «Свет разума».

САХАРНАЯ ПУДРА

Сентябрь оказался очень жарким. Солнце освещало и пронизывало ярким светом все: улицу, дома, людей и двух девочек лет двенадцати, что сидели на диване в зале двухкомнатной квартиры–хрущевки. В школу они не пошли и, любуясь солнечным светом, смотрели в окно и весело разговаривали. Балконная дверь открыта, сквозь солнечные лучи с бешеной скоростью из стороны в сторону металась пыль, словно танцую невероятно сверхскоростной танец. Это было интересно наблюдать. Девочки удивленно смеялись, хватая ладошками танцующие пылинки, а солнце еще ярче насыщало пространство вокруг них золотым волшебством своего присутствия.

– А ты кем хочешь стать, когда вырастешь? – спросила одна девочка другую.

– Стюардессой.

– А я хочу быть художницей, люблю рисовать, и чтобы на каждой картине обязательно присутствовали звезды, много звезд.

Казалось, на какой-то миг девочки растворились в солнечном сиянии, их окружало спокойствие, до вечера еще было очень далеко, а предстоящий день, казалось, будет добрым и счастливым.

Девочки, совсем разные и внешними данными, и характерами, дружили с первого класса. Девочку, что жила в квартире, похожую на восточную красавицу, с раскосыми голубыми глазами и густыми вьющимися черными волосами, схваченными на затылке резинкой с декоративным цветком, звали Рита. Она мечтала стать не только стюардессой, но и актрисой, и певицей, чтобы блистать на сцене перед большим количеством зрителей, хотя мама всегда говорила ей о необходимости приобрести в будущем более приземленную, нужную профессию, а не разбрасываться на пустые мечты.

Другую девочку звали Инга. Когда-то мама Инги ездила работать в Прибалтику, ей так понравилось это имя, что свою будущую дочь она решила назвать именно этим именем. У Инги были пшеничного цвета волосы, солнечные, заплетенные в косу, до пояса. На лице множество веснушек, крупных и мелких, и мудрые печальные зеленые глаза. Семья Инги недавно пережила пожар, и сейчас они временно жили на работе у мамы, пока идет ремонт в тоже маленькой квартире.

В квартире у подружки Риты было свободно, минимум мебели, только все самое необходимое. В школе знали и дети, и учителя, что мама Риты была особенно доброй женщиной, которая говорила: «Для жизни надо не так много, ведь на планете многие люди голодают, не имея возможности поесть хотя бы один раз в сутки. Незачем городушки городить, лучше по-Божьему жить, стремиться только к добру, проявлять милосердие». Рассуждения мамы заставляли о многом думать и Риту, которая очень любила слушать ее речи, жизненные истории, а вечерами ходила помогать мыть полы в общежитии, где та подрабатывала. Мама мыла полы, весело пела песни, читала стихи, а когда длинный коридор заканчивался у кухни, ставила швабру около двери, садилась на стул отдохнуть минут десять, прижимала к себе Риту, и, целуя ее, всегда говорила свою постоянную фразу: «Будет и на нашей улице праздник, доченька».

Днем женщина работала в кафе посудомойкой, где пекли пончики, и иногда приносила домой в пакете бракованные кругляшки, смятые, но очень вкусные. В уютной кухне между шкафом и стеной, на тумбочке у батареи возвышался большой мешок с сахарной пудрой, от того во всей квартире стоял сладкий запах, который успокаивал. И Инге очень захотелось остаться жить у подруги или хотя бы переночевать, ей надоели бессонные ночи из-за пьяного отца, который беспокоил семью, заставляя слушать его пьяный бред, от которого мать с дочкой уставали, но из-за невозможности решить жилищный вопрос, мучились, но терпели.

– Пойдем пить чай с пончиками! – предложила Рита Инге, и они, схватившись за руки, побежали на кухню, загремев чайником, чашками и открыв мешок с пудрой.

– А ты что-нибудь коллекционируешь? – спросила Рита.

– Да, маленькие календарики и конфетные фантики.

– А я собираю значки, правда, у меня еще их мало, а фантики у меня тоже есть, я тебе сейчас покажу.

Стремительно быстро девочка убежала и тут же вернулась, держа небольшую коробку, обклеенную открытками с видами цветов. Она показывала Инге значки и цветные, красочные фантики, рассказывая о приобретении той или иной ценности.

Сахарная пудра растворялась во рту вместе с ароматным чаем, поднимая настроение и восторг от их настоящей дружбы.

– А ты нарисуешь мне горы и море? – спросила Рита Ингу.

Девочка кивком головы ответила «да», так как всегда выполняла просьбы одноклассников что-либо нарисовать, наверное, за это они и относились к ней с уважением. Инга даже делала копию с фотографии, и у нее это здорово получалось. Девочки говорили и говорили, смотрели на солнце, смеялись.

– А хочешь, я покажу тебе, где мы с мамой прячемся от пьяного отца? – вдруг сказала Рита.

Брови на лице Инги удивленно нахмурились, она думала, что у Риты в семье все благополучно.

– Покажи.

В кладовке, торцом к стене стояла дверь, за ней, словно в шалаше, периодически прятались Рита с мамой, там у них был спрятан фонарик и на всякий случай старинный тяжелый утюг, на случай, если пьяный мужчина найдет их и будет бить маму и орать.

Инга была шокирована открытием, к горлу подкатил ком, и ее детское горе прониклось с детским горем подружки. Инга обняла Риту и по-взрослому сказала:

– Когда-нибудь это закончиться, мы будем жить по-другому, вот увидишь.

Она вдруг поняла, что бессонная ночь была не только в их семье, и теплыми детскими пальчиками она смахнула с лица нахлынувшие слезинки. На миг стало жутко от мысли, что в мире много зла и горя. И хорошо, что они сегодня не пошли в школу, им обоим хотелось спать, и после чаепития, почувствовав сытость, они начали дружно зевать. Какое-то время они еще долго разговаривали, вернувшись в зал, потом, положив ладошки под голову, облокотившись на низкие подлокотники дивана, неожиданно заснули валетом. На лицах застыла тревога, на губах, словно снег, остались следы сахарной пудры, которая попала на одежду, но вдруг они улыбнулись, словно где-то там, во сне им сейчас очень, очень хорошо, где отцы не бьют своих жен и детей, где нет войны и горя, где только любовь, красота, милосердие и солнце, светившее вечно, согревая детские и взрослые миры уверенностью в грядущих снах жизни, воскрешая каждый ее миг запахом ванили и звездочками сахарной пудры, вспорхнувшими и улетающими кружиться на солнечные дорожки, которых очень много, но у каждого человека только своя, единственная – из детства!

Инге и Рите предстояло расстаться на долгие годы, не суждено им было дружить во взрослой жизни, но в дальних уголках своего соз-

нания они всегда помнили солнечный осенний день, теплый и добрый, часто вспоминая друг друга с желанием встретиться, одна – работая продавцом в хлебной палатке, пряча беззубый рот от покупателей, другая – улетаая в очередной раз за границу, где на выставке на одной из картин в запечатленном миге солнечного света, смеялись две хорошенькие девочки, перепачканные белоснежной сахарной пудрой!

ШУРОЧКА

Зинаида любила сестру и уважала за невероятную выносливость. Она помнила, как новорожденную Александру сразу стала называть Шурочкой, так ее имя казалось добрым и ласковым.

Она помнила, как новорожденным младенцем та лежала в люльке-кроватьке плаксивая, крохотная и порой невыносимо крикливая... Родилась Шурочка в Сибири около тайги. Отец то бросал семью, то возвращался. Мать, чтобы прокормить к тому времени уже троих детей, с утра до вечера работала, несколько раз забегала в течение дня домой проверить, все ли в порядке, вырубала электрические пробки, чтобы дети не включали свет, прятала спички, дав распоряжение, а то и тумача, исчезала. Зине доставалось, да и какое могло быть детство. Старшая из детей, она выполняла работу взрослого человека, мыла полы и посуду, обязательно перед сном обувь, топила печь, пилила дрова, таскала воду, кормила вовремя новорожденную сестру и братишку Колю, полностью выполняя все материны указания по уходу за грудной сестричкой. Питание для малютки укутывалось в старое пальто и являлось неприкосновенным. В маленьких бутылочках молоко и сладкая водичка в течение дня были теплыми и свежими.

Зинаида вовремя меняла пеленки и следила, чтобы та не перевернулась и не выпала из кроватки. Даже если удавалось оказаться на улице, чтобы поиграть, то мать тут же звала ее сидеть с детьми.

Это было почти сорок лет назад. Но отчетливо помнилось, как она брала Шурочку на руки, гладила ее маленькое личико, другой рукой обнимала братишку и, сидя у окна, они долго-долго смотрели на то, что происходило на улице. Было интересно все: корова, что прошла мимо их дома, как хозяйничали во дворе куры, песик-дворняга Сонет, кот Васька, что просился в дом, царапая стекло, но впустить возможности не было. Уходя, мать закрывала детей, строго-настрого приказывала вести себе хорошо. И действительно, за весь период детства, а когда ей исполнилось четырнадцать лет, родился еще один брат, самый младший, она ни разу не обидела сестру и братьев, ни разу не ударила, ни разу не позволила себе их обозвать, унижить, оскорбить, потому что ис-

кренне любила их, хотя сама была ребенком, по-взрослому заботясь о них всей душой, жалея так сердечно, как, может быть, в дальнейшей жизни их не могла пожалеть родная мать.

Огромным горизонтом простиралась тайга, могучая, притягательная и даже порой мрачная, словно особенная живая мощь, живущая по своим, неведомым людям, законам. Деревья, как существа, которые, взявшись за руки, плотно стоя друг к другу, смотрели на человеческий мир, охраняя его, но и не подпуская близко. Так думалось Зине, мечтающей об одном: скорее вырасти, пойти работать, чтобы у нее была комнатка с кроватью, на которой она могла бы спать, сколько захочет, и чтобы купить много подарков для сестренки и брата. Когда Шурочка вдруг начинала плакать, старшая сестра успокаивала ее, целовала щечки и по-матерински прижимала к себе, хоть сама была готова расплакаться, ей тяжело было от детских слез. Брат просил почитать сказки или поиграть с ним в игрушки, давая сестре какую либо книжечку, чтобы та рассказывала придуманные тут же истории, так как не умела хорошо читать. Дети знали, что в тайгу без взрослых ходить было нельзя, даже несмотря на близкое ее нахождение, лес начинался в метрах ста от дома.

Пьяный отец, случалось, пугал детей тайгой, и запомнилось, как он всего лишь один раз в начале весны, когда еще было очень много снега, сводил их к ней совсем близко. Им удалось увидеть лося, лежащего среди деревьев на снегу, из-под которого проглядывал мох. Лось был большущий, но не страшный. Увидев людей, он даже не пошевелился, лишь повернул голову в их сторону. Да, очень часто до сумерек они ожидали мамку в одной комнате, в центре которой стояла подпорка-бревно, в ветхом домишке, не подлежащем ремонту. Мать запрещала им бегать в доме, чтобы не отвалился кусок с потолка или стены. Зине очень хотелось пойти в школу, научиться читать и писать. Когда Шурочка засыпала, она брала старые газеты и между строк писала загогульки и завитушки, представляя, как они пишут письмо маме и папе. Рождение и жизнь, пусть даже нелегкая, в такой потрясающе красивой природе, конечно, оставили след в душе, бережно храня яркие и добрые воспоминания о детстве, как разноцветные огни калейдоскопа. Мама часто говорила, что последыша родила на старость, для себя, так и получишь.

Зинаида достойно выдержала все, что ей досталось с детства. Родителями не был решен жилищный вопрос, отец пил, они развелись. В алкогольном дурмане отец иногда заезжал, предъявляя свои права, ругался с матерью, порой нецензурно, проводил воспитательные меры, поэтому судьба четырех детей была в руках только их самих. Братья жили в разных городах, создав свои семьи, а Шурочка осталась жить в маленькой комнатке-проходной в квартире с подселением с матерью, живущей в со-

седней чуть большей комнате. Зина и сейчас всем сердцем жалела сестру, старалась приходить к ней в гости, когда матери – главной квартиросъемщицы не было дома. Она видела раненную нелюбовью сестру, и сердце ее сжималось от невыносимой боли, и она плакала, вспоминая, как мать брала ее на рынок за продуктами, за мясом, вернее, за костями, именуемыми суповым набором по 90 копеек, как они шли обратно, неся несколько килограммов, и мать, поторапливая, твердила одно: «Вот дала всем жизнь, и за это «спасибо» скажите, а то, как прорва – не нажретесь», и ругала за то, что четверо детей слишком быстро съедали кастрюлю супа. Эта обидная фраза: «Все не нажретесь» навсегда воздвигла между Зиной и матерью холодную стену, которая на протяжении долгих лет так и не была сломана. Усталость и озлобленность матери порой шокировала детей, к ней невозможно было подобрать ключи. Она не пила, не курила, работала, но часто методы ее воспитания сводились к методу рукоприкладства, когда вдруг неожиданно она могла ударить по зубам до «красных соплей», как выражалась сама.

Сестры так и не смогли понять женщину, даже став матерями. Мужество сестры было необъяснимым, та терпела, стиснув зубы, все материнские упреки, выживая в своей комнатухе, успевая работать и воспитывать сына, худая, бледная, но верящая в счастье, она, случалось, порой, не выдерживала, срывалась от отчаянья, а в конце рыдала, плакала, потом бралась за какие-то дела и успокаивалась. Но мать жалели, отмалчивались, и это было действительно благодарностью детей за данную им жизнь.

– Шурочка, давай я приду к тебе и покрашу хотя бы двери, или покрашу стены на кухне, пока погода хорошая!?

– Нет, пусть сын теперь ремонтом займется, с армии пришел, подыщет работу, денегат подкинет и сделает, у меня уже здоровье надорвано полностью.

В комнате, где жила сестра ничего лишнего не было, кровать, застеленная чистым бельем, приобретенным еще четверть века назад, телевизор на столе, компьютер. Над кроватью висели на вешалках вещи, шкафа не было. Вдоль окна, стоит двуспальная новая кровать, для сына и снохи, напротив стола детская кроватка, в которой играл проснувшийся годовалый внук. На выходе из комнаты стоят полки с посудой и кухонной принадлежностью и холодильник. Ремонта не было давно, но жилье было чистым, уютным!

– Кофе будешь? – предложила Шурочка.

– Да, пожалуй, от чашечки не откажусь, – ответила Зина, и они, сидя на ее койке за маленьким столом, пили кофе с крекером.

– Как живешь? – спрашивала старшая сестра младшую, рассматривая ее лицо, которое сильно не изменилось, несмотря на то, что болели передние зубы, и главная мечта была одна – поставить новые белые, несмотря на то, что протезирование стоило очень дорого. Множество наимельчайших морщинок на лбу в глаза особенно не бросались, Шурочка всегда делала «химию», никогда не меняла цвет волос. Веселые кудряшки пепельного цвета рассыпались до плеч, как пух. Несмотря на постоянное безденежье, ухаживала за своей внешностью: подкрашенные брови, маникюр. Работала она продавцом в палатке «Фрукты и овощи», а значит, за грузчика, бухгалтера, кассира, и уставала. С детства она мечтала стать продавцом, бегала на автобусную остановку, чтобы собрать использованные билеты, что были в игре деньжками. Игра в магазин была ее любимой игрой. Полки как в магазине, варенье из бузины, пироги из глины, конфеты из камешков, все было организовано ею, как по-настоящему, и в этой игре она была хозяйкой, где все ее слушались.

В комнате было прохладно.

– А, рамы старые, менять надо, – словно прочитав мысли, ответила сестра. Она одна воспитала и «подняла» сына, было невыносимо тяжело. Мальчишка рос спокойным, но часто болел, однажды увлекся футболом, и это увлечение стало его жизненной необходимостью. Шурочка корила себя за то, что, случалось, была груба с сыном, но любила его столь же крепко, как может любить настоящая мать, рассказывая, как сынишка родился в машине «Скорой помощи», как бывает порой дерзким, но справедливым, как служба в армии изменила его здоровье, как и у него родился сыночек, точная его копия. Малыш начал делать первые шаги, и это событие так восхищало Шурочку, что она искренно радовалась, как ребенок.

– Посиди, побудь еще! – уговаривала она гостью, но Зинаида спешила к своим детям и делам. Обняв крепко младшую сестру, она поцеловала ее, прижав крепко, по-матерински к себе, та в ответ извинилась, что больше нечем угостить, пригласила приходить почаще и, держа руки на груди, ежась, пытаясь согреться в желтом махровом халате, стояла у открытой двери, провожая взглядом, потом долго смотрела из кухонного окна с невыносимой печалью в глазах, худенькая, уставшая, но очень сильная, как многие женщины, живущие в России в хрущевках по двести семь в квартирах, в комнатах с подселением, стойко неся свой крест жизни, не падая духом, рожая, работая на двух-трех работах на износ, сохраняя в себе потрясающие, непревзойденные качества души, которые несет в себе настоящая русская женщина, проявляющая истинную любовь, милосердие и прощение!

Сергей Одинок

(г. Тула)

Сергей Одинок – выпускник филологического факультета ТГПУ им. Л.Н. Толстого, аспирант; студент 4-го курса Тульского областного колледжа культуры и искусств, артист Тульской областной филармонии им. И.А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы. Публикуется в журналах, кол-лективных сборниках, альманахах и газетах.

СЕМЕЙНАЯ БАТАЛИЯ

Однажды Николай Иванович подрался с женой. Случайно. Произошло это вот как.

Супруга присела у мусорного ведра и тщательно смахивала с совка сор и пыль, а Николай Иванович взял с плиты пустую сковородку и понес ее в сторону жены, к раковине. И как раз в тот момент, когда сковородка в руке супруга оказалась точно над головой жены, жене почему-то захотелось резко встать... Потирая ушибленную голову, супруга в приступе злости схватила эту сковородку и ударила ею мужа.

– Ты что, сдурела?! – тоже потирая голову, обиженно воскликнул он. – Я тебя случайно, а ты меня специально, да еще и с силой!

Супруга опомнилась, глубоко раскаялась в душе и хотела уже извиниться, но Николай Иванович, которого тоже стал охватывать приступ злости, отобрал у нее сковородку и еще раз ударил ее по голове. Жена, не успев отойти от первого удара и сразу получив второй, буквально озверела, накинулась на мужа, вывернула ему руку и, вновь овладев сковородой, нанесла ему удар уже не один, а два раза. Супруг тем временем протянул свободную руку за лежащей на подоконнике скалкой...

В итоге случайное и маленькое семейное столкновение переросло в огромную и жестокую баталию. Тихое тульское утро огласилось пронзительным женским визгом и тяжелым мужским ревом. Дошло до того, что супруга, уже не на шутку опасаясь за свою жизнь, закрыла мужа в комнате и вызвала милицию.

Прибывшие на место сотрудники, входя в квартиру, сразу же спросили у супруги:

– Где буян?

– Он там... – ответила она, испуганно показывая на дверь соседней комнаты.

Милиционеры энергично влетели в комнату, ожидая увидеть там пьяного мужа-дебошира... и застыли на месте от удивления. На диване, в очках, семейных трусах и с газетой в руке сидел тихий и скромный мужчина. Интеллигентно перелистнув страницу, он вопросительно посмотрел на сотрудников.

– Ну, это... как бы там... – неуверенно заговорили милиционеры. – В смысле, что случилось-то у вас?

– Да ничего не случилось, – ответил Николай Иванович.

– То есть как ничего? Совсем ничего?

– Ну, да, почти ничего...

– А, это... супруга ваша позвонила и сказала, что вы ее бьете. Убиваете!

– Да, мы с ней поссорились чуть-чуть, – признался Николай Иванович.

– А сейчас что?

– А сейчас ничего. Мы уже помирились.

– Это правда? – спросили милиционеры у жены.

– Да, правда, – ответила она. – Вот как вы вошли, так мы сразу драться и перестали...

– Мы только помирились, а тут и вы приехали, – поправил ее муж.

– То есть у вас все хорошо? – с недоверием спросили милиционеры.

– Да, все нормально... – ответил Николай Иванович, прикрывая газетой подбитый глаз.

– Ну, вы тут, это... так сказать, не того...

– Хорошо! – воскликнул Николай Иванович. – Больше не будем.

– Так и сделаем! – подхватила жена.

– Ну вот и все! – сказали напоследок милиционеры и с чувством исполненного долга направились к выходу.

– Спасибо вам! – крикнула им вслед жена. «Приходите еще!» – чуть не сорвалось у нее с языка, но она вовремя опомнилась.

Милиционеры уехали. А супруги достали бинты, зеленку, вату, оказали друг другу медицинскую помощь, выпили чаю, поцеловались и с тех пор больше не ссорились. До выходных. А в воскресенье Николай Иванович взял стремянку и полез на антресоль за краской. И как раз в тот момент, когда банка с краской выскользнула из его рук и полетела вниз, рядом со стремянкой почему-то оказалась супруга... Но это уже совершенно другая история.

В ОБЩЕМ, ТЫ ПРИЕЗЖАЙ!

(телефонный разговор)

Мужской голос *(в трубку)*. Да, я слушаю.

Женский голос. Алло, Саш! Привет, это Лена Никифорова.

Мужской голос. Привет, Лен! Как дела?

Женский голос. Спасибо, все хорошо... Кошмар, Сашка, мы горим!!!

Мужской голос. Что такое?

Женский голос. Срочно нужна твоя помощь!!! Я тут концерт организовываю... В общем, нужно, чтоб ты выступил!

Мужской голос. Да без проблем. А когда?

Женский голос. Завтра!

Мужской голос. Уже завтра?! А во сколько?

Женский голос. В семь часов.

Мужской голос (*шутя*). Утра или вечера?

Женский голос. Ну, скажешь тоже. Что мы, совсем садисты, что ли... Конечно, утра!

Мужской голос. Ничего себе! Так рано? А где?

Женский голос. У нас.

Мужской голос. Понятно, что у вас. Где именно?

Женский голос. Где обычно.

Мужской голос. А, в доме культуры, что ли?

Женский голос. Нет, не в доме культуры... Ах, да, ты же не знаешь! Это будет в моем молодежном центре.

Мужской голос. А где он, твой центр?

Женский голос. Это недалеко от дома культуры, но не возле него... Короче, рядом!

Мужской голос. Что-то я ничего не понимаю! Ну-ка, расскажи подробнее, куда ехать?

Женский голос. Садись на тридцать третью маршрутку... нет, лучше на сорок шестую! Или нет?.. Ладно, неважно! В общем, едешь и, не доезжая остановок 5-6 до нашего ДК, говоришь водителю: «Возле продуктового остановите!» Выходишь и идешь налево метров десять... или тридцать?.. нет, пятьдесят! Там увидишь огромную помойную яму... И вот ты уже пришел!

Мужской голос. Куда пришел?!

Женский голос. К нашему центру.

Мужской голос. К вашему центру?! Это что, яма что ли?

Женский голос. Какая яма?

Мужской голос. Ты же только что про помойную яму говорила!

Женский голос. Разве? Нет, постой, какая яма? Я про центр говорю!

Мужской голос. Ладно, хорошо. Скажи мне его адрес.

Женский голос. Я не помню!

Мужской голос. Понятно. Как он хоть выглядит?

Женский голос. Ну... Это здание.

Мужской голос. Какое здание?!

Женский голос. Это дом!

Мужской голос. Неужели?! А точнее?

Женский голос. Он жилой...

Мужской голос. Так, уже лучше. Еще что?!

Женский голос. А что еще?

Мужской голос. У этого твоего дома какие-нибудь особые приметы есть?!!

Женский голос. Да нет вроде... А-а-а, вспомнила! В нем еще подъезд есть!

Мужской голос. Здорово! Этот дом у вас один такой на весь район: жилой и с подъездом?!!!

Женский голос. Нет... но ты его узнаешь! Он пятиэтажный.

Мужской голос. Слава богу! Хоть что-то конкретное.

Женский голос. Хотя нет, постой... У этого дома четыре этажа! Или три? По-моему, все-таки три... с небольшим. Еще чердак есть... и крыша наверху! В общем, ты приезжай!

Мужской голос. Куда?!

Женский голос. К нам.

Мужской голос. Когда?!!

Женский голос. Я же тебе говорила: завтра, шестнадцатого...

Мужской голос. Погоди... Завтра же двенадцатое!

Женский голос (удивленно). Да-а-а?

Мужской голос. Да-а-а!

Женский голос. Ну, ладно, в общем, ты все равно завтра приезжай, а там разберемся...

Мужской голос. Так куда приезжать-то?!!

Женский голос. Я же тебе все объяснила!

Мужской голос. Но я ничего не понял!!

Женский голос. Ну, давай я тебе еще раз объясню...

Мужской голос. Не надо! Все! Сажу на диване... еду... скоро буду...

Женский голос. Вот и хорошо! Ну, давай, Сашка, до связи... Ах, стой, Сашка, подожди!

Мужской голос. Что еще?..

Женский голос. Самое главное забыла сказать! Ты уже далеко уехал?

Мужской голос. Нет...

Женский голос. Костюм дятла не забудь! Ты же у нас дятла играешь.

Мужской голос. Хорошо...

Женский голос. Ну все, Сашка, пока. Спасибо тебе, миленький! Только ты помочь согласился. А то остальные все отказываются, отказываются... Жду, до встречи!

Саша положил трубку, подошел к стене и стал долбить ее ключом.

Вячеслав Михайлов

(г. Тула)

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликованы более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», тульском сборнике "Иван-озеро", литературно-художественном и публицистическом журнале "Приокские зори".

СКАЗ О НОВОМ ПРАВИТЕЛЕ И СТАРОМ СОВЕТНИКЕ

Правитель страны тяжело занемог. Ни его лучшим врачевателям, ни иностранным докторам не удавалось остановить скоротечную сердечную болезнь. Понимая, что смерть рядом, призвал он к себе наследника.

– Ты видишь, сынок, час мой уж близок, – обратился к нему правитель слабым голосом. – Не грусти слишком и, главное, долго, – ласково улыбнулся он, заметив слезы в несчастных глазах сына. – Это будет во вред той многотрудной службе, что предстоит тебе нести... Я знаю, печаль твоя искренна. Но знаю также, что велико в тебе желание править самому... Ты готов – и по годам зрелым, и по знаниям обширным, к коим стремился всегда, и по опыту участия в делах государственных. Но я, грешный, не успел предостеречь тебя от роковых ошибок. И не успею – сил нет и ясности нужной в голове... Ты, родной, поговори с моим старым и любимым советником. Прими его наставления, словно мои. А теперь иди, я устал.

Вскоре после этой встречи правитель умер и был похоронен с величайшими почестями. Народ горевал за исключением редких недовольных. При почившем страна переживала разные времена. Но в целом достаток граждан все же немного повысился, число их возросло, и жить они стали дольше. Соседи страну уважали и даже побаивались, что помогало ей сохранять себя.

Новый правитель, исполняя отцовскую волю, рассказал о ней тому самому советнику и приготовился выслушать его. Тот прежде задал вопрос, снабдив его небольшой прамбулой. "Обычно, – начал совет-

ник, – новые правители, приняв полноту власти, пытаются произвести изменения в жизненном укладе страны. Это естественно, ибо всегда есть что улучшить, а старые правители на исходе своего служения не склонны что-либо менять. Да и всякому новому правителю попросту хочется оставить свой след в истории, превзойти успехами предшественника. Скажите, Повелитель, что и как скоро Вы намерены переменить в стране? Будьте уверены – слова Ваши останутся тайной".

– Я замыслил немало коренных реформ и не собираюсь медлить с ними – уверенно заявил правитель. – Хочу изменить организацию власти в столице и провинциях, порядок сбора налогов, правила торговли, правосудие, состав армии, расходы на ее содержание, работу лечебных, образовательных домов и много еще чего. Наш народ достоин лучшей жизни.

– А кого Вы хотите взять себе в помощники, на кого опереться в делах? – спросил опять осторожно советник.

– На единомышленников, тех, кто верит в мои замыслы, на исполнительных профессионалов. Мне не нужны сомневающиеся. Да и крупные, чересчур самостоятельные люди – ни к чему. У них высокие амбиции. От них жди измены.

Советник не выдал своего разочарования ответами, а попросил лишь дозволения рассказать об одном наблюдении из собственной жизни. Правитель согласно кивнул, и советник стал говорить. "Много лет назад, – вспоминал он, – довелось мне выполнять посольскую миссию в одной далекой стране. Рек и озер в ней было так много, что люди селились на них вблизи берегов, размещая свои легкие дома на деревянных сваях. Один дом опирался на десять-пятнадцать свай. Со временем они прогнивали, и хозяева домов заменяли их. Делали это поочередно, одну сваю за другой, постоянно контролируя устойчивость жилища. Процесс замены выглядел простым и надежным. А представьте, Повелитель, что произошло бы, когда хозяева взялись бы менять сразу половину свай? Конечно, дом зашатался бы и развалился или его сорвало бы с опор и унесло течением... Вы, Повелитель, простите старика за дерзость, хотите менять одновременно более половины свай. Не поступайте так, даже если все хорошо продумали... Что касается помощников и соратников, то мнение мое опять Вам не в поддержку. Но делать нечего, раз поклялся отцу Вашему сказать, что думаю, не юлить. Я согласен с теми, кто считает так: нет в окружении правителя крупных, самостоятельных личностей – это метка слабого правителя, а есть они – метка сильного".

Правитель дослушивал советника с потемневшим лицом, еле сдерживая гнев. Скупно попрощался и велел тому уйти. С тех пор жил советник в отдалении, не нуждаясь ни в чем. Но продолжал пристально следить за событиями в стране.

Прошло около десяти лет. За это время страна расцвела: развивались ремесла, радовала урожаем нива, люди мирно трудились и богатели. Бедность осталась уделом лишь неисправимых ленивцев. Правитель вспомнил о старом советнике и решил навестить его, если тот еще жив. Советник оказался долгожителем. Одряхлевший, но с юношеским блеском в глазах он торжественно встретил правителя.

– Добро пожаловать в мой дом, Повелитель, – склонился старец в поклоне, как мог. – Нет границ счастью моему видеть Вас.

– Вот, приехал отблагодарить тебя. Не забыл я твоих слов, не забыл.

– Я это видел все последние годы, Повелитель. Какая еще мне нужна награда!

АФОРИЗМЫ, СУЖДЕНИЯ

Самое трудное – научиться улучшать свое положение, не ухудшая положения других.

Пагубные последствия неудачной реформы менее опасны, чем сохранение у ее авторов возможности реабилитироваться посредством проведения новой реформы.

Призывы, предложения погрешить обычно результативнее призывов к смирению страстей.

Жаждающие перемен приступают к ним, мало задумываясь о последствиях, подобно путникам, изнывающим от жары и без колебаний бросающимся к первому попавшемуся источнику воды.

Свобода выбора легко обнаруживает, кто есть кто.

Вызывающее равенство сменяется вопиющим неравенством.

Масштабы потребления все меньше зависят от запросов потребителей и все больше – от изобретательности производителей.

Слабые правители – большие охотники вспоминать редкие поражения, неудачи своих плодотворных предшественников.

Человек активен в поиске прав для себя и обязанностей для других.

Рынок полезен под угрозой быть битым за обман и сговор.

Хорошее входит в жизнь, когда становится убеждением активных и привычкой большинства.

Самый опасный дезертир – государство.

Закон: чем выше темпы научно-технического прогресса и производительность труда, потребительский спрос и валовой внутренний продукт, тем мутнее вода, тише пенье птиц и тяжелее воздух.

Телевидение сделало современных правителей профессиональными лицедеями. Порой кажется, что им важнее убедительно сыграть сильных да мудрых, чем быть таковыми.

Абсолютное меньшинство землян противостоит абсолютному большинству: жизнь нынешних нескольких миллиардов обитателей Земли протекает с опасными для планеты последствиями и все больше ставит под сомнение возможность жизни на ней сотен миллиардов людей из будущих поколений.

От пребывания на вершине власти умного, волевого и порядочного человека больше выгод извлекает авторитарное государство, чем реальная республика. Но и потерь оно несет больше, чем реальная республика, когда на вершине власти оказывается неумный, слабовольный человек. Предотвращаемые реальной республикой потери больше тех выгод, что она недополучает.

Людмила Пенькова

(г. Тула)

Живет и работает в Туле. Автор двух поэтических книг. Публикуется в коллективных сборниках Регионального Общественного Фонда содействия и развития современной поэзии "Светоч" (Москва).

ВЕСНА

Солнце, сбросившее вуаль уныния догорающей зимы, словно родившись заново, в каждом своем восторженно-ликующем, пахнущем весной лучике, несет сквозь сапфирные красоты неба на уставшую от зимних холодов землю бесконечную энергию радости и тепла.

Отогревая сердце трогательно-нежной солнечной заботой, Земля готовится к великому таинству возрождения – танцу Жизни, высшему полету хореографического искусства обновления.

Выцветшая, угрюмая, черно-белая гамма уходящей зимы под хрустальный перезвон певучих слез-сосулеч постепенно перевоплощается в благословенные на добро соцветия радужных красок, льющихся из безбрежного океана жизни. Всепобеждающая сила весенней любви пронизывает все сущее.

Весна волшебством благоденствия и гармонии очаровывает наши сердца, рождая в них неукротимое желание: влиться в завораживающую звучанием музыку воскрешения. Весна любезно приглашает всех нас на вечный бал жизни, где рождается радость, рождается счастье, рождается любовь!

Валентина Пинаевская (г. Тула)

Родилась 3 марта 1956 года в городе Вельске Архангельской области. Образование высшее, окончила Тульский политехнический институт, по профессии инженер-строитель. Участница поэтического клуба «Вель» г. Вельска, МЛО «Муза» при доме-музее В.В. Вересаева, православного клуба писателей «Ковчег». Публикуется в газетах, журналах, альманахах и сборниках. Дипломант межрегионального фестиваля авторской песни «Медовый» (2009 г. Кондрово Калужской обл.). Победитель интернет-конкурса «Самовыражение» в номинации «Сокровище Агры» (2011 г.). Дипломант 4-го межрегионального фестиваля «Яснополянские зори» (2012 г.). Победитель конкурса «Плавская осень-2012» в номинации «Проза» и «Поэзия». Победитель конкурса «Я вновь открываю Толстого» (г. Тула, 2013 г.).

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Поздний осенний вечер. Затихает шум большого города за окном, а в сердце, царапаясь, заползает непокой и та особая грусть, справиться с которой я не в силах. В эти минуты ощущается связь с прошлым и так не хватает рядом сидящего за столом отца, читающего роман-газету, и мамы, перебирающей что-то в бельевом шкафу. И память, машина времени, дарованная нам БОГОМ, послушно возвращает на 40 лет на-зад... Дома тепло и уютно. Топится печь, и дрова, потрескивая, сгорают, оставляя угли, подернутые синими язычками пламени. Беру в руки кочегру и, помешивая, прислушиваюсь, какой звук угольки издадут. Если они позванивают и твердые на ощупь, значит, скоро будет мороз. А если угли мягкие, то зима еще не скоро нагрянет и теплая погода еще постоит. Похоже, что валенки с чердака приносить рановато. А вот и чайник вскипел! Иду накрывать на стол. И вскоре вся семья, а это – мама, папа, сестра Света, брат Витя и я – садимся пить чай с баранками. Идет неспешный разговор о хозяйственных делах, о засолке капусты, о том, что пора вставлять в доме вторые рамы, которые на лето вынимались и хранились в кладовке. В выходной будем укладывать наколотые папой дрова в поленницу, а мама печь пироги. Ура! На душе тепло и спокой-

но, как бывает только в детстве. И кажется, что так будет всегда. Мы юные, полны сил, и впереди целая жизнь!

Знала бы я тогда, что жизнь пролетает очень быстро и многое уже никогда не вернется. В родительском доме живет брат с семьей, и я рада, что дом в деревне не пустует, а в нем звучит звонкий голосок моего племянника Мирослава. Тропки, по которым на речку бегали наши босые ножки, заросли. Но появились новые. И это здорово! У каждого детства свои тропинки.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ С ПРИВКУСОМ БОЛИ

Сегодня пятая годовщина с того памятного страшного дня, когда жизнь моя круто изменилась.

Я считаю этот день вторым днем рождения. Прошло много времени, но события свежи в памяти. Помню палату реанимации с внимательными интернами и песню в общей палате с соседкой по несчастью: "Когда мне невмочь пересилить беду, когда наступает отчаянье, я в синий троллейбус сажусь на ходу, последний, случайный..." Рядом со мной все дни была моя дочь Наташа. Ухаживала, кормила, поддерживала. Многие звонили, говорили теплые слова, передавали деньги для лечения. Но я поняла тогда одну важную вещь: бывают в жизни ситуации, когда человеку никто не может помочь. Он должен сам захотеть жить! И карабкаться что есть силы. Вот тогда и молитва поможет, и ГОСПОДЬ пошлет силы и терпение на это восхождение. Иногда мне кажется, что опять скатываюсь к подножию взятой высоты. Приходится все начинать сначала. Падений не нужно бояться, от этого ни один человек в жизни не застрахован, главное, не потерять желания карабкаться, бороться за себя.

В этот памятный день я переосмысливаю снова и снова случившееся со мной. Хожу в храм и благодарю БОГА за подаренный шанс жить и спасти душу. Остаюсь дома одна и праздную день спасения в тишине и покое, потому что болью моей не хочу делиться ни с кем. Вот и получается второй день рождения с привкусом боли.

Яков Шафран

(г. Тула)

НАСТРОЕНИЕ

Николай Васильевич возвращался с концерта домой уже поздно вечером. Концерт был хорош – исполняли песни семидесятых. Сейчас это называется «ретро». Еще он был хорош тем, что бесплатный, – конечно, только для небольшого количества пенсионеров, по очереди получающих такую льготу в центрах социального обслуживания по месту жительства.

«Хоть что-то, – подумал Николай Васильевич, – и то».

Но настроение быстро вернулось к привычному для него состоянию, когда он достал из почтового ящика два извещения на оплату коммунальных услуг и электроэнергии.

«Снова выросли тарифы. Эх, мать честная! – в сердцах проговорил он. – Да и вот, еще одна графа появилась, – «Капитальный ремонт дома». Где денег-то столько взять?»

Пенсия у Николая Васильевича была небольшая – всего восемь тысяч с небольшим. В конце непутевых восьмидесятых связался он с так называемыми кооператорами. Шесть лет на них «отпахал» за токарным станком, правда, не по металлу, а из дерева вытачивал всякие «штучки-дрючки». Когда устраивался и увольнялся, записи в трудовой книжке делали, вроде бы как правильные. Да, поди ж ты, не обратил Николай Васильевич внимания на то, что номер приказа не был вписан ни при устройстве, ни при увольнении. Не учили в советские годы – уж кому-кому? – не доверять кадровикам... А когда стал пенсию оформлять, ему и поставили на вид, мол непорядок. Кинулся он искать тех «кооператоров», да следов их так и не нашел. Как не было шести лет стажа...

Воспоминания смешались у Николая Васильевича с мыслями о тарифах. Обрывки концертных мелодий, слова до боли знакомых песен пытались всплывать в душе, однако тут же гасились теперешними и былыми неприятностями, пока и вовсе не исчезли. С таким настроением он и поднялся пешочком к себе на пятый этаж «хрущевки» по ред-

ко убираемой теперь лестнице, да и впотьмах – как быстро лампочки вворачивались, так и выворачивались.

Войдя в квартиру, он, не раздеваясь, поставил разогревать свой скромный ужин, который, как и обед, готовил дня на три-четыре – хозяйка-то его Полина Петровна уже годков пять как померла. А пока еда будет разогреваться, включил в комнате свой старенький «Рекорд».

По одному из центральных каналов шла передача «Разговор напрямую». Николай Васильевич сверился с программой – она шла уже с полчаса. Люди в студии не говорили, а, как водится на таких передачах, все разом старались перекричать друг друга. Ор стоял страшный, тем не менее, через пару минут он понял все же его предмет. Дед – известный актер – лишил свою внучку от самой первой жены (а их, как оказалось, у него было пять) наследства.

Раздражение охватило Николая Васильевича. Волна его поднялась, захлестнула грудь, закружилась в водовороте, и там смешались тарифы и капитальный ремонт, «кооператоры» и мини пенсия, когда-то любимый душевными передачами, а ныне просто какой-то «раздрайящик», телевизор, уже подзабытые, но сейчас вновь ожившие вчерашние и позавчерашние негативы.

Он быстро поднялся, подскочил к телевизору и с чувством мстительного удовлетворения, как-то даже от плеча, ударил пальцем по кнопке питания.

Зазвонил телефон. Николай Васильевич взял трубку. Звонила Мария Степановна – женщина из их центра, с которой он был в близких отношениях и даже подумывал о серьезном.

– Николай, ты смотришь «Пусть думают!»?

– Нет.

– А что смотришь?

– Да ничего.

– Ну и скучный же ты человек – с тобой не о чем поговорить!

– А о любви?

– О любви-и-и? С тобой-то? Ну, не смеси!

– Мы ж с тобой близки, Маша! Да ты меня хоть любишь?

– Да за что тебя любить? Ну, правда, руки у тебя золотые, слов нет, теми концами, что нужно, пришить. А так... Ты вот на концерт пошел...

– Так ты же не захотела. Я приглашал...

– Правильно, не захотела, так как в гости пригласили! А там – Запольский. Вот кто танцует – всем танцорам танцор! И завтра мы с ним едем за грибами!

– Ну что ж, поздравляю...

– Правильно делаешь, что поздравляешь. Теперь я с ним дружить буду!

«Бог мой, детский сад – на седьмом десятке, а все туда же! – в сердцах подумал он и бросил трубку. – И не мудрено – насмотрятся «Изба-2» на старости лет, и мозги набекрень!...»

Организм – Николай Васильевич не ел с утра – все же требовал своего, и он направился на кухню. Обычно на столе в подставке находилась в развернутом виде читаемая на данный момент книга, но Николай Васильевич даже не взглянул на нее. Сняв сковороду с малого огня, он располовинил ее содержимое – «от нервов» аппетит заметно поубавился – и стал есть, нагнувшись над тарелкой, почти не чувствуя вкуса пищи, так как мысли его по раскрученной спирали улетели в прошлое, наворачивая на витки все прошлые ошибки, обиды, несправедливости и удары судьбы.

Закончив есть, Николай Васильевич сгрудил грязную посуду – мыть ее тоже нужно было настроение – в раковину, перешел в комнату и лег на диван. Мысленная спираль, видимо, полностью раскрутилась, и он лежал, тупо глядя в потолок.

Вдруг взгляд его упал на небольшую икону, стоявшую на книжной полке. Это был лик Спасителя. Икону подарил ему Виктор, давний друг, воцерковленный верующий, на день рождения, около месяца тому назад. Икона воспринималась Николаем Васильевичем как красивая обложка стоящей на полке книги, не более того. Но сейчас Николай Васильевич, остановив свой взгляд на глазах Спасителя, почему-то не мог оторваться от них. Что-то притягивало его, – что? – он не мог, да и не пытался понять. Мыслей, а тем более молитв, – которых он и не знал, – не было. Вдруг в груди у Николая Васильевича что-то пружинисто и гулко стукнуло, словно развернувшаяся ранее спираль снова свернулась, и в сознании его возникли слова – простые, немудреные, которых он ранее не знал, но – он явственно почувствовал это – были ему родными и близкими, издавна знакомыми – самой глубинной сутью его существа, памятью дедов и прадедов, неосознанно живущей в нем: «Господи, помилуй меня! Господи, Господи, помилуй меня!» Николай Васильевич несколько раз повторил их, и почувствовал, как сло-

ва эти через лик Христа, будто через линзу, распространились далеко-далеко, коснулись многих людей, с кем он, так или иначе, взаимодействовал в жизни, и окутали их теплом и светом. И вместе с этим чувством в душе у Николая Васильевича родилась радость. Она ширилась и ширилась, и наконец накрыла его с головой, словно теплые воды южного моря, словно нежная волжская волна. И куда-то отступило все то, что еще недавно раздражало и злило его, будто всего этого и не было вовсе. Так на рассвете лучи солнца рассеивают сгустившиеся накануне темные тени.

Николай Васильевич уснул спокойным, почти детским сном, каким не засыпал уже давно, почитай с тех пор, как его баюкала на руках мать, напевая тут же сочиняемые ею колыбельные песни. Только теперь не тело его, а душа покоилась в объятиях Незримой Матери. И удивительно, – он, неверующий, можно сказать атеист, – хорошо знал, Кто это.

ВСТРЕЧА

Стоял август. Было ни жарко, ни холодно – после всех перепадов температуры, которыми изобиловало это лето, установилось нормальное по эту пору конца месяца двадцатичетырехградусное тепло с солнечными днями и редкими, – что весьма радовало горожан, загрустивших от еще недавно зарядившей на целый июнь месяц непогоды, – дождями.

Деревья в парке оставались еще зелеными, но уже, конечно, не первой свежести – все же конец лета, – кое-где виднелась желтая листва – следы климатических и иных неурядиц.

Веянье перемен в городе коснулось и старого парка. Преобразились аллеи – старый растрескавшийся, весь в выбоинах асфальт заменили на новый, установили лавочки со спинками и красивые фонари.

По одной из таких аллей шла невысокого роста сухонькая старушка. Путь ей преградила стая привыкших к людям голубей вперемежку с воробьями. Женщина остановилась, наблюдая за птицами, и, казалось, о чем-то задумалась либо что-то вспомнила. Легкий ветерок шевелил ее седые волосы.

Из соседнего кафе доносилась перебранка: женский сварливый голос и в ответ – глухое мужское бубнение.

Женщина, немного подумав, присела на краешек ближайшей лавочки. На ней была старая, потрепанная, но чистая и выглаженная, одежда и такие же старые, сильно разношенные, но начищенные, башмаки.

С другого края с поникшей головой и потупленным взором сидел молодой человек лет двадцати пяти. Лишь изредка он взглядывал на небо и по сторонам, вздыхая, и снова опускал голову.

– Что-то случилось сынок?

Он промолчал. «Ну, нигде нет покоя! Кому я мешаю тут?– Нет, нужно пристать!» – привычная волна раздражения нахлынула на него.

– У тебя плохой глаз, сынок...– промолвила старушка.

«Это что-то новенькое»,– парень, уже было собравшийся встать и уйти, повернулся и посмотрел ей в глаза. На него глядела глубокая и чистая, смиренная, ничем не смущаемая доброта. Ни единая жилка не дрогнула на чуть тронутым морщинами лице пожилой Женщины. Он почувствовал, как раздражение стало куда-то уходить, растворяться и на душе стало немного спокойнее. Хотелось смотреть и смотреть в эти лучистые глаза-озера. «Вот те и старушка»,– подумал он и спросил:

– Бабуль, судя по всему, ты далеко не богата, я бы даже сказал, перебиваешься. Небось, на одну пенсию живешь? Почему же ты такая добрая?

– Да, сынок, пенсия у меня небольшая. Еще подрабатываю уборщицей в одной организации, две комнаты мою за три тысячи. На жизнь хватает.

– А кем ты была...– хотел сказать: «В прошлой жизни»,– но передумал,– раньше, ну, короче, до пенсии?

– На фабрике работала, швеей.

– Много же ты нашла...– еще раз оглядев ее, он сочувственно вздохнул.

– Что делать, сынок, что есть, то есть.

– Так отчего ж ты такая счастливая?

– Быть несчастливой – себе дороже.

– А здоровье-то как, мать?

– Да как здоровье? Бывает, прибалываю... Ты-то как сам?

– Я-то?...– он хотел отшутиться, спрятаться за внешнюю браваду, как часто это делал со своими друзьями и знакомыми – сверстниками и не только, но вдруг сказал:

– Плохо мне, плохо, мать. Понимаешь, все валится из рук, за что ни возьмусь – в конце концов, все рассыпается. Вот женился три года тому назад, двое детей – мал мала меньше, – а жена мне изменила, да так больно сделала... – парень глубоко вздохнул, мотнул головой и в глазах его блеснули капельки слез. Но он сдержал себя. – Эх, да что там! Плачу алименты, ползарплаты. Сейчас вот сошелся с одной с ребенком, да что-то опять не ладится... Люди, что ли, такие злые стали?

– Ты знаешь, сынок, мне тоже когда-то было плохо: и муж был пьяницей, и на работе трудности, и по жизни всякое бывало – одним словом, не сладко складывалось. Но однажды я встретила человека. Мы работали на одном предприятии. Ему оставался год до пенсии, а мне тогда, дай Бог памяти, да, года тридцать два исполнилось. И вот как-то, когда мы стояли в очереди в заводской столовой, а вид у меня был не лучше твоего сейчас, он и говорит мне: «Думается, дочка, нам нужно поговорить». Я покочевряжилась немного, но согласилась – трудно было жить в городе без отца и матери, без братьев и сестер, да и друзей, в хорошем смысле этого слова, не было.

После разговора с ним, а говорили мы по окончании смены долго, все у меня постепенно изменилось: и муж меньше пить стал, а потом и вовсе бросил, и на работе все вопросы стали проще решаться, да и настрой совсем поменялся.

– Что же он тебе такого сказал? – спросил молодой человек.

– Сейчас все тебе расскажу, – спокойно ответила Женщина. – А вначале вот что. Этот мужчина давно-давно, в прежние не только для тебя, но и для меня, времена, беседовал с одним древним монахом, который и поведал ему средство, в корне изменившее жизнь этого мужчины, а через него и мою.

– В чем же оно заключается? – в глазах парня постепенно на месте неизбывной тоски стал появляться интерес и затаенная надежда.

– А средство – вот какое. Вспоминаешь кого-то – виноват ты в чем перед ним, аль нет, говори про себя: «Прости меня! Благослови тебя Господь!» И везде, где бываешь, о чем бы ни шла речь, в душе держи: «Благослови Господь!» Если кто неуважительно али грубо что скажет или сделает – «Прости и благослови, Господи!» А по улице идешь, так со всеми мысленно здоровайся и проси на встречного благословения Божьего. Вот и весь секрет.

– А если навстречу мне вор идет или, того хуже, убийца, я что, тоже должен его благословлять?

– Не свое благословение давай – ты же не знаешь, кто он, – а проси на него Господнего. Он, Господь, разберется, кому, что и сколько. А ты не суди, мы не можем судить – сами подсудные...

В парке было еще мало посетителей и возле лавочки вновь собрались птицы. Пожилая Женщина достала из сумочки мешочек с зернами и крошками хлеба и принялась кормить птиц. Те сразу же стали ожесточенно драться за еду. Особенным проворством отличались воробьи – они ловко отнимали у больших и неповоротливых голубей еду. Но что это? Еще недавно дерущиеся за каждую крошку птицы присмирели и стали рядышком спокойно, не отбирая друг у друга, клевать, что кому достанется. Парень удивился до глубины души, когда увидел, как воробей вполне дружелюбно уступил довольно большую крошку соседнему с ним голубю.

Внутреннее состояние молодого человека продолжало исподволь меняться. Он чувствовал себя гораздо спокойнее и увереннее. В сердце его родилась еще маленькая, но с каждым мгновением крепнущая надежда.

Женщина помолчала, улыбнулась – его обдало волной света и тепла, исходящего от нее. Он прикрыл веки и так сидел некоторое время, прислушиваясь к себе, к происходящему внутри. Когда же открыл глаза, старушки рядом уже не было, лишь вдали он увидел ее стройную худощавую фигуру, спокойно движущуюся по аллее старого городского парка.

Кроны деревьев, чуть качаясь от небольшого ветра, казалось, дружелюбно кланялись идущей.

Наталья Силаева

(г. Серпухов Московской области)

В каждом государстве есть силовые структуры: охраны закона, порядка, общественной безопасности... Но разве можно добиться мира и состояния защищенности только такими методами?

Зачастую в государствах огромное внимание уделяется охране. Но помните известную поговорку: «Чисто не там, где метут, а там, где не сорят»? Почему бы не изменить приоритеты и не уделить больше внимания духовному воспитанию? Ведь, прежде всего, каждый человек должен сам себя контролировать.

Библейские заповеди – основа духовного воспитания, а отсюда – и мировоззрения. Если бы каждый развивал свой духовный мир, имел бы определенный внутренний стержень... Тогда охране не нужно было бы уделять столько внимания, а результат был бы намного лучше: в мире царили бы счастье и радость.

Да, конечно, это утопия: вряд ли такое возможно... Изменить сознание людей – задача, которая не имеет решения.

Но почему бы не сделать мир хоть немного лучше? Свой маленький мир, который окружает непосредственно Вас.

Почему бы не начать с себя?

Зачем мы сами усложняем свою жизнь?

...И все-таки, человек – странное существо.

Каждый город – это маленькое государство. Город – живой организм, в котором жители – маленькие клеточки, его составляющие, а их состояние зависит от условий окружающей среды.

...Мы стремимся одержать верх над природой, предпочитая цивилизацию созданной природой красоте. Мы считаем, что так лучше, но на самом деле стараемся, как можно чаще, уезжать за город – и только там мы по-настоящему отдыхаем.

Что дороже: искусство, созданное природой, или искусство, созданное человеком? Ответ на этот вопрос хранится рядом – в нас самих. Но многие его не видят или не хотят видеть – и сами вводят себя в заблуждение.

Для современного человека, наверное, самое лучшее – определенный баланс между творениями природы и творениями человека. Некоторым городам удастся поддерживать этот баланс... Может быть, это и должно быть совершенством в искусстве современного человека?

Ответ на этот вопрос пусть каждый найдет сам. Ведь у каждого человека есть право на собственное мнение и свободу выбора.

Но... что же ищем мы?

Шел дождь... Роза, которую он подарил, уже завяла. Ах, если бы она снова расцвела!

Но нет. Ее время ушло: она умерла, как умерла любовь, от которой остались только воспоминания, словно засохшие лепестки.

В надежде на возрождение прекрасного, дождь стремительно, но нежно поливал их своими каплями, будто бы пробуждая и в то же время оплакивая... но все же оставляя за собой свежесть.

Она находится рядом с нами. Сливаясь с толпой, всегда старается быть незаметной. Она тихо подкрадывается, входит в доверие, становится верной спутницей, маскируется под радость и счастье. Лицемерно нам улыбается и дарит подарки. Но стоит только развернуть красивую обертку и – слезы, горечь, боль.

А она разворачивается и уходит, когда уже все сожжено дотла и не осталось ничего, кроме пепла, пустоты, разочарования.

Изящный силуэт этой дамы закрывает собой свет, потому что уходит вперед. Когда она скроется из вида, лучи света озарят новый путь.

Но где-то там она снова поджидает свою пешку для новой игры.

Поджидает, скрывшись за световым занавесом.

Но... слышите?! Дождь... Он пытается сказать о том, что собой представляет эта особа.

И каплями пишет на лужах: «Л Ю Б О В Ь».

Татьяна Рогожина

(г. Тула)

Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. В настоящее время – предприниматель.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ САРАФАН

Она достала из шкафа пакетик с сарафаном, купленным еще в прошлом году, но так ни разу и не надетым. Привычно затолкав его в сумку, отправилась гулять – не сидеть же ведь весь день дома.

Раньше она бродила неподалеку, но с каждым разом уходила все дальше, заглядывая попутно в небольшие магазинчики или аптеки. А там уже действовала по обстоятельствам.

– Ой, – сказала она, заметив, что продавец в овощной лавке одна и ничем не занята, – ой, – добавила еще раз, чтобы привлечь к себе внимание.

Не повезло. Женщина даже головы не повернула в ее сторону.

Зато неподалеку в парикмахерской все сложилось удачно. Дамы в ожидании своей очереди скучали, и завести разговор не составило труда.

– Ой, – она достала из пакета сарафан, – как вы думаете, не слишком яркий? Купила, а вот буду ли носить – не знаю. И бретели узкие, и шея вся открытая, а я уже не девочка, чтобы вот так, откровенно. Или дома можно?

Женщины оживились, обсуждая расцветку и фасон. Кому-то нравилось, кому-то нет, но в целом признали, что ей наряд идет, лицо освежает и даже молодит.

С приятным ощущением тепла и собственной значимости, она отправилась дальше. В сквере на скамейке под села к бабуле, что выгуливала младенца в коляске. Ребенок спал, поэтому она ойкнула очень тихо и завела ту же песню:

— Вот купила себе сарафан, да не пойму, к лицу ли он мне...

К вечеру совсем уж устала, но была абсолютно счастлива, побывав в центре внимания. А уж с той бабулей, что в сквере гуляла, так вообще все замечательно получилось – удалось и о себе рассказать, и о чужих проблемах послушать и даже советами поделиться.

Аккуратно уложенный сарафан отправился снова в шкаф – до следующего раза, а она уселась перед телевизором, единственным ее собеседником по вечерам.

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Глава 1

Бабушка, увидев внука, сердито крикнула:

– Ах ты, чернильная твоя душа! Ты зачем опять в дедову чернильницу залез?!

Васька спрятал испачканные руки за спину и отвел виновато глаза.

– Вот пойдешь в школу, тогда и будешь учиться писать, – ворчала бабушка, оттирая хозяйственным мылом и Васю, и его одежду.

Глава 2

В школе чернильница стояла в специальном углублении строго по середине парты. Поэтому фиолетовые кляксы в Васькиной тетрадке падали наискосок налево, а у Наташки, его соседки, наоборот, направо. Но разность их направлений никак не сказывалась на оценках. Учительница безжалостно и ему, и ей ставила тройки.

Глава 3

К концу первого класса Васька научился писать короткие предложения и красиво ухаживать за девочками. В последний день перед каникулами Наташа получила от него записку и конфету, завернутые для надежности в пятнистую промокашку: «Довой дружить». Несмотря на две ошибки и четыре кляксы, она не смогла ответить отказом.

Глава 4

На выпускном вечере Наталья удивила всех: белое скромное платье с кружевами и фиолетовые длинные локоны. Вася долго отходил от шока, но ни на минуту не отлучался от подруги, пытаясь выведать секрет успеха и отгоняя соперников. И, лишь когда провожал девушку домой, она призналась, что столь необычный оттенок получился при помощи самых обычных фиолетовых чернил, разбавленных водой.

Глава 5

Василий Петрович обежал все канцелярские магазины в округе, сходил на блошинный рынок, но нужный предмет нигде не нашел. Лишь в антикварном магазине обнаружил квадратную чернильницу из бежевого стекла с латунной крышкой. А обычной непроливайки из пластмассы не было!

Глава 6

Выручила смекалка. Василий Петрович тайком изъясил у внучки массу для лепки, что на воздухе застывает. Слепив по памяти чернильницу и высушив ее, положил сверху в воронку колечко с фиолетовым аметистом, и красиво упаковал в блестящую фольгу, перевязав все бантиком. Скоро у Натальи Семеновны юбилей. Пятьдесят пять исполнится супруге.

**Из цикла
«ОДНОГО ДНЯ МАЛО»**

Приятная привычка гулять по воскресным дням появилась в прошлом году, вытеснив типичные дачные развлечения. Нам захотелось вдруг свежих впечатлений и новых фотографий.

Гулять решили подальше от дома, но так, чтобы вечером вернуться.

Супруг, человек основательный, призвав в помощь Интернет, заранее составлял маршрут, изучал отзывы и определялся с объектами, которые стоит посетить, я же, существо изначально легкомысленное, в детали не вникала, на фото не смотрела, потому как хотелось сюрпризов, чтобы приехать, раскрыть широко глаза и, не переставая, удивляться.

Все незнакомое, любопытное, таинственное!

Накопив небольшой опыт поездок, вдруг поняли, что нам, слишком перегруженным информацией – книги, Интернет, радио, – от воскресной прогулки нужны в первую очередь эмоции и ощущения, а не факты, названия архитектурных стилей и подробности чьих-то биографий, которые всегда можно узнать чуть позже, если будет в том необходимость.

Желание новизны и чуть-чуть авантюризма сделали из нас, инертных городских жителей, охотников за впечатлениями. Причем, впечатления эти каким-то образом каждый раз трансформируются в дополнительную энергию, которой в избытке хватает на всю рабочую неделю до следующей поездки.

А теперь все по порядку.

Таруса

Название курортного городка, что расположился на высоком берегу Оки, звучит мелодично.

Та-ру-са. Та-руса. Таруса.

Приятные для слуха звуки, в которых слышится поэзия и красота русской природы. Песок и сосны. Чистейший легкий воздух. Луговые цветы и речная прохлада. Не удивительно, что здешние места давали вдохновение Константину Паустовскому, Марине Цветаевой, Василию Поленову, Николаю Заболоцкому, Святославу Рихтеру и многим другим творческим людям, как известным, так и не очень.

Свое знакомство с Тарусой из-за моего равнодушия к Серебряному веку собирались начать с музея семьи Цветаевых, а далее, что успеем.

Однако строить планы пустое иногда занятие.

Главная площадь встретила нас шумом и теснотой. Оказывается, жители праздновали день города, праздновали, как положено, весело и с размахом, да еще много гостей пригласили.

– Погуляем пока «огородами», – решили мы, увидев количество туристических автобусов на стоянке, и опрометчиво отложив поход в музей на потом, отправились вдоль речки, любоваться речными просторами.

Ока в этом месте чудо как хороша.

Чуть сменив направление, она, вобрав в себя серебро уже слегка потемневших облаков, скрылась за поворотом, уводя за собой солнце и оставив туристов на противоположном берегу в недоумении насчет погоды, то ли палатки собирать да домой возвращаться, то ли надеяться на возвращение светила.

Возле симпатичной старой пристани катер с простецким именем «Михалыч» приглашает на речную прогулку. Звучит заманчиво. Но к небольшой пока тучке, что зависла над Воскресенской горой, со всех сторон уже подбирались, погасив наш энтузиазм, тяжелые низкие облака. Зато неподалеку на глаза попала столовая «Ока», напомнив об обеденном времени.

При первом же знакомстве выяснилось, что никакая она не «Ока», а «Здравствуй, Советский Союз» или «Привет из прошлого». Буфетчица неприветлива и забывчива, столы в крошках и с небранной посудой, а потертые подносы и граненые стаканы каким-то чудом дожили до наших дней. Но все это ерунда, потому что с террасы, где мы облюбовали столик, открылся великолепный вид с песчаным пляжем и кукольными домиками вдаль, примирив нас с невкусной едой и прочими неудобствами.

Не задерживаясь надолго в «прошлом», снова возвращаемся на набережную, где возле рябин находим памятник Марине Цветаевой, очень лаконичный, но «живой». Серьезное лицо чуть задумчиво, погруженная в поэтические грезы, Марина не смотрит по сторонам, лишь левой рукой слегка касается сердца, обещая нам искренность и скрывая боль. На плечи накинута шаль, но ноги босы, словно, проснувшись рано утром, она выбежала на косогор, чтобы побыть с восходящим солнцем и просыпающейся природой наедине.

На городской площади по-прежнему шумно и весело. Кони в ярких пополах, украшенные красными лентами, катают детей, играет музыка, а к торговым рядам не подступиться, всем хочется обзавестись на память сувениром или какой-нибудь полезной вещью для хозяйства. Возле музея топчется большая группа туристов, из-за чего мы разочарованно сворачиваем куда-то в сторону и идем, куда глаза глядят, искать тишину и новые объекты для фотосъемки.

Выбранное направление нас не подвело.

Идущая в гору улица с разбитыми тротуарами неожиданно оказалась проспектом. Проспектом Пушкина. Здесь практически не было машин, а дома стояли в основном невысокие, в один или два этажа, старое потемневшее дерево и облупившийся красный кирпич которых

выдавали их весьма почтенный возраст. Окружив себя цветущими кустами и уютными палисадниками, домики прятались от любопытных глаз в мальвах и садовых желтых ромашках. За порядком на проспекте Пушкина присматривали полусонные кошки и бабули в вязаных жилетках, сидящие на низеньких скамеечках, возле которых копошились озабоченные пропитанием пестрые куры.

Второй сюрприз обнаружился на улице Шмидта, одиннадцать «А».

Табличку с адресом придерживал рукой инопланетянин, собранный из каких-то железок и сидящий на камнях. Муж сразу догадался, что место это как раз по его, мастеровой, части. На калитке висела записка с сообщением, что открыто, звоните» и с номером сотового телефона.

Частный дом оказался частным же музеем, «Новым музеем». Его владелец и автор многих экспонатов, молодой мужчина по имени Сергей, некоторое время назад, объединив свою фантазию со сварочным аппаратом, начал делать из старых бензобаков, шестеренок, деталей швейных машин, болтов и чего-то еще металлического, чему я не знаю названия, потрясающе веселые скульптуры и композиции.

Экскурсия началась со двора.

Под навесом на лавочке, вальяжно откинувшись на спинку и положив ногу на ногу, сидит господин в цилиндре и с тросточкой. Это Онегин. Неподалеку изящная балерина в кокетливой юбочке из цепей мечтательно смотрит на снеговика, собранного из смотанной в шары колючей проволоки, который бережно держит в руках металлическую бабочку с узорами. А еще во дворе нашли себе место такса, муравей, динозавр, забавная консервная банка, сделанная из большой бочки и превратившаяся в цветник, дятел на дереве, и другие забавные персонажи и композиции, сделанные с юмором и от души.

Хозяин пригласил нас в дом, где тоже нашлось немало интересного.

Муж сразу влюбился в контрабас, который на самом деле оказался баром. Линия изгиба деревянной его части очень точно совпадала с округлостями шестеренок, выполняющих роль металлического декора. Меня же развеселила одна из мясорубок, прикрепленных к каждой ступеньке лестницы. Из вложенных в нее каких-то железок на выходе получился фарш из гвоздей.

На втором этаже застряли надолго, рассматривая фотографии Тарусы прошлых веков и изучая все подробности коллекции старинных утюгов, патефонов, пластинок к ним, керосинок с самоварами.

Масса всякой удивительной ретро-мелочи.

Короче, нам понравилось. Очень.

Ну, а финал нашего путешествия не слишком отличался от предыдущих — сильный ливень, от которого не спасали даже зонтики, отправил нас, мокрых и довольных, домой.

Нам опять не хватило дня.

Ольга Осенская

(г. Тула)

ДЕНЬ КОРОЛЕВЫ В ГОЛЛАНДИИ

Наверное, первая мысль, возникшая от созерцания фотографии этого юного скрипача, была: "Ах, какая жалость, что этому малышу уже приходится зарабатывать себе на жизнь, играя на скрипке. А где же его родители?

Кто он? Откуда?"

На самом деле это 30 апреля, когда голландцы отмечают День Королевы. Впрочем, здравствующая королева Беатрис родилась вовсе не в этот день, а отмечается он в конце апреля по причине теплых погодных условий. Королев в истории Голландии было и будет много, рождаются они хаотично, и потому голландцы решили День Королевы не переносить.

Отрываться голландцы умеют, особенно в этот праздничный для страны день. Все облачаются в одежду оранжевого цвета – цвет королевы. В знак того, что люди ее любят. Почему именно оранжевый? Фа-милия правящего семейства – Оранские.

На каждом углу битком заполненные кафе-шопы.

В этот день толпы наряженных голландцев, впрочем, и туристы, приехавшие погулять в Амстердам, вместе с коренным населением гуляют по улицам, орут песни. Плавают по каналам на лодках, пьют пиво и радуются жизни. Амстердамцы любят сидеть на окнах, свесив ноги и наблюдая за происходящим. В этот день жители выносят из домов не особо нужные вещи, чтобы устроить глобальную барахолку, на которой продают... почти все. Кстати, в этот день все продавцы освобождены от налогов. Улицы превращаются в торговые ряды. И среди явной рухляди можно увидеть настоящий антиквариат (если вам повезет) по цене чашки кофе капучино.

Мы приехали погулять в Амстердам и имели удовольствие видеть праздник Королевы воочию. В этот день мы вместе с ликующей толпой дошли до Вондельпарка, носящего имя великого голландского поэта Йоста ван ден Вонделя. Этот зеленый островок Амстердама занимает пятьдесят гектаров, а лужайки, фонтаны, бассейны и розарий создают сказочную атмосферу.

Здесь организуются концерты под открытым небом и музыкальные шоу, а также каждые два года здесь проходит "Фестиваль шутов".

Но в день королевы приходят многие музыканты и дети из приличных семей вместе с родителями и играют в честь праздника. Родители стоят неподалеку и с гордостью наблюдают за своими детьми, делающими первые шаги в искусстве и очень гордыми тем, что получают признание в виде первого самостоятельного заработка. Мы сделали несколько интересных снимков – кто-то играл на арфе, скрипке, пел или декламировал стихи, возможно, Вонделя.

У нас был знакомый голландец, по имени Питер, с которым несколько лет назад мы вместе работали, и он так вкусно рассказывал о селедке какого-то особенного посола, которую все едят, подняв над собой, держа за хвостик, и постепенно с наслаждением погружают ее в свое чрево. Селедку мы ели по-голландски, сыр пробовали, предварительно смазав хлеб горчицей, а сверху сыр – нам понравилось. А эти белые булочки с селедочкой, огурчиком, и луком – так вкусно!

Довольно о гастрономических пристрастиях голландцев. Не хлебом единым. К обеду поток празднующей толпы увеличивается и передвигаться уже становится все труднее. Мы решили спрятаться от толпы в Райксмузеуме, где встретили еще нескольких русских туристов, которые также как и мы наслаждались шедеврами голландских живописцев вдали от толпы. Но надо отметить, к чести голландцев, толпа была милая – никто не задевал тебя локтями, хотя это было возможно, все улыбались, и никто не был пьян от любви к королеве. И хотя в стране официально разрешены легкие наркотики, наркоманов мы не видели. Только иногда проходя мимо кафе, слышался запах пресловутого плана.

На следующее утро город с раннего утра убирала машины, затем мыли и уже часам к девяти Амстердам сиял чистотой, по своим дорожкам неслись велосипедисты, на цветочном рынке продавались луковицы цветов, букеты тюльпанов (в букетике пятьдесят нераспустившихся тюльпанов, кстати, очень долго остававшиеся свежими). И только оранжевые парики и шарфы, не проданные накануне, напоминали о прекрасном празднике страны – Дне Королевы, который голландцы чтят, любят и сохраняют в своих традициях уже много лет.

Владилена Станиславская (Фураева)

(г. Серпухов Московской области)

Родилась 12 декабря 1989 г. в г. Канск Красноярского края. В 2006 г. переехала в Серпухов. Окончила факультет английского языка МОПК. Учится в МГОУ на факультете романско-германских языков. Член МЛЮ «Клио» г. Серпухова и Моссовета ЛИТО. Публикуется в газетах и сборниках. Лауреат и дипломант театральных конкурсов, дипломант фестиваля «Единая страна, Великая Россия» (Алексин).

НЕЧТО

Я лазаю по просторам интернета. Я листаю все эти бесконечные страницы и пытаюсь найти нечто. Нечто, что даст мне покой, нечто, что ответит на все мои вопросы, нечто, что заглянет в мою душу и поймет, что там творится. Сейчас я не понимаю, что происходит? За что? Зачем? И как? Сейчас я не то чтобы задаю вопросы, а даже не могу их нормально сформулировать, ибо их очень много, и они цепляются друг за друга. Один вопрос тянет за собой другие. Сейчас я вроде и окружена людьми, их много, многие из них хорошие, ибо свой круг общения создала сама, но не хочется никому ничего говорить, ведь у каждого свое нечто. Это нечто пытается, мучает и жаждет, непонятно чего. Нечто, найдишь, пожалуйста! Будь моим спасением, моей панацеей! Ты и моя печаль тоже, но и без тебя нельзя. Ведь ты уже часть меня.

ДУМЫ О ПИРОГЕ

Я сегодня решила испечь творожный пирог, мой любимый, тот, что у меня всегда получается... Но до сегодняшнего дня он немного подгорал снизу и недостаточно поднимался. Да и с тестом проблемы. Оно должно быть песочным, но получалось иначе, не по моим идеям.

Я стала анализировать ситуацию и свои ошибки: мало разрыхлителя, духовка слишком раскалилась, и пирог не поднялся из-за высокой температуры... а пригорел он потому, что изюм оказался снизу. Однако моя выпечка была все же по-прежнему вкусна... Хм... Несмотря на свои недостатки, пирог остался таким же восхитительным, как и раньше.

И в жизни все также, как и с ним: невзирая на то, что у тебя что-то может идти не так, несмотря на факторы, которые могут что-то изменить, ты сам и твоя сущность никогда не изменятся. Ты будешь все равно таким же «вкусным» и замечательным.

ПУБЛИЦИСТИКА

**МАРИНА БАЛАНЮК
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
ГАЛИНА КЛИНКОВА**

**ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ
РАГИМ МУСАЕВ
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА**

Марина Баланюк (составитель биографии) (г. Тула)

Марина Григорьевна Баланюк – член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, зав. редакцией журнала «Приокские зори»

ГАЛИНА ИВАНОВНА БАЛАНЮК

20 лет памяти
о Галине Ивановне Баланюк
(03.12.1918 – 11.11.1994)

Учитель, методист, педагог-новатор, ученый и просветитель. Кандидат педагогических наук (1953), доцент по кафедре «педагогика» (1959). Родилась в станице Баталпаашинской Ставропольского края Армавирской губернии в семье Ивана Евдокимовича Баланюка и Антонины Павловны Баланюк (урожденной Боковой). В семье своих роди-

телей она была третьим ребенком: сестра Лидия родилась в 1916-м году, а брат Борис – в 1917-м.

Отец до революции был народным учителем, в 1913 году окончил в Москве Константиновский межевой институт по специальности землеустроитель-геодезист, работал землемером, старшим землеустроителем краевого земельного управления Азово-Черноморского края. Арестован 29 января 1938 года. Осужден 14 февраля 1938 года тройкой УНКВД по Краснодарскому краю. Расстрелян 7-го марта 1938 года в городе Краснодаре. Реабилитирован посмертно 28 апреля 1989 года прокуратурой Краснодарского края.

Мать, после окончания вольнослушательницей в 1911 – 1913 гг. Бес্তুжевских высших женских курсов, работала учительницей в начальной школе. Затем заведовала библиотекой в станице Роговской (подробнее о родителях в «Книге памяти жертв политических репрессий Тульской области 1917 – 1987 гг.» Том третий. – Тула: Гриф и К, 2006. – в статье М. Баланюк «Теперь я знаю, как погиб мой дед», С. 55-62; 124).

После окончания семилетки и Педагогического техникума в городе Воронеже (1933 – 1936 гг.) Галина Ивановна Баланюк по направлению до 1937 года работала в селе Хохол Воронежской области учительницей начальных классов, потом по 1940 год работала препода-

вателем русского языка и литературы в неполной средней школе в станице Роговская Краснодарского края.

В 1938 поступила в пединститут города Воронежа на заочное отделение, училась до 1941 года, окончив полные III курса. В связи с Великой отечественной войной дальнейшую учебу пришлось прервать.

В годы войны работала, училась самостоятельно и только в 1944 году пришлось окончить филологический факультет Сухумского государственного педагогического института. Одновременно с 1940 по 1946 год преподавала русский язык и литературу, была завучем, потом директором Старо-Гагринской средней школы.

По 1950 год работала завучем, преподавателем русского языка и литературы в городе Николаеве.

В Польше (город Демблин, место Груец) 11 мая 1945 года в воздушном бою погиб брат Борис Иванович – офицер, летчик. В начале войны сестра Лидия Ивановна окончила медицинский институт. Работала хирургом в госпиталях и больницах. Галине Ивановне с семьей сестры (муж сестры – офицер, подполковник медицинской службы, военный врач Силинг Борис Соломонович), их детьми и своей матерью приходилось переезжать из города в город.

С 1950 по 1953 год Галина Ивановна состояла аспирантом в Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина. Одновременно работала учительницей русского языка и литературы в школе №656 Молотовского и школе №59 Киевского районов города Москвы.

Научным руководителем Галины Ивановны был Иван Трофимович Огородников – педагог, член-корреспондент АПН РСФСР (1955) и АПН СССР (1968), доктор педагогических наук (1966), профессор (1935), заслуженный деятель науки (1971).

Высшей Аттестационной Комиссией Министерства Культуры СССР ей была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук. Досрочно защитив кандидатскую диссертацию в июне 1953 года, была направлена в город Сталинград в Сталинградский государственный педагогический институт на должность старшего преподавателя кафедры педагогики. 30 ноября 1953 года у Галины Ивановны родилась дочь.

В 1956 году назначена заведующей кафедрой педагогики Читинского государственного педагогического института.

В 1957 году избрана по конкурсу на должность старшего научного сотрудника сектора дидактики в Научный исследователь-

ский институт теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР.

Далее, назначена, как избранная по конкурсу, на должность доцента, заместителя заведующей кафедрой педагогики в Киргизском государственном университете, заведующей сектором дидактики Научного исследовательского института педагогики Министерства просвещения в аппарате Министерства просвещения Киргизской ССР город Фрунзе.

Решением Высшей Аттестационной Комиссии Министерства Высшего образования СССР в июле 1959 года Галина Ивановна Баланюк утверждена в ученом звании доцента по кафедре «Педагогика».

За время работы в университете и НИИП в городе Фрунзе, Галина Ивановна издала ряд монографий, книг: «Формирование трудовых навыков у школьников», «Интернациональное воспитание учащихся», серию методических плакатов «Продленный день в школе» и т.д.

В связи с избранием по конкурсу с 1 сентября 1961 года Баланюк Галина Ивановна приезжает в город Тулу и работает доцентом кафедры педагогики и психологии Тульского государственного педагогического института имени Л.Н. Толстого (1963 – 1964 годы была заведующей кафедры педа-

гогики и психологии) по сентябрь 1974 года.

В 1974 году, после прохождения двухгодичной докторантуры, Баланюк Галина Ивановна назначена на должность доцента по педагогике, логике и психологии факультета повышения квалификации преподавателей СТФ в связи с избранием по конкурсу. Вплоть до истечения срока избрания, занятия проводила мастерски, квалифицированно и разнообразно. (Подробнее об этом – в статье старейшего ученого и потомственного преподавателя Тульского Государственного университета, Юрия Сергеевича Рагозина: «Педагог-новатор, мудрый советчик и друг», газета «Тула», от 15.01.2009 г., и его же «Очерки далеких лет» в книге «Наука с музами дружит», Тула 2010 г.)

На факультете повышения квалификации Галина Ивановна была ведущим доцентом по дисциплинам: педагогика, логика и психология и возглавила участок учебной работы на вновь организованном факультете.

В эти годы педагогическая наука обретает статус официального существования и в технической среде. Открываются возможности специальной подготовки технических кадров для преподавательской работы. Возникают предпосылки будущего перехода института к университету.

Так как данная работа в поли-

техническом институте проводилась впервые, такие предметы не велись и никогда не читались студентам, слушателям, преподавателям, Баланюк Г.И. разработала первые программы, создала лекционные курсы по этим дисциплинам, адаптировав их для слушателей и преподавателей высших, средних технических учебных заведений. Важными элементами учебной работы было создание различных наглядных, учебных и методических пособий; предметных учебных планов и программ преподаваемых предметов будущего гуманитарного цикла.

Этим Баланюк Г.И. оказала неоценимую помощь руководству и декану ФПК в решении основных задач и организации учебного процесса Тульского политехнического института, по-новому, творчески просвечивая каждую тему, углубляя и совершенствуя разделы и темы, создавая проблемные ситуации и разрешая их при окончательном слиянии технической практики и научно оформленной психолого-педагогической и логической концепций.

В 1980 году, проработав более 40 лет (педагогический и научный стаж), Галина Ивановна Баланюк была награждена Медалью «Ветеран труда» за многолетний добросовестный труд, вышла на заслуженную пенсию воспитывать ро-

дившегося в 1979 году любимого внука.

С годами здоровье Галины Ивановны постепенно слабело. Мучило тяжелое заболевание ног, диабет, ишемическая болезнь сердца.

После тяжелой болезни и осложнений ишемической болезни сердца 11 ноября 1994 года Баланюк Галина Ивановна скончалась в возрасте 75 лет.

Сотни взрослых людей, бывших студентов помнят Галину Ивановну как прекрасного преподавателя, умного собеседника, настоящего ученого. Ее научное наследие – это девять фундаментальных педагогических монографий, изданных с 1953 по 1971 годы, прекрасные педагогические очерки «Выдающиеся педагоги о прочном усвоении знаний» 1973 г., более пятидесяти научных статей в ведущих государственных и педагогических журналах страны. Одна из ее книг переведена на польский язык. Выступления по телевидению, в областной прессе, перед коллективами Тулы и области по линии общества «Знания», председателем педагогической секции которой была Галина Ивановна; клуба «Учитель и ученик», для преподавателей и студентов пединститута. Активная работа во Всесоюзном научном совете по проблемам продленного дня. Действие постоянного более десяти лет теоретического семинара по

просвещению и воспитанию детей в средних школах №11, 54, 58 для родителей, учителей и руководителей школ, организаторов народного образования. Организация и долгая работа в Проблемном совете по школам и группам с продленным днем при ТГПИ имени Л.Н. Толстого. Успешная работа над докторской диссертацией, научная и исследовательская работа охватывала такие фундаментальные пласты педагогики, как:

1. Учебно-воспитательная работа в школах и группах с продленным днем.

2. Проблемы дидактических принципов прочности знаний в обучении школьников и студентов.

3. Педагогика высшей школы и другие.

Галину Ивановну Баланюк занимали и увлекали различные проблемы науки и воспитания молодого поколения в пространственном срезе поиска смысла жизнедеятельности человечества, его гуманистической сущности, как разумного сообщества с целенаправленными задачами на совершенствование и дальнейшее развитие в процессе познания; гражданское, нравственное, трудовое, эстетическое в гармоничном мире и органичном единстве. Она всегда уделяла особое, главное внимание проведению учебного процесса обучения на самом высоком уровне, упорно

искала все новые и новые пути. Ей много удавалось добиваться в этой важной сфере педагогического труда. Баланюк Галина Ивановна является основателем Тульских научных школ педагогической техники, технологии и исследования проблем прочности усвоения знаний в образовании и воспитании.

Как человек Галина Ивановна Баланюк была чутка и внимательна к слушателям, студентам, ученикам и коллегам по работе. Всегда относилась к людям с большим вниманием и готовностью помочь в учебной, научной деятельности, да и в различных жизненных обстоятельствах была опорой, мудрым советчиком, крепким другом и помощником. За это она снискала большое уважение и память в сердцах тех, кто у нее учился, ее знал, работал с ней в одном коллективе.

Не удивительно, но все-таки потрясающе и по-своему феноменально, что в XXI веке в современной педагогической литературе на ее труды продолжают ссылаться. Материалы о Баланюк Г.И. из Интернета дают представление о современности, актуальности и позитивности ее трудов, на которые продолжают опираться: в библиографических указателях «Библиографии литературы о Л.Н. Толстом 1959 – 1961; 1962 – 1967; 1968 – 1973; 1979 – 1984 гг.», в докторских, кандидатских диссертациях, дипломных, курсовых и контроль-

ных работах студентов. Ее трудами пользуются современные исследователи педагогики высшей военной – профессиональной подготовки, занимающихся разработкой теоретических положений, раскрывающих феномен педагогического мастерства. Интересуются ее произведениями и особенностями профессиональной подготовки учреждения Министерства Чрезвычайных Ситуаций России. Психолого-педагогические условия развития и труды Баланюк Г.И. ставят в первый ряд начальной военно-профессиональной подготовки и методов военного обучения для учащихся в оборонно-спортивном лагере. При решении создания педагогических условий профессионально-педагогического становления сотрудников службы исполнения наказаний в ведомственном образовательном учреждении также относят к педагогическому наследию Г.И. Баланюк. География ссылок: госпединститут в Череповце, г. Пятигорск, Санкт-Петербург, Москва, Тула, Воронеж и другие.

ЕЮ ВЫЧИСЛЕН ДО ТОЧНОСТИ И ОПИСАН ПРИНЦИП ПРОЧНОСТИ

Прошел 2014 год, объявленный в России Годом Культуры. Все события, деяния, мысли людей, воплощающиеся и обретающие как большие, так и малые культовые формы будут иметь определенное свое неповторимое место в истории. Возможно, напоминания время от времени о проблемах, так вовремя заявленных в прошлом, прольют свет на их новые решения в будущем.

Избранное из научных трудов и педагогическое наследие.

Монографии.

1. Баланюк, Г.И. Закрепление знаний на уроках в 5-7 классах / Г.И. Баланюк. – М., 1953.
2. Баланюк, Г.И. Теория и практика закрепления знаний на уроке / Г.И. Баланюк. – М., 1954.
3. Баланюк, Г.И. Теория и практика закрепления нового учебного материала на уроках в 5-7 классах / Г.И. Баланюк. – М., 1956.
4. Баланюк, Г.И. Формирование трудовых навыков у школьников / Г.И. Баланюк. – Фрунзе, 1960.
5. Баланюк, Г.И. Интернациональное воспитание учащихся / Г.И. Баланюк. – М., 1960.
6. Баланюк, Г.И. Методика чтения публичных лекций на педагогические темы / Г.И. Баланюк. – М., 1961.

- 7.Баланюк, Г.И. Учебно-воспитательная работа в школах и группах продленного дня / Г.И. Баланюк. – Фрунзе, 1961.
- 8.Баланюк, Г.И. Выдающиеся педагоги прошлого о прочности знаний / Г.И. Баланюк. – Тула, 1970.
- 9.Баланюк, Г.И. Об одном из психофизических аспектов объективной методики выявления прочности знаний и навыков / Г.И. Баланюк. – М., 1971.
- Педагогические очерки.**
- 10.Баланюк, Г. И. Выдающиеся педагоги о прочном усвоении знаний / Г. И. Баланюк. – Тула, 1973.
- Серия методических плакатов.**
- 11.Баланюк, Г. И. Продленный день в школе / Г. И. Баланюк. – М., 1960.
- Научные статьи.**
- 12.Баланюк, Г. И. Место первичного закрепления знаний в процессе обучения / Г. И. Баланюк // Советская педагогика, 1954. – №4.
- 13.Баланюк, Г. И. Прочность и первоначальное закрепление знаний / Г. И. Баланюк // Советская педагогика, 1954. – №5.
- 14.Баланюк, Г. И. Обобщающий урок / Г. И. Баланюк // Сборник статей научной конференции. – Чита, 1957.
- 15.Баланюк, Г. И. Действие закона перехода количества в качество в учебно-воспитательном процессе / Г.И. Баланюк // Сборник научно-методической конференции Киргизского Государственного Университета. – Фрунзе, 1958.
- 16.Баланюк, Г.И. Некоторые особенности воспитания в период развернутого строительства коммунизма / Г.И. Баланюк // Сборник научной конференции профессорско-преподавательского состава КГУ. – Фрунзе, 1959.
- 17.Баланюк, Г.И. Винценты Оконь – «Процесс обучения» / Г.И. Баланюк // Советская педагогика, 1963. – №6.
- 18.Баланюк, Г.И. Создать новый курс педагогики / Г.И. Баланюк // Советская педагогика, 1963. – №2.
- 19.Баланюк Г.И. Педагогике – должное место в вузе / Г.И. Баланюк // Народное образование, 1963. – №8, стр. 27.
- 20.Баланюк, Г.И. О педагогической технике / Г.И. Баланюк // Советская педагогика, 1965. – №1.
- 21.Баланюк, Г.И. Система воспитательной работы в школе продленного дня / Г.И. Баланюк // Сборник научных статей четвертой научно-практической конференции по школам и группам продленного дня. – Тула, 1965.
- 22.Баланюк, Г.И. Л. Толстой об элементе искусства в обучении и воспитании / Г.И. Баланюк // Толстой как педагог. – Вып. I. – Тула, 1966.

- 23.Баланюк, Г.И. Ученическое самоуправление – важное звено / Г. И. Баланюк. – Тула, 1966.
24. Баланюк Г.И. Л.Н. Толстой о достижении глубоких и прочных знаний / Г.И. Баланюк // Толстой как педагог. – Вып. II. – Тула, 1968.
- 25.Баланюк, Г.И. Влияние контроля и оценки знаний на их прочность / Г.И. Баланюк // Сборник статей научной конференции, посвященной 30-летию ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тула, 1968.
- 26.Баланюк, Г.И. Развитие познавательных интересов и творческой активности учащихся 7 – 8 классов школ с продленным днем / Г.И. Баланюк. – Тула, 1969.
- 27.Баланюк, Г.И. Проблема прочности знаний в дидактических взглядах и педагогической практике Л. Н. Толстого / Г.И. Баланюк // Толстой как педагог. – Вып. III. – Тула, 1969.
- 28.Баланюк, Г.И. Изучение индивидуальных особенностей учащихся и осуществление индивидуального подхода как условие повышения эффективности обучения / Г.И. Баланюк // Социально-экономические и педагогические проблемы школ с продленным днем. – Тула, 1969.
- 29.Баланюк, Г.И., Новикова, А.Л., Красильникова, В.С. Некоторые методы и приемы достижения прочных знаний учащихся по иностранному языку / Г.И. Баланюк, А.Л. Новикова, В.С. Красильникова // Преподавание иностранных языков в школе, 1969. – №6.
- 30.Баланюк, Г.И. Н. К. Крупская об эффективности преподавания иностранных языков / Г.И. Баланюк //Английская филология. – Вып. II. – Тула, 1969.
- 31.Баланюк, Г.И. Внеурочная познавательная работа в группах (классах) продленного дня как важное условие достижения глубоких и прочных знаний в школе / Г.И. Баланюк // Социально-экономические и педагогические проблемы школ с продленным днем. – Вып. II. – Тула, 1970.
- 32.Баланюк, Г.И. Особенности изучения иностранных языков в школе с продленным днем / Г.И. Баланюк // Вопросы английской филологии. – Вып. III. – Тула, 1970.
- 33.Баланюк Г.И. Н.К. Крупская об изучении иностранных языков в школе / Г.И. Баланюк // Вопросы английской филологии. – Вып. III. – Тула, 1970.
- 34.Баланюк, Г.И. Принцип прочности в советской дидактике / Г.И. Баланюк // Советская педагогика, 1971. – №8.
- 35.Баланюк, Г.И. Воспитательно-развивающий аспект прочного усвоения основ наук / Г.И. Баланюк // Воспитание школьников, 1971. – №9.
- 36.Баланюк, Г.И. Примерная учебная программа для школьников – важное условие для глубокого и прочного овла-

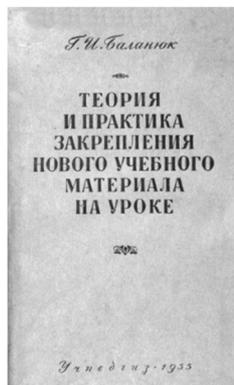
- дения знаниями / Г.И. Баланюк // Преподавание литературы в школе, 1971. – №8.
37. Баланюк Г.И. Прочное усвоение знаний как психолого-педагогическая проблема / Г.И. Баланюк // Вопросы психологии, 1971. – №6.
38. Баланюк, Г.И. Новая примерная учебная программа для школьников / Г.И. Баланюк // Новые исследования в педагогических науках. – Вып. II. – М., 1971.
39. Баланюк, Г.И. Прочные знания – каждому школьнику / Г.И. Баланюк // Народное образование, 1971. – №10.
40. Баланюк, Г.И. Сущность прочных знаний и основные пути их достижения / Г.И. Баланюк // Советская педагогика, 1971. – №9.
41. Баланюк, Г.И. Основные предпосылки формирования прочных знаний в процессе обучения / Г.И. Баланюк // Советская педагогика, 1971. – №9.
42. Баланюк, Г.И. Связь урочной и внеурочной воспитательной работы в условиях школьного продленного дня / Г.И. Баланюк // Педагогические основы развития школ и групп продленного дня. – Тула, 1973.
43. Баланюк, Г.И., Красильникова, В.С. Шире использовать возможности школ при обучении иностранному языку / Г.И. Баланюк, В.С. Красильникова // Иностранные языки в школе, 1974. – №2.
44. Баланюк Г.И. Проблема прочности знаний в концепции Ушинского / Г.И. Баланюк // Народное образование, 1974. – №2.
45. Баланюк Г.И. Урок – основная форма учебного процесса в средних специальных учебных заведениях. 1977.

**Продолжение библиографии и о персоналии
Баланюк Галины Ивановны:**

1. Питюков В.Ю. – Основы педагогической технологии. – М.: "Тандем", 1997 г., с. 13–15.
2. Богуславский М.В. – XX век Российского образования. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 330 с, с. 173–174.
3. Баланюк Г.И. – О педагогической технике. – // ж. Советская педагогика., 1965, №1, с. 125–130.
4. Баланюк Г.И. – Прочность знаний и место первичного закрепления знаний в процессе обучения. – // ж. Советская педагогика, 1954, № 5, с. 30-40.
5. Баланюк М.Г. – «Ученый, педагог, гражданин». // Тульский литератор № 6-7 (27–28), ноябрь 2008 г., Тула. с. 2.
6. Мальшева М. – «Оппонент «бездетной» педагогики» (95 лет Николаю Сорокину) // Тульские известия. № 253, 11 декабря 2008 г., с. 2.
7. Рагозин Ю.С. – «Педагог-новатор, мудрый советчик и друг» // Тула № 1 (895), 15 января 2009 г. Тула., с. 19.
8. Баланюк Г.И. – «Лев Толстой и советская школа» (30 лет статье, печатается по газете «Коммунар» – Тула 1979 г. – 7 сентября, с. 3.). – // Тульская правда № 36 (593) 9 сентября 2009 г., с. 8.
9. Баланюк Г.И. – «Прочность знаний в обучении». // Тульская правда № 48 (605) 2 декабря 2009 г., с. 8.
10. Баланюк Г.И. – «Книга о продлен-

ПУБЛИЦИСТИКА -196- ПУБЛИЦИСТИКА

- ном дне», // Коммунар, август 1972 г.
- 11.** Болдарев Н., профессор, Бондаревский В. – «Адресовано учителю». Новые книги // Коммунар, Тула 15 августа 1974 г., с. 3.
- 12.** Библиография литературы о Л.Н. Толстом 1962 – 1967, Москва, изд-во «Книга», 1972 г. Составители: Н.Г. Шеляпина, А.С. Усачева, Л.Г. Лисовская. Государственный музей Л.Н. Толстого. Баланюк Г.И. – 2739; с. 255, 313.
- 13.** Библиография литературы о Л.Н. Толстом 1968 – 1973, Москва, изд-во «Книга», 1972 г. Составители: Н.Г. Шеляпина, Государственный музей Л.Н. Толстого. Баланюк Г.И. – 938, 1664; с. 86, 152, 206.
- 14.** Библиографический указатель литературы о Л.Н. Толстом 1979 – 1984, Москва ИМЛИ РАН, изд-во «Наследие», 1999 г. Составители: Н.Г. Шеляпина, В.С. Бастрыкина, Н.М. Иванова, А.Е. Шебаева. Государственный Орден Трудового Красного Знамени музей Л.Н. Толстого. Баланюк Г.И. – 25; с. 9, 363.
- 15.** Баланюк Г.И. По ним учились поколения. Лев Николаевич Толстой и советский букварь // Приокские зори. – 2010. – №4. – С.246–248.
- 16.** Рагозин Ю. Очерки далеких лет. 3 часть: Есть только миг между прошлым и будущим – именно он называется жизнь // Наука с музами дружит: Литературно-художественный альманах. Вып. 2. – Тула. – 2010. – С.166–174.
- 17.** Гусев С. До последнего солдата // МК в Туле. – 2013. – 16-23 янв. – С.9.
- 18.** Баланюк Г.И. Толстой – педагог-учитель-ученик. – Тула. – 2013. – 49 с.

**Ирина
Никольская**
(г. Алексин Тульской
области)

Полынкина Ирина Юрьевна (Никольская) родилась 23 июня 1962 г. в г. Алексине. Окончила школу с отличием, институт с красным дипломом. Работает в управлении социальной защиты населения Алексинского р-на. Публикуется в газете «Православный Алексин». Член литобъединения «АЛЛО». Пишет по благословению протоиерея Андрея Чекмазова – Благочинного Алексинского округа.

**ГУБИТ НЕ РАБОТА,
А ЗАБОТА...**

*Все делайте от души,
как для Господа*

Так уж устроен человек, что не часто он задумывается о смирении... О смирении перед Богом... Такой неординарной мысли, вообще-то, трудно прийти в голову современному человеку, который в стремительной жизненной суете поглощен заботами и тревожностями, когда некогда даже отдохнуть или перемолвиться с соседом. Жизнь закручивает, поглощает и стирает... человека в его безудер-

жном движении вперед в осуществлении своих планов и с заботой о хлебе насущном. Но, как говорят мудрецы, губит не работа, а забота.

Вот здесь-то надо задуматься, порассуждать! Что мною владеет? Куда я мчусь? Что творится в моем сердце?

А если дела идут плохо? Если надломилась жизнь? Если душу не покидают тревога, озлобленность? Загнал себя человек, не видит выхода. И вот здесь приходит спасительная мысль... Человек! Ты не умнее Бога! Вспомни о Всевышнем, о том, что Он любит тебя и любит тебя до конца. Это не Господь от тебя отвернулся, а ты – от Него. Остепенись!

Любовь Божья все покрывает. Только надо успеть вспомнить об этой Любви. Прийти к Отцу. А все начинается со смирения и чувства благодарности. Трудно побороть суетливость, нервозность. Мир поглощает. Но знает об этом Вездесущий – как трудно человеку в его немощи, знает, как он устал, как трудно ему смириться и принять Промысел Божий о себе, успокоиться.

«Покой, что Я даю, не от мира сего, а Мною дается», – говорит Спаситель. А мы, грешные, ищем утешения у мира: в безумном накопительстве, в безмерной усладе и довольстве. И вдруг, имея все эти «блага», человек чувствует в своей душе пустоту и усталость, разочарование и

горечь. Мир не насыщает. Хорошо, если человек успевает это понять и измениться внутренне, преобразиться.

Человек обращает свой взор к духовному миру. И здесь им впервые, может быть, осознаются такие понятия, как терпимость, смирение, милосердие, сострадание к ближнему, упование на Бога, Его любовь и помощь. Живая вода этих добродетелей омывает иссохшую от страстей душу. Человек находит для себя успокоение, начинает обретать целостность и гармонию. Душа оживает и устремляется к Богу, к своему Творцу. Душа обретает силу. И в этом творческом единстве с Богом человек наконец-то находит покой и уладу. Он понимает, что истинные ценности заключены в его сердце, которое, только в постоянном устремлении к Создателю, находит подлинную свободу и радость, потому что все одухотворено Свыше.

Так преобразуется человек, преобразуется и его жизнь. Все становится осмысленным, а значит, у человека хватает сил на преодоление любых трудностей, ибо человек теперь не один. Он с Богом! Только смирился человек! Признай свою немощь! И почувствуешь, что в жизнь твою входит новая животворящая сила, наполненная любовью к тебе. Будь ее достоин! Не убегай! Не бойся! Господь близ!

ДОВЕРИЕ К СВОЕЙ СУДЬБЕ...

Редко встречаешь такие семьи, где в отношениях между родителем и ребенком незримо чувствуется какое-то присутствие света, возвышенной радости, тихости. Невольно и в тебя вселяются уверенность, покой и собранность, так как атмосфера в таком доме наполнена и подчинена чему-то очень главному.

Я долго искала ответ на этот вопрос. И выскажу свою точку зрения. Наверное, это – доверие к своей судьбе, как принято говорить в православных семьях – доверие к Промыслу Божьему, Его заботе о каждом и о тебе лично.

Такие христианские понятия вносят гармонию в отношения, помогают подняться над той личной бедой, которая по воле судьбы произошла в той семье, о которой я хочу дальше рассказать.

Надежда Ивановна одна воспитывает сына. Ему исполнилось 9 лет. Мальчик является ребенком-инвалидом. Диагноз сложный. Практически постоянное присутствие физической боли в силу заболевания. Но надо терпеть. Это понятие в сознание ребенка вложила его мама.

У нее самой была нелегкая судьба – поздние роды, забота о воспитании и содержании сына, скромный достаток. Ребенок требовал постоянного ухода и контроля. Маме пришлось оставить работу. Семья стала жить на скромную пенсию

бабушки, которая тоже нуждалась в уходе и заботе в силу возраста.

Но терпеть надо осознанно! А этому надо учиться. Вот и привела Надежда Ивановна своего сына в православную школу при Крестовоздвиженском храме по месту жительства. Все здесь понравилось Анатолию – и одежда священника, и убранство храма, и службы, которые вселяют в сердце светлую радость и благоговение. А еще знания... Преподаватели православной школы Орленко Валентина Чеславовна и Амилаханова Лариса Сергеевна с особой искренностью и заботой возделывают в детских душах любовь к Слову Божьему, разъясняют смысл и значимость евангельских заповедей любви. А полученные исторические знания и рассказы о жизни святых вдохновляют детей подчинить свою жизнь подвигу, который может проявиться и в самой обыденной ситуации в такой, как «терпеть боль».

Когда наблюдаешь за Анатолием, то в этом еще небольшом ребенке уже просматриваются незаурядность характера, самостоятельность мышления, внутренняя независимость и та сила, свойственная только тем людям, которые проходят или прошли через боль, страдания, которые сумели выстоять и победить себя – свои страхи, сомнения. Сумели выработать в себе те качества, которые не только помогают им жить, но и одухотворяют пространство, в котором они находятся.

С такими людьми сам становишься добрее, милосерднее и действительно начинаешь воспринимать жизнь как подарок – подарок Свыше.

Сейчас Анатолий твердо делится с окружающими своей мечтой – стать священником. Наверное, сердце ребенка за долгие часы церковных богослужений впитало в себя то жизненно важное, что именно ему помогает чувствовать себя полноценной личностью, которая ставит перед собой достойные цели и идет к их воплощению через самопознание, подвиг и Веру.

НА КАКОМ ТЫ ПУТИ?

Не ищите идеалов, ищите Бога!

У меня скоро день рождения! Мне 49 лет! Почти полвека! Что сделала я? Чего не доделала? К чему не приступила совсем?

Неисповедимы пути Господни! И в этом определенное таинство! Мое достижение в этом временном отрезке времени – что я признала Волю Божью. Я стараюсь ей подчиняться через заповеди Христовы, через таинства православной Церкви.

Я стараюсь идти вперед через осознание своих прегрешений, исправляя их. Бывает больно. Но надо вставать. Ибо знаешь – Господь близ. Он смотрит на тебя. Это дает силы. Или, может быть, ввер-

гает в бездну отчаяния? «Я не достойна, я не смогу!». Но вспоминаешь о милосердии Божьем к нам, грешным, о его помощи, о его Любви, и приходит в сердце умиление – «Милостив Господь!» Душа успокаивается, приходит в себя, она верит – «Господь не оставит, ибо Он благ».

Как не защищена душа человека, который не осознал силу и пагубность греха! Как он слаб в этой своей немощи! И как безобразен! Да, да! Ибо только через исполнение заповедей Божьих, то есть Воли Божией, нам дается свыше та удивительная благодатная творческая сила, которая, при содействии нашего сердца, способна преобразовать нашу жизнь, сделать ее осмысленной, цельной, гармоничной. Другого пути вырваться из-под власти греха нет!

Осознание – это очень важный момент в исправлении себя и своей жизни. Это отправная точка для дальнейшего совершенствования своего характера, когда человек понимает – «так больше нельзя!», «не хочу!», «надо что-то делать!». С этого крика души все и начинается! Главное – остановиться и понять. С кем ты? Один – со своим разрушительным своеволием? Или, наконец, принять и впустить в свою жизнь Высшее Руководство, которое осуществляет-

ся через исполнение человеком заповедей Божьих. Только при этом условии входит в сердце человека внутренняя свобода и полнота, дающие уверенность, защищенность свыше и радость.

Итак, каждый день возвращай в своем сердце терпимость, добродушие и благодарение всем тем ситуациям, через которые ты проходишь. Без Воли Божией ничего с тобой не происходит. Поэтому будь спокоен. И по ситуациям разумей – на каком ты пути? К Богу идешь – чтобы соединиться с Ним? Или бежишь от Него – чтобы жить своевольно, по страстям? И что уготовано тебе – блаженная Вечность или Юдоль плачевная?

Чистым будь, мой друг! Освяти свои мысли молитвой, освяти свое тело постом и молитвой, освяти свои поступки страхом Божиим! Поработай Господу! И увидишь, почувствуешь, что на душе станет светлее и радостнее. А значит, ты на правильном пути! Значит, услышан ты Господом, и твой труд не напрасен! И жизнь наполняется созиданием себя, как личности, полноценной и целенаправленной! Появляется радость в глазах, легкость и парение сопровождают тебя! Ты счастлив! ТЫ БЛАГОСЛОВЕН! ТЫ С ГОСПОДОМ!

Валерий Маслов (г. Тула)

Маслов Валерий Яковлевич — член Союза писателей СССР и России. Членский билет с собственноручной подписью ему вручал Сергей

Михалков. С 1976 года является членом Союза журналистов СССР и России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Кавалер медали Ордена «За заслуги перед Отечеством». Директор Тульского отделения Литературного фонда России. Лауреат многих литературных премий. За патриотическую направленность своих произведений награжден памятной медалью «100 лет со дня рождения М.А. Шолохова». Автор 30-ти книг художественной прозы. Произведения стали бестселлерами и многократно переиздавались большим тиражом. Некоторые из них переведены на другие языки. В 2014 году о творчестве писателя вышла книга «Тульский феномен».

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОРУЖЕЙНИК

Сергей Иванович Мосин — русский конструктор и организатор производства стрелкового оружия, генерал-майор русской армии. Годы жизни: 1849 — 1902. Родился в селе Ра-

монь Воронежской губернии, в семье отставного офицера. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию. С 1875 по 1894 год работал на Тульском оружейном заводе. В течение девяти лет занимался конструированием различных систем магазинных винтовок. Винтовка тульского изобретателя Мосина была принята на вооружение нашей армии и безотказно служила многие десятилетия, включая Великую отечественную войну 1941-1945 г.г.

Награжден русскими орденами св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Владимира 3-й и 4-й степени, а также зарубежными орденами.

Тулу во всем мире знают, пожалуй, по двум причинам. Первая связана с мировым гением литературы Львом Толстым, написавшим многие свои бессмертные произведения в тульской Ясной Поляне. Вторая — это знаменитое тульское оружие.

Как-то в туристической поездке по Ирландии я заблудился в ее столице Дублине. Решил поинтересоваться, как проехать к моему отелю у двух ирландских школьников, которые стояли рядом со своим автомобилем. Те, поняв, что перед ними иностранец, решили меня подвезти. Поинтересовались, откуда я.

— Из Тулы, — гордо ответил я, уверенный, что этот полумиллионный город России знают везде.

И ошибся: школьники о Туле не имели ни малейшего понятия. Тогда я принялся объяснять, где это, что, впрочем, тоже мало помогло. Исчерпав знания английского, уже, почти безнадежно, произнес:

– Тульское ружье, Левша...

– О, – обрадовались ирландцы. – Это мы изучали в школе. Ваш Левша нашу аглицкую блоху подковал!

Вот так, легендарная оружейная история нашего города дала мне возможность возгордиться Тулой и ее знаменитыми умельцами. А история эта древняя, интересная и легендарная. Еще в 1599 году в Туле были поселены первые тридцать профессиональных оружейников, которых называли тогда самопальными мастерами. И не потому, что они изготавливали плохую продукцию, вроде самопальной водки. Оружейники поставляли казне пищади такого высокого качества, что им были даны по обельной грамоте особые права. По этой грамоте государевы люди – оружейники – навсегда освобождались от податей и повинностей. Такой статус в чем-то поднимал их даже выше чиновников. Когда начиналась война, на службу брали дворян и боярских детей, но оружейников не трогали. Число их постепенно росло, они стали образовывать отдельные оружейные общи-

ны и цеха, выделяющие то или иное оружие.

Русский царь Михаил Федорович для развития оружейного производства в Туле решил, говоря современным языком, привлечь иностранные инвестиции. В 1632 году голландский купец Андреас Винниус, получив от царя жалованную грамоту, основал близ Тулы железодельный завод для изготовления ядер и пушек. Вскоре, также около Тулы, голландцами Акемой и Марселиусом был построен другой завод для изготовления оружия. Они выписали из-за границы литейщиков, молотобойцев, оружейников и других специалистов и, за право построить заводы обязались обучить заводскому делу русских мастеровых.

Затем к делу подключились русские купцы и промышленники. В 1695 году Никита Демидов основал частный оружейный завод. А через несколько лет возник и первый «Казенный оружейный двор». В знак благодарности туляки, правда, уже в наши дни, воздвигли, рядом с памятниками императору Петру I, легендарному мастеру Левше, также памятник купцу Демидову. Недалеко от них разместился и памятник знаменитому изобретателю С.И. Мосину, о котором у нас пойдет речь в этом очерке. Если учесть, что все эти памятники находятся в шаговой доступности от Кремля,

самого оружейного завода и украсившего город нового здания-шлема музея оружия, то можно сказать, что в Туле появилось своеобразное пешеходное туристическое кольцо по историческим местам оружейной столицы России. Правда, для этого надо хотя бы обустроить улицу Металлистов, разместить в нижних этажах исторических старинных зданий кафе, сувенирные лавки и прочую туристическую инфраструктуру. Но на это у нас, как всегда, нет денег.

Однако вернемся к истории развития оружейного производства в Туле. На государственном уровне оно началось еще в 1712 году, и не случайно, что именно в этом году мы отмечаем трехсотлетний его юбилей. Тогда именным указом Петра I была учреждена первая казенная оружейная фабрика, которая и стала основанием современного Тульского оружейного завода. В своем Указе государь отмечал: «Для лучшего в том ружейном деле способу, при той оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, а палаши и ножи точить водою». Фабрика начала работать через два года и вскоре здесь трудилось уже около 1200 оружейников.

Отмечая трехсотлетие оружейного производства в Туле, нельзя

забывать и о другой юбилейной дате, связанной с отцом-основателем казенного производства. 9 июня 2012 года исполнилось 340 лет со дня рождения Петра Первого Великого – русского царя, российского императора, полководца, дипломата. Именно этот первооткрыватель многих преобразований в России держал под постоянным контролем оружейное производство в Туле. Знавший цену оружейным мастерам, Петр не только покровительствовал тулякам, но и выделял значительные средства для развития производства. В Тулу направлялись водяные машины, «вертельные» станки, точила, молоты, проверочные калибры и другое современное по тем временам оборудование. В результате впоследствии тульское оружие было признано эталонным.

Первоначально ТОЗ производил исключительно военное оружие для нужд Российской армии. Однако во второй половине восемнадцатого века, на которую приходится расцвет тульского оружейного мастерства, необычайно возрос спрос на художественно украшенное оружие и партикулярные изделия. И туляки вновь удивили мир: они изобрели удивительную по своему изяществу «алмазную грань» на металле и множество других секретов отделки изделий из металла и дерева.

Тульский оружейный Императорский завод вот уже триста лет выпускает отменные изделия. И всегда у них были свои авторы, Лица, с большой буквы, завода. Таким был и знаменитый оружейник Сергей Иванович Мосин. Интересна история, которая связала его с нашим городом. История настоящей, на многие годы, любви.

Сергей Иванович – не туляк. Он родился далеко отсюда, в селе Рамонь Воронежской губернии. А сменить местожительство и приехать в Тулу его заставили обстоятельства семейного характера: отец долгое время служил тульскому помещику Арсеньеву. Во время последней поездки к отцу он увидел, как тот постарел, как сдали силы Ивана Игнатьевича. И Сергей понял, что надо быть ближе к отцу. Но было здесь и иное обстоятельство, которое стало сильнее чувства сыновней любви.

Мосин слыл среди товарищей «научным сухарем» и «схимником», который увлечен только научной работой. Но во время одной из поездок в имение Арсеньевых он влюбился в проживающую у помещика Варвару Николаевну. Правда, она была замужем за Николаем Арсеньевым, сыном хозяйина поместья, к тому же, воспитывала двух маленьких сыновей. Но это не остановило «научного суха-

ря». Сергей Иванович видел, что Варвара ведет затворнический образ жизни, ее муж в основном пропадает в Москве и Петербурге, и потому предположил, что вряд ли она счастлива в таком браке.

Ему тогда было тридцать лет, – возраст, по тем временам, немалый. Помню, как я удивился, когда в одном из рассказов Антона Чехова прочел такую фразу: «В комнату вошел старик тридцати лет». Но, видимо, гений бывает талантлив и одержим во всем. Вспомним хотя бы другого нашего именитого земляка Льва Толстого, который мог и прекрасно творить, и горячо любить.

И вот летом 1879-го года произошло объяснение в любви между молодыми людьми: оба поняли, что не могут жить друг без друга. Но сколько же препятствий нужно было преодолеть влюбленному Сергею, чтобы получить Варвару в жены! Началось с того, что объяснение Мосина с мужем Варвары миром не закончилось: он вызвал того на дуэль. Трусливый муженек тут же настроил жалобу начальству, и Сергея Ивановича посадили на трое суток под домашний арест.

Мосин отсидел положенный срок, но от своего не отступился. В помещении Дворянского собрания, в присутствии множества свидетелей, он повторил вызов. Муж написал новую жалобу, и Мосина

посадили уже на две недели домашнего ареста. Пришлось на время смириться, тем более, что у него, к тому же, пока не было достаточно средств, чтобы устроить переезд и свадьбу с Варварой.

За долгих последующих четыре года Сергей Иванович накопил достаточную, на его взгляд сумму, чтобы приступить к устройству своего счастья. И он приехал к Арсеньеву с новой просьбой о расторжении брака. Но его ждало огромное разочарование: муж Варвары оказался не только трусливым, но и жадным и алчным. Он, в обмен на развод, потребовал с Мосина пятьдесят тысяч рублей – деньги, по тем временам, огромные (корова стоила пять рублей). Таких средств у нашего героя, разумеется, не было.

Что бы сделал на его месте любовью другой, разумный человек, тем более, что с момента его любовного объяснения с замужней женщиной прошло восемь лет, у Варвары было уже трое детей, а муж, хоть и не любил жену, просто так отступать от нее не хотел? Правильно, смирился и зажил бы прежней жизнью. Но не таков был наш герой, чтобы сдаваться перед обстоятельствами. В это время он работал начальником инструментальной мастерской Тульского оружейного завода. И именно любовь к женщине, единственная и неповторимая, которую он пронес через

многие годы, подвигла на подвиг, впоследствии обессмертивший имя Мосина. Чтобы заработать нужную сумму на развод и стать мужем Варвары, он решил изобрести такое оружие, которому бы не было равных в мире. Еще долгих восемь лет потребовалось Мосину, чтобы создать свою винтовку, которая дала необходимые средства для соединения с Варварой Николаевной. В 1891 году, спустя шестнадцать лет после первой встречи, их судьбы, наконец, соединились.

Справедливости ради, надо заметить, что подобная история, связанная с любовью к женщинам и тульским оружием, в славной истории мастеровой Тулы далеко не единична. В «Тульских губернских ведомостях» описан случай любовной истории сына слесаря оружейного завода Павла Лепехина. Он посватался к дочке мастера Дарье. Отец невесты, в качестве испытания, предложил жениху смастерить ружье, самовар, шкатулку с секретом или другой хитрый предмет. Тот делал на заводе револьверы и опыт имел. Он преподнес отцу невесты любопытную конструкцию: металлическую пудреницу на стальном диске, которая вращалась и содержала в себе семь ячеек с пудрой. Подарок так понравился отцу невесты, что он решил его продать и заработал на этом много денег. А счастливый

претендент на руку дочери сыграл богатую свадьбу.

Так в Туле создавались оружейные династии, прославившие город на весь мир. Много славных имен вписано в историю завода. Но одно из самых значимых, конечно, имя Сергея Ивановича Мосина, о мастерстве которого ходят легенды. Ведь его знаменитая винтовка, которая так и называется «Винтовка Мосина», прослужила царской империи и стране Советов долгих шестьдесят лет и была снята с производства совсем недавно, в 1974 году.

Надо отметить, что история создания этой винтовки и ее становления была, пожалуй, не менее драматична, чем история любви к Варваре самого Мосина. Какие только препятствия не ставились на ее долгом пути! Первый образец был утвержден еще в 1891 году. И назвали ее «Трехлинейной винтовкой образца 1891 года». Это был первый случай, когда оружие было названо не именем его создателя. Хотя безотказное оружие Мосина получило на Всемирной выставке в Париже премию Гран-при, мировое признание и прослужило верой и правдой родному Отечеству целых долгих шестьдесят лет! Причем после долгих испытаний в соперничестве с оружием знаменитого бельгийца Л. Нагана предпочтение было отдано именно ту-

ляку. И по праву! За долгие последующие десятилетия инженерная мысль так и не смогла изобрести оружия более совершенного. Из этой винтовки уничтожали немцев даже в грозном 1941-м, в том числе, при обороне Тулы.

До изобретения Мосина на вооружении стояло ударно-капсульное гладкоствольное ружье, с которым наша армия вступила в Крымскую кампанию. Именно тогда защитники Севастополя наглядно убедились, что нарезные штуцера противника стреляют быстрее и чуть ли не втрое дальше наших ружей. Винтовка, изобретенная Мосиным, была признана лучшей из 119 других систем, а одним из самых удачных решений стала конструкция безотказного реечного магазина на восемь патронов. Восхищенные специалисты французской фирмы «Рихтер» предложили Мосину 600 тысяч франков за право использовать этот магазин для их продукции. Но он отказался, сказав, что его изобретение должно служить России. И это, напомним, в то время, когда перед ним остро стоял вопрос, где достать ту злосчастную сумму денег, за которую предложил «выкупить» свою жену муж Варвары!

Однако благодарное отечество не спешило признавать успех своего конструктора. Были назначены сравнительные испытания винтовок Мосина и конкурирующего с

ним детища бельгийского изобретателя Нагана, которую промышленная Европа активно сватала русской армии. Высокая комиссия выявила громадные преимущества мосинской винтовки перед бельгийской. Она была проста и чрезвычайно надежна, била в цель на расстоянии четырех верст, да еще стреляла бездымным порохом и не демаскировала стрелявшего перед противником. Однако император Александр III вычеркнул из названия не только фамилию Мосина, но и слово «русская». Осталось просто и незатейливо – «Винтовка образца 1891 года». Только после этого Мосина наградили орденом Владимира и вручили премию в тридцать тысяч рублей. Вот на эти-то деньги и создал Сергей Иванович, после шестнадцати лет мытарств, семью с Варварой, с которой счастливо прожил остаток жизни.

Справедливости ради, надо заметить, что и в советское время Родина, всю эксплуатирующая детище Мосина, не очень-то трепетно относилось к его памяти. Именем изобретателя назвали в Туле Старопавшинскую улицу, на которой он никогда не жил. А вот дом на улице Пушкинской, в котором он проживал с семьей, не пожалели и снесли. Да и памятник конструктору, поставленный в скромном скверике на задворке возле завода, не раз страдал от рук

вандалов. Помню, с каким изумлением я как-то взирал на этот памятник, у которого неизвестные похитили все четыре чугунных ружья!

Весной 1941 года газета «Коммунар» опубликовала интересные воспоминания оружейника-конструктора И.А. Пастухова, которому посчастливилось работать вместе с Мосиным. Вот отрывок из этой статьи:

«...Тогда мне не было полных двадцати лет. После окончания реального училища я работал у механика оружейного завода. Нас, чертежников, было всего двое: Васильев, и я, его помощник. Дело наше было простым, необременительным. Требовали с нас, надо сказать, мало. Так продолжалось недолго. Я не отслужил на заводе еще и года, как меня пригласил к себе капитан Сергей Иванович Мосин.

Я хорошо запомнил этот день. Пожилой, коренастый военный с полным лицом вошел в кабинет механика, поздоровался и, улыбаясь, сказал низким густым голосом:

– Знаете что, отдайте мне этого мальчугана.

Такая фраза, не скрою, слегка обидела меня. Я считал себя вполне взрослым человеком, звание чертежника вызывало уважение со стороны моих сверстников.

Сергей Иванович показался суро-

вым и замкнутым человеком только вначале. Позднее, я обнаружил в его характере черты простоты, душевности и даже благодушия. Однако во всем, что касалось оружия, он был упорным и несговорчивым. Мне приходилось и раньше слышать, что Мосин изобретает новое ружье. В его мастерскую никого не допускали, редко, кто заглядывал и в его кабинет.

И вот в это святилище я, еще мальчуган, по словам капитана, отныне входил как свой человек. Немудрено, что обида сменилась чувством признательности и теплоты.

В мастерской у Мосина работало трое. Это были оружейники Санаев, Земцов и Сенопальшков – потомственные рабочие-туляки, умелые и опытные слесари. Но слесари порой сердились на капитана. Если дело шло о точности деталей, Мосин проявлял исключительную требовательность и даже придирчивость. В те времена часто работали «на глазок» и «на ощупь». Едва ли не единственной мерой точности была толщина ходовых монет. Старший мастер Гольяков так и указывал: «Сними-ка тут на «гривну», «на семишник», на «трынку».

Не таков был Мосин. Кажется, еще во время своего заграничного путешествия он вывез из «европ» штангель-циркуль. Это был единственный на заводе точный мери-

тельный инструмент, позволявший отмечать даже тысячные доли дюйма. Он приносил много беспокойства и слесарям, и чертежникам.

Придет Сергей Иванович к нам, положит на стол рисунок, на котором уже поставлены размеры, сообразованные с сопряженными деталями, и мы вычерчиваем рисунок на ватмане. Каждая часть винтовки, каждая деталь проходила долгий путь. Помнится, много пришлось повозиться с курком. Он не походил на все курки, известные прежде, и разве что имел некоторые общие черты с курком французского конструктора Лебеля.

– Сделайте так, – говорил Сергей Иванович, – чтобы курок повертывался налево и мог становиться на предохранитель.

Так Мосин, будучи точным и требовательным, одновременно давал нам, скромным чертежникам-оружейникам, простор для личной инициативы. Он крепко верил в силы и способности простых людей из народа. Особенно памяты дни, когда мы окончательно вычерчивали на коленкоровой кальке конструкции нового оружия. На каждом чертеже было подписано: «Винтовка капитана Мосина».

В самый разгар этих работ мне довелось побывать на охоте. Я подстрелил кулика. За убитой птицей на-

до было идти по холодной весенней воде. Я простудился и вечером уже лежал в жестоком жару. Тревожные мысли заполняли большую голову. Подведу ведь Сергея Ивановича, подведу!

Выздоровливая, я продолжал думать о Мосине и его оружии. И когда Сергей Иванович стал присылать мне для черчения кое-какие детали на дом, я с прежним увлечением выводил на ватмане тушью имя изобретателя.

Вскоре я уже был на заводе. Меня, понятно, не посвящали во все дела, связанные с новой винтовкой, но о многом приходилось догадываться самому. Когда в Тулу приехала комиссия полковника Сокернина, рабочие говорили в мастерских:

– Ехидные люди пожаловали к нам, спорят с самим Сергеем Ивановичем...

Припоминается один характерный штрих. Сокернин, передавая нам некоторые чертежи для переработки, «забывал» указывать на них фамилию конструктора. А мы, чертежники, ее регулярно вписывали. Когда же приступили к окончательной копировке чертежей, Сокернин на первом же листе вычеркнул всем знакомую надпись: «Винтовка капитана Мосина» и сказал:

– Ставьте просто: «Трехлинейная винтовка образца 1891 года».

В недоумении мы обратились к Мосину:

– Сергей Иванович, как же так?

Он безнадежно махнул рукой...

Когда Сергей Иванович получил наградные, он обошел всех своих помощников и с каждым поделился. Подарил он и мне 25 рублей. В те времена завод на такую награду никогда не расщедривался».

Из Тулы Мосин уехал в 1894-м году, получив назначение директором Сестрорецкого оружейного завода. Он прожил в нашем городе двадцать лет. В год празднования 300-летия тульского оружейного производства в Туле, наконец-то открыли великолепный, в виде гигантского шлема, музей оружия. В 2014-м году на Аллее славы знаменитых оружейников, открытой рядом с Музеем оружия, был установлен бюст Сергея Ивановича Мосина. Кстати, бюст был создан на средства Тульского оружейного завода. Хочется надеяться, что в новом музее найдется достойное место большой экспозиции не только о талантливом изобретателе лучшего в мире оружия. Но и о человеке, история любви которого достойна восхищения, памяти и подражания. Любви, благодаря которой мир получил шедевр военной мысли. Ради своей Вареньки он дважды шел на дуэль, сидел под домашним арестом, не испугался взять троих пасынков. Он

до конца жизни любил только одну женщину. Ведь недаром говорят, что, если не любишь слишком, беззаветно, самоотверженно, значит, любишь недостаточно. И Сергей Иванович Мосин всей историей своей легендарной жизни подтвердил это золотое правило.

Рагим Мусаев (г. Тула)

Родился 6 ноября 1977 года в г. Богородицке Тульской обл. Получил два высших образования в области юриспруденции и государственного и муниципального управления. Подполковник юстиции, служит в Следственном управлении УМВД России по Тульской обл., преподает в ВУЗе. Автор более десятка научных публикаций и научно-практических пособий. Член литературного союза «Полоцкая ветвь». Постоянный автор журнала «Приокские зори». Издано две книги. За «Семейное расследование» получил 1-е место во Всероссийском конкурсе на лучшее произведение о работе следователя в номинации «Журналистика и литературная публицистика».

КАК УКРАСТЬ СВЯТОГО?

Шестьсот лет стоит на земле тульской Венев-монастырь. По преданию, монахи-отшельники стали селиться в расположенных неподалеку пещерах задолго до основания

обители. Одним из первых настоятелей монастыря стал игумен Петр – ученик Сергия Радонежского. Неоднократно здесь бывал и сам Сергий. Его посох, кресло и власяница сохранялись в монастыре до революции 1917 года.

В советские годы монастырь закрыли, но Николо-Успенская церковь продолжала действовать. Именно в нее в ночь с 3 на 4 июля 2007 года проникли неизвестные. Свято хранимые монашками древние образы не разочаровали гостей. Еще бы! Иконы в серебряных и позолоченных окладах, старопечатные Евангелие и прочая церковная утварь, относимая искусствоведами к XVII – XIX векам, представляли не только художественную и культурную, но и немалую материальную ценность. Позднее следствие оценит похищенное более чем в миллион рублей.

Самое поразительное, что в числе прочего церковного имущества злоумышленники похитили ларец с почитаемыми мощами Святителя Пимена, совершив одну из самых необычных и циничных краж. Архиепископ Новгородский и Псковский Пимен – один из незауряднейших деятелей своего времени. Обладая большим весом в государстве той поры, именно он возглавлял в 1556 году делегацию в Александровскую слободу, упрашивавшую Ивана Грозного вернуться на царство.

Опасаясь влияния Пимена, Иван Грозный обвинил его в измене, лишил сана и сослал в Венев-монастырь, в подвале которого его замуровали в каменный мешок, где можно было только сидеть. Долгого заточения Пимен не вынес, скончавшись в молитвах через год. Именно в этом каменном мешке за решеткой и находился похищенный ларец с мощами Пимена.

Мощи Святителя вместе с другими вещами были погружены в обычную легковушку, которая немедленно скрылась в южном направлении. Лишь на рассвете пришедшая на молитву монахиня Елизавета увидела, что с дверей храма исчез замок, а вместе с ним и почти все иконы иконостаса. О случившемся монахиня сразу же сообщила настоятельнице матушке Алексии, которая позвонила в отдел внутренних дел. Задача его сотрудников осложнялась тем, что с момента совершения преступления прошло несколько часов, за которые преступники не только могли скрыться, но и спрятать или продать похищенное.

Монахиня Елизавета вспомнила, что дня за три до кражи во время экскурсии молодой человек интересовался иконостасом, расспрашивая о возрасте и происхождении икон. Проницательная монахиня видела, что веры у парня нет, но его знание икон поражало: он расспрашивал о

вещах, которыми никогда не интересуются обычные посетители. По первоначальной информации были разосланы ориентировки.

Уже днем 4-го июля на подъезде к Воронежу сотрудниками Госавтоинспекции был остановлен легковой автомобиль под управлением жителя Белгорода Литвинова, буквально набитый старинными иконами и церковной утварью. Воронежских дорожников насторожила и нехарактерная для их черноземов грязь желтого цвета, которой была запачкана машина и джинсы Литвинова. А когда после обнаружения на обороте одной из икон отметки «Венев-монастырь» Литвинов предложил в дар сотрудникам 10 тысяч и мобильник, все стало ясно.

Задержанный сразу же заявил о своей непричастности к преступлению. При отсутствии прямых доказательств, казалось, что версия Литвинова о том, что изъятые иконы его просто попросили подвезти, неопровержима. Да, рядом с храмом изъят след протектора шины, но никакими индивидуальными признаками он не обладал. Мало ли на наших дорогах автомобилей ВАЗ 21083. В монастырь народ едет с самых разных мест. Не было и отпечатков пальцев, которые однозначно могли бы говорить о присутствии конкретного человека.

За пару дней до кражи собака, охранявшая монастырь, сдохла. Позднее ветеринар подтвердил, что единственного сторожа обители отравили. Венев-монастырь расположен за городом, от монашеских келий до храма метров 50. Ко всему прочему, в ночь преследования по крытой железом крыше келий стучал дождь, так что ночной визит было трудно не только увидеть, но и услышать.

Но для настоящего следователя трудности – всего лишь повод проявить себя. Именно это блестяще продемонстрировал заместитель начальника следствия Венева Александр Юрьевич Киреев. Милицкий следователь, разменявший третий десяток лет службы, работал энергично и тщательно. Детальные осмотры изъятого выявили ряд совпадений. Через день после преступления послушница Мария, убиравшаяся на монастырском кладбище, нашла замок с двери храма с перекушенной дужкой. Назначенная следователем экспертиза подтвердила, что для взлома использовались механические ножницы, изъятые в машине Литвинова.

Совпадали отпечатки ткани, изъятые в алтаре, с тканью перчаток, изъятых у задержанного. Совпадали волокна, изъятые с дверей храма и места хранения мощей, с волокнами джемпера Литвинова. Но все эти косвенные доказатель-

ства не могли однозначно свидетельствовать о том, что задержанный был в монастыре и вывез из него иконы.

Опытный следователь Киреев еще в ходе осмотра места происшествия зафиксировал на камне близ храма следы наслоения серебристого металла. В пыли рядом с камнем нашелся и неприметный фрагмент металлической детали. Сами по себе эти обстоятельства вроде бы ничего не доказывали, но так казалось до того момента, пока Александр Юрьевич в буквальном смысле не залез под изъятую машину.

Заключение эксперта подтвердило, что обнаруженные на камне наслоения металла и материал изъятых там же фрагментов металла имеют однородный химический состав и ранее составляли единое целое с рычагом подвески автомобиля Литвинова.

Собранные доказательства позволили предъявить задержанному обвинение в совершении довольно редкого для тульского края преступления – хищения предметов, имеющих особую ценность. Суд избрал в отношении него меру пресечения в виде содержания под стражей. Но на задержании преступника история с монастырскими иконами для следователя не закончилась.

Неправильная транспортировка и перепады температурного ре-

жима не прошли даром для старинных икон. К тому же во время кражи шел дождь. На многих иконах начал отслаиваться левкас, осыпались старинные краски. Следователь должен был немедленно остановить дальнейшее разрушение. По рекомендации искусствоведов иконы были возвращены в место постоянного хранения – в монастырь. Мистика или совпадение, но разрушение прекратилось.

Безработный Литвинов так и не признал себя виновным, однако возместил монастырю четверть миллиона рублей на восстановление поврежденных икон. Учитывая это, Веневский районный суд приговорил его к 9-ти годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Жалобу Литвинова на суровость приговора Тульский областной суд рассмотрел, но приговор Веневского суда оставил, изменять не стал.

Интересно, что первое упоминание о Венев-монастыре связано с легендой о раскаявшемся преступнике. В 1406 году смоленский князь Юрий, влюбившийся в жену князя Симеона Иулианию, попытался склонить ее к прелюбодеянию, но получил отказ. Тогда он убил ее мужа, надеясь овладеть княгиней

силой, на что Иулиания ответила ударом ножа. Разозленный Юрий отрубил ей руки и ноги, а тело бросил в реку. С тех пор Иулиания почитается как святая мученица.

Гонимый совестью убийца нигде не мог найти покоя и в конце концов пришел в Венев-монастырь, где провел остаток жизни в слезах и покаянии. Получив благодаря полному раскаянию и смиренной жизни всевышнее прощение, Юрий скончался, после чего был причислен к лику местночтимых святых. Дела давно минувших лет.

Сможет ли похититель святых мощей найти покой в XXI веке?

Галина Клинкова (Волгоградская область)

Учитель-словесник. В прошлом – литературный сотрудник в районной газете «Звезда». Автор книги по страницам газет военной поры «Как в прошедшем грядущее зрело...» Печатается в альманахах: «Ковчег», "НЛО" и «На крыльях Пегаса», в детском журнале «Пегасик». Очерк «Мой Лермонтов. Откровения словесника» получил 1-ю премию в конкурсе «Избы-Читальни» (2014 г.)

ДОМИК ОКНАМИ В САД...

Июльской ночью, наполненной цветочным ароматом и разлившейся в тишине нежностью, вдруг раздался тревожный телефонный звонок: «Мама в больнице!» Сразу будто остановилось, замерло время. Как и сердце, внезапно сжавшееся. Только через мгновения, те самые, – превращающие секунды в жестокую вечность, – обретаю возможность дышать. Все мысли сосредоточиваются на одном: «Лишь бы мама жила!»

На столе стоит в простой овальной рамке ее фотография. Мне всегда кажется, что мягкий свет затененной абажуром лампы согревает родной образ, защищает от любых несчастий. Я беру в руки, глажу теплую фотографию. На меня смотрят с детства бесконечно дорогие, понимающие боль и страдание глаза. Сразу нахлынули воспоминания. Путаясь, наслаиваясь друг на друга. И все прошедшие дни кажутся совсем недавними...

Отодвинув штору, встала у окна. Следов долгожданной утренней зари нет и нет. Только тьма. Как на черном бархате, россыпью бриллиантов мерцают звезды. Таинственная, величественная красота. Вдруг тревожным эхом отзывается в душе мгновенная картина:

падающая звезда прожигает черту на небосклоне, уходя в свой последний полет.

Приглушенно работает радиоприемник. Информационные материалы «Маяка» периодически сменяет музыка. Но все звучащее проходит мимо, как постороннее, не касающееся тебя. И вдруг – песня братьев Радченко: «Домик окнами в сад. Там, где ждет меня мама». Не раз ранее слышанная, она сейчас совпала с личной жизненной ситуацией, почти осязаемо «прикоснулась» к сердцу.

В томительные предрассветные часы эта песня звучала еще несколько раз и воспринималась уже как талисман. Мягкие, проникновенные голоса певцов успокаивали, поддерживали надежду: ждет, еще ждет...

И вот я рядом с мамой в реанимационной палате районной больницы. Держу, согревая в ладонях, ее легкую руку и смотрю на бегущие в прозрачных системных трубках капли, несущие жизнь. Более полувека мама, врач, спасала, выхаживала больных. Работала самоотверженно, не жалея собственного здоровья. Теперь впервые она на больничной койке, в руках коллег.

Тогда оставленного себе на самом доньшке запаса жизненных сил маме хватило, чтобы все обошлось благополучно. Но уже семь лет нет ее с нами.

...Осенним октябрьским днем мы с сыном идем на кладбище. Небо в вышине свинцовой окраски. Накрапывает дождь. Тихо, хмуро вокруг. Молчим и мы, думая об одном, но каждый по-своему.

Вот она – «оградка во мгле». Слова из той же песни братьев Радченко. В ночь, которая казалась неслончаемой, они проходили «неслышимом» сквозь сознание, которое держалось только за «ждет»... Материализовавшись, став явью, со дня похорон так и остались в песенном тексте для меня поврозь. Горькую реальность моя душа не хочет принимать.

Такое живое лицо смотрит с фотографии на памятнике. Мама и здесь – ждет. Тот же заботливый взгляд, что под серебриющимся стеклом в рамке на столе... Рядом с мамой всегда островок тепла и покоя, в любую погоду.

Мокрые хризантемы белым снегом ложатся к подножию памятника, роняя слезы на холодный мрамор.

...Проходят годы, а песня, в которой так жизненно соединились слова, мелодия, голоса певцов и чувство кровной близости к человеку, все дороже и дороже. Услышу ее – будто мама меня окликает. И не рука в руке, но опять рядом она – не имеющий цены оплот мой в самый нелегкий час.

Я БУДУ ЖИТЬ ДОЛГО...

«... Нельзя забыть подвиг секретаря ВЛКСМ медсанбата 34-й гвардейской дивизии Наташи Качуевской».

(Из книги воспоминаний Командующего Сталинградским фронтом маршала А.И.Еременко)

Их тогда не было, моих учеников, когда горела земля нашей Родины. Они не слышали и не видели ужаса сороковых – роковых... Но, чтобы воспитать в себе совесть человеческую, естественное чувство патриотизма, необходимо знать и помнить тех, кто в огне сражений защитил твое будущее. Перед знаменательной февральской датой заседание кружка «Литературная мастерская» мы посвятили Наташе Качуевской – юной героине, подвиг которой бессмертен. Знакомство с электронными версиями различных документов, фотографиями, а также уникальными информационными материалами, представленными главным хранителем экспонатов Музея гигиены и истории здравоохранения Волгоградской области Валентиной Владимировной Ченегинной, заставило трепетать – детские сердца... Ведь коснулось их то, что всегда называется святыней.

...Демонстрирую на дисплее ноутбука небольшой фрагмент (начало) документального фильма «Оборона Сталинграда» из советско-американ-

ской киноэпопеи «Великая Отечественная». Торжественно-взволнованно звучит за кадром голос Василия Ланового. Один из самых волнующих моментов – когда после скульптурной композиции «Скорбь Матери» мы видим, как в унисон в замедленном темпе произнесенным словам: «Современная пьета – воплощенное в камне материнское горе. Материнское горе...» поднимается по ступеням в зал Воинской славы пожилая женщина... В ее руках несколько скромных роз. Она идет мимо почетного караула к противоположной стене. Артист поясняет: «В пантеоне Мамаева кургана навечно высечено имя ее дочери – медсестры Наташи Качуевской. Погибла в боях за Сталинград. Песчинка среди тысяч других имен. Для матери – единственное имя...» Женщина не отрывает взгляд от мозаичного траурного знамени №24 – на весь экран даны наполняющиеся слезами глаза... Прижимается щекой к стене под ним, плачет... Вдруг раздается оглушающий грохот взрывов снарядов, гул самолетов, отрывистые команды на немецком языке – будто наяву она слышит бой... Неожиданно появляются кадры кинохроники – реальная, зловещая картина войны...

«...В БЕССМЕРТЬЕ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ УШЛА»

Астраханское направление значилось левым флангом Сталинградского фронта. В безводной, плоской, как стол, равнине, где ни кустика, ни дерева, с августа 1942 года шли упорные, кровопролитные бои. По приказу Гитлера с Кавказа сюда, в Калмыкию, была переброшена 16-я мото-дивизия «Бурый медведь», состоявшая из штурмовых отрядов «СС». В смертельном поединке немцы рвались к железной дороге Астрахань – Кизляр, которая считалась дорогой жизни Сталинградской битвы, так как по ней в обстановке беспрерывных боев и бомбежек шло своевременное снабжение армии нефтью и боеприпасами. Двадцатого ноября под поселком Хулхута произошло ожесточенное сражение, впоследствии названное малым Сталинградом. В этот день и совершила свой подвиг девушка с нежным именем Наташа.

Девятая рота 105-го гвардейского стрелкового полка 34-й гвардейской стрелковой дивизии (28-я армия) глубоко проникла в оборону врага. В ночном бою отряд гвардейцев с санинструктором Наташей Качуевской попал в окружение. С утра фашисты яростно начали их атаковать. Погода была ненастной. Над голой осенней сте-

пью в вышине стояли рваные лохмотья облаков. Сквозь туман шел мелкий дождь. Наташа самоотверженно помогала раненым. Вынесла их вместе с оружием в укрытие – просторный пустой немецкий блиндаж на высотке. В строю уже не осталось никого. Защищая раненых, отважная девушка вступила в неравную схватку с врагами. Отстреливалась до последнего патрона, а когда фашисты приблизились, гранатой взорвала себя и окруживших ее фрицев. Подоспевшим на шум боя воинам соседнего полка не хватило всего несколько минут. Они увидели Наташу, отброшенную взрывом в сторону, окровавленную, но еще живой... Ей было всего 20 лет. Шел второй день контрнаступления советских войск под Сталинградом. В извещении о гибели фронтовые друзья писали родным: «Передайте матери, что ее дочь Наташа Качуевская спасла под огнем противника многих воинов-гвардейцев. Героическая смерть Наташи стала знаменем мести наступающих гвардейцев».

...В скромной металлической оградке стоит выкрашенный в небесный цвет вечности обелиск с фотографией. Рядом – следы блиндажа, куда она прятала раненых и, спасая их, приняла свой последний бой. Эту высоту 3,3 метра над уровнем моря называют Наташиной.

«МАМА СВОЙ ТАЛАНТ ЕЙ ПОДАРИЛА...»

Детство и юность Наташи совпали со временем, полным героики и романтики. Воображение впечатлительной девочки захватывали перелет Чкалова через океан, поразительный дрейф на льдине папанинцев... Она была бессменным комсоргом в школе, закончила ее отличницей и поступила в Государственный институт театрального искусства на драматическое отделение. Ей прочили блестящее будущее. Мама, Александра Леонидовна Спирина, за свою долгую артистическую жизнь сыграла практически все ведущие роли героинь классических оперетт. Обе сестры матери тоже актрисы. Особенно известна Августа Леонидовна Миклашевская, актриса Камерного театра, которую трогательно любил Сергей Есенин.

В творческой, одухотворенной атмосфере росла лучезарная, светлая девочка... Ей очень нравилось возиться с младшими ребятами. Обладая высоким чувством долга и ответственности, даже готовясь к экзаменам в институт, едет в пионерский лагерь со своим отрядом. Любимым уголком Москвы для Наташи был парк «Измайлово», его березовая роща. Она часто приходила сюда. В июньские дни

1941-го года студенткой второго курса, гуляя здесь, читала «Снегурочку» Островского, мечтая сыграть дочь Мороза и Весны. Снегурочка предпочла мгновение любви, за которое отдала жизнь. Но гибелью своей тепло и солнце принесла она на землю берендеев. Наташа думала о сказочном персонаже, восхищаясь силой проявленного чувства, поэтичностью образа...казалось, впереди только ясная, счастливая жизнь, успех на сцене... А завтра была война.

«...МЫ ДОБУДЕМ ПОБЕДУ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО»

Услышав дома по радио Правительственное сообщение, Наташа бросилась в институт. Александра Леонидовна, приехавшая следом, увидела дочь, выступающую перед взволнованными преподавателями и студентами с пламенной речью, призывая сейчас же идти в военкомат проситься добровольцами на фронт... Все побежали за ней. Наташа вернулась огорченной – ей отказали. Тогда едет на трудовой фронт – строить оборонительные сооружения в Смоленской области. Часть института эвакуировали. Как секретарь комсомольской организации она стала душой коллектива оставшихся студентов. За-

ботится о продовольственных карточках, столовых, организует курсы снайперов и медсестер в институте. Устраивает на работу в госпиталь санитаркой маму, сама берет шефство над палатой тяжело раненных. Там она встретила Андрея Гончарова, старшего товарища по ГИТИСу. Он имел бронь, но пошел добровольно на фронт, командовал взводом конной разведки. В боях под Москвой был тяжело ранен. В госпитале его буквально выходила Наташа Качуевская. Великий режиссер, наша театральная эпоха – Андрей Александрович Гончаров всю жизнь ходил к ее памятной доске с цветами.

Однажды в институте Наташа случайно познакомилась с командиром специального диверсионно-разведывательного отряда НКГБ имени Дзержинского, действовавшего в глубоком тылу Белоруссии, Павлом Качуевским. Он получил ранение в ногу, ходил, прихрамывая. Пал Палыч – так ласково называли разведчики своего командира. Наташа восхищенно смотрела на него как на человека из легенды. Они полюбили друг друга и, не желая ничего откладывать на потом, поженились. Из письма товарищу: «Такому человеку не страшно доверить свою жизнь... Он мне самый родной и близкий на свете...» Но в апреле 1942 года Качуевский со своим отрядом отправился на новое сроч-

ное задание. Жене не разрешили уйти с ним в тыл врага.

Трудное время до остатка отдавала работе – Наташа по совместительству теперь еще инструктор Краснопресненского райкома комсомола. Болея душой за родной город, они с мамой дежурят ночью на крышах, спасая дома от зажигалок, с концертными фронтовыми бригадами выступают в воинских частях. Сердцем Наташа продолжала рваться на фронт. И вот однажды прибежала радостная домой: «Мама, наконец-то! Есть потребность на медработника в авиадесантную бригаду. Завтра с утра иду оформляться. И, пожалуйста, ничего не говори и не беспокойся, я буду жить долго...» В то время на базе авиадесантных соединений началось формирование гвардейских стрелковых дивизий.

...Родина была выбрана как главная ценность. И, продвигаясь по дорогам войны, Наташа все ощущала боль страдающей Отчизны. Об этом повествуют горячие строки ее писем: «Ненависть жжет наши сердца. Сегодня я видела пять сирот – чудесные ребятки... Они жили здесь, где прохит теперь фронт, немцы заняли их деревню, убили мать и отца. Вовик двух лет, понимаешь, потянулся ко мне и говорит: «Мама!» Я не плакала, но ненависть переполняет меня за все – за тебя, за разбитую нашу молодую жизнь, за

ГИТИС, за всех любимых наших родных, у которых жизнь тоже покалечилась, и за этих вот ребятшек...»

«...Наша часть была гадов-фрицев крепко, по гвардейски, потом были на отдыхе. Сейчас опять они от нас будут получать по первое число. Так и надо этой погани... Хочу быть снайпером, чтобы самой убивать фашистов. А пока я, как за родными братьями своими, ухаживаю за нашими ранеными. Они меня тоже, как сестру свою, любят, говорят: «Сестричка наша Наташа!» И так хорошо, что твоя помощь и ласка им дорога».

Ночами снилась Москва, и так хотелось снова пройти по знакомым улицам Пресни. «Мамочка, мы своей любовью сбережем друг друга, и в день Победы, в день общей радости, мы снова с тобой увидимся и будем уже всегда, всегда с тобой вместе, – писала она в родной дом на Малой Никитской. – Тяжело добыть Победу, но мы ее добудем во что бы то ни стало». В одном из писем звучит печаль-предчувствие: «...Знаешь, дорогая мамочка, у меня что-то очень болит сердце за Пал Палыча. Уж не случилось ли что с ним? Сейчас ночь. Степной ветер рвет нашу палатку. Несколько легкораненых в палатке по соседству тихо и грустно напевают под гитару...»

А Качуевский еще до ухода На-

таши на фронт в бою получил смертельное ранение разрывной пулей. При нем была заветная табакерка, в которой лежал локон его жены. Александра Леонидовна пожалела дочь, не стала говорить тогда о страшном известии, сообщенном ей по телефону комиссаром. Мужественно, молча переживала горе за двоих. Они с Наташей всегда были как одно целое: «Родненькая моя, драгоценная единственная мамочка. Вот и я дождалась счастья: получила письмо от тебя, моя любименькая. А я так ждала это письмо, ты мне снишься все время, я разговариваю с тобой, обнимаю тебя... Солнышко мое родное, береги себя... Я думаю о тебе постоянно, мамочка, я люблю тебя и думаю только о том дне, когда мы будем вместе».

Утром 24 ноября 1942 года Александра Леонидовна развернула «Правду». В глаза сразу бросилась, затмевая свет, статья «Южнее Сталинграда», рассказывающая о подвиге Н. Кочуевской. И хотя в фамилии была буква «о», а не «а», она материнским сердцем чувствовала: речь идет о ее дочери... Со дня гибели Павла прошло всего пять месяцев.

«СВЕТИТ ПОДВИГ ЗВЕЗДОЧКОЙ НАТАШИ...»

Сын Августы Леонидовны Миллашевой Игорь перед тем, как

зимой 1942-го года перейти линию фронта, сказал тете: «Ухожу на боевое задание. Почти наверняка, 99 процентов, что я не вернусь, но я сто крат отомщу за гибель моей двоюродной сестры... Он становится организатором одной из самых засекреченных операций советских спецслужб – покушение на Гитлера, впоследствии отмененной Сталиным.

В апреле 1943-го года, приехав с фронтовым театром в 8-ю гвардейскую армию, которой командовал генерал В.И. Чуйков, Александра Леонидовна ушла из театра и осталась работать в штабе армии. Долгий и трудный путь прошла она до Берлина.

А.Л. Спинову всегда с любовью ждали в Калмыкии. Там в районном поселке Яшкуль в братской могиле захоронены 1080 павших воинов 28-й Армии. В 1961-м году в нее были перенесены и останки Наташи. На торжественно-траурном митинге Александра Леонидовна сквозь слезы сказала: «Спасибо вам, товарищи, за все, за память о моей Наташе, которая стала теперь и вашей...».

По просьбе калмыцких школьников появилась в космическом мемориале героев Великой Отечественной войны малая планета № 2015 «Качуевская». Она вместе с другими, как, например, «Ибаррури», входит в звездное окружение планеты «Сталинград». Благодар-

ная память о Наташе увековечена на земле во многих местах. В Москве в Измайловском парке среди Наташиной рощи открыта памятная стела с ее бронзовым бюстом. Во дворе школы №1239 стоит бюст из белого камня в натуральную величину на темном постаменте. Трогательно смотреть на цветные рюкзачки, портфели рядом с памятником. Как и прежде, ребяташки тянутся к Наташе... На территории пионерского лагеря, где работала вожатой Качуевская, утопает в зелени и цветах обелиск с фотографией. Ее именем названы улицы в Москве, Астрахани, Элисте, Яшкеле, в Советском районе Волгограда. О ней сложены стихи, написаны книги, сняты два документальных фильма.

Картины художников И. Балдиной, И. Пензова с большой выразительностью запечатлели Наташу в последние минуты ее жизни, перед броском гранаты... В честь 60-летия Победы в Москве в Государственном Историческом Музее прошла совместная российско-германская выставка, показавшая, что война стала испытанием духа нации на прочность. Экспонировались личные вещи, подлинники и фотокопии документов 48-ми советских и немецких граждан. Вот на еще довоенном снимке смеется Наташа. Вся она – словно воплощение юного и солнечного мира больших пер-

спектив, как и ее белое свадебное платье, такое неожиданное рядом с военными реликвиями. Указом Президента РФ от 12 мая 1997-го года ей присвоено посмертно звание Героя России.

Поэтесса Маргарита Малова в этот день преподнесла Александре Леонидовне стихотворение, начало которого, как венок, сплетено из рифмованных биографических строк:

*Сама радость по земле ходила,
Не было добрей ее и краше.
Мама свой талант ей
подарила –
Быть актрисой доченьке
Наташе.*

*Но – война... И бой, театром
ставший,
Ей поставил высший балл
признанья:
Светит подвиг звездочкой
Наташи
На путях безмерных
мирозданья...*

Людмила Алтунина (г. Тула)

Людмила Дмитриевна Алтунина родилась и выросла в Горном Алтае. В 1976 г. окончила журфак Казанского госуниверситета.

Работала в печатных СМИ, на радио, 18 лет была редактором многотиражной газеты ТулГУ. Автор и соавтор более 10 книг. Участник литературно-творческих проектов. Пишет и для детей. Печатается в местных и центральных СМИ, в журналах, альманахах и сборниках международных конференций. Член Союза журналистов РФ. Дважды финалист Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» (проза, 2007, 2013 гг.). Победитель Регионального этапа Всероссийского конкурса «Растим патриотов России (2010). Имеет нагрудный знак «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в энциклопедию ТулГУ. Ветеран труда.

ЧТОБЫ ЧАША ЛЮБВИ – ЧЕРЕЗ КРАЙ...

(непраздные размышления)

«ЖИЗНЬ – ДАР БОЖИЙ»

«А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

(1Кор.13:13)

Носила на руках, качая и успокаивая, плачущую новорожденную внученьку Меланочку, уже четвертую, благодарение Богу, в нашей семье. И такое щемящее чувство любви и нежности переполняло меня! Хотелось вобрать в себя весь этот теплый, нежно пахнувший молочком крохотный комочек (еще так же пахнут недавно выпарившиеся из яйца, пушисто-желтенькие цыплятки), защитить его, уберечь ото всех невзгод, болей и болезней, которые могут поджидать ее в жизни.

Отчего так любим мы своих детей, внуков? – вдруг пришли ко мне размышления в этот полночный час. Ведь, казалось бы, объективно они еще никак не заслужили нашей любви. Говорим же мы общепринятое: «Заслужил любовь преданностью, добротой, вниманием...» Наши же, едва появившиеся на свет крохи, еще не успели сотворить ничего такого, наоборот, они только всецело поглощают наше время, внимание, заботу, да и материальные средства, не давая пока ничего материального взамен.

Так что же такое они тогда дают нам? Может, мы всецело возлагаем на них надежды, что, став взрослыми, они воплотят наши не состоявшиеся мечты, да и материально восполнят наши затраты на них, возьмут на себя и заботу о нас самих? В какой-то степени, возможно, это и так, но нет, не это, главным образом, дви-

жет нашей всепоглощающей любовью к ним. Так что же тогда? Неужели столь самозабвенно мы обождем их, готовые саму свою жизнь отдать за них, лишь только за то, что они наши, родные, плоть от плоти и кровь от крови нашей? Или, быть может, за то, что они столь малы и незащищены и полностью нуждаются в нашем покровительстве, и мы в ответе за них, всецело нам принадлежащих? Ведь человеку крайне необходимо чувствовать себя кому-то очень нужным, о ком-то заботиться. Да, и за все это, несомненно, столь бесконечно дороги они нам и любимы нами. Но, как подсказывает мне что-то на уровне моего подсознания, как чувствует моя душа, есть нечто, несравненно большее всего перечисленного, именно то – истинно духовное, Божественное, что выше чисто человеческого понятия нравственности, этики, долга в этой нашей привязанности.

И вдруг меня осенило! Словно сквозь разбежавшиеся облака брызнули яркие солнечные лучи – это в детях являет нам Господь сокровенную частицу Самого Себя! Не случайно в Святом Писании сказано, что Человек создан по образу и подобию Божию, а главное – «Бог есть Любовь» (1 Инн. 4:8). Любовь неосязаемая, не связанная ни с чем материальным, основанная на безоглядной вере в Него. И вот она – реальная, ося-

заемая любовь, посланная нам Всевышним через наших детей и внуков и явленная в них, чтобы мы в полной мере могли испытать, испить, постичь и осознать это большее из больших во Вселенной – Господнюю Любовь. И понести это Божественное чувство дальше в мир, перенеся его и на других. Не зря же говорят о бездетных, что это наказание Господнее и что, наоборот, рождение ребенка – Дар Божий, великая Божья милость и благодать. И не зря же сами дети ассоциируются с ангелами небесными, чистыми и непорочными, и обладают они провидением неземным, Вселенским, Божественным.

Выходит, любя безумно свое чадо, мы, сами того не осознавая, испытываем через них и любовь к самому Богу, к ближним; имею ввиду не только родных людей, а распространяя это понятие гораздо шире. Значит, через эту любовь к своему ребенку мы, сами становясь добрее, отзывчивее, терпимее, мягче, исполняем главную Господнюю заповедь и христианскую миссию на Земле – любить всех, даже врагов своих, творить и преумножать Добро, быть милосердными. Да придут на Земле и в каждом из нас Вера, Надежда, Любовь, «Но любовь из них больше» (1Кор.13:13). Больше в Человеке, во Вселенной, потому что в этом – сама Божественная суть. И пребывает и прибыва-

ет она, Любовь, в нас с появлени- ем младенцев в наших семьях, вся- кий раз, когда вот так трепетно, беззащитно и нежно этот теплый комочек мы прижимаем к себе. Так вот в чем оно – великое Таин- ство и смысл рождения, появле- ния маленького Человека на земле – увеличить, прибавить любви на нашей планете, чтобы не осуши- лась эта благодатная, живительная Вселенская Чаша! И чем полнее она, чем больше перельет через край, тем больше будет истинно ценного, важного – Любви среди нас, людей, и в ближнем нашем окружении, и в целом мире, а зна- чит, – и во Вселенной. Так вот он, каков круг человеческого Бытия! Как прост и насколько вместе с тем значителен, глобален смысл рождения дитя, но не сразу по- стижим для многих из нас, мало- верных и суетных...

P.S. Прошел ровно год с мо- мента написания этих размышле- ний. Недавно, – благодарение Гос- поду, – родилась в нашей семье еще одна внученька, Настенька, – пятый ребенок в нашей семье от троих моих детей. И вновь хожу, убаюкиваю ее и в великой любви к ней думаю о том же самом: с рожде- нием нашей крохи Анастасии при- бавилось Божественной любви и в наших душах, а, значит, и в мире. И еще удивляюсь и радуюсь тому,

что любовь безмерна – столь щед- ро даровал нам ее Господь. Сердца наши могут вмещать и отдавать ее без какого-либо ограничения и сколько угодно; сколько бы мы ни рожали детей и сколько бы ни по- являлось на свет внуков, любить каждого из них не будем меньше. Любви хватит на всех! И не только на своих, ведь чужих детей не бы- вает. Это ли не великий Дар Бо- жий! Это ли не великое, непости- жимое Таинство на земле и во Вселенной!

P.P.S. Прошло еще немногим более двух лет, и наша семья по- полнилась Софией, родившейся в феврале 2014-го года. И все по- вторилось вновь. Я – с ней на ру- ках, а в моей душе – ликует без- мерная любовь. Так пусть, пусть пребывает она и переливается че- рез край, наполняя не только наш дом и нашу семью, но все вокруг, весь мир! Даже одной моей Любви хватит на всех, а таких, как я, сла- ва Богу, много на земле...

Послесловие. А на днях, читая один православный журнал, я слу- чайно нашла, хотя, как известно, ни- чего случайного не бывает – все Бо- жественно промыслительно, – под- тверждение этим моим, нежданно родившимся размышлениям о без- мерности и неисчерпаемости любви, о ее Божественном начале; о том,

насколько щедро одаривает ею человека – главное Свое творение – Создатель всего сущего, в словах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В сердце моем вспыхнула радость, и возликовало оно от такого созвучия: значит, душа моя – на верном пути. Пройти бы его, не сбиваясь. Да поможет мне, как и всем людям, в этом Господь!

P.P.S. Этот рассказ был представлен на литературный конкурс «Преображение», учрежденный Тульским епархиальным культурно-просветительским центром «Фавор» и Тульской Духовной семинарией.

Конкурс имеет статус открытого общепархиального и проводится ежегодно. Итоги Конкурса подводятся к празднику Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

В 2014-м году автор рассказа стала победителем этого конкурса.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!... (НА ЗЛОБУ ДНЯ)

Да простит меня читатель за одноименное название данной статьи с известной толстовской. Ни в коей мере не претендуя на то, чтобы поставить себя в один ряд с нашим великим земляком, тем не менее, действительно, – не могу молчать! Не могу, когда в очередной раз Россию незаслуженно и злобно «обложили» со всех сторон, а у самого нашего порога льется кровь,

и гибнут безвинные люди – дети, женщины; не могу равнодушно смотреть на вереницы несчастных беженцев с Украины, стариков, матерей с детьми, спасающихся от бомбежек в ДНР и ЛНР. Это постоянно показывает российское телевидение, об этом пишут печатные СМИ и в Интернете.

Не могу молчать, когда нагло и беззастенчиво поднял голову неофашизм... и где?! В Киеве! В городе, неразрывно связанном в нашем сознании с Киевской Русью – матерью русских городов, колыбелью православия, у наших братских славянских народов, который мы всегда воспринимали, как и белорусов, единым целым с русским народом. В Киеве, одним из первых советских городов испытавшим ужасы массированных бомбардировок вышколенными элитными эскадрильями «Люфтваффе» ВВС вероломно напавшей на нашу страну фашистской Германии. Памятны ведь многим слова песни времен Второй мировой: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война. Кончилось мирное время...» В Киеве, одном из двенадцати советских (ныне российских) городов-героев, особо прославившихся своей героической обороной в годы Великой Отечественной войны. В Киеве, где гитлеровскими оккупантами было уничто-

жено более двухсот тысяч жителей и более ста тысяч угнано в Германию на принудительные работы, по сути, – в рабство. В Киеве, в битвах за который с фашистскими захватчиками (оборона Киева длилась 72 дня) погибли тысячи советских солдат и офицеров разных национальностей, а 65 воинских частей и соединений за освобождение столицы Украины осенью 1943 года получили почетное наименование – Киевское. Более ста тысяч героических защитников города награждены медалью «За оборону Киева».

Не могу молчать, не только и не столько, как журналист, но, прежде всего, как мать троих взрослых детей и бабушка шестерых малолетних внуков, – а это то же самое, что – мать; как человек, у которого многие близкие родственники-сибиряки, мужчины и женщины, воевали на фронтах Второй мировой. Четверо дядей (трое родных братьев матери и брат отца, тоже воевавшего) не вернулись с фронта, до сих пор считаются без вести пропавшими. Память о них увековечена на обелиске в парке Победы, в городе Горно-Алтайске – столице Республики Алтай. В общей сложности у них безотцовщиной остались десять малолетних детей, а их молодые 23 – 29-летние жены – солдатскими вдовами, навсегда верными своим павшим мужьям.

Мой дед по матери, Леонтьев Григорий Яковлевич, не будучи мобилизован в армию по преклонному возрасту, отдав фронту трех сыновей, был председателем большого колхоза в высокогорном алтайском селе Инегень. Исправно снабжал нашу воюющую армию продовольствием, а также овчинными полушубками, вязаными теплыми шерстяными рукавицами, валенками, вместе со всем советским народом, трудившимся в тылу, не покладая рук. И ни разу он не сорвал план, что в годы войны было весьма не просто, поскольку все мужчины были на фронте, а дено и ночью неистово трудились женщины, дети и старики, в том числе моя бабушка, мать, ее сестры и снохи. Срыв плана, к слову сказать, в военные годы приравнивался к измене Родине, и виновники сурово наказывались.

Наверное, генная память о войне у россиян в крови и не дает покоя, саднит душу, как и мне, родившейся уже намного позже, в семье, где всю жизнь ждали не вернувшихся с фронта и все время их вспоминали, и надеялись на их возвращение, так и не случившееся. Такое чувство, будто я сама воевала, поэтому в моей журналистской и литературной деятельности тема войны – сквозная. О фронтовиках писала много: не только очерки, интервью, подготовка спец-

выпусков вузовской многотиражной газеты ТулГУ, редактором которой была долгие годы, но и книги. Да и замуж вышла в семью фронтовиков-добровольцев. Свекровь, В.Ф. Алтунина, дошла санитарструктором от Белева до Берлина, расписывалась на Рейхстаге. Была награждена фронтовыми наградами, в том числе медалью «За взятие Берлина». Большое число советских людей, – воинов, непосредственно участвовавших в боях, разработчиков и организаторов боевых операций по штурму и взятию Берлина в период с 22 апреля по 2 мая 1945 года (всего более миллиона человек) – было награждено этой медалью – люди разных национальностей и званий, от солдата до генерала и маршала.

Свекор, В.В. Алтунин, попал на Великую Отечественную после Финской войны, куда он, студент, ушел добровольно, воевал на Украине, был ранен, попал в плен и почти два года провел в концлагере «Маутхаузен» (Австрия). Вот такие дела. Поэтому-то не могу равнодушно смотреть и молчать, когда в мирное время снова стреляют, убивают, льется кровь невинных, и брат идет на брата – в голове все это никак не укладывается! Кажется, что в такой ситуации нельзя сидеть, сложа руки, или просто тихо что-то пописы-

вать. Как-то надо тоже бороться со злом, хотя бы пером.

Последней каплей, переполнившей кипевшую внутри меня чашу негодования, стало высказанное в радио-эфире недоумение министра иностранных дел Польши Г. Схетына по поводу того, почему-де День Победы отмечается в Москве, а не в Варшаве, Лондоне или Берлине – верх цинизма! Ранее так же цинично он заявил, что узников концлагеря в Освенциме, находившемся на территории Польши, якобы освободили украинцы, поскольку военную операцию по ликвидации этой фабрики смерти, перемоловшей тысячи невинных жертв, осуществлял Первый Украинский фронт. Общеизвестно, что в Красной Армии были воины разных национальностей, населявших бывший СССР. Нет, тут вовсе не оговорка или незнание того, что названия фронтов давались не по национальному, а по географическому признаку. Сначала этот фронт назывался Брянским, потом Воронежским а позднее, с ноября 1943-го года, Первым Украинским – по географическому направлению (юго-запад) наступающих советских войск, под командованием в разное время – с 1943 года и до конца войны – таких видных военачальников, генералов и маршалов Советского Союза, как Н.Ф. Ватутин, Г.К. Жуков, И.С. Конев. Первый Укра-

инский фронт первоначально включал в себя восемь армий, в разное время – семнадцать воинских соединений – миллионы солдат и офицеров. Даже вся, вместе взятая Украина, в то время такого числа воюющих украинцев просто бы не насчитала – это ж ясно. Но очевидные факты преднамеренно не желают некоторые брать в расчет, и другим, доверчивым, мало интересующимся военной историей, «лапшу на уши вешают», грубо говоря.

Именно с Первым Украинским фронтом связано проведение таких кровопролитных, героических, ставших историческими в летописи славных ратных побед наших войск военных операций, как: Киевская оборонительная (1943 г), Житомирско-Бердичевская, Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая, Львовско-Сандомирская, Пражская, Берлинская и других. Земля горела под ногами, а наши воины разных национальностей, не щадя собственной жизни, героически брали неприступные оборонительные бастионы врага и шли вперед.

Кстати, в конце войны, 25 апреля 1945-го года, произошла историческая встреча на Эльбе Первого Украинского фронта с американскими войсками.

Ныне многие на Западе и в Америке крайне заинтересованы переписать военную историю, присвоив себе лав-

ры Великой Победы в самой кровопролитной в истории человечества войне, ошельмовав СССР и нынешнюю ее преемницу Россию агрессором-оккупантом, а не освободительницей, принесшей не только своему, но и многим другим европейским народам свободу и независимость. В их числе – та же Польша, где ценою многих жизней советских воинов были спасены от уничтожения и города-красавцы с многовековым культурно-историческим наследием – Краков и Варшава.

...Минувшим летом, будучи на своей малой родине, в Республике Алтай, я совершенно случайно, – но мы же знаем, что ничего случайного нет, во всем – Божий промысел, – я узнала о героическом боевом пути одной из сибирских дивизий, дравшихся с врагами, как бесстрашные львы. Кстати, многие мои собеседники-фронтовики отмечали, что на войне особым мужеством, стойкостью и бесстрашием отличались сибиряки, словно и не знавшие ни усталости, ни страха. Не случайно фашистов охватывал ужас, когда они слышали: «Сибиряки идут!». Сибирские дивизии героически дрались на всех фронтах Второй мировой. Отличались они и при обороне Москвы осенью-зимой 1941 года. Как тут не вспомнить шукшиновские строки, характеризующие одного из его

литературных героев: «...очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941-го года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая...» Вот такие сибирячки и сыграли огромную роль в том, что столицу советские воины не только отстояли, но и погнали от ее стен врага прочь.

Сибиряки стояли насмерть и на 41-м километре – главном рубеже обороны Москвы в 1941-м году, – на пути фашистских полчищ, отлично моторизованных, во много раз превосходящих наши силы в военно-техническом оснащении и людских ресурсах, рвавшихся к столице с северо-запада, с Волоколамского направления, надеясь малой кровью и в короткие сроки взять ее, но им это, как известно, не удалось. Героический подвиг, мужество и стойкость воинов Красной Армии, грудью вставших на пути врага, замечательно отобразил в своем романе «Волоколамское шоссе» писатель-фронтовик Александр Бек.

...Под Москвой, на Волоколамском направлении, между поселками Ленино и Снегири, Истринского района, под открытым небом раскинулся Мемориальный комплекс «Рубеж Славы», собравший боевую технику, непосредственно уча-

ствовавшую в сражениях на фронтах Великой Отечественной – и советскую, и немецкую. На ней даже вмятины и пробоины от снарядов видны. Открывает эту огромную уличную музейную экспозицию, рядом с Вечным огнем, скульптурный ансамбль – монумент «Воинам-сибирякам»: три воина, – двое в полушубках, один в шинели, – с оружием в руках, застывшие в бронзе, в броске, в момент смертельной схватки с врагом. На постаменте аршинными золотыми буквами надпись: «Сибирякам».

Рядом с музеем под открытым небом располагается и сам замечательный Ленино-Снегиревский Военно-исторический музей, который может многое поведать современникам о Великой Отечественной войне, о героических днях обороны Москвы. И мне отрадно было видеть, что даже глубокой осенью, в холодный пасмурный день, столичные, и не только столичные, педагоги привозят сюда, в эти военные музеи, своих учеников, рассказывают им о войне, о героизме фронтовиков. Школьники слушают с большим вниманием и интересом, фотографируются у памятника сибирякам.

В поселке Рождествено, тесно соседствующем с п. Снегири, где также шли жестокие оборонительные бои на подступах к Москве, ря-

дом со старинным храмом во имя Рождества Христова, который еще русские цари посещали, есть братская могила с нескончаемой чередой фамилий – золотом на черном мраморе. Я жадно пробегаю глазами фамилии, как всякий раз у любой братской могилы, бывая в разных уголках Центральной России, с замиранием сердца ожидая найти родные – Леонтьев, Егучков, но, увы, не нахожу. Однако, уверена, что и в этой братской могиле есть сибиряки – и, может, даже алтайцы. И, наверное, кто-то до сих пор надеется хоть что-то узнать о своих погибших родственниках, по сей день считающихся без вести пропавшими. И кто-то, где-то, так же, как я, останавливается перед братской могилой, не только, чтобы отдать дань памяти, уважения и благодарности тем, кто погиб, защищая нашу Родину, но и с неистребимой надеждой увидеть родные имена...

Видно, одному Господу ведомо, где покоится прах стольких, безвестно сгинувших в пекле войны русских солдат и офицеров, в том числе и сибиряков – уроженцев Горного Алтая, вместе со всеми советскими воинами прошедших всеми фронтовыми путями дорогами до самого Берлина.

И среди них – Сумско-Киевская Алтайская орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Су-

ворова, Богдана Хмельницкого 232-я стрелковая дивизия, о героическом фронтовом пути которой я и узнала минувшим летом в Горном Алтае. Обратите внимание: ключевые слова – «Сумско-Киевская... Алтайская...»! Да, эта алтайская дивизия героически сражалась и за Украину, и ей было присвоено почетное наименование освобожденных украинских городов – Сумы и Киев. Вот об этом и расскажу подробнее. Это важно и полезно знать сегодня, когда оспариваются сама роль и значение нашей страны в Великой Отечественной войне, в добывании Великой Победы над фашизмом, а Россию клеймят на Украине, как агрессора, – агрессор! – из рук которого Украина всю жизнь кормится. Сие, право, было бы смешно, как говорится, когда бы не было так грустно: все с ног на голову перевернуто.

232-я Алтайская стрелковая дивизия прошла с кровопролитными боями славный, героический фронтовой путь, длиною в 3800 километров, – от Воронежа через Украину, Киев, другие украинские города, которые она защищала и освобождала, Румынию, Венгрию до Чехословакии, где и встретила Победу. Вернее сказать, вместе с другими советскими воинами потом и кровью, ценою тысяч жизней сибиряков-алтайцев добыла ее. Ди-

визия форсировала крупнейшие реки нашей страны и других стран: Дон, Днепр, Буг, Прут, Серет, Тисса, Морава; дважды совершила беспрецедентный переход через Карпаты; участвуя в кровопролитных жестоких боях.

В летописи героических дел, совершенных частями и соединениями Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, 232-я Алтайская стрелковая дивизия занимает достойное место. «...Она первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника под Воронежем и выстояла в этом сражении, сыгравшем исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942-го года. (212 дней и ночей длилось сражение за Воронеж. Только за три самых тяжелых дня боев, с 3 по 7 июля 1942-го года, погибло 5500 сибирских воинов из этой дивизии. – авт.). Затем – бои на Курской дуге, битва за Днепр, освобождение Киева, Украины, Молдавии, штурм Карпат. Выход с боями на территорию Румынии и затем Венгрии, Чехословакии, где и встретила Победу....

И где бы ни была 232-я стрелковая дивизия, всюду ее личный состав показывал высокие примеры мужества, отваги, героизма во имя свободы нашей Родины», – отмечает в своей книге «Дорогой славы земляков» Е.И. Мордвинова

– почетный ветеран этой дивизии, создавшая в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай) при Республиканской школе-интернате № 1 им. Г.К. Жукова музей Боевой Славы, посвященный 232-ой стрелковой дивизии, который она и возглавляет вот уже сорок лет.

Получив боевое крещение и неограниченный опыт в жестоких сражениях на Воронежской земле, дивизия мужественно дралась, проявляя беспрецедентный героизм, за многие украинские города. Она освобождала Киев, Сумы, Фастов, Белую Церковь, Умань; отважно сражалась на южном плацдарме Курской дуги.

С февраля по август 1943-го года линия фронта, где оборону держала 232-я стрелковая дивизия, проходила через украинские города Краснополье, Глыбное, Железник и являлась частью Курско-Орловской битвы.

За освобождение 2 сентября 1943-го года города Сумы дивизии было присвоено почетное звание Сумской; за освобождение 6 ноября 1943 года Киева, где, ожесточенные бои шли за каждый дом, в том числе и на знаменитом Крещатике – Киевской. Именно 6 ноября 1943-го года над горисполкомом украинской столицы взвилось красное знамя. Сталину доложили, что Киев взят. Под Киевом войска 38-й армии, входившей в состав Первого

Украинского фронта, под командованием генерала П.С. Рыбалко разгромили 12 танковых дивизий, взяли в плен 41 тысячу фашистов. Уничтожили 1200 орудий, 126 самолетов, 600 танков. Это была грандиозная победа наших сил, достойную лепту в которую внесли и сибиряки-алтайцы. 232-й Алтайской стрелковой дивизией за войну было уничтожено 76930 солдат, а в плен их взято 27622 тысячи.

За освобождение от фашистов в ходе трехдневных кровопролитных боев (с 31 декабря 1943-го года по 4 января 1944-го года), хорошо укрепленного противником города Белая Церковь, – второго по величине, после Киева, украинского города, оккупированного фашистами 16 декабря 1941-го года, – куда 232-я стрелковая дивизия вошла первой, она была удостоена одной из высших воинских наград – ордена Красного Знамени. Первым с ночными боями ворвался в этот старинный город, основанный Ярославом Мудрым, батальон комбата Г.К. Козлова. Комбат, кстати, впоследствии встречался с алтайскими поисковиками, рассказывал о тех незабываемых днях, о том, как радушно встречали освободителей-сибиряков жители Белой Церкви, – хлебом-солью. Несмотря на то, что была глубокая ночь, люди не спали, а вышли на улицы города, радостно приветствуя алтайских вои-

нов (это – к вопросу о сегодняшнем отношении на Украине к фронтам и памятникам, им установленным).

Всю войну 232 Алтайскую стрелковую дивизию бросали на самые тяжелые участки. После войны дивизию расформировали. Ее боевые знамена передали в Центральный музей Советской Армии.

И что хотелось бы особо отметить, в 1942-м году было второе ее формирование после огромных потерь в 1941 году, но боевое знамя было спасено. И дивизию сформировали вновь. Она не случайно называлась Алтайской, потому что формировалась в 1942-м году в городе Бийске из жителей горных и предгорных районов Алтая, включая мобилизованных и добровольцев из отдаленных горных селений – русских, алтайцев и представителей других национальностей. Сибиряки, жившие, в основном, охотничьим промыслом – меткие стрелки: белку в глаза бьют (наверное, в том числе и по этой причине, они, большей частью, и входили в состав стрелковых полков и дивизий). Смелы и ловки – на медведя с рогатиной ходят; привычны к лютым сибирским морозам, к неустрашенности быта. Жизнь их никогда не баловала. Вот такие, таежные охотники, скотоводы плечом к плечу с новобранца-

ми разных других профессий со всего бывшего СССР, с крестьянскими парнями и рабочими становились на фронте бесстрашными и умелыми воинами, беспощадно громившими врага наравне с кадровыми военными.

За проявленный массовый героизм в боях с фашистскими захватчиками, в том числе и на Украине, дивизия была награждена четырьмя орденами: Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого.

И где бы ни сражались ее воины, всюду проявляли высокие образцы отваги и мужества, не щадили своей жизни во имя свободы нашей Родины.

За годы войны только в одной этой дивизии высшего воинского звания – Героя Советского Союза были удостоены 33 воина – рядовые и командиры! Многим это высокое звание было присвоено посмертно. Среди них – и юные воины, повторившие подвиг Александра Матросова, закрыв амбразуру вражеского дзота собственным телом; и те, кто бросался под фашистские танки со связками гранат; и те, кто подрывался гранатой, подпустив к себе побольше врагов. Подвиги эти совершали воины разных национальностей, в том числе и украинцы.

На окраине деревни Самотоевка, там, где ценой собственной жи-

зни юный украинец Ваня Вдовыгченко остановил фашистский танк, был установлен гранитный памятник с надписью: «Тут похоронен Герой Родзянского Союза Вдовыгченко И.Г. 1925 – 1943 р.».

На месте павшего смертью храбрых скромного сибирского паренька Алеши Калинина был установлен обелиск. Надпись на нем гласит: «Товарищ, остановись, поклонись этому священному месту... Здесь в августе 1943 года повторил подвиг Александра Матросова старший сержант 232-й стрелковой дивизии Калинин Алексей Николаевич. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Многие воины дивизии были награждены боевыми орденами и медалями: орденами Отечественной войны всех степеней, Красного Знамени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги!», «За отвагу!», «За Победу над Германией» и другими; Почетными грамотами Главнокомандующего И.В. Сталина.

На всем протяжении боевого пути 232-й Алтайской стрелковой дивизии в память о героизме ее воинов установлены монументы и памятники; обелиски на братских могилах: в Воронеже, на Курско-Орловской дуге, на украинской земле (на Полтавщине, в городе Сумы – монумент Вечной Славы), на границе с Румынией.

К великому сожалению, сегодня на Украине памятники павшим воинам Великой Отечественной войны оскверняются и даже уничтожаются. Коротка же память, как у рабов-манкуртов, не помнящих ни себя, ни родства. Дай же им Бог, очнуться и вспомнить, кто они и откуда их корни – общие с русскими корни.

...Мое сознание не может воспринять прекрасный Киев, как ставший чужим и враждебным город. С Украиной у меня связаны совсем другие, милые сердцу, светлые воспоминания. После окончания военного училища моего брата, тогда молоденького лейтенанта, а ныне полковника ВВС, направили служить на Украину. Киев, Прилуки, Нежин, Полтава, Винница, Белая Церковь – все эти украинские города связаны с ним. Как же тогда крепко дружили между собой молодые военные летчики – русские, белорусы, украинцы и мой брат-метис, – наполовину алтаец, наполовину русский, – жившие в офицерской гостинице в Прилуках. И как тепло встречали они меня, студентку, младшую сестренку их друга: угощали своими летными сухпайками, шоколадом, старались окружить вниманием и заботой. И как радушно встречали нас в своих домах украинки – мамы невест наших лейтенантов. Не верится, что все это только в прошлом, что ни-

ти, веками связывавшие братские народы, навсегда порваны.

Вот другой эпизод. Опять из жизни, а что может быть наглядней, показательней и убедительней, чем сама жизнь!? На нынешние Рождественские праздники поехала я в город моей студенческой юности – Казань, к университетским друзьям, поездом Москва-Нерюнгри. Среди попутчиков оказалась семидесятидвухлетняя женщина-украинка. Она ехала из Белой Церкви в Красноярск, к сыну, давно уже прочно, семейно обосновавшемуся в России. У старушки была верхняя полка: билеты, сказала она, трудно было достать, взяла, какой дали, а на верхнюю полку ей не забраться. Женщине, по собственной инициативе, уступили нижнюю полку сначала один пассажир, потом другой. Видя, что она скудно питается, одними сухариками, попутчик с той верхней полки приносил ей еду из ресторана, угощал. Всю дорогу ей приносили и кипяток для чая. А женщина высказывала обиду на Россию, мол, из-за нас такое творится на Украине. Что поделаешь, – промыли мозги старушке. Моя молодая попутчица шепнула: «Если бы русская женщина в украинском поезде такое высказала по поводу Украины, наверное, ее бы из поезда выбросили, а мы вот, москали-то, «колорады», ухаживаем за ней, помогаем» (это – опять же

к вопросу о россиянах-агрессорах). Правда, старушка та сказала главное: «Нам-то, простым людям, никакая война не нужна, хлопцев, гибнущих понапрасну, жалко. Сынки ведь чьи-то...»

И мне жалко. Очень жалко, по-матерински жалко. У меня тоже есть сын и зятья. Когда по ТВ показывают погибших украинских ребят, посланных на братоубийственную бойню Киевом, сердце мое скорбит, мысленно произношу: «Господи, прости им грехи, прими их души, не ведали, что творили, одурманенные, заблудшие, даже следа никакого на земле не оставили: ни детей, ни добрых дел, а ведь это чьи-то сыновья, братья, мужья...» И когда вижу по ТВ кадры разрушенных Донецка и Луганска, других населенных пунктов и невинные жертвы среди мирных жителей или длиннющие очереди беженцев с детьми на границе, сердце мое сжимается от боли и негодования: «Как же такое возможно в XXI веке, на глазах у всех!? Где же здравый смысл!? Люди! Вы же – люди, опомнитесь!»

...До недавнего времени, когда со мной случалось что-то хорошее нежданное, я мысленно вопрошала: «Боже, за что мне такое?» Теперь я спрашиваю иначе: «Для чего мне это? Какой знак, Господи, Ты посылаешь мне? Что я должна с этим делать?» А делать я долж-

на, как понимаю, то, что умею, что могу – передавать полученное дальше: писать и «идти в народ», делиться тем, что мне послано свыше, с другими. И иду. Встречаюсь в учебных заведениях, библиотеках в Туле, в Горном Алтае, в Москве, в Казани – везде, где бываю, с молодежью, говорю с ними о добре и зле, о Великой Отечественной войне, читаю свои стихи и других авторов. Очередная встреча состоится на днях в одной из московских библиотек.

Узнав о героическом боевом пути 232-й Алтайской стрелковой дивизии, о которой вкратце рассказала выше, побывала в Горно-Алтайске, в музее Боевой Славы, посвященной этой дивизии, созданном при Республиканской школе-интернате № 1 им Г.К. Жукова, познакомилась с его создателем и руководителем Е.И. Мордвиновой, с воспитанниками интерната – поисковиками из «Поиска – 232», прошедшим почти по всему боевому пути этой дивизии; выступила перед ними по теме Великой Отечественной войны, читала и стихи, и т.д. Завязались контакты.

О 232-й стрелковой дивизии подготовила большой очерк и статьи самих алтайских юных поисковиков для международного военно-патриотического проекта «Гордимся подвигом дедов и отцов» и посодествовала, чтобы его организаторы пригласили на международ-

ную конференцию, которая пройдет весной в Туле, и алтайских поисковиков, которые бы сами рассказали о своей многогранной воспитательно-патриотической работе, проводимой на базе их музея Боевой Славы. Это всего лишь один из примеров того, как сама реализую то, что, по моим понятиям, мне посылает Божий промысел. Зачем я написала об этом? А затем, что, как мне представляется, все мы, пишущая братия, просто обязаны активно собирать материал о Великой Отечественной войне, записывать воспоминания фронтовиков, идти в школы и другие учебные заведения, рассказывать о войне, о подвигах и героизме наших воинов. Поскольку все активнее в мире

поднимает голову неонацизм, в том числе и «бандеровский ренессанс» на Украине. Все наглее заявляют о пересмотре хода и итогов Второй мировой войны некие заинтересованные силы, которые хотят даже ее развязывание свалить на нашу страну. Об этом надо говорить во всеулышание, особо ориентируясь на молодежь.

Молчать нельзя. Нельзя, потому что общечеловеческая Победа в Великой Отечественной войне, 70-летний юбилей которой мы празднуем в текущем году, – наша Великая духовная, морально-нравственная ценность, принадлежащая не только нынешнему поколению, но и поколениям грядущим.

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
И КРИТИКА,
РЕЦЕНЗИИ**

**НИНА ГЕЙДЭ
АНДРЕЙ МОЖАЕВ**

**СЕРГЕЙ ОДИНОВ
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ**

Нина Гейдэ (Дания)

Нина Александровна Гейдэ родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, защитив диплом на кафедре литературной критики. В Москве работала журналистом и искусствоведом. В 1994 году переехала в Данию. Возглавляла Русское Общество в Дании. Была глав. редактором русскоязычного литературно-публицистического журнала «Берег» (теперь «Новый Берег»). Основной целью журнала «Берег» была информационная помощь соотечественникам в Дании, сохранение русской культуры и языка, развитие датско-российских культурных связей, поддержка культурного развития русскоязычного датского и европейского пространства, прежде всего литературного. Параллельно с журналистикой и социологией всегда занималась литературным творчеством. Стихи и проза публиковались в разных российских и зарубежных журналах, а также в итоговых сборниках фестивалей «Славянские традиции» и «Эмигрантская лира». Лауреат литературных фестивалей и конкурсов: «Русский стиль» (2009 и 2014) (проза и поэзия соответственно), «Под небом Балтики – 2013» (поэзия). Член Международной Ассоциации писателей и публицистов, Европейского конгресса литераторов и Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Председатель Европейского Творческого Союза «Огниво». В 2013 г. вышла книга стихов и переводов датской лирики «Тень незабудки» с предисловием Льва Аннинского.

СТРОКА В НЕБЕСАХ ВАЛЕРИЯ САВОСТЬЯНОВА Рецензия-эссе на книгу Валерия Савостьянова «Русский крест»

За окном – пасмурная датская осень, настырный дождь, чужая речь. А передо мной – книга тульского поэта Валерия Савостьянова «Русский крест». И входят солнечным лучиком в сердце строки:

<i>Рощица прозрачная, нагая, Листья днями прошлыми шуршат. Есть ли на Земле земля другая, Чтобы так умела утешать?</i>	<i>Озеро все прожитые годы Отражает, словно камыши. Есть ли на Земле другие воды, Чтобы так смывали боль с души?..</i>
--	--

...Так сложилась судьба, что уже много лет назад я уехала из России в Данию, где мне пришлось ходить извилистыми и часто тернистыми тропами эмигрантского бытия и снова учиться быть собой в окружении чужой культуры, труднопроизносимого датского языка, непривычного скандинавского менталитета. Через нелегкий опыт жизни на чужбине я по-новому осознала свою принадлежность к русской культуре, родному языку, родственным и дружеским связям на Родине. То, от чего я когда-то уехала с легкомыслием юности, оказалось для меня самым важным, насущным. Только в эмиграции я поняла, насколько я русская, и при всем уважении к другой культуре не могу быть до конца собой в чужой стране. Но эмиграции я все-таки благодарна – своей жесткой рукой она вылепила из меня поэта. Я много пишу о том, как непросто жить в эмиграции с русским самосознанием, русским восприятием мира. Поэтическое творчество стало той ниточкой, которая связывает меня с русской культурой и духовно близкими людьми.

С Валерием Савостьяновым я познакомилась на своем творческом вечере в Москве. Мы подружились, обменялись нашими книгами. И вот «Русский крест» – в Копенгагене. Можно начать читать эту книгу с любой страницы – и сердце сразу же откликается искренним, пронзительным и светлым поэтическим строкам. Даже если написано о горестном, трагическом – все равно это поэзия светлая. И в этом ее сила и обаяние. И особая тайна.

«Русский крест» – это книга о судьбе поэта и судьбе России, это летопись целой эпохи, с щемящей достоверностью запечатленной в талантливом поэтическом слове.

Валерий Савостьянов родился в селе Сергиевское под Тулой через несколько лет после окончания войны. На мальчишках той поры – еще последний пепел военных лет, живая «память, что была война»:

*Я был рожден во времена,
Когда закончилась война
Победою!..*

Не случайно книгу открывает раздел «Дедовы медали». О Второй мировой писали многие. Никто, наверное, не писал о войне так пронзительно, как сами фронтовики. Но Савостьянов сумел раскрыть военную тему совершенно особым образом – он слышит эхо войны в лето-

❧ Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е - 2 4 1 - К Р И Т И К А ❧

писи собственной семьи, в судьбах сельчан, и эти военные позывные становятся и его биографией, голосом его совести, его сопричастностью тем тяжелым испытаниям, которые выпали на долю советского – русского – народа.

Поэт пишет о своем деде, который ушел на войну в тридцать пять:

*...Я в глаза его
Твердо и прямо взгляну,
Взгляд от фото не отведу –
В этом возрасте*

*Дед мой ушел на войну:
На страданье,
На кровь,
На беду...*

Страшная война опалила всех, коснулась каждой семьи – и в родном селе Валерия, и в других селах и городах России. Как много тогда осталось на Руси безутешных вдов и матерей. Им суждено было состариться в одиночестве, с искалеченной судьбой, с незаживающей в душе раной потери. Поэт не остается равнодушным к боли этих людей. Он сопереживает им, заходит к ним в дома – как только и умеет поэт: почти незримо, не желая нарушить их покой, но понимая, как важно оставить в назидание потомкам «поэтические снимки» того горького времени, той неизбывной беды – беды, которая со временем приняла облик почти незаметного быта:

*Очень добрая старушка
Тут жила со стариком.
Стол дубовый и дерюжка
Над фамильным сундуком,
И в буфете, что без ножки,
С блеклым зеркалом внутри,*

*Три тарелки и три ложки,
Вилки три и рюмки три,
И на блюдечках – три
чашки.
А в сторонке, в уголке –
Треугольные бумажки.
Остальное – в сундуке...*

А вот строки, посвященные тете Тоне, которая живет под Бежецком, «как одинокая береза». Она когда-то проводила единственного сына на войну и теперь доживает свой век одна:

*...Не спеши же, ангелок,
В добрый дом ее явиться,
Где на фото, словно Бог,*

*Мальчик с ромбами
в петлицах...*

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -242- КРИТИКА ❧

Сегодня, когда память о Священной Войне ставится некоторыми Иванами, родства не помнящими, чуть ли не под сомнение, поэзия Валерия Савостьянова очищает и возвышает, не дает забыть историческую правду, заставляет вновь и вновь преклонять голову перед бесмертным подвигом русских солдат-освободителей:

*...Сколько было всего
на жестокой войне,
Сколько слышал всего
от героев живых!
Почему же так горько,
мучительно мне
Вспомнить наших солдат
на чужих мостовых?
Почему же так сладко,
так радостно мне,
Что стоит на коленях
надменный рейхстаг
В исцеляющем пепле,
в священном огне,*

*Что Берлин в белых флагах,
как в белых бинтах,
И повсюду: на площади
после атак,
На дымящихся улицах
и на мостах,
В парках, в скверах
на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли,
камнях,
Спят солдаты,
спасенную Землю обняв, –
И улыбки цветут
у живых на устах...*

А что же потом? А потом была мирная жизнь – да, непростая, со своими лишениями и невзгодами, но и со своими взлетами и надеждами. О том времени можно говорить разное, можно судить его и осуждать, но, как и всякое время, в котором человеческая судьба застывает, как разноцветное крылышко бабочки в янтаре – оно неоднозначно. В нем есть и плохое, страшное, бесчеловечное, и хорошее – яркое, незабываемое, жизнеутверждающее.

Валерий Савостьянов пишет о годах своей юности и зрелости предельно искренне и, возможно, субъективно, но его слову веришь: «Из себя я не строю пророка – но зато и не лгу». Поэт оставил нам свои правдивые свидетельства ушедшей эпохи:

*...А ведь было такое, ведь было:
сидели всю ночь над прожекторами,
Были Родине нашей нужны
комсомольские наши
«Прожекторы»
И настенная наша печать*

*со стихами,
с простыми заметками.
Вот бы снова начать
жить и мыслить
великими теми ее
Пятилетками!..*

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -243- КРИТИКА ❧

История распорядилась по-своему. Рухнул Союз. Десятибалльное землетрясение Перестройки прошло по судьбам миллионов людей, раздробив одну большую страну на множество новых государств, перетряхнув и переиначив все прошлые ценности и идеалы.

На долю поколения, к которому принадлежит Савостьянов, когда-то поднятого в поднебесье на гребне победной славы и гордости за свою великую державу, выпало увидеть, как «все, что предками-героями завоевано, построено, нажито и нам доверено – смутой по ветру развеяно...»

Это был тяжелый, болезненный и необратимый процесс. «Мы потеряли не в бою страну великую свою...» – с горечью говорит поэт. И добавляет: «...Легко ль нам, однолюбам, постсоветским лебедям?»

В слове «однолюб» – ключ ко всему в творчестве Валерия Савостьянова. Он, действительно, из этой редкостной породы людей. По праву рождения досталась ему советская Родина – уж такая, какая есть, какая была – со своими бедами и победами. И нелегко было осмыслить и пережить ее исчезновение:

<i>Брат, хоть я не привередник,</i>	<i>Я лишь ей давал присягу,</i>
<i>Мне сегодня тяжело:</i>	<i>Ей оружие ковал,</i>
<i>Я империи наследник,</i>	<i>Кровь свою –</i>
<i>Чье название с карт сошло.</i>	<i>Больному флагу</i>
	<i>Для нее переливал...</i>

Кто-то скажет: ностальгия по тоталитарному государству. Но тот, кто не делит жизнь на черное и белое, кто сам был рожден в великой стране под названием Советский Союз, до конца еще не понятой миром и не осмысленной историками, тот почувствует такую же тоску – по самому лучшему, самому светлому, что было в той стране. А оно ведь было, и этого никто не сможет оспорить. А лучшее – были сами люди, жившие в том исчезнувшем государстве. Поколение Валерия Савостьянова – поколение однолюбов – яркий тому пример. Им пришлось все вынести на своих плечах — и послевоенные неурядицы, и рухнувшие надежды хрущевской оттепели, и брежневский застой, и лязгающую жесткость перестроечных танков, которые безжалостно проехали по их судьбам. Это было сильное, генетически очень здоровое поколение. Они держались до конца, они и теперь не сдаются. И все-таки не все из них выдержали, выжили.

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -244- КРИТИКА ❧

Книга «Русский крест» — это еще и плач по друзьям, не справившимся с жестокостью нового времени, сломавшимся, ушедшим преждевременно в небытие. Поэт оплакивает смерть близкого друга, который был «лучший в школе математик, на заводе – лучший спец»:

*...И осталось только фото,
Где в гробу товарищ мой, –* *Как свидетельство дефолта
Демократии самой...*

А эти горестные строки посвящены Софье Киселевой, поэтессе и сказочнице, без вести пропавшей в наше «мирное» время:

*...Неужели не найдется
свидетель
И могильный не отыщется
холм,
Где убийца твою добродетель
Притушил своим смертным
грехом?
Я хотел бы постоять* *на могиле,
Я хотел бы цветы принести...
Говорят, что за квартиру
убили.
Нет!
За то,
Что всех мечтала спасти!..*

Сердце поэта болит не только за близких друзей, ему жаль всех, чья судьба расплющилась и искалечилась в раскаленном горниле Времени. Он видит этих обездоленных людей везде – на улицах, на остановках, в магазинах и торговых ларьках, и с любовью забирает их в свой поэтический мир, становясь их голосом, их слезами, их болью:

*Ты плачешь, Доминго Плачидо
Вставляя в магнитофон.
Полгода за газ не плачено,
И выключен телефон.
Наташка твоя – голодная,
Больные – отец и мать.* *Красивая, благородная,
Уставшая занимать,
Ободранной ходишь липкою,
Внутри тебя – злой зверек.
Расстаться пора со скрипкою
Решила ты – и в ларек...*

Поэт не делит людей на плохих и хороших, благополучных и опустившихся. Для него они все – творения Божии, и особенно жаль ему тех, кто оказался уже у последней черты. Он просит у Господа за нищих и бомжей:

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -245- КРИТИКА ❧

*...Дай Ты им хлеба, Отче,
Теплый подвал, где спят,*

*Дай им в осенней роще
Ягоды и опят!..*

Еще одна пронзительная нота в стихах Валерия Савостьянова – судьбы российских солдат, солдатских жен и матерей постперестроечного времени. В стихотворении, посвященном памяти псковских героев-десантников, погибших в Чечне, поэт говорит о том, что Россия выдержит все испытания, потому что у нее есть «рота ангелов», которые всегда встанут на ее защиту:

*...Но рота ангелов ее
спускается с небес,
вся в голубых беретах,
Чтоб снова за нее
кровь юную пролить
и честно умереть...*

*В прекрасной их стране,
В несчастной их стране,
В стране, еще вчера,
казалось бы,
С такою же, как их,
Великою судьбою...»*

У ангелов России есть матери и жены. Не часто вспоминают о них, о том, какой мукой переполнены их сердца, когда провожают они на войну сыновей и мужей. Валерий Савостьянов – помнит о них:

*...Она сказала:
«Теперь тряпина
И заморозки в Чечне...»
Она вязала свитер для сына,
А примеряла – на мне...
...А я, очистив*

*пол-апельсина,
Из фляги чуть пригубя,
Уже не свитер –
судьбу ее сына
Примерял на себя...*

В стихотворении «Россия, Русь...» образ Родины неразделим с образом солдатской вдовы:

*...И лишь за то одно,
что на поминках
Рыдаешь ты солдатскою
вдовой,*

*Мы будем смысл искать
в твоих суглинках
И красить кровью снег
передовой...*

Сопереживание – очень важное свойство поэзии Валерия Савостьянова. Человек открытого, восприимчивого сердца – он, действительно,

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -246- КРИТИКА ❧

народный поэт, поэт-гражданин, не способный оставаться в стороне от всего, что происходит с его страной. При этом Савостьянов не набрасывается на плохую власть, ни к кому не кипит ненавистью, никого не проклиняет и не поучает. Просто очень точно выражает боль и скорбь своего народа. Его стихи – это капельки запекшейся крови правды на челе жестокого Времени. И этим его поэтические строки пронзительнее и доходчивее, чем проклятия и осуждения. В такой вот точности и искренности запечатленной боли, в сострадании окружающему миру – и есть, наверное, наивысшее предназначение поэзии. Только дается это не каждому, а если и дается – то уже в зрелости, и человеческой, и поэтической. К Савостьянову эта поэтическая зрелость пришла – ему дано то творческое состояние, когда «требуется крови в наши краски искусство от нас». Требуется, чтобы окрасить поэзию вневременной подлинностью.

В стихотворении «Не гаси мою свечу» поэт обращается к Всевышнему:

<i>...Не вели меня казнить – Я иду, не зная броду. Дай мне что-то объяснить Драгоценному народу! Что – пока не знаю сам. Но в годину испытаний,</i>	<i>Верю, дашь моим устам Нежность словосочетаний, – Чтоб не ядом напитать, Не отмицением, не болью, Чтоб молитвой отщипать, Чтоб спасти его любовью!..</i>
---	--

Союз распался, но Россия не исчезла с лица земли, не исчезла память о ее героях, не исчезла Вера Православная. Именно эти темы становятся в творчестве Валерия Савостьянова центральными.

Поэт хочет найти опору в «державном русском духе», обращается к славным страницам русской истории, к христианским мотивам. Особо трепетно, проникновенно воспеваешь поэт родной тульский край – свою малую родину, с которой он неразрывно связан духовными корнями, памятью предков:

<i>Всех моих предков меты В сердце мое вошли. Чувство шестое — это Чувство родной земли. Вот они, под рукою,</i>	<i>Мудрые письма — Плыли рекой Окою Русские племена. Плыли, гребли направо, В реченьку да в Упу,</i>
--	--

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -247- КРИТИКА ❧

Будто ладьи направа Прямо в мою судьбу. В Тулицу повернула Княжеская ладья – Так начиналась Тула,	Так начинался я. Если чего-то стою Я от нее вдали – Благодаря шестому Чувствую родной земли...
---	--

Валерий Савостьянов не мыслит себя, как поэта, в отрыве от родины. Свое поэтическое предназначение он видит прежде всего в том, чтобы услышать голос родной земли и в беде, и в радости. И откликнуться на ее зов:

Куст смородиновый спел – Рву смородину. Если в чем и преуспел – Слушать родину. Верить, сколь ни посулит Спелой сладости. Делать, что она велит	В горе, В радости. Сердцем дым ее вдыхать, Будто кроною... Как ее не услышать, Нашу, Кровную?
---	---

Несмотря на все испытания, выпавшие на долю России, поэт гордится тем, что он русский:

...Горд я русскою судьбою! Мне б свечой среди свечей Вспыхнуть в сумраке собора Для Твоих, о, Русь, очей!	Дай мне, грешному поэту, Прометеева огня – Чтобы следовать завету Здесь стоявших до меня!..
--	--

Тема Православной Веры занимает большое место в творчестве Валерия Савостьянова. Хотя его поколение не воспитывали в вере, православие с детства вошло в жизнь поэта:

<i>Дети канувшей страны, Беспощадной и могучей, Бабушками крещены</i>	<i>Тайно мы – На всякий случай...</i>
---	---

В стихотворении «Псалтырь» поэт с благодарностью вспоминает свою бабушку Екатерину, преподнесшую ему, еще маленькому мальчику, первые уроки истинной веры и любви к людям:

❧ **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -248- КРИТИКА** ❧

*...До сих пор тебя не забывают
Люди и Природа:
До зимы
Над тобою птицы распевают
Нежные хвалебные псалмы.*

*Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются
в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе!*

Образ Николая Чудотворца тоже памятен поэту еще с детства – ведь он «трижды Николаич»:

*Сельское детство,
ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц*

*Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

Вера хранит и поддерживает Валерия Савостьянова всю жизнь. Если на сердце тяжело, если мучают неразрешимые вопросы – поэт знает куда идти, где искать утешения:

*...А когда я душой неспокоен,
Я иду по любимым местам —
У святых постоять колоколен,*

*Поклониться высоким
крестам...*

Видя, сколько опять страданий и бед выпадает на долю России, поэт призывает вернуться к христианским истокам и, забыв ненависть и вражду, возродить на Руси Веру Православную:

*...И есть Ориентир:
Не мстя, не укоряя,
Взять мастерки –
и всем до одного*

*К разрушенным церквям
Святого Николая,
И всех Святых,
И Спаса самого!*

Поэт уверен: если жить с Богом в душе – все наладится, образуется, придет к гармонии и свету:

*Знаю: все наладится,
Верю: все устроится –
В центре мироздания
Родина, семья.*

*В центре мироздания,
Как Святая Троица:
Мать моя, сестра моя
И жена моя...*

❧ Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е - 2 4 9 - К Р И Т И К А ❧

Любовь к своей семье: жене, детям, родителям – свята для Валерия Савостьянова. Он – звено в цепи поколений, он – часть целого, дающего ему силу и мудрость жить. Он чувствует, что, даже ушедшие в мир иной, дед и бабушка – по-прежнему дарят ему любовь и направляют на жизненном пути:

<i>...Дай же, сиреневый первоцвет, Следуя следом, Знать, что разбудят меня чуть свет Бабушка с дедом, –</i>	<i>Чтобы я верил, что не один В грозной Вселенной, Чтоб у могилки их посадил – Рощу сирени!..</i>
---	---

Отцу Валерий благодарен за то, что тот научил его труду, мужской ответственности за родных и близких, мужеству никогда не сдаваться, не быть в жизни последним:

<i>...Но все же рад, что я – не из последних, К работе вкус С младенчества познав,</i>	<i>Что величал отец меня «Наследник», «Нахлебником» – ни разу не назвав!..</i>
--	--

Сыновние чувства к матери выражены в стихах Валерия Савостьянова так трогательно и пронзительно, что слезы наворачиваются на глаза:

<i>Мамочка, ты хоть немножко рада, Легче тебе, мама, хоть чуток? – Глянь: твоя могильная ограда Словно распутившийся цветок! Выкрашены лавочка и столик... И, когда к автобусу иду, Оглянусь, – и веселее, что ли? –</i>	<i>Будто бы закрасил я беду. Будто потому, что крест не ржавый, А, как мамин локон, вороной, Уж теперь Ни с нашею державой Не случится худа, Ни со мной...</i>
--	--

Законы бытия неизменны, в основе жизни – смена поколений. Главное – то, что ты оставляешь после себя. Об этой преемственности есть у Валерия Савостьянова прекрасные строки:

❧ **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -250- КРИТИКА** ❧

*...Ох ты, лет стремительная Сын возьмет – поднимет,
мельница! не поленится,
Знаю: все однажды Застучит!
переменится, – И сложится поленница.
Но топор мой, выпавший из рук, И, счастливый, улыбнется внук!..*

Поленница дров и поленница стихов. Валерию Савостьянову замечательно удается и то, и другое. Наверное, потому, что в его лице счастливо воссоединились два начала – мужское и поэтическое. Ведь и биография его – сугубо мужская: учился в Тульском политехническом институте, был радиомонтажником на военном заводе, электрослесарем и проходчиком на шахтах Подмосковья и Донбасса, много лет работал инженером-электронщиком, программистом, начальником электронно-вычислительных машин, заведующим лабораторией. А в годы перестройки, чтобы выжить и прокормить семью, даже занимался бизнесом.

Кто-то, возможно, спросит – где же во всем этом поэзия? А она во всем. Если человек обладает не только литературным талантом, но и большим сердцем и сопереживающей душой – любой жизненный опыт идет впрок. И появляются не надуманные, не оторванные от жизни строки – рождается настоящая поэзия. Поэзия с большой буквы, когда меч мужчины-воина и меч поэтической речи неразделимы:

*...Выйдем же сече навстречу, Меч поэтической речи –
Ляжем «за други своя»: Все-таки в наших руках?
Меч поэтической речи – Братья, поставьте же свечи
Ржав без меча и копы!.. Тем, кто хранил на скаку
Братья, мы ваши предтечи – Меч поэтической речи –
Как вам в далеких веках? «Слово» о нашем полку...*

И снова говорит поэт о преемственности – теперь уже не семейной – творческой, поэтической. Он верит, что русская поэзия, как и ратные подвиги русских богатырей – не оскудеет в веках. «Слово» о нашем полку – полку русских людей, настоящих мужчин земли русской, и полку поэтическом – продлится в стремительной скачке исторических эпох, потому что принадлежит Вечности.

Прочитав книгу Валерия Савостьянова «Русский крест», я долго еще осмысляла ее, возвращалась к наиболее понравившимся, запо-

нившимся, тронувшим сердце строкам. В жизни нет ничего случайного. И, конечно, неслучайно то, что я прочитала эти стихи именно тогда, когда мое собственное мировоззрение стало очень созвучно русской идее, русским духовным ценностям. После опыта эмиграции я с новой силой осознала гордость от своей принадлежности к русской культуре, русскому языку. Стихи Валерия Савостьянова явились для меня живительным источником высокого русского духа, любви к Родине, верности семейным ценностям и общечеловеческим идеалам. Стало радостно, что в России есть такие мужчины – такие поэты – настоящие, которые никогда не предадут ни Родину свою, ни Веру, ни семью, ни друзей, ни свой поэтический дар – не поставят его на служение лукавым силам мира сего.

Честно говоря, много сегодня расплодилось на литературном горизонте псевдопоэзии, авторы которой изошряются в плетении абстрактных словесных кружев – без чувства, без смысла. Читаешь такие стихи – кстати, часто не лишенные таланта – и удивляешься. Зачем они написаны? Для кого? Для узкого междусобойчика таких же псевдогениев? Что ж, оставим таких творцов качаться в паутине надуманных образов и невнятных толкований – и поспешим на просторы живого слова, где о важном, насущном, глубинном сказано легко, доходчиво, мудро. Поспешим к такой поэзии, которая будет понятна и ребенку, и мудрецу, которая сумеет размягчить даже каменное сердце, а сердце чувствительное – согреть и успокоить.

Именно такую поэзию найдет читатель в книге Валерия Савостьянова «Русский крест». Как символично ее название! Это и готовность русского человека разделить тяжелый крест испытаний со своей Родиной, и это Крест, служащий опорой и защитой православному христианину – его оберег, сила, спасение.

Нельзя не упомянуть еще об одной важной особенности поэзии Валерия Савостьянова – она исповедальна и бесстрашна в своей искренности. Поэт как будто листает перед нами страницы семейного альбома с дорогими сердцу фотографиями. Он делится с нами милыми мелочами детского быта, разговорами с бабушкой и дедом, родителями, запомнившимися домашними сценками, цветными бликами семейной жизни, опытом отцовства, деталями сельского и городского пейзажа.

Он откуда-то знает, чувствует, что в личных его воспоминаниях есть что-то дорогое сердцу каждого русского человека – независи-

мо от места рождения, возраста, жизненного опыта. Вот в этой универсальности общерусского восприятия жизни, явленной тонкими, лирическими штрихами личных, почти интимных, эмоций – и есть неповторимая сила поэзии тульского самородка.

О природе в поэзии Савостьянова нужно сказать особо. Природа для него – существо одушевленное. Он обращается, как к живым, к деревьям, животным, птицам, цветам. Он их любит, жалеет, нередко наделяет человеческими качествами. Одни названия стихотворений: «Осенняя вишня», «Тополь», «Я, рябина и наш разговор», «Рощица прозрачная, нагая», «Яблонька», «Поля озимых», «Антоновка», «Старинный сад», «Плач по сиреневому первоцвету», «Ах ты, липа моя», «На березе у крыльца» – говорят сами за себя.

Во всех этих стихотворениях поэт не только обращается к природе, он беседует с нами о любви, переменчивых ликах времени, философских противоречиях бытия, жизни и смерти.

Савостьянов – не только поэт социально злободневный, поэт–гражданин, он еще и тонкий лирик, мастер поэтической детали, метафорической словесной огранки:

*...И поздний свет рябин
все ближе мне с годами, –
Не крон их зыбкий свет:
их листья — без затей, –*

*Они чаруют взгляд
прекрасными плодами!..
Так не затем ли Бог
дарует нам детей?*

В нескольких строфах Валерий Савостьянов умеет рассказать о сути жизни, ее переменчивости, конечности, печали, красоте и вечном возрождении, обновлении.

ПОЛЯ ОЗИМЫХ

*Из ранних сумерек,
Незримых
Потемков детства моего
Поля осенние озимых
Являются, как волшебство,
Как сладкой взрослости загадка,
Одна из тайн,
Одна из вех,*

*Где неожиданна и кратка
Жизнь, уходящая под снег!
Что это:
Страшное коварство,
Где, убивая, не убьют
И где, подмешанный
в лекарство,
Яд, как снотворное дают? –
Или прообраз Воскрешенья,
Где новый стебель*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -253- КРИТИКА

*И жнивьё,
Где муки бывшие,*

*Лишенья –
Во благо все-таки твое?..*

Поэт знает: все жизненные испытания, разочарования, горький опыт самопознания – все в душе его переплавилось в драгоценный металл поэтического вдохновения. И именно поэтому не напрасно. Крест поэта тяжел, но своей жизни он без этой ноши, без «Пасхи дела своего» не мыслит:

*...Жалеть ли о счастье
жестоким
Поэтов, поднявшихся в рост?
Они – электроды под током
Стихи ими пишущих звезд!*

*Чем люди бы связаны были,
Как стали бы люди людьми, –
Без искры космической пыли,
Без жертвенной сварки любви?..*

Душа поэта стремится ввысь. В небо, в Космос. Ведь настоящая поэзия – всегда от неба, не от ада. Даже если говорит она о земном, трудном, больном – все равно она возвышает. Несет свет. В этом ее суть и предназначение.

У Валерия Савостьянова есть стихотворение «Строка в небесах» – милое, трогательное. О пионерском детстве, о первой влюбленности, о мечте мальчика стать настоящим мужчиной, защищать свою страну и свою любовь. Он хочет когда-нибудь, в будущем вывести «реактивным мелком» в небе любимое имя – Надежда.

Мечта того мальчишки осуществилась. Пускай он не стал летчиком, но он стал Поэтом. Он выводит «поэтическим мелком» в сердцах людей это прекрасное слово – Надежда.

И строка его поэзии негасима в небесах. Его небесах. И наших.

Сергей Одинок

(г. Тула)

**О ПРАВДОПОДОБИИ И БОГАТСТВЕ
НАРОДНОЙ РЕЧИ
В ПЬЕСАХ Л.Н. ТОЛСТОГО**

Лев Толстой – один из наиболее известных и выдающихся писателей, просветителей и мыслителей не только отечественной, но и мировой культуры. Его художественные произведения, публицистические и религиозные труды переведены на десятки языков, по мотивам его романов, повестей, пьес и рассказов снято огромное количество кинофильмов. Проблемы, затрагиваемые Л.Н. Толстым, оставались актуальными как для современников писателя, так и для новых поколений читателей и исследователей. Среди аспектов творчества Л.Н. Толстого, находящихся под пристальным вниманием ученых, особое место занимают вопросы языка и идиостиля писателя. В связи с этим подробному анализу и изучению подверглись самые известные и крупные прозаические творения Л.Н. Толстого: романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»; повести «Детство», «Отрочество», «Юность», «Казак», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната» и другие, цикл очерков «Севастопольские рассказы», а также дневники и письма. Существенный вклад в изучение языка художественной прозы, публицистики, писем и дневников Л.Н. Толстого и особенностей его идиостиля внесли такие исследователи, как В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, В.Г. Чичерин, А.Н. Кожин, А.И. Шифман, В.Л. Архангельский, Д.А. Романов и другие.

Помимо обширного прозаического наследия, Л.Н. Толстой оставил свой след и в развитии драматического искусства, написав свыше десятка пьес. Однако довольно долго его драматургия была недооценена: среди большинства критиков и филологов начала XX в. установилось твердое убеждение, что Л.Н. Толстой – это, в первую очередь, великий эпический художник, а драматургия является «случайностью», «маленьким заливчиком в бескрайнем океане его творчества» [1. С. 3]. Только в начале 50-х гг. XX в. появились исследовательские работы, посвященные комплексному анализу драматургии Л.Н. Толстого. В них пьесы автора рассматривались как закономерное продолжение его

прозаического творчества. Особую роль в переоценке драматургии Л.Н. Толстого сыграли работы Н.К. Гудзия, К.Н. Ломунова, В.В. Основина, Г.А. Бялого, А.В. Макеева. Ощутимый вклад в анализ различных аспектов драматургии Л.Н. Толстого внесли Э.Е. Зайденшнур, Д.Д. Ильин, Е.П. Артеменко, Н.П. Гринкова, М.В. Крылова, Р.Н. Попов, Н.С. Авилова. В наши дни мастерство Толстого-драматурга, его искренний интерес к театру считаются бесспорными. Толстой, как великий художник, не мог не чувствовать огромного воздействия, которое оказывает подлинное сценическое искусство на зрителя, присутствующего на спектакле. Театральные подмостки стали для писателя еще одной сферой, в которой стало возможно отразить мысли и переживания, беспокоившие Толстого в течение многих лет.

Первые замыслы будущих пьес возникают у писателя еще в 50-е годы XIX в. (это два наброска неоконченной комедии под названиями «Дворянское семейство» и «Практический человек», 1856 г.). Однако свои главные драматические произведения – комедию «Плоды просвещения», драмы «Власть тьмы» и «Живой труп» – Л.Н. Толстой создает после духовного перелома (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.), когда существенно изменилось его отношение к дворянскому образу жизни, социальному устройству страны, религии, а также к собственной прожитой жизни и литературному творчеству. В частности, писатель по-новому оценивает стиль и языковые особенности своих произведений. Как отмечает В.В. Виноградов, «в 70-х годах у Толстого окончательно созрело убеждение в том, что его русский язык «далеко не хорош и не полон». Поиски «более красивого и русского языка» привели к «народному» языку» [2. С. 123]. Л.Н. Толстой восхищался образностью и мудростью народной речи и во многом даже учился у крестьян естественности языка, которой не хватало литературным произведениям его эпохи.

Являясь художником-реалистом, Л.Н. Толстой использовал в речи своих народных персонажей диалектизмы, разговорные и просторечные формы. Это помогало автору, с одной стороны, отразить языковое разнообразие своего времени, с другой, – подчеркнуть богатство живой народной речи, ее отличие от «вычурной и искусственной» речи дворян, переполненной заимствованиями и иноязычными вкраплениями.

В целом поздние произведения писателя отличаются по стилю от ранних: в них особенно заметно тяготение к народной лексике, прослеживается тенденция к упрощению языка, поскольку, по мнению Л.Н. Толстого, «совершенно простым и понятным языком ничего дурного

нельзя будет написать» [2. С. 123]. Тем не менее творчество позднего Толстого не теряет стилистической связи с его ранними и зрелыми произведениями. Как отмечает Д.А. Романов, «авторский стиль крупных русских писателей складывается обычно довольно рано: ко времени создания первого произведения масштабного жанра (как правило, романа) идиостиль обычно уже сформирован. <...> Разумеется, с годами владение языком совершенствуется, приобретая все новые черты. Но в целом, в своих главных основах: принципах выбора слова, объеме лексикона, использовании изобразительно-выразительных средств, частотных синтаксических конструкциях, особенностях пунктуации – идиостиль практически не меняется» [3. С. 43]. Поэтому, несмотря на изменения в мировоззрении, отказ от былых идеалов, обострение внутренних противоречий и переоценку собственного творчества, Л.Н. Толстой остается верен своим уже выработанным и сложившимся литературным приемам и стилевым средствам, благодаря которым его произведения сохраняют авторскую индивидуальность и отличаются от произведений других авторов. Можно говорить об эволюции стиля писателя, но никак не о полном его изменении. Расширение стилистических пластов, тяготение к народной лексике, упрощение синтаксиса, – все это является «незначительными стилистическими подвижками» [там же, с. 44], которые возникли в творчестве Л.Н. Толстого благодаря его желанию приблизить язык своих произведений к народному языку. Именно простота, лаконичность и особая реалистичность языка помогли драматургу создать яркие, неповторимые и колоритные образы крестьян, лексический состав речи которых мы далее рассмотрим.

Особый реализм Л.Н. Толстого проявляется в использовании диалектизмов, свойственных речи крестьян его эпохи и продолжающих существовать в современных русских говорах. Например, в репликах Малашки, крестьянской девочки из пьесы «И свет во тьме светит», воспроизводится фонетическая особенность южнорусских говоров – смягчение конечного согласного [т] в глагольных формах:

«Иван. Воды. Испить. <...> Что ты малого все бьешь, что он орет. Вот я матери скажу.

Малашка. Говори матери. С голоду ореть. <...> Вон барин идет» [4. С. 226].

Яркой стилистической чертой является использование Толстым сугубо лексических (семантических) диалектизмов. Например, в речи

той же Малашки встречается диалектизм голомя (в значении 'давно, давненько' [5. Т. 6. С. 321]):

«Иван. Ах, хоть, бы смерть пришла. Звонили к обеду, что ль? Малашка. Голомя. Звонили» [4. С. 226].

Использование подобных черт позволяет Л.Н. Толстому подчеркнуть территориальные особенности речи, подмеченные им во время общения с крестьянами родной для него Ясной Поляны Тульской губернии и других областей, где бывал писатель на протяжении своей большой жизни.

С поразительным мастерством Л.Н. Толстой индивидуализирует речь своих героев, используя разговорные, просторечные и диалектные формы. Так, в комедии «Плоды просвещения» к помещику В.Л. Звездинцеву приходят мужики для покупки земли. Несмотря на то, что все три мужика – жители Курской губернии, по своим речевым особенностям герои отличаются друг от друга. Например, только речи 3-го мужика свойственны разговорные формы глаголов: вознала вместо узнала («Тех вознала, а меня не вознала?») [там же, с. 110]), жалаем («Мы жалаем, как отцу родному» [там же, с. 114]), – наречие тады вместо тогда («Как у меня тады нога прела» [там же, с. 143]). Индивидуализация его речи достигается также за счет употребления диалектизмов: например, диалектной формы существительного родитель в родительном падеже множественного числа («Для прокорму, скажем, родителей оставлен» [там же, с. 119]), диалектного существительного фатера ('искажен. квартира, помещенье, жилье, жило' [6.]): «Говорил я – на фатеру бы покуда что» [4. С. 127].

Только в репликах 1-го мужика отражена еще одна фонетическая особенность говоров южнорусского наречия – [хв] на месте исконного [ф]: «Пузу, значит, ей утягивает для хвормы» [там же, с. 148]. В его речи также встречается диалектизм летось ('в прошлом году' [5. Т. 17. С. 23]): «Мир, примерно, на то упевал, что как летось предлог исделали в отсрочке платежа...» [4. С. 115]. Из просторечий можно отметить существительные пузо, клейма т («Значит, клейма т так позволяет» [там же, с. 141]), аппекит («В аппеките, значит» [там же, с. 139]), патрет («А как аккуратна. Настоящий патрет» [там же, с. 122]), музыканщик («А мужчинка-то тот, примерно, из музыканщиков?» [там же]), продохты («...все продохты можно в действие произвести, кто понятие имеет» [там же, с. 118]) и др., а также глаголы предлагать («...предлегал он нам летось рассрочить» [там же]), исделать, упевать (вместо уповать), полномочить, взойтить, произвести (см. выше) и прилагательное ве-

ликатный («А вот дядя Митрий на твое место охотится, на великатную жизнь» [там же, с. 140]).

К особенностям речи 2-го мужика относится употребление разговорной глагольной формы вишь (вместо видишь): «Вишь, ровно воду накачивает» [там же, с. 121], гожаешься (вместо годишься): «Так-то так, а не гожаешься ты для мужицкой работы» [там же, с. 148], просторечной формы существительного генерал (анарал): «Уж и гладок же, ровно анарал» [там же, с. 138], деепричастия выпимши [там же, с. 150].

Речь 2-го мужика менее детализирована и индивидуализирована в силу своей краткости. Его немногословность в сравнении с 1-м мужиком объясняется авторской характеристикой: если «1-й мужик, лет 60-ти, ходил старшиной, полагает, что знает обхождение с господами, и любит себя послушать», то «2-й мужик, лет 45, хозяин, грубый и правдивый, не любит говорить лишнего» [там же, с. 102]. Таким образом, речь толстовских героев полностью соответствует их характерам.

В драме «Власть тьмы» Р.Н. Попов выделяет следующие собственные диалектные слова: «нянька – старшая сестра при меньшей; рундук – ларь, крытая лавка с поднимаемой крышкой (ярославское); лутошка – липка с ободранной корой для плетения лыка на лапти; тор – бойкое место, проторенная дорога; костричишься – упрямишься, противишься (курское); пунька – отдельный чулан или плетневая клеть, где складывают всякую всячину и летом спит хозяин (рязанское, тамбовское); донюшка – дочь (ср. в украинском доню); гребтит – беспокоит, заботит; бахарить – бахвалиться, говорить лишнее (нижегородское, вятское); хомутаются – занимаются краснобайством в свадебном обряде, отчего многим достается (владимирское); не паит – не удается, не выходит; острабучилась – уставилась (казанское); манится – чудится (тверское); притаманно – подлинно, действительно; трафлялось – случалось, лучил бог – привел бог; накошлял – нажил (курское); опанет (опаневить) – оденет (одеть паневу) – тамбовско-курское; важоватая – требующая уважения, прекрасная; нехалаявая – неопрятная, грязная; рогач – надетая на палку металлическая рогатка для подхватывания горшков и чугунов при доставании их из печи (ср. с севернорусским ухват); гайтан – шелковый шнурок, на котором носят нательный крест; веретье – дерюга, ряднина» [7. С. 128].

Среди указанных Р.Н. Поповым значений лексем нам кажется спорным значение глагола опанет. В тексте пьесы данное слово встречается в речи Матрены:

«Матрена. Женить тоже спешить некуда. Это такое дело. Не малина, не опанет» [4. С. 31].

Следовательно, необходимо связать значение данного слова не с процессом надевания паневы, а с падением ягоды (см.: глагол опадывать во 2-м значении – ‘осыпаться, опадать’. Волхов. Ленингр., 1967. Вот жар когда стоит долго, дак в лесу каждая ягодка опадывает [5. Т. 23. С. 229].).

Работая над речевыми характеристиками своих персонажей, Толстой хотел подчеркнуть не только особенность их характера, но и отдельные социальные особенности (например, уровень образованности, «отпечатки» рода занятий, службы и под.). Так, в комедии «Плоды просвещения» лакей Григорий, чувствуя свое превосходство над неграмотными мужиками, сознательно использует в своей речи слово щиблетки – искаженную форму слова штиблеты, которое он перенял из речи хозяев. Презирая мужиков, Григорий даже позволяет себе подтрунивать над ними:

«1-й мужик. Это чьи же?

Григорий. Одна – барышня, а другая – мамзель, музыки учит. <...>

1-й мужик. А мужчинка-то тот, примерно, из музыканщиков?

Григорий (передразнивая). Из музыканщиков!.. Ничего-то вы не понимаете!» [4. С. 122].

При этом его речь представляет собой комичный сплав подслушанных у господ книжных слов с разговорными и просторечными формами, характерными для речи крестьян. Например: «Федор Иваныч! вот говорили, от Пироне фасонисты щиблетки, уж это чего лучше у энтого-то?» [там же, с. 109]). Показателен в этом плане и диалог с горничной Таней в начале пьесы:

«Григорий. Татьяне Марковне мое почтение!

Таня. <...> Что ж это у вас шубы-то повешаны?

Григорий. Сейчас, сударыня, уберу. (Снимает шубу и накрывает ею Таню, обнимая ее.) Таня, что я тебе скажу...

Таня. Ну вас совсем! И к чему это пристало! (Сердито вырывается.) Говорю же, оставьте!

Григорий (оглядывается). Поцелуйте же. <...>

Василий Леонидыч. (За сценой слышен звонок и потом крик.) Григорий!

Таня. Вон, идите, Василий Леонидыч зовет.

Григорий. Подождет, он только глаза продрал. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня. И какие такие любви выдумали! Я никого не люблю.

Григорий. Неправда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетного мужика сиволапого!

Таня. Ну, какой ни на есть, да вот вам завидно.

Василий Леонидыч (за сценой). Григорий!

Григорий. Поспеешь!.. Есть чему завидовать! Ведь ты только начала образываться и с кем связываешься? То ли дело меня бы полюбила... Таня...

Таня (сердито и строго). Говорю, не будет вам ничего. <...>

Григорий. Уж очень строго себя ведете» [там же, с. 103-104].

Обращение к горничной на вы и по имени-отчеству, использование в ее адрес слова сударыня и в то же время употребление грубых и просторечных слов в адрес хозяина и буфетного мужика Семена (глаза продрал, поспеешь, прилагательного сиволапый) – все это создает определенный языковой диссонанс в речи героя, позволяющий отразить влияние лакейской службы на его личность.

В пьесе «От ней все качества» с помощью речевых характеристик Л.Н. Толстому удается убедительно показать особое социальное положение своего героя: в репликах прохожего, бывшего слесаря и машиниста, революционера, человека «ни из крестьян, ни из дворян. Обоюдострого сословия» [там же, с. 339], наряду с разговорными и просторечными формами, традиционно употребляющимися в речи крестьян (нынче, завируха и др.), а также диалектизмами (кузня ('кузница' [5. Т. 16. С. 25]): «В кузню отдала меня не мать, а восприемница» [4. С. 339].), встречаются развернутые формы вежливости (приношу чувствительную благодарность) и даже иноязычное мерси, что более свойственно дворянской речи. Таким способом Толстой подчеркивает «двусловность» героя: в его репликах соединяются крестьянские и дворянские стилистические элементы.

Отмечая приверженность прохожего идеям революции, автор добавляет в его речь слова, пользовавшиеся особой популярностью в революционной среде (экспроприация, пролетарий, буржуй и др.). Многие слова из-за недостатка грамотности герой искажает, вследствие чего они приобретают разговорный и просторечный оттенок. Так, например, в его речи обнаруживаются формы пердагог, пердагогия (педагогика), от ней, кальера, енерция, аграмадный (огромный), аграмарный (аграрный) и др. Например: «Кузнец, значит, первым моим пердагогом был. И пердагогия его в том заключалась, что бил меня этот самый кузнец так, что не столько по наковальне бил, сколько по несчастной голове моей» [там же]; «Она не она, а тоже и от ней пострадал – кальера жизни моей могла бы совсем

иная быть, кабы не она <...> в ней такая сила энергии имеется, что она может вполне испортить человека» [там же, с. 337].

Многие слова, произносимые прохожим, являются необычными для крестьян. Услышав их, они по-своему изменяют их и приспособливают свои ответы к возникающей ситуации. Например, когда пьяный хозяин дома Михайла начинает бить жену Марфу, прохожий заступает за нее со словами: «Не дозволю над женским полом эксплуатацию производить» [там же, с. 341]. На что Михайла ему отвечает: «Я тебе такую остолабацию задам, что кверху тормашками...» [там же].

Приведенные избранные примеры употребления разговорной, просторечной и диалектной лексики – лишь небольшая часть языкового богатства драматургии Л.Н. Толстого. Изучение стиля драматических произведений писателя помогает лучше оценить язык его прозы, обнаружить идейные и языковые параллели в его произведениях, принадлежащих различным родам и жанрам литературы (пьесы, повести, рассказы, романы, письма, дневники). Обнаружение подобных параллелей позволяет соединить литературное творчество Л.Н. Толстого в единое художественное полотно и лучше осознать значение литературного наследия великого писателя для будущих поколений.

Литература

1. Ломунов К.Н. Драматургия Л.Н. Толстого / К.Н. Ломунов. – М.: Искусство, 1956. – 468 с.
2. Виноградов В.В. О языке Толстого. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/135/t35-117-.htm> – Загл. с экрана.
3. Романов Д.А. Языковой мир Льва Толстого глазами современного читателя / Д.А. Романов. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – 158 с.
4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М.Б. Храпченко. – Т. 11. Драматические произведения. 1864-1910 гг. – М.: Художественная литература, 1982. – 503 с.
5. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1-37. – Л., Спб: Наука, 1965-2003.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/cgi-bin/dic.cgi?p=240&t=41626> – Загл. с экрана.
7. Попов Р.Н. «Народная речь в пьесе "Власть тьмы"» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула, 1971. – С. 127-140.

Андрей МОЖАЕВ
(г. Москва)

**ЧЕХОВ, «ЧАЙКА».
НАД МЕРТВОЙ ЗЫБЬЮ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ**

*«И вновь гармонией уплюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь».*

А.С. Пушкин

Однажды Андрей Белый в беседе с ученым-геологом назвал наше подсознание «палеонтологической памятью». Это было во времена быстрого развития естественных наук, биологии, медицины, и подобные вопросы стояли в центре внимания. Ясно, что символизм интересовался этим в поисках обновления языка искусства и создания универсальных архетипических образов и сюжетов, широко воспринимаемых человечеством.

Позднее наука подтвердит: подсознание хранит воспоминания глубочайшей древности со времен появления человека, когда он являлся неразрывной частью природы. И тогда же начинали складываться первые этико-эстетические представления о «социальных» людях – залог выживаемости, приумножения и развития его, во взаимопомощи и «в поте лица добывающего хлеб свой» (помните у Чехова в другой пьесе: «надо работать, работать...»?)

В литературоведении есть игра: изыскивать прототипы, с которых автор списывал персонажей, выявлять события или книги, послужившие толчком для некоторых мыслей, имеющие сходные мотивы и т.д.

В отношении пьесы «Чайка» давно и плодотворно она ведется тоже. Но мои размышления будут лежать в совершенно другой сфере, хотя на одном примере задержаться придется.

Первое действие «Чайки», постановка домашнего спектакля, породило целую традицию угадываний авторов, произведений, пьес, за счет которых Антон Павлович мог бы «обогатиться идеей» мировой души. Так же спорят об авторском замысле Чехова, что он, мол, что-то

недосказал, оставляя нам возможность додумать, и так далее, и тому подобное...

Долгое время Чехова записывали в обличители декаданса-символизма. Будто ему больше делать нечего было, как превращать пьесу в ристалище идейных споров! Да и самого великого писателя представляли борцом с реакционной жизнью Империи: что-то типа Пети Трофимова.

С последних десятилетий советской жизни развилось иное увлечение: искать у Чехова потенции все того же символизма и приспособлять для нужд уже декаданса нынешнего. Отсюда – все эти бесчисленные сценические находки вроде летающего над головами топора из «Вишневого сада». Напоминаю: автор – Чехов, а не Достоевский. Но для постмодерна – чем больше авторов соберется под крышей «эксперимента», тем лучше.

В свое время Лотман сильно сокрушался об упущенной возможности нового направления в развитии русской литературы. Упустил ее Чехов, не написав новаторской пьесы, о которой беседовал с Куприным.

Пару раз Антон Павлович упоминал в разговоре о некоем сюжете побега мужчины и женщины на подлодке в сторону Северного полюса. Правда, противопоставлял ему необходимость описывать свадьбу какой-нибудь Марьи Ивановны. Тут уж и смех, и грех: разве можно всерьез относиться к желаниям и фантазиям двух веселых писателей!

Литературное наследие Чехова говорит нам об ином, прямо противоречит желаниям, мнениям и уровню понимания его интерпретаторов. Мысль автора прямо выражена в четвертом действии «Чайки» выстрадавшим свою правоту Константином Треплевым: «Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души».

О том же говорил Косте в первом действии доктор Дорн: созерцатель, олицетворяющий в пьесе отношение самого автора, доктора Чехова, к происходящему за неимением в драматическом произведении других, прозаических, средств: «Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно... Но изображается только важное и вечное». В прибавлении к этому надо помнить: в пьесе нет ни одного лишнего, неосмысленного слова, жеста, движения, детали.

И все же стоит согласиться с мнением об упущенной возможности нового развития литературы и искусства. Да, после Чехова упущена возможность гармонического развития.

Сначала искусство подменяли пустословно-раздрыганным претенциозом. Потом – социальной тематикой, когда его сделали пристяжной в упряжке идеологии. Теперь на место искусства водрузили пользующийся его языком артбизнес. Он состоит из двух нацеленных на разные социальные группы отделов: арт-хаус и масскульт. Интересно, что первый, с его тягой к отвлеченной гомогенизированной-серой (пусть и эпатажной по форме) «притчеобразности», напоминает собой окончательно деградировавший символизм. Вот такой финал «поискам»...

Итак, вернемся к фразе Дорна: «Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей». Коллизии с мировой душой в девяностых годах девятнадцатого века были распространены в искусстве, философии, теософии, мистике. Трудно представить, что Чехов ничего о ней не слышал и схватился за идею на основании первой подвернувшей под руку и давно и прочно забытой пьески. Именно глубокое понимание Чеховым основы термина и образа позволили создать для театра и литературы совершенно новое произведение с небывалым смыслом.

«Чайка» – и спектакль Станиславского, и пьеса – это и есть новая форма, которую отыскивали давно. Далекое не мною то отмечено... Но с той поры удачных постановок случается критически мало. Прежде, чем браться, «Чайку» нужно понять. Последними понимали это Кедров и Яншин до разгрома МХАТа. Даже добротные, но механистично-рассудочные спектакли товстоноговского БДТ были чужды чеховскому мироощущению. Я уж умолчу о нынешних интерпретаторах: там присутствуют только они сами со своими фантазиями. А у лучших кое-что удастся лишь в частностях.

Утверждаю: зачин «Чайки» с домашней постановкой-декламацией у озера есть сюжетный архетип, из которого разворачивается вся пьеса. И он выстраивает композицию, где финал органично вытекает из начала: от отвлеченно-литературной «мировой души» к совершенно конкретной. А лейтмотив пьесы – это завершающая часть начатой еще задолго борьбы души с «красноглазым дьяволом» и ее победа.

Сюжет и конфликт разворачиваются в поле противостояния разрушающей эгоистичной воле человека и образа его, и толкает ее на путь страданий. В координатах пьесы конфликт заложен в героях, исходит из их натур: совсем не плохих, а порой и милых людей. Но их «зло»,

не явленное прямым действием, исходит из принятого образа жизни. Оно гнетет и давит их самих, прежде всего. Затем – всех, подвернувшихся под руку. Оно разрушает и перерождает их. И этот образ жизни, выраженный в персонажах, разрастается в общую картину того, что Бальзак назвал в свое время «человеческой комедией». А у нас «смех сквозь слезы» изображал Гоголь. И он, и Чехов обладали даром изображать «пошлость пошлого человека». Но этими задачами, конечно, не ограничивались...

Остановимся подробнее на идее «мировой души». Представление о ней нисходит вглубь времен к раннему язычеству. Развитые культуры, античная Греция уже оперировали им. Но в чистом виде оно выступает из ведизма. Позднейшие индусские культы заглушили это понимание обрядностью, магизмом и мистицизмом. А что уж говорить о поздней Европе, подхватившей его в философско-теософских и поэтических фантазиях – Европе, утратившей понимание собственного христианства!..

Чехов еще в 1890 году наметил после поездки на Сахалин свое возвращение морем через Индо-Китай. И ехал он туда не праздным туристом-верхоглядом. Его трехдневное пребывание в Коломбо, послужившее спустя полтора десятка лет толчком для поездки Бунина, подтверждает это. Чехов проделал путешествие за сто верст, посетил знаменитый буддийский храм. А главное – был на освященном озере, в окружении тропических лесов. На этом «колдовском» озере в ночь, в закатных отсветах воды под огни факелов девушки Армии спасения устраивали шествие с пением.

И там же в Коломбо им был начат рассказ «Гусев», финал которого исполнен в явно «ведическом» ключе. В этом рассказе обращают на себя внимание глубинные смысловые параллели с некоторыми мотивами начатой спустя пять лет пьесой «Чайка». В свое время Бунину не нравился финал «Гусева». Он видел в нем христианское начало. Сам же писал в фактурном приближении к местному колориту и типам. А у Чехова были описаны русские люди: заболевшие служивые, отправленные на родину. И вот беда с этими рассказами – вышло все наоборот, вопреки мнению Бунина. Потому, что не в описаниях внешнее дело. Чехов пережил, принял мироощущение человека индо-китайской культуры и выразил его в композиции, генеральной мысли и финале. Я ниже обязательно вернусь к рассказу. А пока остановлюсь на реинкарнации, переселении душ, что неразрывно связано с идеей мировой души.

Так что же понималось под этим в наиболее чистом виде, на что наводят древние индийские книги и религиозно-психотерапевтические

практики наиболее видных адептов? Это, прежде всего, мировая гармония в соединенности всех душ, где божество и человек являются лишь частью целого. Это древнее учение о природе, о неуничтожимости жизни, ее равновесии в общем круговороте сущего. Говоря современным языком науки – это универсальная взаимосвязь всего живого вещества планеты Земля, наша живительная родная биосфера, как определил ее великий Вернадский. И в ней присутствуют силы созидания и силы распада.

Добро и зло – в самой жизни и в человеке. Утрата гармонии ведет к разрушению мира, непригодности его для жизни, к противостоянию общества нашим личностным недостаткам, проецированным в этом обществе. Эти наши недостатки, если закрыть на них глаза, объединятся друг с другом и образуют горючую смесь, служащую запалом к «великим потрясениям». Так что, все начинается с нас, с нашего внутреннего мира.

Это близко, хотя и наособицу, пониманию катарсиса. Хаос – разрушительное – входит в мир преступлением, угрожающим своими последствиями развитию и ходу жизни. Мир же устроен по законам космоса: по-эллинически – силы, созидающей в красоте. В древнегреческой трагедии герой смертью искупал свой грех против развития жизни. И зритель, пройдя через сопереживание трепету, страданию и ужасу из-за гибели прекрасного космоса, очищался от живущих в нем разрушительных стихий и обновлялся для продолжения жизни. Космос же, освободившись от хаотического начала искуплением преступления, самовосстанавливался. И это периодическое разрушение и воссоздание космоса – циклическая жизнь природы и мира – являлись для эллина главным трагическим мифом бытия.

В Индии дело обстояло и похоже, и иначе. Не парки приговаривали к року героя, но сама богиня Кали вступала в борьбу и злом воздавала за зло. «Клин клином вышибают» – по-русски... Человек за свой образ жизни ответит в будущих жизнях перед вечным круговоротом воплощений. За этим – единый закон поддержания равновесия жизни, закон ее неуничтожимости. Пусть даже человек вырождается, она все равно будет существовать в иных формах – хоть в мыслящих камнях (ср. Библию о возопивших о славе Божией камнях). Жизнь регулируется из самой себя равновесием рождений и умираний (временный выход из этого – культ наслаждений, а вечный для немногих – нирвана). Жизнь и смерть естественны в этом материальном мире. И это лежит в основании восприятия «золотого сечения», основной гармонической формулы прекрасно-

го: жизнь и жизнеспособное должны несколько превышать в общей структуре смерть и мертвящее. Отсюда, кстати, понятно, отчего возвышенное в искусстве и жизни невозможно без патетического.

Все присутствует уже в материи: и божественное, и дьявольское, и прекрасное жизненное, и злое разрушающее. Вспомним шутку Аркадиной в адрес доктора Дорна, снявшего шляпу. Колкость буквально взорвала раздраженного Костю: «Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной материи»...

Так что же такого происходит в пьесе, что может оправдать все эти рассуждения о жизни, смерти и т.д.? Да ничего особенного! Ну, Костя в финале застрелился. Но не на глазах, а где-то там, у озера, за декорацией. Случается...

Значит, не там ищем. Надо бы разобраться с персонажами, выведенными перед нами. И что бросается в глаза на внимательный обобщающий взгляд? Все действующие лица, являющие собой разнообразные типы, все они, за исключением Дорна, связаны страданием на общей эгоистической основе. И это – несмотря на главенствующую в маленьком обществе «любовь». «Сколько любви, сколько любви...», – произносит доктор. Вот это-то созидательное чувство превращено нашим «колдуном» – эгоизмом в бескрылое страдание.

Вот – Маша: безнадежно влюблена в Константина. Ей нечего противопоставить чувству, чтобы приглушить его. И дельным заняться не хочет, не может. Легче тосковать... В итоге – она упивается своим страданием. Он возведен на уровень смысла жизни.

О том, что ощущения и переживания ее плотские, говорят последствия такой любви, когда тело не получает удовлетворения: приверженность к рюмке, опущенность, наплевательство на внешний вид, слишком раннее увядание (сознательно не буду приводить цитаты: кому интересно, сам прочтет или перечитает).

Маша понимает, что для продолжения жизни надо переменить ее течение. Но даже замужество за Медведенкой, рождение ребенка не в силах одолеть эту косную натуру. Можно, наверное, возразить: мол, – однолюб, привержена любви своей до могилы. Да, но она ничего и не делает ради нее, просто опускается. И после, в замужестве, продолжается то же самое. Муж ей противен. Младенец тоже не греет сердца кормящей матери. Она способна бросить ребенка на трое суток для пребывания рядом с абсолютно равнодушным Костей. Вот такая вот «раба любви»...

Будущий муж Маши, учитель Медведенко, тоже страдает: и от любви к ней, и от безденежья. Вернее, страдает больше от мысли об этом безденежье, и в диалогах постоянно смакует эту тему. Он тоже раб этого переживания. Понятно, что его презирают жена и теща. Но у него хотя бы одно истинное чувство появляется – забота и любовь к своему ребенку, которая, увы, не в силах одолеть его самоуниженности.

Конечно, социальные вопросы важны, и Чехов никогда не избегал выводить их там, где это было необходимо. Но есть и еще что-то исключительно важное, чему подчиняются частности. И вот тут вспоминается написанный ранее рассказ «Гусев». Там Павел Иванович: герой, тоскующий по гармонии жизни и болеющий за справедливость, – уходит целиком в социальный протест. Он так и называет себя «воплощенным протестом». И пытается растолковать понятие справедливости Гусеву, этой «рабской натуре». А финал-смерть уравнивает обоих. Море-океан принимает их тела... К этому описанию я еще вернусь в конце статьи. Оно очень важно для уяснения сверхидеи пьесы...

А вот еще одна любовь – матери Маши, Полины Андреевны, к доктору Дорну, стоящая особняком в пьесе. Вернее, это даже не любовь, а так, каприз пожившей дамочки: придуманное чувство к хорошему человеку, смолоду любимому многими, с претензией на ревность неизвестно к кому. Отчего? – да жизнь не сложилась с мужем-сквальгой и глупым фразером. Не оттого ли и дочь Маша с детства пришиблена в такой обстановке и по-своему повторяет скорбный путь матушки?..

Я отвлекся на Полину Андреевну не ради нее, а ради доктора Дорна. Этот персонаж, трезвомыслящий и дающий справедливую оценку окружающему, занимает в композиции особое, исключительное место. Я уже писал выше и еще повторю: сам Чехов тенью поднимается за образом Евгения Сергеевича. Вот, что говорит Дорн: «Вы знаете, я прожил свою жизнь разнообразно и со вкусом, я доволен, но если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту».

Он говорит – ни много, ни мало – о торжестве человеческого духа над плотью и всем плотским. И предвещает этим душевный взлет Нины Заречной.

Дорн, как персонаж, высказывающий здравые вещи об искусстве, исключительно важен для развития именно этого мотива. Я приводил выше его напутствие Косте. Ту же мысль он повторит к финалу пьесы.

А еще, доктор – единственный, кто угадал в Треплеве и Нине, этих наивных чистых детях, зерно таланта. И сам способствует прорастанию этого таланта, сочувствует ему. Слова, обращенные к Константину, я приводил. А вот – о декламации Нины: «Когда эта девочка говорила об одиночестве и потом, когда показались красные глаза дьявола, у меня от волнения дрожали руки». Что это, как не чувство здорового, живущего полной жизнью человека, помимо мягкого указания, в каком ключе надо играть?..

Доктор как персонаж важен для энергичного стягивания композиции пьесы. Он превосходит своими высказываниями финальный взлет Нины-Чайки, подготавливает нужную атмосферу. Он произносит крайне важную для прочувствования ключевого композиционного образа фразу: «О, колдовское озеро». Озеро в отблесках лунного света (обязательно), на берегах которого вечерами поют девушки (вспомните то виденное на Цейлоне). Озеро, на берегах которого живут в заблуждениях, желаниях и страдании...

Ироничный доктор Дорн настраивает наше отношение к окружающему. Он демонстративно отшучивается, не обращая внимания на похвалу Аркадиной. Он смеется над Сориним: «Спит... Спит действительный статский советник». И опять же иронично отказывается лечить Сорина. Почему?..

Понять Сорина доктору легко – действительный статский советник вовсе не болен. Он просто мнит себя больным и тем загоняет в действительную болезнь и преждевременную смерть. Что в этом «сквозь слезы» комичного? А то, что человек извел лучшие годы на фикцию: канцелярщину и карьеризм, – когда нужно было просто жить смолodu. А теперь он бесконечно ноет вместо покойного здорового отдыха. Страдает оттого, что угробленная молодость в шестьдесят лет дает о себе знать – жить хочется. Невольно вспоминается Пушкин: «Блажен, кто смолodu был молод, блажен, кто вовремя созрел»...

Вялая душа оборачивается унынием, а то внушает представление о болезни. А человек-то – добрый, единственный, кто Костю от души любит. Ему бы надо просто-напросто встряхнуться, но воли нет. И к нему первому, как и ко всем остальным в пьесе, обращена первостатейная по смыслу фраза Дорна: «К жизни надо относиться серьезно». Помните его же – об искусстве: «Только то прекрасно, что серьезно». Вот они, пересекающиеся параллели Чехова: жизнь и искусство!

И это сочетается с близкой по чувству, значению и конкретному приложению фразой из рассказа «Гусев»: «Человека шадить надо».

Сравните с высказыванием святого Антония Великого: «Щадите друг друга, да пощадит вас Бог»...

«К жизни надо относиться серьезно» – еще одно не услышанное гармоническое связующее на фоне представления «человеческой комедии».

А теперь перейдем к основным действующим лицам пьесы. Вот – Аркадина. Она влюблена, конечно. Но это любовь хищного человека. Ей понадобился Тригорин – она забрала его и сожительствует. И управляет им. Она не способна на великодушный жест по отношению к нему. Она играет и в жизни, и в жизнь. А сама разрушает свою реальную жизнь и страдает от этого: нет у нее больше сына, нет семьи, дома и мужа и даже неистоптанной памяти о нем.

Любовь Нины к Тригорину и его увлеченность лишь ненадолго выбивают из себя Аркадину, снимают актерскую маску. Но она прекрасно понимает близкую ей натуру писателя и имеет средство продолжить их совместный путь. Им необходима погруженность в суету, поддержание престижа в обществе. Разве можно в этом Нину равнять с Аркадиной!..

Эти изначально не чуждые гармоничному восприятию люди заживо погребли себя для взлета мысли и чувства. Хотя и являются модными актрисой и писателем, вынужденными держать себя «в форме». Словом, «суета сует и все суета»...

Константин Треплев – действительная трагическая фигура пьесы. Ничему в его жизни не суждено состояться. А ведь он – натура, одаренная образным восприятием и тонко чувствующая гармонию жизни, страдающая от ее разрушения. Только в детстве он жил ею, где присутствие рядом матери было обязательным. И мать тогда выступала совсем другой: милосердной, сострадательной и ласковой. Но прошло время и все изменилось. И мать расплатилась за свою суету судьбой и самим существованием сына. Оттого она пугается оставаться с ним, беседовать, вникать в его заботы. Оттого он озлоблен на ее образ жизни, на ее «звездное занятие». Это раздувает его самомнение и заносчивость с истерическими выпадами. И вот, Костя брошен без средств на произвол судьбы, приговорен к прозябанию.

Способности Кости приводят его к писательству, где много непримиримости и ревности к Тригорину, отнявшему у него мать. Так же, Треплев – антипод Тригорина во взгляде на искусство. Но и здесь Константину не везет: при всех достоинствах он не может овладеть техникой. Стремление к большой цели остается невыраженным, по-

давляется банальностью письма. И тщеславное стремление к новым формам рассыпается.

Антипод Тригорин наносит еще удар. Теряет Костя свою Нину. А, казалось бы – они предназначены друг для друга. Оба небесталанны, оба мыкают схожую судьбу в родительской немилости. Он влюблен до смешного по-книжному, и она тоже готова полюбить его. Но появляется мэтр, и у нее, грубо выражаясь, «случается переакцентировка».

Здесь надо принять во внимание обстоятельства жизни девушки: отец ограбил ее в пользу мачехи, сделал бесприданницей. Для нее впереди никакого просвета нет, и даже Костя спасти не в силах. По нравам времени, ее ждет пошлое пребывание замужем за кем-то, подобным ее отцу. Она тайком бежит в усадьбу Сорина к Аркадиной, которую почитает. А та подбадривает Нину, находя в ней способности к сцене. Для девушки здесь – будто огонек надежды. И не удивительно, кем и чем представляется Тригорин для нее. Не удивительно вспыхнувшее глупое молодое чувство... Позже она признается: увлекли мечты о славе. А восторженности добавила обреченность настоящего. Дело завершили беллетристический интерес мэтра, его монолог-жалоба об убитой молодости...

Нина, в отличие от Аркадиной, не умела понять побудительных мотивов интереса к ней мэтра. И вот уж опыт пьесы Константина для нее скучен, как и сам он. Смешно...

Она начинает свой путь с теми же самыми эгоистическими побуждениями и намерениями, приукрашенными романтикой искусства. Но, в то же время, в ней пробуждается и нечто исключительное: самоотверженность в любви, жертвенность. «Если тебе нужна моя жизнь, то приди и возьми ее», – этому она останется верна до конца, вопреки всем ждущим страданиям. Именно это сокрушает эгоистичное в натуре, побеждает любое страдание и пошлость. А главный пример дан всем в святом Евангелии. Противостояние «мировой души и дьявола»...

В финале, увы, мы видим, что Костя так и не сумел смириться с выбором Нины, с ее любовью. Он готов служить ей, но ради себя... Это ставит финальную точку на пути скорбных разочарований его жизни, на пути сражения с так и не побежденным эгоизмом.

Образ же Нины Заречной в нашей литературе можно поставить рядом только с Татьяной Лариной. Обе остаются верны своему чувству вопреки всему, остаются верны себе. Характеры, равные себе в чрезвычайных обстоятельствах – исключительно сильные характеры идеального ряда. Такая любовь живет уже сама собой и наполняет все существо человека. Она становится «материей жизни»...

Треплев и Тригорин, как было сказано – персонажи-антиподы: особенно, в линии, где развивается взгляд на литературу, искусство. Но, по большому счету, итог их писательства один и тот же. Небытие...

Мэтр погубил свой талант еще в молодости, а прирастил одну лишь технику. Он банален и работоспособен через «не хочу». Но при этом даже в признаниях (впрочем – позерско-потешных) перед Ниной скрывает, что мотивом его больших трудов является зарабатывание денег. Им с Аркадиной нужно соответствовать занимаемому положению. А молодость его, как и у Сорина, и талант погублены стараниями пробиться, получить успех. И вот успех получен.

Неожиданная любовь Нины открывает ему возможность совсем другой жизни души с ее прекрасным напряжением. Но молодость с их свежестью чувств не вернуть. «К жизни надо относиться серьезно»...

Тригорину для ухода от мучительного понимания себя остается одно – уединиться на рыбалке, вычеркивать из памяти неугодное прошлое. Он лицемер, и тем жалко забавен.

Надо подчеркнуть особо: для Чехова, человека античной традиции, этическое и эстетическое существует неразрывно (вспомните: «в человеке все должно быть прекрасно...»). Потеря гармонии, этой УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ МИРА, пренебрежение достоинством характера БЕЗНРАВСТВЕННЫ. Отсюда вырастает его юмор, ирония, его «смех сквозь слезы», его «человеческая комедия». Отсюда же – и жанровое определение пьесы КОМЕДИЕЙ.

В центральном образе Нины Заречной-Чайки сходятся и получают разрешение два главных мотива пьесы – жизнь и искусство. Избегая многословия, дам сразу выводы: искусство истинное для того, чтобы преподать врачество душе и стать путеводной звездой гармонии, должно раствориться в жизни, в ее действительном страдании, преодолеть его болью за человека (за душу погибающего брата, по Гоголю). Тогда искусство, победившее эгоизм, самость, разрушающую настоящее общение душ, способно возродить личность. И возрожденная личность взмлет высоко над бездной хаоса, над мертвой зыбью человеческой комедии, куда бесследно опускаются другие.

Финал пьесы потрясающ, но его невозможно сыграть. Его нужно пережить и самой сделаться Чайкой. Он рождает на наших глазах актрису и рождает характер. Вернее, лучше выразиться так: становление актрисы происходит через становление перед нами характера. Истинная драматическая актриса – квинтэссенция женщины.

❧ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ -273- КРИТИКА ❧

Очень показательно, что в пьесе из двух предложенных Нине сюжетов жизни она отвергает тригоринский о «подстреленной» прохожим девушке-«чайке». «Я чайка... Нет, не то»... И возвращается теплой памятью к сюжету Константина, где мировая душа, оставшись в одиночестве, побеждает дьявола.

Я считаю: «Чайка» – совершенное произведение драматической литературы.

В заключение, осталось ненадолго вернуться к важнейшему композиционному образу пьесы: к озеру, «колдовскому озеру».

В четвертом действии Чехов ассоциативно сближает его с образом моря. Сначала отмечена непогода и сильный ветер, поднявший волны. Это по-морскому – шторм. Затем в комнате с окном на озеро сидит Маша. Ее слова: «Сидеть и ждать у моря погоды».

Так что же это за озеро? О параллелях с увиденным Чеховым на Цейлоне я уже упоминал. Теперь надо вспомнить о переживаниях и страданиях действующих лиц: а не является ли озеро этой индусской сансарой, морем-океаном именно материальных страданий, куда оказываются погруженными все действующие лица кроме созерцателя Дорна, будто наблюдающего за драмой-комедией жизни с высокого берега.

И Нина, кстати, погружается тоже. Но она одна обретает силу вырваться и взмыть над этим образом наших материальных страданий. А о том, что дает ей силы, сказано выше...

И вот тут я возвращаюсь к финалу рассказа «Гусев». Там тело умершего героя зашивают в мешковину и бросают за борт в океан. Для него закончены болезни, страдание, надежды на лучшее. Все со всем материально приравнено.

Тело погружается. Вокруг роятся рыбки-лоцманы. Подплывает акула, изучает, зубами пропарывает мешковину. И тело продолжает опускаться в своей первозданной наготе.

Поневоле вспомнишь другого нашего автора, тоже человека античной традиции:

«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красой холодною блистать».

Как прав был Лев Толстой, называя Чехова нашим Пушкиным в прозе!

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ
В честь 155 годовщины
со дня рождения А.П.

Чехова оценили Нобелевской премией.

Перефразируя некогда широко известную фразу, можно сказать, что Антон Павлович Чехов, со дня смерти которого в 2014 году исполнилась 110-я годовщина, и теперь «живее всех живых». Его имя в представительстве русской литературы миру стоит рядом с именами Льва Толстого и Федора Достоевского. Репертуар мирового театра и в XXI веке нельзя представить себе без его пьес. Постановки самыми современными режиссерами нисколько не привели к утрате неповторимого, только им, его пьесам, присущего чеховского духа: ироничного, порой насмешливого, но всегда сочувственного к слабостям человека.

Сегодня на самом высоком уровне оценен не только драматический, но и беллетристический талант писателя. Рассказ, с легкой руки Чехова, стал признанной литературной формой. А сам Антон Павлович обозначен его родоначальником.

Лауреатом Нобелевской премии по литературе 2013 стала канадская писательница Alice Ann Munro. В решении Нобелевского комитета она названа «мастером современного короткого рассказа». Член комитета Петер Энглунд сказал: «Монро работает в традициях, восходящих к Чехову». Русский критик Н. Александров: «Ее (А.М.) правильнее было бы сравнить с О. Генри». Литературовед А. Ливергант считает сравнение лауреата с Чеховым «смешным». Американская писательница Синтия Озик назвала Элис Монро «наш Чехов». New York Times поставила канадскую писательницу и русского классика «в ряд писателей, которые заставляют людей сочувствовать другим».

Не буду возражать против похожести творчества Э. Монро и О. Генри. С творчеством первой пока незнаком. О. Генри (1862 – 1910) и А. Чехов (1860 – 1904) – почти ровесники и современники, разделенные океаном, поэтому не могли оказать влияние друг на друга.

Так либо иначе, имена Монро и Чехова поставлены рядом. Кому из них в большей степени это делает честь, думаю, ни у кого не вызывает сомнения.

Как и почему рассказ – короткое повествование с малым, иногда единственным, числом персонажей завоевал себе место под литературным солнцем?

Ответ, мне кажется, стоит поискать в истории изобразительного искусства и, возможно, музыки. Творческий процесс, по-видимому, подчинен каким-то общим временным и жанровым закономерностям.

Эпоха Возрождения в живописи характеризуется созданием больших, порой монументальных полотен. Герои их – мифологические персонажи, образы Христа и Богородицы, святых и апостолов. Эти произведения предназначены для церквей, дворцов вельмож и королей. Их создатели – великие художники, творческие замыслы которых для воплощения требовали больших масштабов. Так во всей Западной Европе происходило до возникновения эпохи Реформации. Протестантизм, завоевавший, главным образом, север Европы – Нидерланды, Фландрию, германские герцогства, Британские острова, отказался от украшения своих молитвенных домов и кирх изображениями человека вообще, и святых в том числе. Великие и не очень художники этих стран лишились заказов на крупные полотна от протестантских пастырей и проповедников и их прихожан. Возникает класс бюргеров, буржуа. У них нет больших дворцов. Но потребность в изобразительном искусстве есть. Им хочется быть запечатленными в портретах, видеть себя изображенными на картинах в своих жилищах. Изображения богов и античных героев, мифических существ сменяется портретами людей вполне обычных, но значимых для себя и своих близких. Так либо иначе в изобразительном искусстве появляются малые формы, картины размером вполне приемлемым для небольшого собственного дома или особняка. В XVII веке в Голландии, Фландрии на смену титанам живописи Рембрандту, Рубенсу приходят художники, обозначаемые обычно термином – «малые голландцы». Так их называли французы. Малыми не по таланту, отнюдь, а по приверженности к малым по размеру полотнам. Возникла бытовая, жанровая живопись, популярным стал и до сих пор остается натюрморт.

В изобразительном искусстве героями становятся простые люди. «Мальчик-рыбак» – Франс Хальс. «Игроки в карты» – Герард Терборх. Иногда изображение сцен, появление которых на картинах предшествующих веков невозможно представить: весьма натуралистичные, несколько не эстетизированные сцены драк в кабаках – Адриан ванн Остаде, Адриан Броувер (фламандец). Такие бытовые сцены, как «Посещение врача», «Больная и врач» Яна Стена, или «Операция на спине» уже упоминавшегося А. Броувера. «Госпожа и служанка» Пи-

тера де Хоха как отображение новых социальных явлений в жизни общества, но без карикатурности (она появится потом в творчестве Оноре Домье, например), вполне в духе нарождавшегося гуманизма.

Это были провозвестники нового жанра в живописи – жанра малых форм. Он не получил дальнейшего развития даже в самой Голландии и Фландрии. Но он был. В XIX и XX веках интерес к малым формам изобразительного искусства возрождается. Интерьеры частных домов украсили небольшие по размерам картины, которые охотно создавались художниками.

Появились малые художественные формы и в России. Нам хорошо знакомы масштабные полотна Карла Брюллова, Александра Иванова ... Но уже в первой половине XIX века появляются и малые формы изобразительного искусства.

Кажется, на первое место зачинателя этого явления надо поставить П.А. Федотова (1814-1852). Небольшие по размерам его картины быстро привлекли внимание публики. Это – «Завтрак аристократа», «Сватовство майора», «Анкор, еще анкор», «Игроки», «Разборчивая невеста», «Свежий кавалер». О последнем сюжете В.В. Стасов писал: «...злость, чванство, вконец опошлившаяся жизнь – все это присутствует в этом лице ... и фигуре закоренелого чиновника». Резкое суждение. Изображен мелкий чиновник, надменно указывающий своей кухарке на крестик, только что полученную награду, прикрепленный к неряшливому халату. Та не остается в долгу – указывает ему на стоптанные его старые башмаки. Может быть, это единственная из картин художника, носящая столь обличительный характер. В большинстве его картин в большей степени сочувственно и сопереживательно показаны обычные, – не вельможи и министры, – простые люди, его современники.

Творчество П. Федотова не осталось без внимания последующих поколений русских художников XIX века. В 70-х годах возникает Товарищество передвижников. И. Крамской, Г. Мясоедов, В. Перов объединяют вокруг себя большую группу художников, героями произведений которых становятся те самые простые люди, что появились на картинах П. Федотова. Достаточно вспомнить такие полотна, как «Земство обедает» Г. Мясоедова, «На бульваре» В. Маковского, «Курсистка» Н. Ярошенко. Знаменитая «Тройка» В. Перова и его же сатира на нравы церковников «Чаепитие в Мытищах».

В картинах малых голландцев также выведены простые люди, их быт и нравы. Но что-то неуловимо отличает от них русских мастеров малых форм. Картины «голландцев» как моментальный снимок персонажей и сцен быта, сделанный художниками, отстраненно наблюдаю-

щими изображенных на них людей. Мастеровито сделано художниками, до тонкостей освоившими свое ремесло, но теплое чувства, сопереживания изображенное не вызывает. Может быть, только лиризм некоторых картин, например, «Девушка с устрицами» Яна Стена.

В музыке в XIX веке тоже стали появляться произведения небольшого формата. До того времени господствовали масштабные музыкальные полотна – оперы, симфонии, оратории. Если не считать «Застольную» Бетховена, песни в классической музыке ведут свое начало от Франца Шуберта. Лишенный поддержки семьи из-за выбора профессии композитора, остро нуждаясь, он взялся за сочинение коротких музыкальных сочинений на слова поэтов – его современников. Так появились чудесные песни Шуберта, исполняющиеся до сих пор. За ним последовал Роберт Шуман. У нас в России прекрасные образцы малых по объему вокальных произведений создали Александр Даргомыжский, Александр Алябьев. Достаточно вспомнить их песни на стихи Беранже в переводе В. Курочкина, М. Михайлова: «Нищая», «Старый капрал», «Знатный приятель»... Вскоре появились романсы А. Гурилева, П. Булахова. Охотно писали романсы знаменитые русские композиторы. Первый из них – М. Глинка. Далее – П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, С.С. Рахманинов и многие другие. Русский романс от песен западных классиков отличаются задушевность, глубокое чувство. Исполнение их требует от певца стать как бы самому героем романса, обладать пережитым опытом любви и измены, счастья и несчастья, горя и захватывающей радости. Это тоже – рассказ, малый по форме, но насыщенный глубокими и сильными эмоциями.

Конечно же, нельзя не упомянуть о расцвете в XIX веке малых инструментальных музыкальных форм – прелюдий, этюдов, фортепьянных циклов Р. Шумана, М. Мусоргского, П. Чайковского.

Они создавались для домашнего музицирования, исполнялись в салонах, пришли на концертную эстраду.

* * *

В русской литературе, а судя по высказываниям в связи присуждением премии Э. Монро, и в мировой (может быть, наряду с О. Генри), Чехов был зачинателем новой литературной формы – маленький рассказ. До него (справедливости ради – до них) «настоящей» литературой были роман, новелла, сага. Рассказ считался пустячком и печатался чаще в одном ряду с фельетоном или юмореской в «легких» журналах. В европейской литературе были новеллы Мериме. Еще раньше, на рубеже XVI – XVII веков, – Мигель Сервантес со своими «Назидатель-

ными новеллами». У нас нечто подобное – «Записки охотника» И.С. Тургенева. Жанр новеллы восходит в эпохе Возрождения.

Наряду с большими литературными формами – романом, сагами, трилогиями, приходит «изобретение» XIX века – короткий рассказ. Издательское дело становится прибыльным. Пушкин стал выпускать журнал «Современник». Во второй половине XIX века у нас появляются разнообразные «толстые» и «тонкие» журналы – «Нива», «Осколки» и т.д. Развивается журналистика. Журналисты становятся писателями, например, В. Гиляровский. Это явление продолжается до сих пор.

Появляется возможность сотрудничеством с журналами зарабатывать на «кусочек хлеба». В «тонких» журналах «не развернешься». Приходится искать малые литературные формы. Возникает целая плеяда «малых» писателей – современников Антоши Чехонте, сотрудничавших с этими журналами, – И. Потапенко, В. Билибин, Н. Ежов, К. Баранцевич и другие – все они внесли свой, соответствующий их таланту вклад в развитие нового жанра.

Сотрудничество Чехова в газете А.С. Суворина «Новое время» и в журнале Н.А. Лейкина «Осколки» начиналось с малых, порой малюсеньких рассказов, с весьма причудливыми названиями, давших повод говорить, что он начинал как графоман. (Приободритесь, начинающие авторы, не гнушайтесь сим оскорбительным эпитетом. Видите, как дело обернулось). Уже упомянутые современники Чехова и многие другие так и остались «малыми» писателями. Антону Павловичу же было суждено стать признанным новатором в разработке новой формы в литературе, что и привело к признанию жанра рассказа как полноценного участника литературного процесса.

Может показаться, что поиск аналогии между малыми формами в живописи и в музыке и малой же формы в литературе – рассказом, неуместен или надуман. Однако сопоставление сюжетов и персонажей, избранных авторами для своих творений, и чувства, вызываемые ими, во многом одни и те же. Федотовские «Завтрак аристократа» и «Свежий кавалер» носят сатирический характер. Нечто подобное есть и в чеховских «Хамелеоне» и «Унтере Пришибееве». Правда, в этих произведениях Чехова больше иронии, чем сатиры. Не был он склонен к осуждению своих героев.

Зато в произведениях художников-передвижников, современников Антона Павловича, можно найти целый ряд сюжетных совпадений и общих персонажей.

В. Маковский – «Свидание». Мать навещает своего сына, по сути, еще ребенка, отданного в ученики-подмастерья. С жадностью голодный мальчик ест булку, которую принесла ему мать, бедно одетая, по

виду, – деревенская женщина. Не вспоминается ли чеховский «Ванька»? Он тоже был отдан в ученики-подмастерья, тоже родом из деревни, о которой ему снятся светлые сны.

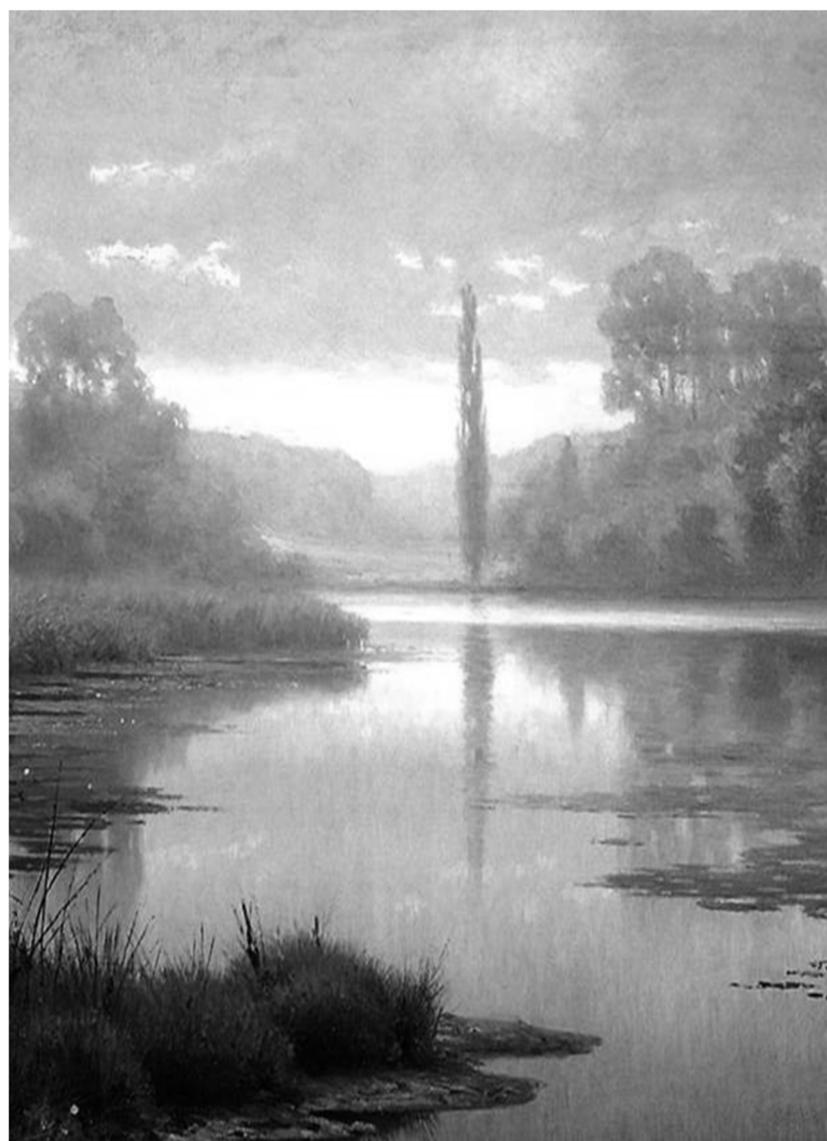
Тот же автор, картина «На бульваре». Молодуха из деревни приехала повидаться с мужем, который когда-то уехал в город на заработки. На лавочке, на бульваре, они сидят, и по всему видно, что муж – парень с гармошкой в руках – совершенно чужим стал для своей жены. Стесняется ее. Весь его вид говорит о превосходстве над ней. Она уедет к себе в деревню, так и не испытав хотя бы сколько-нибудь теплого чувства от него.

«Егеря» Чехова. В этом рассказе тоже всего два персонажа, как и в картине Маковского. Социальное положение одинаковое. Она – деревенская женщина Пелагея, когда-то в далекой молодости выданная замуж за парня, егеря при барине. Вместе и не жили. Она величает его: «Егор Власыч». «Хоть бы денек со мной, несчастной, пожили», – говорит равнодушному мужу. Он, исполненный чувства собственного достоинства, уходит. «Прощайте, Егор Власыч», – шепчет Пелагея, когда белый картузик на голове ее мужа исчезает за поворотом дороги.

И еще один пример. Картина Н. Ярошенко «Курсистка». Последнее произведение Чехова в жанре рассказа называется «Невеста». Конец XIX века. Суфражистки в Америке, эмансипе в Европе. Появляются девушки-горожанки, заявляющие о своей независимости от мужчин, не желающие ограничивать себя только чисто женскими обязанностями – быть женой, матерью. Жаждающие образования, профессии, самостоятельности, служения народу. Быть наравне с мужчинами. У Н.Г. Чернышевского об этом – большой роман. У Ярошенко – небольшая картина с одинокой фигуркой молодой девушки с книжками под мышкой. У Чехова написан небольшой рассказ о Наде, невесте, мечтавшей в прошлом о замужестве. Является Саша, молодой человек, погостить, и от общения с ним намерения ее меняются. Она мечтает о «жизни новой, широкой, просторной», отказывает жениху и уезжает в Петербург за этой самой новой, широкой жизнью.

...Если рассказы Элис Монро «заставляют людей сочувствовать другим», то сравнение ее с Антоном Павловичем Чеховым вполне оправдано. Как, впрочем, и присуждение ей Нобелевской премии. (Первая Нобелевская премия по литературе была присуждена в 1901 году. Антон Павлович Чехов умер в 1904).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ВАЛЕНТИНА БЕЛЕВСКАЯ
СЕРГЕЙ РЕЗВЯКОВ

РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
ВЛАДИМИР ГУДКОВ
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ

Ольга Андреева

(г. Тула)

Родилась в г. Туле 17 ноября 1959 г. С красным дипломом окончила механический факультет Тульского Политехнического института в 1982 г., 5 лет проработала инженером в Ижевском НИИ. Там же начала писать стихи, в т. ч. и детские. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. и по настоящее время – учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России (1997 г.). Член Союза художников России (с 2000 г.). В 2008 г. на международном детском конкурсе «Триумф» ее пьеса по мотивам русской народной сказки «Морозко» заняла 2-ое место.

СКАЗ О ГЛИНЯННЫХ КНЯЗЬКАХ

В стародавние времена, когда солнце светило ярче, трава была зеленее, а вода мокрее, на самом отшибе губернского града Тулы, что среди холмов да буераков зеленых, среди дымной завесы выплывала слобода. Разбежались домишки по холмам да овражкам. Тесно друг к дружке прижались, а кои и замерли, будто в ожидании чуда. Да откуда чудо?

Только и всего, что было в той слободе, глины видимо-невидимо! Сам Бог велел гончарную науку изучать, да осваивать. Так и повелось: обжигали гончары горшки да кружки, махотки да рукомойники, кирпичи для печи, а мастера поискуснее, начали и изразцы расписные делать, дабы в дому печь раскрасавицей стояла.

Все в слободе мастерство – гончарное дело знали, мужики и бабы, парни и девки, и даже малые ребята – взрослым помощники. И стали ту слободу называть Большие Гончары.

Подрос в семье мастера-кирпичника Кирюшки Осипова сын Ивашка.

Вышел парень как-то теплым, летним вечерком за околицу, песни попеть, хороводы по зеленой, шелковой травке поводить. Девчата да ребята голосистые! Песни веселые да звонкие из самого сердца у них к звездам стремятся, кои там навек и остаются, а кои ярким светом вновь на Землю радугою льются. Молодежь бойкая через костры перескакивает. Лица-то у них от зарева да от костра светом лучистым светятся. Волосы на ветру у всех развеваются. У девчат юбки, как паруса по муравьим волнам проплывают. Девочек-то много! А одна, Катюша, всех краше. Тело – кровь с молоком, стройна да величава, будто пава. Волосы русые,

в косу заплетенные, ниже пояса спускаются. Загляделся на нее Иван, дыханье чуть было не зашлось, ноженьки занемели, как корни в землю вросли у плетня. Шелохнуться не может, да думает: «Вот бы мне жену такую». Словно мысли его услышала, подошла к нему красна девка, да и молвила: «Что оробел, соколик? Аль меня испужался? Да не страшись. Я не чудище какое, а видение живое. Да кабы знать, может я судьба твоя?!» И протягивает ему комочек теплой серо-синей, мягонькой глины. «Вот, – говорит, – коли сделаешь такое, чего в нашей слободе да и в граде отродясь не было, так и пойду за тебя замуж! А коли, нет, ищи себе другую!»

Развернулась девица, подолом своим махнула, да как сквозь землю провалилась. Только комочек глины на ладошке у парня, как память о себе и оставила.

Покуда Ваня с Катериной у плетня миловались, мимо шла бабка. Была она одинокая, нелюдимая. Дом ее стоял на краю слободы, в овраг упирался, по ветру шатался. Забор завалился, только редкие дощечки остались, да и те мхом поросли и сгнили наполовину, как зубы у хозяйки жилища. А ветер в трубе так выл, будто волчонок в дремучем лесу стонал. Селяне старухину избу за версту обходили. А уж встретить ее и вовсе боялись. Судачили, мол, глаз у нее плохой, черный, колючий. Глянет она – трава сохнет, да и птаха не ровен час, сдохнет, коли мимо пропорхнет. Жуть! Надобно сказать, завистная старуха была, а Осиповы у нее, что чирый в глазу. Как же, вся семья-то у них от зари до зари трудится. Все в руках у них горит, ладится да спорится. Дом крепкий, справный. Забор тесанный, дубовый. Век простоит. Сами сильные, да здоровы. Вот бабку-то завидя и глодала, поедом ела, да так, что высохла карга, как осенняя трава.

Так вот эта самая старуха в тот вечер ненароком все слыхала, да за Ванюшей следом засемила.

Пришел Иван домой, бросил комочек глины на кружало, ну и давай его водой поливать да раскручивать. Вертится кружало, что девка заводная в танце озорном. Ваня ком руками жмет, в самую серединку кружала тянет, то вверх глину подаст, то вниз осадит. Колокол в его руках появляется. Песня в сердце зарождается. Но тут что-то за окошком зашуршало, да работе помешало. Глянул Ваня на колокол и замер. Мыслит. Что же далее делать? Может перья приладить, способить дырочку в стене, потом туда поставить свечку восковую, пусть огонек внутри попыхивает. «Ну, нет! – думает, – Дале делать не могу. Нету пороку в мозгу».

А старуха за его оконцем, сморщив столетний лоб, что-то тихонько бормотала и бормотала себе под крючковатый нос, да своими мышинными глазками в упор на парня глядела, не мигавши.

Эх, – вслух подумал Иван, был бы я птицей, облетел бы разные города да страны. Глядишь, и сыскал бы диво. А тут! Что я в своей слободе сыщу? Да и в граде – ружья да пушки, жамки да пряники. Поди, кака невидаль? Кого этим удивлю?»

Только промолвить Иван успел последнее слово, как ворвался буйный ветер в избу. Закружил, разметал все в разные стороны. Только и успел Ваня лицо руками прикрыть. Тут ветер-то и стих. А сам-то Ванюша ни рук, ни ног своих не чувствует. Глянул в чашку с водой, что на столе стояла, и в ужас впал. Стал Иван Осипов птицей с человечесьей головою. Головушку-то он от ветра руками прикрыл.

Загорюнился Иван: «Что хотел, то и получил! Как мне перед людьми уродом являться? Нет уж! Отныне не бывать мне в родном краю! Полечу куда глаза глядят». Взмахнул крыльями, поднялся под самый потолок, облетел родимый кров, да в окошко и вылетел, чуть было старой карге глаз не вышиб, коим она все в избу заглядывала. Старуха наземь упала. Бока себе обломала, прочь от дома Осиповых засеменяла вековуха, захромала. Хоть бока то у нее болят, но сама от радости прыгать готова. Одним кормильцем у Осиповых мене стало. А Ивашка, птичка-невеличка, взмыл в небо под самые облака и полетел неведомо куда.

Долго ли, коротко ли сказка сказывается, да не скоро и птицы летают. Долетел Ванюша к утру до быстрой речки, а покуда летел, в голове-то его мысли кружились, путались: «Где б мне диво увидеть? Глядишь, с собою прихватчу! Кате милой подарю».

Опустился он на берег быстрой речушки, что в народе Вашаной называли. Там, меж холмов, меж долов деревенька стояла, как много веков назад поставили. Жили там люди добрые да простые. Двери и на ночь не запирали. И жили весело да дружно. Но, вот беда, у многих «царя в голове» не было. Селяне воду в решете носили, сапогами рыбу ловили. Летом в валенках ходили, зимою в речке купались. Кашу с топором варили.

Поглядел Иван на всю эту кутерьму.

– Нешто то диво? Люди глуповатые. Тьфу!

Плюнул Ивашка-пташка, и полетел далее – через поля, через леса. Мимо града стольного да люду довольного. Над Московией, над домами, расписными теремами, мастерскими ювелирными покружился-покружился, да на голову всех знатнее золотых дел мастера, самого Андрияшки Овсова чуть было грех да и не обронил. В мастерскую заглянул, осмотрелся, на окошке притулился, да в уме смекнул.

– Нешто наши ребята мастеровые эдаких вещиц не дельвали? Да куды уж там, и подиковиннее мастерили: хоть пряжки, хоть и броши, а про пушки да ружья и сказывать нечего.

Подлетел тут к нему ворон Сизое Крыло, присел рядком на подоконник, в глазоньки ему заглянул да и заговорил:

– Что высматриваешь, Ивашка, что выглядываешь, что пытаешь, аль от дела мытаешь?»

Оторопел Ваня, отродясь птиц говорящих не видывал. С перепугу было наземь не свалился.

А ворон опять молвит:

– Говорящих птиц не видывал, и язык со страху проглотил?

– Да вот, – дрожащим голосом отвечает Иван, – диво-дивное ишу, да такое, чего доселе ли на свете отродясь не бывало.

Много ворон по свету летал, много видывал, много и знал. И дал он мудрый совет Ивану – лететь за тридевять земель, за тридевять морей, в царство-государство в коим по-лягушачьи говорят, а того пуще – лягушек и к столу подают.

Полетел, Иван через реки и пруды, прям в Европу. Вон куды! В край далекий, в страну невиданную. Летел то высоко, то низко, над полями родными, над лесами чужими, над быстрыми реками, да деревнями хромыми. Видит – ни высоко, ни близенько, на самом краю лесной опушки присела, притаилась косенькая деревенька. Ванюша пригляделся. Народ в деревеньке, видать, дружит справно с головой. Земельку пашет, хлеб сеет, огороды сажает, коров пасет. Из молока – масло да сыры всякие делает. Устроился Ванюша на крыше одной избенки, что на краю той деревеньки стояла. Глядит – живут там старик да старуха. Никого-то у них на всем белом свете и нет, окромя одной курочки-рябушки. Обычная курица. Рано вставала, серебряную водицу из ручейка звонкого утром попивала, зернышки, солнечными лучиками позолоченные, каждый день поклевывала. Ими досыта насыщалась. Да в один прекрасный день поутру, возьми да и начни нести яйца не простые, а золотые. Обрадовались старики. Курочкой не налюбуются, и холят ее красавицу и лелеют. Пылинки сдувают. Начали старики богатеть. Бабке нарядов на ярмарке накупили: и платков цветастых, и бус с камнями самоцветными, и кофт атласных с брызгами. Смотреть – не насмотришься. Деду сапоги хромовые да картуз справили. Махорки – цельный пуд! Да всякого-разного добра по мелочи-то и не счесть. Народ им завидовать начал. Вот как-то раз приходит к старикам сосед в гости. Да и промеж разговорю возьми да и скажи деду: «Глянул бы ты, Ерофеич, что там внутри у твоей курицы завелось? Как знать? А ежели там цельный ком золота народился?» Задумался дед. Всю ночь глаз сомкнуть не смог, ворочался. Все думу думал. Бабке спать не дал, весь бок ей истолкал, изторкал. От бубни, да беспрерывной молотьбы у бабки ухо, что пельмень стало. Ох! И

надоел он старухе. Скинула его с печи. Полетел дед кубарем до самых сеней. Об ведро головой убился, за топор ногой зацепился. Схватил тот самый топор. А старуха, ноги – в лапти, да за дедом вслед. Поймал Ерофеич курочку-рябушку, да только хотел кормилице головушку отсечь, тут старуха как завопит, во всю глотку, заголосит:

– Что ты, ирод старый удумал, нас кормилицы лишить? Мухомор, ты сушеный. Все-то видать, мозги в твоей лысой голове высохли! Кого послушал?! Игнашку хромого! Ну, вот и смотрите, люди добрые! Ополоумел мой мужик ноне!

А курица-то, как только дед над ее головой топор поднял, вмиг сознания лишилась, и на травушку-муравушку без чувств повалилась. Лежит и не шевелится. Забегали старики, засуетились. Курочку водичей из ковша поливать стали. Очнулась курочка. Крылышками замалала, глазоньками захлопала. Но с этого разу боле золотых яичек хохлатушка нести вовсе не стала, видать, золото у нее в нутрях-то все от испугу и кончилось.

– Эх, – думает Ивашка, – и тут не повезло. Было чудо, да и все кончилось.

Взмахнул крылами и полетел через поля да леса, через реки и овраги, через кочки болотные. Мелькают под ним города да села чужие, незнакомые. Летел он долго, да прямехонько до самого городу Парижу и долетел, на самом главном соборе приземлился. Собор тот Нотр Дам де Пари величают в честь пресвятой Божьей матери Марии. Там всех французских королей крестили, венчали, и отпевали. Сияет тот собор великолепием да убранством чудным. Ивашка глаза растопырил, рот от удивления открыл. На дамочек тамошних глядит, наглядеться не может. Дамочки-то, штучки французские – такие тоненькие-тонюсенькие, ну супротив наших, русских баб, что щепочки. А юбочки на платьях все как есть в воланах, в брыжах, да в бантах. На головах шляпки с перьями. В руках вещицы чудные. Ножка у той вещицы железная, тонкая. А наверху – нахлобучка, стало быть, шляпа кружевная, круглая, верченая, что паутинка светится. Штучки эти на мухоморы похожи, да намного более. Параплуи – так по-ихнему прозываются. Любуется Иван вещицами забавными. В магазинах тамошних об етом писано, а вот как по-нашенскому величаться станет? Вдруг, откуда не возьмись, парнишки тамошние обруч с бочки по мостовой катят. Дзонт! Дзонт! Только и слышится, да пыль столбом.

– А пуцай этот «мухомор» зонтом обзывается – подумал пашка – Ивашка.

И тут заметил Иван в пыли на листочках картинки чудные. А на них, как есть, дамочки французские разнаряженные обрисованы. Листочки все меж собою сшиты, а на самом первом листке на французском языке писано: «Mercure galant».

Вон оно! Вон оно! Чудо-то чудное! Диво-то дивное!

И осенила тут Ивашкину голову чудная мысль. Молнией сверкнула так, что чуть было дух у Вани не вышибло.

– Тепереча верно знаю, что замыслю, что сделаю. Как мне быть, как с той глиной поступить! – обрадовался Иван. Ухватил он картинку цепкими лапками, замахал своими маленькими крылышками, да прочь на родную сторонку и полетел. Ветер его подгоняет, помогает:

– Лети, лети, Ваня. Я тучи от тебя отгоню, дождик прогоню, чем смогу, помогу.

Солнышко ласкает, тельце согревает:

– Лети, лети, Ванюша. Я дорогу тебе освещу и до дому провожу.

Летел, летел Ваня, притомился, из сил выбился. Глядит – по дороге кибитка ковыляет. Думает:

– Отдышусь на крыше повозки, сизнова в путь отправлюсь прямехонько до родимой сторонушки.

Да только уж больно истомился касатик и не заметил, как уснул крепким сном. Проснулся он от птичьего крику. А сам лежит он на берегу, солнышко бока ему припекает, а вокруг море плещется. Птицы белые над волнами кружатся. Деревья шумят диковинные, горы стоят высокие.

– Че за сторона такая зеленая, да теплая? – вопрошает вслух путешественник. Подлетели к нему птицы, и давай со всех сторон его оглядывать, да осматривать:

– Кто таков? Откуда пожаловал? Почему у тебя тело да крылья птичьи, а голова человечесья? Как тебя в славную страну эллинов занесло? И что за бумажки в лапках держишь?

Ваня слезами залился, все как есть о себе-то и открыл. Пошебетали птахи, поворковали, и порешили:

– Полетим к нашей мудрой Совушке. Она в твоей беде разумеет, как облик человеческий тебе возвертать, подскажет».

Только солнышко над Землей макушку показало, да на листьях заиграло, Ивашка со стаей птиц до лесу долетел, на сук могучего дуба присел, стал Совушку ждать-поджидать, участи своей горемычной смиренно ожидать. Долго ли сидел, коротко ли, да Совушки все нет и нет. Дремать уж было начал болезный наш птах Иван. Вдруг услышал он шум ветра, да почувал крыл движенье, встрепенулся. Перед ним Сова – вещая голова.

– Знаю, как тебе помочь, да только наперед слово дай, что замыслил, исполнишь точь-в-точь. Лица барыням своим печатью делать станешь. Это маски. Они схожи с теми, в коих актеры в театрах хаживают. А коли облик былой возвернуть захочешь, то на молодом месяце в лесное озеро камнем вниз головой упади, на дне полежи, а выйдешь на берег, вновь человеком обернешься.

Иван мудрой птице в пояс поклонился:

– Задумку сотворю, не струшу, хоть жизнь погублю. Не жить мне уродом на родной сторонуще.

Слово-то не воробей, вылетит – не поймает, а давши слово – держи его, а то впредь веры тебе не будет. Это Иван от отца слышал и усвоил.

Окрыленный надеждою, взлетел к облакам Ивашка-пташка, долетел до родимой сторонущи. Огляделся вокруг. Все до боли с детства знакомо, все родное да любимое. Положил под порог листки заморские, сам на ветке ракиты устроился ночи дожидаться.

Как только ночь раскинула свое звездное одеяло над землей, долетел Иван до озера лесного. Страх его одолевает, душа в пятки уйти готова, да уж больно облик свой человеческий возвернуть охота. Закрывл очи свои Ивашка да камнем на дно озера упал. Лежит на дне, шелохнуться боится. Вдруг почувал, что крыльев-то у него нету, и хвост отвалился, и тело стало человеческим. Вынырнул Ивашка из озера, да стремглав до дому побежал. В дверь постучал. Родители уж увидеть сыночка не чаяли, а как дверь-то открыли, так и оторопели. Целуют, обнимают, нарядоваться не могут.

А поутру взял Иван ведро, лопатку, да пошел до карьеру глины накопать. Принес ее домой водицей залил, да как тесто замесил. картинки заморские из-под порога достал и барынь их них Парыжских да и вылипил. А лица, как сова учила, масками отгеснил, пароплюй-зонтик в ручки дал, ох и красивы барыни оказались, все в кружевах, да рюшах, с бантами, да с лентами – одно заглядение! Во дворе своем Ивашка яму выкопал для обжигу. Недели две прошло. Да появилось у Ивашки чудо чудное, диво дивное. Дама, как с Парыжу. Тоненькая, стройная, нарядная. Красота! Завернул он Красоту в тряпицу и до Кати понес.

Открыла Катя тряпицу и ахнула. Сдержала она данное слово, вышла замуж за Ивана да с условием, чтоб обучил он ее такую красоту лепить.

Вот так и появились в гончарной слободе, града Тульского, глиняные барыни, а потом и кавалеры. И кликать их стали князьками тульскими.

Вот такая сказочка. Только в ней и былъ прибрана.

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)

ЛАСТОЧКИНО ЛЕТО

Это лето мы с сыном назвали Ласточкиным.

У нас на даче они живут давно. Под карнизом крыши, как раз над окном, ласточки устроили гнездо. Говорят, это хорошая примета, когда на доме гнездятся птицы. Мы были рады их появлению. Лето шло за летом, и мы к ним привыкли.

Мама иногда ворчала, что загажен подоконник, но это было доброе ворчание.

Не скажу, что мы страстные любители живой природы.

Однажды они нас с Гошей весело позабавили. На проводах сидел птенец. Из наших гнезд или нет, мы не знали. Вдруг взрослая ласточка так стремительно к нему подлетела, что сбила его. Он перевернулся и несколько мгновений висел головой вниз. Потом быстро водрузил себя на проводе и получил из маминого клюва, наверное, комара. Мы сидели на крыльце, дело было тихим летнем вечером, все видели от начала до конца. Было это настолько уморительно, что мы хохотали, вспоминая виденное не один раз.

В то лето, которое мы назвали Ласточкиным, случилась гроза. В июле часто бывают грозы. За городом, в деревне они кажутся страшными. Ветер, град, сад шумит. На этот раз гроза была особенно свирепая. Грохотало так, что не только мы, кажется, наш дачный дом вздрагивал от страха.

К счастью, гроза прошла быстро, будто ее ветром унесло. Засверкало солнце. Зачирикали притихшие, было, птички. Настроение стало особенно радостным, какое бывает после тяжелого испытания.

Гоша вышел в сад. Вдруг слышу: «Папа, скорее сюда!»

Выбегаю в еще мокрый сад и вижу в руках сына какую-то птицу. Смотрю ближе – птенец. Гоша раскрывает ладонь, птенец не улетает. Беру его в руку. Как он красив! Черное и белое без переходов. Плотный и обтекаемый, того и гляди, выскользнет из рук, как обмылок. Но он даже не делает попытку вырваться из рук.

– Где ты его нашел? – спрашиваю.

– В траве, около грядки.

Что было делать? Он не хочет улетать. Мы принесли его в дом.

Гоша снова идет в сад, и снова крик радости и удивления. За полчас а мы набрали пять птенцов – кого в траве, кого на грядках, один объявился на крыльце сарая.

Остаток дня прошел в хлопотах. Разыскали крышку от большой коробки из-под шоколадных конфет. Для тепла постелили в нее заношенный бабушкин головной платок, и всех пятерых посадили в это импровизированное гнездо.

Поначалу они вели себя тихо. К вечеру стали попискивать, чирикать, возиться. Но когда выключили свет, притихли.

Наутро мы проснулись от чирикания и возни в коробке. Стало ясно, что птенцы хотят есть. Не позавтракав сами, стали собирать хлебные крошки, крупу, семечки. Все это высыпали перед птенцами, но ... они не брали наше угощение ни с рук, ни с пола. Не пили они и воду.

Сын расстроился. Но что мы, городские жители, знали о птицах?! Чем их кормить? Что едят ласточки?

– Мухи! – вдруг осенило Гошу.

Конечно, мухи. Как я до этого сам не додумался.

Наловили мух – на даче без них не бывает. Положили перед птенцами. Опять ноль внимания. Они даже не смотрели на них.

Ситуация складывалась, прямо сказать, критическая. Куда девать птенцов? На улицу – кошки сразу «подберут». Держать дома – умрут голодной смертью.

– Папа, ну придумай что-нибудь! Ты же детский врач, а это тоже дети, только ласточкины.

Эта Гошина фраза сразу прояснила задачу: не что едят, а как едят. Стало быть, речь о технике кормления. Ну, это просто, подумал. Не скажу, что я думал минуту или две. Решение пришло сразу и как бы само собой.

Взял коробку со швейными принадлежностями и разыскал в ней иголку. Простую швейную иголку. Гоша смотрел на меня так, словно жизни наших птенцов что-то угрожает. Не говоря ни слова, я взял муху, насадил ее на кончик иголки и поднес к одному из птенцов.

Сначала я подумал, что муха свалилась с иглы, потому что через мгновение она исчезла. Но, увидев, что птенец делает глотательные движения, понял, что способ кормления найден.

Крик «ура!» вырвался у нас с Гошей одновременно.

Дальше пошли будни. Почему это лето мы назвали Ласточкиным? Потому, что забросив все свои дела – огородные и строительные, мы с утра до вечера ловили в доме мух. Дело осложнилось тем, что на другой день ребята с соседних дачных участков принесли нам еще троих птенцов – жертв вчерашней грозы. Итого – восемь! Мы трудились в поте лица.

На наших птенцов посмотреть приходили ребяташки со всего дачного поселка. Дом превратился в маленький зоосад. Чтобы как-то облегчить себе участь по прокорму птенцов, мы обязали ребяташек приносить мух, кто сколько может. Своеобразная плата за посещение нашего зоосада.

Время шло. Птенцы подросли. Но всех восьмерых «поставить на крыло» мы не сумели. Один умер, потому что был самый неактивный. Когда Гоша подносил ему иголку с мухой, кто-нибудь из птенцов его опережал.

Другого мы потерял по моей вине. Однажды ударом полотенца я сбил осу. Она еще слегка шевелилась. Я насадил ее на иголку и дал птенцу. Он проглотил ее. Через мгновение его маленькое тельце как бы передернулось, вздрогнуло. Он перестал брать корм, и через два дня мы нашли его мертвым. Мы с Гошей долго переживали потерю этого птенца.

Остальные росли и набирались сил.

Каждый день мы ставили коробку с птенцами на табуретку и выносили их на «прогулку». Интересно было наблюдать, как взрослые ласточки кружили над ними, подлетали к коробке совсем близко и сразу же взмывали вверх.

Однажды мы, как всегда, вынесли их на табуретке в сад и уселись на ступеньках крыльца любоваться нашими питомцами. И вдруг – они стали взлетать. Один, другой, третий. За каких-то полчаса коробка из-под конфет опустела.

Они взлетали! Мы видели их несколько мгновений. Они взмывали в синее небо и растворялись в нем.

Когда улетел последний птенец, долго не убирали коробку, служившую им гнездом. Но никто из них в это «гнездо» не вернулся.

Когда над нашим домом кружили ласточки, мы надеялись, что, наверное, среди них есть и наши питомцы.

Мы были рады за них. Но было и грустно. Как будто уехали дорогие, долго гостившие друзья.

А вскоре и лето кончилось.

Ольга Борисова

(г. Самара)

СТАРЫЙ ФОНАРЬ

Сказка

В одном из маленьких городских дворишков, рядом с раскидистой липой, у небольшой скамейки стоял старый железный фонарь.

Высокий и когда-то очень красивый, он все ниже склонялся к земле. На его литой посеребренной, но от времени облупившейся ноге проглядывала ржавчина. Светил фонарик совсем тускло, стараясь из последних сил подарить людям уют и свет. Но люди, казалось, не замечали его усилий. А когда налетал ветер, и фонарь со скрипом раскачивался в разные стороны, то говорили, что настала пора убрать этого старика и на его место поставить новый – яркий и стильный. Такие стояли совсем рядом, через дорогу. Они были красивые, гордые, ярко сверкали на солнце. Новые фонари, возвышаясь на тонкой ноге, вечерами светили совсем другим, необычным, белым неоновым светом.

Часто, во время дождя, фонарь опускал голову и смотрелся в зеркальные лужи, видя в них свое отражение. При этом, вздыхая, он шептал: «Как быстротечно время...» И обреченно все ниже и ниже опускал голову, ожидая прихода рабочих, которые разберут его на части и увезут неведомо куда. Он никому уже не нужен! Только красавица липа, пытаясь утешить старика, нежно напевала о чем-то прекрасном.

Но однажды вечером, когда фонарь мирно дремал, тускло освещая двор, послышался детский плач. Около подъезда рядом с мамой стояла маленькая девочка. Сквозь всхлипывания она все время повторяла: «Мурзик, кис-кис, Мурзик!» Фонарь вспомнил, что этот милый ребенок с первого этажа часто гуляет с мамой во дворе, и иногда девочка выносит на улицу рыжего котенка. Он также видел, как эта крошка всегда бережно прижимала Мурзика к груди, видимо, боясь потерять своего пушистого друга. Фонарь встрепетулся, понимая, что нужно помочь ребенку! Он напрягся изо всех сил, и его яркий свет озарил окрестности. Мама удивленно произнесла:

«Смотри, Алена, как фонарь разгорелся! Это он тебе помогает!»

Девочка снова стала громко звать своего питомца: «Мурзик, Мурзик!»

Вдруг, справа в кустах, фонарь услышал легкий шелест травы. Повернув голову, он увидел блестящие глаза маленького существа.

«Девочка, вот он, вот!» – хотелось закричать фонарю, но вместо крика раздавалось тревожное шипение натруженных ламп. И тогда фонарь со скрипом, медленно качаясь, стал наклоняться и осветил пугливого беглеца. Котенок был обнаружен. Алена, подхватив его на руки, шептала сквозь слезы: «Ты зачем от меня убежал? Глупыш ты, глупыш!» Мама задумчиво смотрела на фонарь, а затем тихо произнесла: «Чудеса!» И, взяв дочку за руку, повела ее домой. А фонарь продолжал светить им вслед и радовался, что он вновь пригодился людям. Но стоило захлопнуться подъездной двери, лампы зашипели и окончательно погасли. Стало совсем темно. Фонарь стоял ослепший, скрюченный, ожидая неизбежного конца своей истории.

А утром фонарь услышал уже знакомый женский голос и до него донеслось: «Ничего, старина, еще поживем!» А затем еще долго разносился по двору звук от ее удаляющихся решительных шагов.

«Вот и солнце! Может в последний раз пригрело мою макушку...», – подумал фонарь. Вдруг он услышал, как во двор въехала машина. Громкий незнакомый смех разорвал утреннюю тишину. Фонарь почувствовал запах краски, и совсем рядом кто-то басом произнес: «Ух, как тебя скрючило! Ничего, брат, сейчас помолодеешь!»

К вечеру фонарь было не узнать! На прежнем месте стоял высокий красавец, сверкающий свежей краской, на литой красивой ноге. Яркий, непривычный белый свет разливался по двору, освещая все потаенные уголки.

После ужина под фонарем собрались жильцы дома. Старушки, примостившись на скамейке, о чем-то судачили. Ребятишки весело играли в догонялки. На стоянке мужчины привычно копались в своих машинах. Было уютно и радостно!

Нежно шептались листочки липы и сквозь их шепот слышалось: «Хорошо-то как!»

А фонарь, как в былые времена, рассыпал вокруг свой чудесный свет. «Я вновь нужен людям!»

ЛЕСНАЯ ИСТОРИЯ

Сказка

В лесу, что за широким ячменным полем, среди столетних корней величественных деревьев жил маленький и добрый хомяк – Хома. Много было у него друзей. На самом верху раскидистой сосны, в уютном и теплом дупле, жила белочка Бэла. Недалеко в теплой норке жил шустрый зайчонок по имени Серенький, а в овражке расположился мудрый Еж Ежович.

С первыми лучами солнца белочка начинала свою привычную работу: собирала шишки, вылущивала из них орешки и складывала в дупло. Затем спускалась на землю за грибами и спешила обратно на дерево, чтобы нанизать урожай на веточки для просушки. Проснувшись, торопился в поле Хома собирать зернышки. А навстречу ему уже спешил ежик, неся на своей спинке душистые ягоды. Все были заняты своими делами, готовясь к холодной и продолжительной зиме, набивая свои кладовочки вкусными припасами. А вечером друзья собирались на небольшой полянке возле норки хомячка и весело проводили время. Белочка угощала друзей малиной, ежик приносил подсушенные ягоды земляники, а хомячок угощал вкусными ячменными зернышками. Каждый старался поделиться своими приключениями, и они дружно смеялись над проделками веселого зайчонка.

День за днем спокойно протекала их жизнь, а слава о той дружбе разнеслась по всему лесу. Дошла эта весть и до хитрой и коварной лисы:

– Вот будет мне хороший ужин, – решила Патрикеевна.

Целый день она носилась по лесу в поисках этой дружной компании. Измученная и злая, ни с чем вернулась к своей норе.

– Как же мне их найти? – подумала лиса.

Думала, думала да и придумала, недаром ее в лесу кличут плутовкой. На следующий день, к вечеру, собрала небольшой узелок и отправилась к сороке. Белобока весело трещала на высокой осине.

– Милая! – сладко промолвила лисонька. – Вчера я ходила в гости в соседний лес навестить свою больную тетюшку и повстречала зайчиху, родственницу нашего зайца. Она просила кланяться племяннику, да вот подарочек передала, а как найти его я не знаю. Голубушка, помоги мне. Ты ведь высоко летаешь и все, что делается в нашем лесу, знаешь. А о твоём уме легенды ходят!

Возгордилась глупая сорока и промолвила:

– Хорошо, помогу тебе. Беги за мной, приведу тебя к заветной полянке, там и подождешь Серенького.

А в это время, закончив свои дела, друзья спешили к хомячку. Весело напевая, скакал зайка. Белочка торопливо нанизывала последние грибочки, собранные за день. Не спеша брел ежик, размышляя о прожитом дне, а Хома готовился к приему гостей. Он очистил пенек от мусора, разложил аккуратно листики и насыпал на них вкусные зернышки. Лиса, притаившись в кустах, зорко наблюдала за происходящим. Первым появился зайка.

– Какой у меня замечательный ужин! – подумала лиса и от удовольствия причмокнула.

Почувствовав опасность, хомячок громко закричал:

– Зайка, берегись!

Серенький бросился удирать, но лиса, выскочив из своего укрытия, все-таки успела ухватить зайчика за ножку. Но вдруг маленький хомячок бросился на злодейку и вцепился в ее рыжий бок своими цепкими лапками. От неожиданности лиса выпустила зайчика и тут же взвыла от боли. Это в ее другой бок впились острые иголки ежика, а сверху на голову посыпались колючие шишки. Это Бэла метко швыряла их в лису. Перепуганная Патрикеевна бросилась наутек. А бедный зайка лежал на полянке и стонал.

– Нельзя зайчишку в лес отпускать, пусть поживет у меня, пока не поправится, – сказал Хома.

И стали они жить вместе. Мудрый Еж Ежович каждое утро приносил листочки подорожника и прикладывал к больной ножке зайки, а вечером он спешил угостить его ягодой и свежим яблочком, которое невесть откуда приносил. Белочка спускалась с дерева с орешками и рассказывала друзьям новости, услышанные от глупой сороки. От нее все узнали, что лиса покинула их лес, перебравшись в соседний, к тетушке. Но смелый маленький Хома продолжал сторожить дорогу им полянку от недобрых и непрошенных гостей.

Незаметно наступила зима. Посыпался снег и накрыл лес белым пушистым одеялом. Выздоровливал и наш зайка. Его серая шубка превратилась в белоснежную, а он стал похож на маленький сугроб. Друзья искренне радовались таким переменам. Каждый вечер они вновь собирались вместе в просторной норке гостеприимного хомячка и коротали холодную зиму за приятными разговорами.

Но однажды они заспорили о том, кто самый красивый в лесу. И вдруг зайка закричал:

– Конечно же, я самый красивый! Посмотрите, какая у меня шубка! Такой ни у кого нет! Меня сама зима любит и наряжает! Кто сравнится со мной!

Хома попытался что-то возразить, но слова застревали в горле, и он многозначительно хмыкал. Бэла расстроено покачивала головой, а Еж Ежович спокойно произнес:

– Красота должна быть не в одежде, а в уме!

Расстроенные друзья разошлись по домам. Хома все время вздыхал и долго ворочался в своей постельке. А зайчик все стоял у темного окна и о чем-то сосредоточено думал. Он вдруг осознал всю глупость своего поступка. «Как был прав мудрый Еж Ежович, что красота должна быть не внешняя, а внутренняя. Как же я мог обидеть своих друзей, ведь они, рискуя собой, спасли мне жизнь», – думал Серенький. А утром, обняв еще спящего хомячка, зайка помчался к друзьям, чтобы попросить у них прощения. Ведь всякая ссора красна перемирием, а дружба дороже всего на свете!

Владимир Гудков

(г. Тула)

Печатался в журналах «Природа и человек», «Приокские зори», «Ковчег», «Пегасик». Издал две книжки стихов для детей: «Тучка, слон и два жирафа», «Птичья азбука». Детские стихотворения в 2011 г. вошли в сборник «Лучшие стихи для малышей».

ДРУЖОК

У Димки с утра хорошее настроение: он с родителями на два выходных дня едет на дачу! Ему так надоело болтаться во дворе, что эта поездка станет для него спасением от серой скукоты. Он снова окунется в живой зеленый мир и будет купаться в пруду, пить вкусную родниковую воду, играть в футбол, а вечером у костра слушать интересные истории!

Вначале дорога идет лесом, где кроны старых лип почти закрывают солнце и в «жигуленке» даже в жару становится прохладно. Потом машина ныряет на проселок, и дорога теснится между стеной высокой ржи и общим забором дачников, в который цепко вплелись малина и слива.

Димке исполнилась десять лет, и отец разрешал ему на проселке водить машину. Вот и сейчас он ловко маневрировал, объезжая ухабы, почти не отрывая глаз от дороги, через которую иногда перебежали куры. Они с кудахтаньем выскакивали из ржи и резво бежали к забору, будто машина может навсегда отсечь им путь домой.

Вдруг на бурой дороге появилось что-то черное. Подъехали ближе – в дорожной пыли, свернувшись калачиком, лежал щенок. Нехотя повернув голову, он покосился на машину, показывая всем своим видом, что не собирается уходить.

Отец вышел из машины, присел рядом на корточки, осматривая малыша. Тот вильнул хвостом, поднял мордочку. Через черную шкуру щенка проступали ребра.

– Ты чего разлегся, дружок, жизнь собачья надоела? – спросил отец. «А если тебя угостить чем-нибудь вкусным, тогда встанешь?» – подумал он и направился к багажнику.

Щенок, будто все поняв, встал и поплелся следом. Он мгновенно проглотил еще теплую котлету и завизжал хвостом, пытаясь облизать пальцы своему благодетелю. Стелясь в благодарности, он путался в ногах – не дадут ли еще чего-нибудь?

– Ну, подкрепился? Теперь учишь сам добывать еду, не то тяжело тебе придется! – напутствовал отец, освобождаясь от навязчивого друга.

Легковушка тронулась, подняв пыль, и скрылась за поворотом, откуда была уже видна крыша их садового домика.

Димка помог перенести поклажу из багажника, и направился было к приятелям, как вдруг к ним на участок прибежал запыхавшийся Дружок.

– Па, посмотри, кто у нас?! – радостно воскликнул Димка, обращая внимания на то, что щенок пачкает ему пыльными лапами одежду.

Отец стал гладить собачку, похваливая:

– Да ты не Дружок, а настоящий дружище – бежал по такой жаре полкилометра! Молодец, молодец!

– Па, я пойду принесу ему еще котлету, – тихо, чтобы не услышала мама, сказал Димка.

Незаметно не получилось и досталось обоим:

– Я для кого старалась на кухне?! Чтобы вы кормили бродячих собак?! – укоряла их мать. – Ведь не хватит еды – сами же заскулите!

– Ма, да на такой жаре и есть-то не хочется, правда, а собачка голодная... – сказал Димка.

Его поддержал папа:

– Оленька, поверь, все, что ты готовишь очень вкусно, но в такое пекло лучше есть растительную пищу. Посмотри – в огороде сплошные витамины! Давай попробуем – два дня без мяса! И вообще я давно уже хотел попробовать – перейти на вегетарианскую пищу.

– Хочешь поиздеваться над организмом? Давай... может, протянешь ноги, как йог! – не сдавалась мама.

– А это как раз самое большее заблуждение людей! Научно доказано, что человек изначально был создан не мясоедом. И Гете, и Лев Толстой отмечали в себе прилив сил, ясность ума от немясной пищи! Еще древние знали, что мясо отравляет организм. Сколько бедных животных отправляется на бойню из-за нашей прихоти! – закончил он свою тираду.

– Пашка, если ты хотел испортить мне аппетит – ты этого добился! – с нотками обиды в голосе сказала мама. – Да мне так даже лучше: буду готовить мясное только для себя, и расходы сократятся! Прекрасно! – она развернулась и ушла на веранду.

Отец с сыном переглянулись – обидели маму... К их удивлению она вынесла очередную котлету:

– А это, Дружок, от меня!

Радости щенка не было предела. Он заигрывал со всеми, ложился навзничь – вытирайте об меня хоть ноги! Такой я любящий вас и бесконечно преданный!

Весь день Дружок шлялся с ребятами. Каждый приносил ему что-то поесть, и щенок был счастлив. Вечером, как обычно, ребята собрались у забора Димкиной дачи. Участок был крайним, и Димкин отец обустроил вдоль забора футбольную площадку с воротами – пусть пацаны резвятся! В этот раз получился необычный футбол. Пес мешал играть – отчаянно носился за мячом, пытаясь удержать его лапами и зубами, будто дорвался до любимой игры. Ребята, боясь придавить его, выделяли смешные выкрутасы, создавая порой кучу-малу! Все раскраснелись от игры и смеха.

Ночью Дружку отвели место на веранде, оставив открытой дверь, чтобы он мог сходить по нужде. Димке не спалось. Он прислушивался – как там щенок? Один раз Дружок выскочил наружу и лаял. Наверное, на ежа, которого Димка вытащил из ямы, пробуренной под столбы нового забора. Еж всю ночь пытался выбраться оттуда: глиняные стенки сплошь были в следах его когтей. Он обессилел, продрог и лежал на дне без движения. Димка отогрел его и напоил теплым молоком, а на ночь у порога стал оставлять ему остатки еды. Сейчас он очень хотел, чтобы родители привыкли к собачке и взяли ее жить в квартиру. Он мечтал, что будет обучать пса трюкам и, если получится, работать с ним в цирке. С тем и уснул.

На второй день щенок полностью освоился, брехал на прохожих. Солнце раскаленным диском коснулось края Земли – выходные дни закончились. Димка завел разговор о собачке, но мама не разрешила – в квартире тесновато и без нее, а бабушка не переносит шерсти животных. Решили соорудить пока для щенка будку из ящика, постелив туда старую одежду. В будние дни его подкормит бабушка, потому что по выходным дням она подрабатывала к пенсии дежурствами в больнице.

На следующий день пес встретил незнакомку лаем, но быстро смекнул, что это хозяйка, и умолк. Прошлой ночью он залез в парник, порвав пленку, а утром облаял соседку, которая уже подошла жаловаться:

– Если вы завели собаку, то привязывайте ее! Она того гляди – набросится, невозможно работать!

– Да кто ее заводил-то? – отразила бабушка. – Покормили – она и осталась.

– Почему-то она ваш огород охраняет, а не мой! – не унималась соседка.

– Ну, не знаю... Собакам, наверное, виднее, кого охранять.

– Вы ее прикормили – вы и следите, чтобы собака не шлялась по чужим огородам! – выпалила та и скрылась в домике.

Пес чуял, что хозяйка сердится из-за него. Он сопровождал ее по саду, повилявая хвостиком. Та обнаружила дыру в парнике, примятые огурцы. Щенок забылся и принялся за свое – заигрывать и вращаться у ее ног. Его лапа попала хозяйке под ногу, и пронзительный визг резанул по ее уже взвинченным нервам. Она схватила палку и выдворила пса за ворота. Сдавило сердце – присела на лавочку перевести дух. Когда отлегло, стало жаль щенка. Она вышла, за околицу на дорогу, но там уже никого не было.

Димка долго искал Дружка по дачным проездам, но тщетно. Он почти смирился с мыслью, что малыш ушел искать счастья в другие края. Может быть, он опять лежит на пыльной дороге и ждет, что кто-нибудь заберет его к себе.

Димка дошел до глубокого оврага, перешел по дощатому настилу ручей. На пригорке начиналось село. Он пошел вдоль единственной улице и в одном из дворов увидел своего щенка.

– Дружок, Дружок! – радостно крикнул он, протягивая руку через штакетник.

Тот подбежал, повизгивая, лизнул руку, в восторге встав на задние лапы. Вышел хозяин – крепкий, средних лет, в полосатой майке и бежевых шортах. Он поднял прутик и, слегка ударив пса, назидательно сказал:

– Чужой!

– Не бейте его – он еще маленький, – заступился Димка, – и никакой я не "чужой"! – и он рассказал незнакомцу, как они нашли и приютили щенка.

Мужчина степенно, не перебивая, выслушал его и, отворив калитку, с дружеской улыбкой протянул руку:

– Проходи! Давай знакомиться: меня зовут Роман, а тебя... Дима – вот и отлично! – и Роман в свою очередь поведал Димке свою историю:

– Обычно глубокой осенью, с наступлением холодов, к нам в село заходят собачки, кошки, брошенные дачниками. Летом, значит, наиграются с ними, а в квартиру – нельзя: обгадят ковры, разобьют хрустальную вазу, или порвут обои! ...А мой-то припшелся весной: худощавый, ветром шатало! Я и забрал его к себе. Назвал – Бек, защитник, значит. Я ведь футболистом был... Вот и говорю ему – был ты блуждающим форвардом, станешь защитником, будешь охранять дом!

Димка улыбнулся.

– А что он из дома ушел, так это вот как было. Я на "КамАЗе" колесил, значит, – и он задумался, глядя куда-то вдаль. – А знаешь, какая огромная наша страна и красивая: смотришь – не налюбуйешься! Так вот, я в рейсе – заболела теща. Живет одна – жена с сыном срочно поехали к ней. Впопыхах забыли о собаке. Так Бек и ушел на поиски еды. Спасибо, люди добрые покормили, – сказал Роман, а Димка засмутился от похвалы.

– Он и в футбол от нас с сыном приучился играть! Вот такая, брат, история, – улыбнулся хозяин, поглаживая собаку.

– Ты приходи в любое время, не стесняйся! А для цирка пойдем вместе выбирать щенка – у меня опыт есть! Представь: сидят в корзине четыре-пять щенков, только глаза прорезались, а у каждого уже свой характер. Выберу тебе самого шустрого, боевого – у меня глаз верный!

Так закончились Димкины мытарства. С легким сердцем он возвращался на дачу: Дружок жив и здоров, в хороших руках, а впереди, уже совсем близко, его заветная мечта!

МОРКОВКА

Я на даче поутру
Сочную морковку тру.
Кролик пробегает мимо,
Чует – рядом витамины!
Угощаю кролика,
Надеваю ролики:
На коньках вращаюсь ловко –
Ай, да сладкая морковка!

Здесь будет крепость снежная –
Катаю ком прилежно я:
У стен растут бойницы –
Проходит здесь граница!

Противник где-то рядом,
И снежные снаряды
Готовит к штурму он.
Я строю бастион!

СВЕРЧОК

Жил за печкою сверчок.
Вдруг к нему упал стручок:
Как горошек сладок – смак!
А стручок – почти гамак!
Вот подвесил наш сверчок
К паутине гамачок:
Днем качается, хохочет,
Ночью, как всегда, стрекочет!

Людмила Пенькова (г. Тула)

ВОЛШЕБНИК МОЖЕТ ВСЕ

Мой дорогой очаровательный друг! Я хочу поговорить с тобой о милосердии. Это очень важный разговор, потому что без милосердия была бы невозможна счастливая жизнь на Земле. Милосердие: красивое, благозвучное слово, ты согласен со мной, мой неповторимый друг? Оно образовано слиянием двух слов: милое и сердце. Милосердие обозначает готовность человека оказать помощь тем, кто нуждается в ней, а так же проявить чуткость, отзывчивость, заботу о тех, кто испытывает по той или иной причине затруднительное жизненное положение, тем самым смягчить своим вниманием и участием тяжесть переживаний другого человека. Милосердие – это отклик на чужие проблемы, оказание поддержки в трудную для кого-то минуту. Милосердие совершается в силу чувства человеколюбия, то есть того, к чему в первую очередь должен стремиться каждый человек: любить других людей, стараться относиться ко всем, с кем общаешься, с уважением, пониманием и добротой. Мой дорогой добрый и отзывчивый друг, если ты внимательно посмотришь вокруг, то обязательно увидишь, что вся природа милосердна и изобильна в своем милосердии.

Солнышко нам дарит светлые праздничные яркие дни, согревая своим теплом. Этого тепла хватает на всех людей планеты, а нас миллионы.

Деревья в жаркую, знойную погоду любезно предоставляют нам прохладные полянки под своей кроной.

Птицы нас приглашают на концерт, чтобы своими звонкими песнями поднять нам настроение.

Вода, утоляя жажду, избавляет нас от неприятного тягостного чувства. И вообще, как тебе известно, вода питает все живое на Земле. Наше тело в большей степени состоит из воды, особенно у детей.

Грибной дождик помогает расти грибам, которые радуют и тех, кто их любит собирать и тех, кто любит ими полакомиться.

Ягоды, фрукты наливаются ароматным полезным соком для того, чтобы мы с тобой были здоровы.

И так во всем. Можно привести бесчисленное множество примеров о том, как животные проявляли милосердие по отношению к человеку.

Я тебе расскажу одну историю. Это произошло летом. Моя мама ушла в лес за грибами. Она не боялась заблудиться в лесу, потому что хорошо умела находить дорогу по солнцу. Но случилось то, чего мама никак не ожидала: погода стала резко меняться, надвигалась гроза, тучи быстро скрыли солнце, а без него найти дорогу домой не представлялось возможным. Мама не знала что делать, в такой ситуации ей никогда раньше не приходилось находиться. В лесу было темно и страшно. А тем временем мой папа, возвратившись со службы (он был офицером), прочитал записку, в которой мама написала, что ушла за грибами, и мгновенно сообразил, как помочь ей. Он знал: в какой лес любила ходить мама, и отправился туда с четвероногим преданным другом, любимцем нашей семьи – Ружаном. Ружан – статный умный сильный смелый пес породы «Овчарка». Кличку свою он получил в честь названия маленького, но очень красивого городка Ружаны, где он родился. В лесу папа попросил собаку найти мою маму. И что ты думаешь, мой дорогой друг? Конечно, Ружан нашел свою хозяйку и благополучно вывел ее из леса. Мама была счастлива, больше в лес без собаки она не ходила.

Наполненное любовью, добротой сердце, то есть сердце, знающее, что такое милосердие, никогда не сможет быть безразличным и равнодушным по отношению к другим.

Мой прекрасный, добросердечный друг, я с удовольствием познакомлю тебя еще с одной симпатичной и нескучной историей, главными героями которой являются моя дочь Юля, попугай Ясик и кот Семен.

Ясик – очень забавный попугай. «Живет, как кум королю». Он свободно летает по квартире и от этой свободы находится всегда в хорошем настроении. Ему хочется петь и делает он это голосом канарейки очень трогательно и весело. Ясик взял себе в друзья кота Семена, проживающего по тому же адресу, что и сам Ясик. Их дружба крепкая и интересная. Однажды, когда моя дочь Юля, сидя за столом, вышивала бисером картину, Ясик, желая сообщить нечто важное, подлетел к ней, покружил над ее головой и улетел в сторону окна на кухне. Юля сначала не поняла в чем дело и не прореагировала на попугая так, как он этого хотел. Ясик продолжал летать по маршруту «Кухня – Юля и обратно». Когда моя дочь сообразила, что он не просто летает, встала, подошла к кухонному окну и увидела симпатичную кошачью мордочку Семена, который явно хотел попасть в дом. Ясик – его отличный преданный друг как раз об этом и пытался сказать Юле. Ему было совсем безразлично то обстоятельство, что кот Семен мокнет под дождем, да в придачу к тому, возможно, голодный. Попугай проявил заботу о своем друге.

Как, ты считаешь, мой чудесный добрый и внимательный друг, попугай Ясик поступил милосердно? Конечно же, да! А, если птицы и живот-

ные знают, что такое милосердие, то человек, обладая сознанием, разумом, должен быть обязательно милосердным ко всему живому в окружающем его мире. Ты со мной согласен, мой прекрасный друг! Молодец!

Мой дорогой друг! С чем или кем, по твоему мнению, можно сравнить сердце, в котором живет милосердие?

На мой взгляд, оно похоже на мою маму, на лучших друзей, на мерцающий маячок, не дающий кораблям сбиться с намеченного курса. Милосердие напоминает путеводную звезду, а так же лампочку, свет которой рассеивает темноту, и все краски дня восстанавливаются для наших глаз. Оно представляется мне аленьким цветочком, способным исцелить своей красотой.

Сердце, в котором живет милосердие, не может быть ледяным, черствым и злым, черным, глухим и каменным.

Оно: щедрое и любящее, доброе и чуткое, отзывчивое, лучезарное, ласковое, а еще: нежное и заботливое, доброжелательное и внимательное, сострадательное, красивое, солнечное, милое и золотое.

Такое сердце сияет самой мощной и созидательной из всех энергий нашей Вселенной – энергией любви, любви к людям, к окружающему тебя миру, к тебе самому, как к чудесной частичке нашей любимой, удивительной и прекрасной Вселенной.

Человек, в сердце которого живет милосердие, не может быть несчастным, потому что умение дарить людям радость – это и есть счастье!

Дорогой друг! Я пишу эти строки для тебя в славном городе-герое Тула. А в то же самое время: в феврале 2014года в другом прекрасном российском городе Сочи проходит событие планетарного масштаба – XXII зимние Олимпийские игры. Лучшие спортсмены 85 стран мира принимают в ней участие. Согласись, мой чудесный друг, это грандиозно! Спортсмен – мужественный человек, умеющий идти к намеченной цели, упрямо преодолевая трудности на своем пути. Победа просто так не дается! На пьедестал победителя поднимаются самые достойные в спортивных состязаниях. Российские спортсмены доказали, что они могут быть на вершине успеха! Молодцы!!! Мы гордимся ими!

Мой несравненный друг! Ты уже знаешь, что человек приходит на планету Земля, чтобы быть счастливым, а значит успешным. Успеха может достичь любой человек, но для этого надо знать из чего успех складывается. Первое – это твоя красивая и яркая цель, двигаться к которой необходимо постоянно и настойчиво. На пути продвижения к своему желанию нужно помнить, что успех сопутствует тому, кто не теряет веру в свои силы и способности. А еще очень важно знать, что в неудачах есть свой плюс: они делают человека сильнее, а потому помогают ему подниматься по лестнице исполнения задуманного к вер-

пине сияющего успеха. Кто смел, добр, не ищет легкой удачи, любит трудиться, тот обязательно будет успешным.

Все знают, что наша жизнь – движение. Цветок растет и движется к солнцу, к красоте своего цветения. Ребенок растет и тоже движется к красоте своего цветения: быть творческим, воспитанным, добрым, отзывчивым, умным, успешным, то есть красивым душой и телом человеком. Триумфальное восхождение на пьедестал успеха начинается с чего? Как ты думаешь, мой дорогой и целеустремленный друг? Правильно! И с зарядки тоже! Все великое в жизни начинается с маленького. Не забывай об этом, и успех будет рядом с тобой всегда!

Мой дорогой нежный и улыбчивый друг! Прямо сейчас посмотри на себя в зеркало! Скажи мне честно, каким ты увидел свое лицо! Оно похоже на солнышко или на тучку? Если твои глаза лучатся, брови парят над ними, как две красивые свободные птицы, носик кокетливо вздернут, подбородок ему подражает, а губы улыбаются или уже готовы к улыбке, это значит: в твоём внутреннем мире светит солнышко, то есть настроение у тебя радостное, ты доволен. Если же все ровно наоборот: твои брови сдвинуты к переносице или спешат прижаться к ней, глаза грустные, нос и подбородок смотрят вниз, а губы, как будто поссорились с улыбкой, это значит: солнышко в тебе не может пробиться сквозь твоё недовольство кем-то или чем-то. В силу этого, ты и похож на тучку. Но, мой добрый друг! Тучку можно заменить радугой. Стоит тебе только улыбнуться, как все начнет очень быстро меняться. Когда ты чувствуешь, что твоё внутреннее солнышко начинает прятаться, подходи к зеркалу и улыбайся себе. Улыбнувшись себе, ты улыбнешься всей нашей прекрасной Вселенной! А, знаешь, почему так происходит? Потому, что человек – частичка Вселенной! Когда на лице цветет улыбка, в коре больших полушарий головного мозга вырабатываются специальные вещества, которые поднимают человеку настроение, приносят ощущение радости нашему организму, защищают от болезней, привлекают удачу! В известной детской песенке поется: «От улыбки стало всем теплей – и слону, и даже маленькой улитке». Замечательные слова! Это – правда, улыбка может согреть любого, очень нужна, важна и полезна! Помни об этом!

Ты уже, конечно, догадался, что внутреннее солнышко человека – это его жизнерадостное настроение. А внутренний мир человека: его мысли, эмоции, чувства. Наш внутренний мир украшают такие лучшие человеческие качества, как: доброта, отзывчивость, уважительность, щедрость, честность. И, конечно же, жизнелюбие, вера в жизнь, в собственные силы, целеустремленность. В каждом из нас хороших качеств больше, чем плохих. Надо только хотеть их видеть в других и в себе, конечно.

Мой симпатичный друг! Твоя улыбка украсит эту страничку! Нарисуй ее!.. Молодец! У тебя очаровательная улыбка! Я восхищаюсь!

УХОДИЛО СОЛНЦЕ СПАТЬ

Уходило солнце спать,
Расплетало косы.
Вышла звездочка гулять,
Пить с цветочков росы.
На ночь песенку пропел
Светлячок брусничке,
А к Маринке сон присел
Прямо на реснички.

ПЛЯШУТ ШОКОЛАДКИ

Зайчик солнечный летал,
Радостью делился,
А когда совсем устал,
В листике укрылся.
И под песенку берез
Сон увидел сладкий,
Где в краю хрустальных грез
Пляшут шоколадки.

ЛУЖА И КАПИТАН

Лужа! Мы с тобой друзья!
Лужи любят дети!
Без тебя, поверь, нельзя
Жить на белом свете!
Дождик пел, для всех
старался,
Радуга – подковкой...
А я лужей наслаждался
С лучшим другом Вовкой.
Если ты крутой пацан,
И тебе три года,
В луже ты, как капитан
Корабля «Свобода»!

Я, КАК ИСТИННЫЙ МУЖЧИНА

Листик, падая с рябины,
Загрустил не понарошку.
Я, как истинный мужчина,
Предложил ему ладошку.
Он прижался мокрой щечкой
И укрылся от дождя.
Солнца луч блестящей строчкой
Нас подсвечивал шутя.

ЗАЧЕМ ДОЖДИНКЕ ПАРАШЮТ

Зачем дождинке парашют
И крылья быстрой птицы, –
Она на ветре в пять минут
До станции домчится.
Захочет, сядет на цветок,
На ягодку рябинки,
А может влиться в ручеек
Иль стать в траве росинкой.

ЛУЧИК

Лучик сел мне на ладошку
И сказал: «Приветик, Шурка!»
И прижался, словно кошка
Мягкой, рыжей шкуркой.
Позже прыгнул мне на челку,
Наклонился близко к ушку
И пропел романс про пчелку,
То ль романс, а то ль частушку:
Улыбается роса
Радостному лету.
Есть у пчелки полоса
Солнечного цвета.

Валентина Пинаевская
(г. Тула)

ВМЕСТЕ ВЕСЕЛЕЙ
Сказка для самых маленьких

(Из цикла "Таисенькины сказки")

Купила мама Мишутке новые игрушки. Забыв сказать маме "спасибо", Мишутка поспешил на детскую площадку. Выложил из пакета красное ведерочко, синюю лопаточку, разноцветные формочки для песка и стал "печь" куличики.

К нему обратился Ежик:

– Дай, пожалуйста, ведерочко. Поиграю немного и отдам.

– Не трогай! Оно нужно мне!

– Но ведь ты им сейчас не играешь, – продолжал Ежик.

– Как это не играю?! – грубо ответил Мишутка и подвинул ведерочко поближе к себе.

– Жадина, – обиженно просопел Ежик и отвернулся от Мишутки.

Немного погодя к Мишутке подошел Бельчонок.

– Можно взять лопаточку на одну минутку?

– Нечего попрошайничать! – последовал ответ.

– А давай поменяемся! – предложил Котенок Мишутке, – я тебе дам машинку поиграть, а ты мне грабельки?

– Вот еще! – запыхтел Мишутка.

– Ребята! Пойдем играть в футбол! – позвал Тигренок, – я новый мяч принес! Смотрите, какой красивый!

Все подбежали к Тигренку и стали гонять мяч по площадке.

Мишутка остался один. Вскоре ему стало скучно, и он с завистью наблюдал за ребятами, позабыв про свои игрушки.

Вдруг мячик, отскочив от перекладины ворот, прилетел в песочницу, где сидел готовый расплакаться Мишутка.

– Возьмите меня в команду. Пожалуйста... – нерешительно сказал Мишутка подбежавшему за мячом Тигренку.

С замиранием сердца ждал он ответа, ведь понял, что всех обидел грубостью и жадностью.

– Возьмем?– спросил у друзей Тигренок.

– Конечно! Иди к нам, Мишутка!

Вприпрыжку побежал он к ребятам.

Когда все устали носиться за мячом, то решили передохнуть и вернуться к песочнице.

– Берите мои игрушки! Пожалуйста! Так здорово играть всем вместе! – сказал Мишутка друзьям.

С той поры его никто не называл жадиной.

И еще Мишутка научился говорить маме "спасибо".

МАЛИНОВОЕ УШКО И МАЛИНОВАЯ ЛАПКА

(Из цикла "Таисенькины сказки")

Эту историю услышала я на Дальнем Востоке, в Уссурийском крае от старого потомственного охотника Владимира Фирсовича, а ему много лет назад рассказал его дедушка, тоже потомственный охотник. Итак, слушайте.

В одной деревне в давние времена жила маленькая девочка по имени Павла. Когда Павла осталась круглой сиротой, то ее приютила одинокая добрая женщина, крестная девочки. Павла ласково называла крестную "моя Божатка". Домик у них был небольшой, но очень уютный, а горница – просто загляденье. На стенах висели вышивки, на столе красовалась ажурная скатерть, на окнах кружевные занавески, на деревянном полу – яркие самотканые половики. Вы угадали: крестная Павлы была известная на всю округу мастерица. Хозяйство у них было скромным: лошадь, корова, три козочки и несколько курочек. Жили не богато, но и не бедствовали. Божатка очень полюбила сиротку, учила ее грамоте и рукоделию. Да и как было не любить девочку? Послушная, смышленная, трудолюбивая! Быстро научилась прясть, вязать, вышивать и даже на ткацком станке соткала небольшой прикроватный половичок. Но особенно пришлось по душе Павле вышивание гладью. Каждую свободную минуту она садилась у окна с очередной работой. Любила девочка вышивать зверушек, птичек, бабочек. Крестная очень радовалась тому, что таким образом Павла изучала родной край и училась любить и ценить окружающий мир.

Однажды Павла увидела на картинке тигров, которые водятся в уссурийской тайге, и пришла в восторг от того, какие это красивые и сильные животные. Маленькая мастерица решила вышить тигрицу с двумя тигрятами и, подобрав нитки, села за кропотливую работу. Тигрица получалась величественная, а тигрята такие забавные, что девочка, вышивая, невольно улыбалась.

В один из дней, собрав готовые работы – шали, салфетки, скатерти, подзоры, – крестная Павлы уехала в город на ярмарку, оставив дома хозяйничать крестницу. Управившись с домашними делами, маленькая хозяйка села у окна, чтобы продолжить вышивать тигров. Осталось совсем немного до завершения работы, как Павла обнаружила, к своему огорчению, что рыжие нитки закончились.

Вдруг один тигренок ожил и заговорил человеческим голосом:

– Павла, помоги мне и моей сестренке, пожалуйста!

Девочка от страха сидела ни жива, ни мертва.

– Нашу маму убили злые люди, – продолжал тигренок, – Они и нас пытались застрелить, но мы спрятались в ложбинке, уползли и затаились. У меня прострелено ушко, а у сестры лапка.

Тигренок умоляюще смотрел на Павлу. Потрясенная девочка долго молчала, а когда пришла в себя, спросила:

– Чем я могу помочь?

– Заштопай мне ушко и сестре лапку!

– Я бы с радостью! Только рыжие нитки закончились, остались только малиновые...

Губы у девочки задрожали и глаза наполнились слезами.

– Это не беда, – поспешил ее успокоить тигренок, – пусть будут малиновые!

Павла трясущимися руками вставила нитку в иголку и осторожно принялась за дело. Девочка видела, как больно было тигренку, и как мужественно он переносил страдания. Вскоре ушко было заштопано. Тигренок потряс головой и сказал:

– Теперь твой черед, сестра!

Маленькая тигрица терпеливо переносила боль, только изредка по мордочке скатывалась слеза. Павла плакала вместе с ней, но продолжала накладывать стежок за стежком. Когда помощь была оказана, все облегченно вздохнули и тигрята наперебой стали благодарить девочку:

– Спасибо тебе, Павла! Мы знаем, что у тебя тоже нет мамы. За твою доброту и кротость мы выполним любую твою просьбу. Что ты желаешь?

Павла недолго думала:

– Прошу вас простить тех злодеев и не мстить людям из-за того, что погубили вашу маму и вас ранили. На свете много и хороших людей.

Тигрята согласно закивали головами.

– А можно я назову вас Малиновое Ушко и Малиновая Лапка?

– Когда тебе нужна будет наша помощь, ты нас такими именами и позови, – с улыбкой ответили зверята. Затем запрыгнули на канву и замерли на вышивке рядом с матерью.

Готовую работу Павла бережно повесила над своей кроваткой, и каждый день любовалась тигрицей с тигрятами, у одного было малиновое ушко, у другой малиновая лапка.

Прошло время и осенью Павла пошла в школу вместе с деревенскими ребятами. Школа была в четырех верстах в соседнем селе. Однажды зимой детишки возвращались из школы, прошли лесом, вышли на поле. И вдруг один мальчик, обернувшись назад, закричал:

– Волки!

Дети сильно испугались, ведь в этих местах были известны случаи нападения волков на людей.

– Быстро к копне сена! – скомандовали старшие.

Дети бросились бежать. Помогая друг другу, вскарабкались на верх копны и, дрожа от страха, смотрели на быстро приближающуюся волчью стаю. Волки, стуча зубами, окружили копну, и один из них стал забираться наверх. Дети закричали, запричитали.

Павла вспомнила про обещание тигров о помощи.

– Малиновое Ушко и Малиновая Лапка! Помогите! – громко позвала испуганная девочка.

И тотчас из леса выбежали два тигра, быстро приблизились к копне и стали грозно рычать, прогоняя волков. Стая окружила тигров и попыталась на них напасть. Но тигры ловко раскидали волков в разные стороны, и стае пришлось отступить. Немного помедлив, волки, поджав хвосты, пустилась наутек.

Дети с изумлением смотрели на сильных, грациозных животных. Несмотря на страх, все заметили, что у одного тигра было малиновое ухо, а у другого малиновая лапа. Павла с радостью любовалась своими

друзьями, какими они стали большими и красивыми. Девочка первой скатилась кубарем с копны.

– Ты куда?!– загалдели ребята, боясь за Павлу.

– Не бойтесь! Тигры не тронут, они прибежали нас защитить! – прокричала девочка и подошла к животным.

Долго никто из детей не осмелился последовать примеру Павлы. Когда тигры отошли подальше от копны, детишки, осмелев, один за другим спустились на землю и, что есть силы, побежали в деревню, крича:

– Волки!.. Тигры!..

Никто не увидел, как Павла плакала от счастья, ласково обнимая своих друзей, и благодарила их за спасение. Тигры проводили девочку до самой деревни. На околице собрались встревоженные деревенские жители, кто с кольями, кто с вилами. Все с потрясением смотрели, как приближалась Павла в сопровождении двух больших тигров.

Об этом случае вскоре узнала вся округа, и больше не было браконьерства в тайге. Волки перестали нападать на людей и домашний скот. Изредка в кедровнике охотники видели двух тигров, они всегда появлялись вместе. Их так и называли: Малиновое Ушко и Малиновая Лапка. Эти встречи приносили охотничью удачу, и охотники возвращались домой с богатой добычей.

В одном из краеведческих музеев в зале флоры и фауны вам обязательно покажут бережно хранимые экспонаты – замечательные вышивки. На них искусно вышитые цветы, деревья, животные, птицы, рыбы, бабочки – богатство Уссурийского края. Среди этих экспонатов особенно выделяется уже знакомая нам вышивка: тигрица и два тигренка. Все эти работы, как вы уже догадались, подарены музею еще в 19-м веке прославленной мастерицей Павлой Петровной.

Вот какую удивительную историю рассказал мне старый охотник. Если вы будете на Дальнем Востоке, то обязательно поклонитесь от меня этому потрясающему краю, богатому природой, и, главное, талантливыми и добрыми людьми, и персональный поклон потомственному охотнику Владимиру Фирсовичу. Договорились?

**Валентина
Белевская**
(г. Тула)

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

– Привет, удачного желаю дня!
А помнишь, как ты звал меня голубкой?
Сейчас... хотя бы выслушай меня,
Пожалуйста, прошу,
не вешай трубку.
Я посетила, наконец, врача.
Беременна. Четвертый месяц,
милый...
На том конце, предательски рыча,
Бил по стене он с бешеною
силой...
– Сочувствия? Да, я такой.
Стервец!
Вот только непонятно, в чем
проблема.
Дам денег: избавляйся! И – конец!
Мне не звонить. Сказал, закрыта
тема.
– Врач говорит, что поздно, что
уже...
– Тогда забудь мой номер, коль не
хочешь!
Крутись сама на этом «вираже»!
Зачем ты мне-то голову
морочишь?..
...Под дождь и снег,
и колокольный звон
В утробе развивается ребенок,

И ножками толкает маму он,
Посасывая кулачок спросонок...
Прошло полгода в горькой маете.
– Привет, малыш, я – Ангел твой
Хранитель,
Как поживаешь там ты, в животе,
И не тесна ли теплая обитель?
– Живу я хорошо. Но, вот, понять
Хотел бы, отчего же мама плачет?
А ты меня собрался охранять?
Но от кого? Обидел кто-то,
значит?
– Нет, нет! Я просто буду
навещать
Тебя всегда в тяжелую минуту.
А взрослые... любители
сгущать...
И Ангел вдруг задумался
как будто.
– Я слышал слово от нее «семья».
Поэтому она всегда тоскует?
Скажи ей, Ангел, у нее есть я!
Я очень ведь люблю ее! Таковую!
Постой, а с мамой ты моей
знаком?
Мне интересно знать, она какая?
– Ну, как сказать? В понятии
мирском –
Красивая и очень молодая...
Прошло еще три месяца. –
Ты где,
Мой Ангел?
– Я с тобой, конечно, рядом.
– Мне кажется, что мамочка –
в нужде,
И пьет вино. Зачем ей это надо?
– Да не волнуйся, рано тебе знать
Про это все, сиди ты там до срока.

Здесь холодно, здесь надо
пеленать,
Кормить тебя. Для мамы ведь –
морока.
... Сынок родился, наконец.
Легко.
Боялся очень сделать больно
маме.
Но в ту же ночь, совсем недалеко
Оставила она сыночка. В яме.
– Мой Ангел, я замерз, зачем
я тут?
– А ты кричи, и мама отзовется,
А то снега тебя здесь заметут.
Ну! Громче, громче!
Мамочка вернется...
Звенел мороз, и спал спокойно
мир,
Утихли голоса и разговоры,
И лишь в одной из городских
квартир
Светились окна, колыхались
шторы.
– Родная, ну, уйми ты эту дрожь,
Не плачь, ну, что поделаешь –
бесплодна,
Ночь на дворе, куда же ты идешь,
Постой... мы вместе... как тебе
угодно...
– Я что-то чувствую... идем, идем,
Пожалуйста, быстрее, мой
хороший.
Пусть – ночь, но мне не надо,
милый, днем...
Пускай – мороз, и белая пороша...
Муж торопился. Выбранный
маршрут
Жены смущал. А как же быть

иначе?
– Меня как будто за руку ведут,
Ты слышишь, там малыш,
похоже, плачет?
– Мерещится тебе! О, нет,
постой...
Тут Ангел малышу – Кричи
сильнее!..
Настал конец истории простой...
Малыш с упреком к Ангелу
Позднее:
– Я плакал, вся промокла
простыня,
Замерз я и голодный в мире
самый,
А ты, мой Ангел, бросил здесь
меня...
– Так я вернулся! Вместе с новой
мамой...
...В платок укутав и, едва дыша,
Внесли ребенка в скромную
обитель...
Господь им дал в награду
малыша!
За ними Ангел семенил
Хранитель...
А мама, та, что сына родила,
Несет свой крест и кается,
страдая.
Все оттого, что глупая была,
Красивая и очень молодая...

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мне сегодня – ровно год,
Значит, уже взрослый.
У меня полно забот,

Столько же вопросов.
Что-то вам ведь я сказать
Должен, между прочим,
Мой девиз «Хочу все знать!
Очень-очень-очень!»
Почему мычит корова,
Почему мяучит кот,
Голодны иль нездоровы,
Или все наоборот,
И куда ручей бежит,
Как хотел бы знать я,
Где какая вещь лежит,
Что за кнопка в платье?
Если папа отвернется,
Иль меня не видно,
Почему-то чашка бьется,
Как же мне обидно!
Восторгаясь, я «рычу»,
Все вокруг так ново.
Я стараюсь, я хочу
Вымолвить хоть слово.
«Помогаю» маме я,
Не могу иначе.
Только после вся семья
Почему-то плачет.
А всего-то милой маме
Только я и помогу
Вещи поменять местами.
И – ни слова! Ни гу-гу!
Оторвал, сломал, разбил,
Уронил, размазал...

Что в квартире натворил?
Все, где смог, излазал.
«Винтик» быстро отвинтил,
Ну, и что ж такого?
Телевизор «починил»,
Не сказав ни слова!
Я пока не полиглот,
Кто-нибудь заметил?
Я слова, наоборот,
Не пущу на ветер!
Зря улыбок не дарю,
Не живу напрасно,
Ходунки, вам говорю,
Что вожу я классно!
По секрету вам скажу,
Что там за секреты?
До сих пор с ГАИ дружу,
Только за конфеты!
Не роняю в речку мячик,
Не учусь по букварю,
И игрушки я не прячу –
Все сестренке подарю.
Только книжки вот порвал
И измял тетрадки.
Весь портфель изрисовал
Я в углу украдкой.
Я еще, наверно, мал,
Вы меня простите,
Не сердитесь, что «достал»,
Просто... потерпите.
Лишнего не говорил,
С уважением – Даниил.

**Екатерина
Каюрова**
(г. Тула)

Из серии

«Там, где бабушка живет»

ЦЫПЛЯТА

Курочка-рябушка, в пятнышках
перышки,
Малых цыплятушек вывела
в гнездышке.
Все, как комочки, пушисты,
пригожи,
А друг на дружку совсем
не похожи.
Желтый цыпленочек –
как одуванчик,
Черный – как тучка, а белый
– как зайчик.
Пестренький, тот, что клюет всех
в макушку,
Правда, похож на задиру
Андрюшку?

МУШКА, МУШКА...

– Мушка, мушка, где у тебя
ушко?
Ты сама себя послушай,
Прожужжала мне все уши...
Отмахнулась муха: «Жу!
Я секретов не держу,
А где ушко – не скажу-жу-жу»...

ДОЖДИК ПОЛОСАТЫЙ

По дорожкам и по саду
Прыгал дождик полосатый.
Распрощался с мамой-тучкой,
В дверь стучался мокрой ручкой.
Я услышал, и – наружу,
Мы зашлепали по лужам,
Босиком с дождем бежали,
И от радости визжали!
Мы народ весь распугали,
Огороды поливали.
Дождь помыл кусты и грядки,
А мои измазал пятки.
Дождик я ловил по саду
Вместе с ним на грядки падал,
Стал я грязно-полосат –
Это дождик виноват!

ХОДЯТ МЫШИ В ТЕМНОТЕ

За окошком темнота,
Только в доме нет кота,
Он пошел гулять по крыше,
А в доме резвятся мыши!
Под полом у них нора,
Там сидят они с утра,
Знает каждая в норе –
Дремлет котик на ковре.
Коль поймает мышку кот,
Хвостик лапой ей прижмет...
Мышки для кота всегда –
Наилучшая еда.
Ходят мыши в темноте,
Помнят мыши о коте...

СЛАДКАЯ КАШКА

Мы сегодня вечерком
Ели кашу с молоком.
Сладкой кашки дал я кошке
Из своей покушать ложки.

Муська ложку облизала,
«Мяу-сибо», – мне сказала.
И за что, не знаю прямо,
Наказала меня мама?

ЛАСКОВАЯ ПЕСЕНКА

Пела ласково бабуля:
"Спи, мой внучек, люли-люли,
Спи, мой ясный солнца лучик,
Ты на свете самый лучший.
Спи, мой ненаглядный мальчик,
Мой кудрявый одуванчик...".
Много песенок пропелось,
Спать ребенку не хотелось,
Стал он тихо подпевать,
Стала бабушка дремать.
Пел ей мальчик маленький:
"Баю, баю, баиньки,
Баю, баю, баюшку..."
Укачал он бабушку.

**Владимир
Пашутин**
(г. Тула)

ТУЛЬСКИЙ ЛЕВША

На реке Упе, в низине,
как в большой грибной корзине,
Очень много лет назад
был построен Тула-град.
Славил Русь он мастерами
Посудите только сами:
Мастерские там и тут,
Там – паяют самовары, тут –
оружие куют.
По Заречью, не спеша,
часто хаживал Левша.
Каждый знает с малых лет
как чинил он пистолет
иностранной, редкой марки.
Починил и сделал спец
в точь такой же образец.
И с Блохой был труд не легкий:
выпив квасу три ковша
И, связав Блоху веревкой,
подковал ее Левша!
И пошла о нем легенда
через годы и века,
От прадедов к нашим дедам,
словно быстрая река.
Ну а мы, его потомки,
славим Тулу песней звонкой!

Сергей Резвяков

(г. Тула)

ЗАГАДКИ

Муравейник – это куча
Без окон и без дверей.
В нем живет всем вам известный
Работяга... (муравей).

Кто, показывая рожки,
Дом несет свой по дорожке,
Там, где в сад ведет калитка?
В доме том живет ... (улитка).

Раздается звонкий стук –
Кто-то долбит старый сук.
Так стучать ему не лень,
Долбит, долбит целый день.
Все, что мог, расконопатил
С длинным носом пестрый... (дятел).

Назовем ее плутовка –
Всех обманывает ловко,
Напроказит и потом
Заметает след хвостом,
Рыжий хвост ее краса –
Очень хитрая ... (лиса).

Заросло травой болото,
Звонко квакает там кто-то.
А раздвинешь камыши –
Прыг – и нету ни души.
Кто же квакал тут сейчас,
А потом сбежал от нас,
Что же это за квакушка? –
Пучеглазая ... (лягушка).

Вот в лесу кукует кто-то,
Будто нет другой заботы,
Чем сидеть и куковать.
Вот, послушайте, опять
На березе, где опушка,
Целый день кричит... (кукушка).

Уколешься! Его не трожь,
Он весь в иголках, это – (еж).

Когда ночью крепко спишь,
Кто скребет под полом?... (мышь).

Кто у норки стережет
И поймает мышку? ... (кот).

Кот – плутишка, забияка;
Кто сильнее кота? –... (собака).

Знают взрослые и дети –
Он опасней всех на свете,
В поросятах знает толк –
Злой и страшный ... (серый
волк).

Кто там по лесу идет?
Тот, кто очень любит мед;
Может грозно зареветь
Косолапый зверь ... (медведь).

Высоко в дупле живет
И орешки все грызет,
Прыгнет быстро, словно стрелка,
Хвост пушистый, это – ... (белка).

ПЕЅНИ

ВЛАДИМИР ПАШУТИН

ЯКОВ ШАФРАН

ДОБРОТА - МОЯ ЗАЩИТА

А без таких людей мир давно бы рухнул.

стихи Якова ШАФРАНА

музыка Владимира ПАШУТИНА

Темп средний, с душевным волнением.

1. Я не спе-шно и - ду - че - рез
Dm Am G7 C C G7

2. смех, о - све - ща - я путь све - тлой у - лы - бкой. О - би -
C A7 Dm

3. жать, и о - би - де - тья грех. За - бы - ва - ю - и де - ла юсь
G D7

4. зы - бким, за - бы - ва - ю и де - ла - юсь зы - бким.
G7 B E7 Am Ritm...

Яков ШАФРАН

(г. Тула)

ДОБРОТА – МОЯ ЗАЩИТА

Я неспешно иду через смех,
Освещая путь светлой улыбкой.
Обижать, и обидеться – грех.
Забываю – и делаюсь зыбким.

Я неспешно иду через лед.
Тают, тают на сердце снежинки.
Обособишься – прерван полет,
Растворишься – по ветру песчинки.

Я неспешно иду через мрак.
Слово, чувство, молитва со мною.
Скажут: «Господи, что за дурак? –
Защищается лишь добротою!»

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ МУЗЕЙ

Впечатления от первого посещения.

слова и музыка Владимира ПАШУТИНА

Довольно скоро, жизнерадостно

В G7 Cm F7 B I. Нет! Ни-ю-
да, нам не за-бьт э-тих дней! Бу-дем мы по-мвть о-
F7 B Ес В Ес
тны не все гда Ясно-по-ля-нский му-зй зсй. Фув
B Cm F7 Фув
Б-ли мы там где ко-гда-то Толстой, по-лон со-мне-ний и грёз, G7
B D7 Ес
о-чень Ве-ли-кий и о-чень про-стой, ти-ю бро-дил средь бе-рёз.
Cm F7 B В

Владимир ПАШУТИН

(г. Тула)

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ МУЗЕЙ

1. Нет, никогда нам не забыть этих дней,
Будем мы помнить отныне всегда
Яснополянский музей.
Были мы там, где когда-то Толстой,
Полон сомнений и грез,
Очень Великий и очень простой
Тихо бродил среди берез.
2. Да, этот край знают народы всех стран,
Солнышко наше гори и сияй,
Лейся в людской караван.
Здесь говорят на любых языках
И на наречьях любых
В неповторимых толстовских местах,
С детства для нас дорогих.
3. Он для людей палочку счастья искал,
С радостью светлой поздней открывал
Школу крестьянских детей.
Помнится людям и дуб бедняков,
Старый, могучий, седой,
Здесь на поляне из прошлых веков
Тянется дуб молодой.
4. Здесь паренек долго о школе мечтал,
Имя простое свое Филиппок
Он в первый раз написал.
Если глаза мы закроем на миг –
Сказкою станет музей.
Кажется нам, что герои из книг
Бродят с Толстым вдоль аллеи.

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

Святейший Патриарх КИРИЛЛ. Слово на открытии XVIII Всемирного русского народного собора.....	5
---	---

ПОЭЗИЯ

Виктор ПАХОМОВ (г. Тула).....	14
Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула).....	15
Тамара БУЛЕВИЧ (г. Красноярск).....	19
Марк ДУБИНСКИЙ (г. Тула).....	20
Виктория ТКАЧ (г. Тула).....	21
Ваня АНГЕЛОВА (г. Велико Тырново, Болгария).....	23
Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ (г. Москва).....	25
Вадимир ТРУСОВ (г. Мончегорск Мурманской обл.).....	28
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула).....	30
Семен КРАСНОВ (г. Тольятти Самарской обл.).....	32
Анна БАРСОВА (г. Екатеринбург).....	33
Елизавета БАРАНОВА (г. Тула).....	34
Иннокентий МЕДВЕДЕВ (г. Братск Иркутской обл.).....	37
Ольга ВАСИЛЕНКО-КРАСНИ (г. Санкт-Петербург).....	40
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	41
Игорь МЕЛЬНИКОВ (г. Тула).....	44
Любовь САМОЙЛЕНКО (г. Донской Тульской обл.).....	45
Галина ЛЯЛИНА (г. Донской Тульской обл.).....	47
Татьяна ШЕЛЕПИНА (г. Алексин Тульской обл.).....	49
Сергей ЛЕБЕДЕВ (г. Тольятти Самарской обл.).....	50
Валерий ДЕМИДОВ (г. Тула).....	52
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	56
Семен ГОНСАЛЕС (г. Самара).....	58
Виктор ИВАНОВ (г. Тула).....	61
Наталия СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской обл.).....	63
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	64
Игорь БОРОНИН (г. Тула).....	66
Светлана ЛЮКШИНА (г. Тула).....	68
Сергей РЕЗВЯКОВ (г. Тула).....	70
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	71

Сергей НИКУЛОВ (г. Тула).....	73
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	75
Владимир ПАШУТИН (г. Тула).....	76
Екатерина КАЮРОВА (г. Тула).....	77
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	79
Валентина БЕЛЕВСКАЯ (г. Тула).....	80
Ольга ЕВСЮКОВА (г. Тула).....	83
Кира КРУПСКАЯ (г. Серпухов Московской обл.).....	85
Сергей РЕДКОВ (г. Тула).....	85
Ольга ОСЕНСКАЯ (г. Тула).....	87
Кирилл ПРУДКИЙ (г. Тула).....	88
Валентина КАРПОВА (г. Тула).....	89
Владилена СТАНИСЛАВСКАЯ (ФУРАЕВА) (г. Серпухов Московской обл.).....	91
Элина ИВАНОВА (г. Тула).....	92
Валентина ДИНЕСЮК (г. Алексин Тульской обл.).....	93
Александр КАРПОВ (г. Тула).....	94
Станислав ВОРОНЦОВ (г. Серпухов Московской области).....	95

ПРОЗА

Ирина КЕДРОВА (г. Москва).....	98
Елена СЕМЕНОВА (г. Москва).....	112
Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской обл.).....	120
Сергей КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула).....	130
Геннадий МАРКИН (г. Щекино Тульской обл.).....	133
Александр КОБЗЕВ (г. Горно-Алтайск).....	137
Евгений СКОБЛОВ (г. Москва).....	141
Елена ГАДЕНОВА (г. Тула).....	150
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула).....	157
Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Тула).....	161
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	165
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	166
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	168
Наталья СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской области).....	175
Татьяна РОГОЖИНА (г. Тула).....	177
Ольга ОСЕНСКАЯ (г. Тула).....	182
Владилена СТАНИСЛАВСКАЯ (г. Серпухов Московской области).....	184

ПУБЛИЦИСТИКА

Марина БАЛАНЮК (г. Тула).....	187
-------------------------------	-----

Ирина НИКОЛЬСКАЯ (г. Алексин Тульской области).....	197
Валерий МАСЛОВ (г. Тула).....	201
Рагим МУСАЕВ (г. Тула).....	210
Галина КЛИНКОВА (Волгоградская обл.).....	213
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	222

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Нина ГЕЙДЭ (Дания).....	239
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула).....	254
Андрей МОЖАЕВ (г. Москва).....	262
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	274

ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Ольга АНДРЕЕВА (г. Тула).....	282
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	289
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	292
Владимир ГУДКОВ (г. Тула).....	296
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	301
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	306
Валентина БЕЛЕВСКАЯ (г. Тула).....	311
Екатерина КАЮРОВА (г. Тула).....	314
Владимир ПАШУТИН (г. Тула).....	315
Сергей РЕЗВЯКОВ (г. Тула).....	316

ПЕСНИ

Владимир ПАШУТИН (музыка), Яков ШАФРАН (слова)	
«Доброта — моя защита».....	320
Владимир ПАШУТИН (музыка и слова)	
«Яснополянский музей».....	322

**УЧРЕДИТЕЛЬ
АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:**

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО–ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:**

ЯКОВ ШАФРАН – главный редактор и составитель
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА – зав. отделом
публицистики и литературоведения
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ – зав. отделом поэзии
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН – зав. отделом прозы
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
АЛЕКСЕЙ ЯШИН

18 +

*В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для людей старше
18 лет.*

В МАКЕТЕ ОБЛОЖКИ ОБРАЗЦОМ ЯВИЛОСЬ
ФОТО АВТОРА ИРСЕН:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ВЫПУСК 5

Произведения, опубликованные в альманахе,
даны в авторской редакции

Редакторы: Л.Д. Алтунина, В.Г. Демидов,
С.О. Крестьянкин, Я.Н. Шафран
Корректоры: Л.Д. Алтунина, В.Г. Демидов,
С.О. Крестьянкин, Я.Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка, изготовление
оригинал-макета и оформление: Я.Н. Шафран
Составление: Я.Н. Шафран

Издатель — ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»
300040, Тула, ул. Калинина, д. 26, кор. 2, оф. 210
e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8-953-443-14-69

Подписано в печать 18.08.2015 г.
Формат 60x84/16. Усл.-печ. л. 18.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 145 экз. Заказ №.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Папирус»
300041, Тула, ул. Ленина, 12
Тел.: (4872) 38-40-09